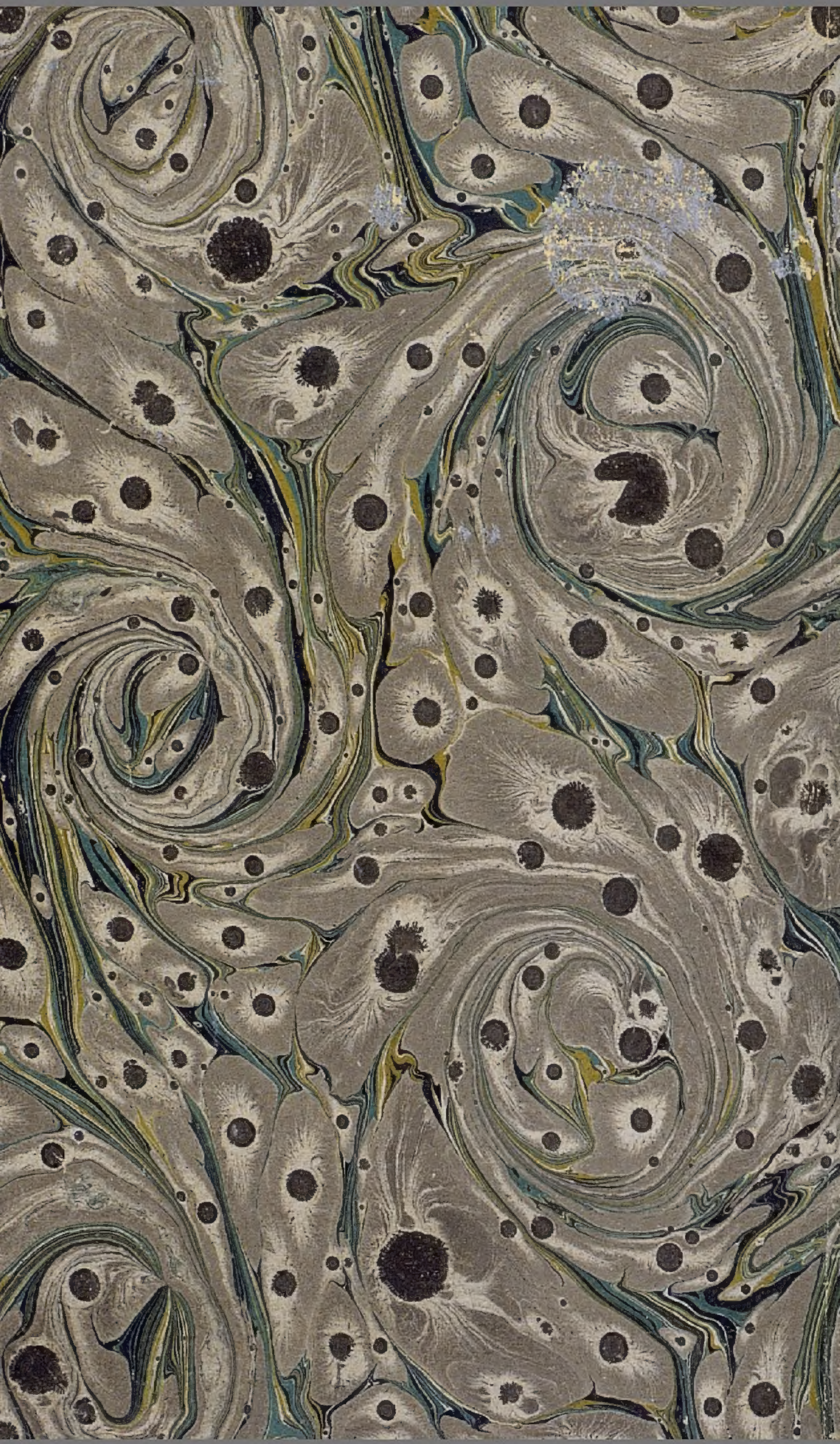


20.84.2.1(3

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ТУРГЕНЕВЪ

Томъ III.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ТОМЪ III.

Четвертое изданіе.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28.

—

1897.

Собственность Глазунова.

ОТДѢЛЪ II.

РОМАНЫ

ВЪ ТРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА:

	стр.
ДЫМЪ —Романъ въ XXVIII главахъ	1
ДВОРЯНСКОЕ ГНѢЗДО.—Романъ въ XLV главахъ, съ эпилогомъ	205

ДЫМЪ

РОМАНЪ ВЪ XXVIII ГЛАВАХЪ.

[НАПИСАНО ВЪ 1867 ГОДУ].

I.

10-го августа 1862 года, въ четыре часа пополудни, въ Баденъ-Баденѣ, передъ извѣстною „Conversation“ толпилось множество народа. Погода стояла прелестная; все кругомъ—зеленыя деревья, свѣтлые дома уютнаго города, волнистыя горы—все празднично, полною чашей раскинулось подъ лучами благосклоннаго солнца; все улыбалось какъ-то слѣпо, довѣрчиво и мило, и та же неопредѣленная, но хорошая улыбка бродила на человѣчьихъ лицахъ, старыхъ и молодыхъ, безобразныхъ и красивыхъ. Самыя даже насурмленныя, набѣленныя фигуры парижскихъ лоретокъ не нарушали общаго впечатлѣнія яснаго довольства и ликованія, а пестрыя ленты, перья, золотыя и стальныя искры на шляпкахъ и вуаляхъ невольно напоминали взору оживленный блескъ и легкую игру весеннихъ цвѣтовъ и радужныхъ крылъ: одна лишь повсюду разсыпавшаяся, сухая, гортанная трескотня французскаго жаргона не могла ни замѣнить птичьяго щебетанья, ни сравниться съ нимъ.

А впрочемъ все шло своимъ порядкомъ. Оркестръ въ павильонѣ игралъ то попури изъ *Травіаты*, то вальсъ Штрауса, то *Скажите ей*, россійскій романсъ, положенный на инструменты услужливымъ капельмейстеромъ; въ игорныхъ

залахъ, вокругъ зеленыхъ столовъ, тѣснились тѣ же всѣмъ знакомыя фигуры, съ тѣмъ же тупымъ и жаднымъ, не то изумленнымъ, не то озлобленнымъ, въ сущности хищнымъ выраженіемъ, которое придаетъ каждымъ, даже самымъ аристократическимъ чертамъ картежная лихорадка; тотъ же тучноватый и чрезвычайно щегольски одѣтый помѣщикъ изъ Тамбова, съ тою же непостижимою, судорожною поспѣшностью, выпуча глаза, ложась грудью на столъ и не обращая вниманія на холодныя усмѣшки самихъ „крупіэ", въ самое мгновенье возгласа: „rien ne va plus!" разсыпалъ вспотѣвшею рукою по всѣмъ четвероугольникамъ рулетки золотые кружки луидоровъ, и тѣмъ самымъ лишалъ себя всякой возможности что-нибудь выиграть, даже въ случаѣ удачи: что̀ нисколько не мѣшало ему, въ тотъ же вечеръ, съ сочувственнымъ негодованіемъ поддакивать князю Коко̀, одному изъ извѣстныхъ предводителей дворянской оппозиціи, тому князю Коко́, который въ Парижѣ, въ салонѣ принцессы Матильды, въ присутствіи императора, такъ хорошо сказалъ: „Madame, le principe de la propriété est profondement ébranle en Russie". Къ русскому дереву—à l'Arbre russe—обычнымъ порядкомъ собирались наши любезные соотечественники и соотечественницы; подходили они пышно, небрежно, модно, привѣтствовали другъ друга величественно, изящно развязно, какъ оно и слѣдуетъ существамъ, находящимся на самой высшей вершинѣ современнаго образованія: но, сойдясь и усѣвшись рѣшительно не знали, что сказать другъ другу, и пробавлялись либо дрянненькимъ переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, либо затасканными, крайне нахальными и крайне плоскими выходками давнымъ давно выдохшагося французскаго эксъ-литератора, въ жидовскихъ башмаченкахъ на мизерныхъ ножкахъ и съ презрѣнною бородкой на паскудной мордочкѣ, шута и болтуна. Онъ имъ вралъ, à ces princes russes, всякую прѣсную дребедень изъ старыхъ альманаховъ *Шаривари* и *Тентамарра*, а они, ces princes

russes, заливались благодарнымъ смѣхомъ, какъ бы невольно сознавая и подавляющее превосходство чужестраннаго умника и собственную окончательную неспособность придумать что-нибудь забавное. А между тѣмъ тутъ была почти вся „fine fleur“ нашего общества, „вся знать и моды образцы“. Тутъ былъ графъ X., нашъ несравненный дилеттантъ, глубокая музыкальная натура, который такъ божественно „сказываетъ“ романсы, а въ сущности двухъ нотъ разобрать не можетъ, не тыкая вкось и вкривь указательнымъ пальцемъ по клавишамъ, и поетъ не то какъ плохой цыганъ, не то какъ парижскій кокоферъ; тутъ былъ и нашъ восхитительный баронъ Z., этотъ мастеръ на всѣ руки: и литераторъ, и администраторъ, и ораторъ, и шулеръ; тутъ былъ и князь N., другъ религіи и народа, составившій себѣ во время оно, въ блаженную эпоху откупа, громадное состояніе продажей сивухи, подмѣшанной дурманомъ; и блестящій генералъ O. O., который что-то покорилъ, кого-то усмирилъ, и вотъ однако не знаетъ куда дѣться и чѣмъ себя зарекомендовать; и P. P., забавный толстякъ, который считаетъ себя очень больнымъ и очень умнымъ человѣкомъ, а здоровъ какъ быкъ и глупъ какъ пень... Тотъ же P. P. почти одинъ въ наше время еще сохранилъ преданія львовъ сороковыхъ годовъ, эпохи *Героя нашего времени* и графини Воротынской. Онъ сохранилъ и походку въ раскачку на каблукахъ, и „le culte de la pose“ (по-русски этого даже и сказать нельзя), и неестественную медлительность движеній, и сонную величественность выраженія на неподвижномъ, словно обиженномъ лицѣ, и привычку, зѣвая, перебивать чужую рѣчь, тщательно разсматривать собственные пальцы и ногти, смѣяться въ носъ, внезапно передвигать шляпу съ затылка на брови и т. д. и т. д. Тутъ были даже государственные люди, дипломаты, тузы съ европейскими именами, мужи совѣта и разума, воображающіе, что золотая булла издана папой, и что англійскій „poor-tax“ есть налогъ на

бѣдныхъ; тутъ были наконецъ и рьяные, но застѣнчивые поклонники камелій, свѣтскіе молодые львы съ превосходнѣйшими проборами на затылкахъ, съ прекрасными висячими бакенбардами, одѣтые въ настоящіе лондонскіе костюмы, молодые львы, которымъ, казалось, ничего не мѣшало быть такими же пошляками, какъ и пресловутый французскій говорунъ; но нѣтъ! не въ ходу, знать, у насъ роднее,—и графиня Ш., извѣстная законодательница модъ и гранъ-жанра, прозванная злыми языками „Царицей Ось“ и „Медузою въ чепцѣ“, предпочитала, въ отсутствіи говоруна, обращаться къ тутъ же вертѣвшимся итальянцамъ, молдаванцамъ, американскимъ „спиритамъ“, бойкимъ секретарямъ иностранныхъ посольствъ, нѣмчикамъ съ женоподобною, но уже осторожною физіономіей и т. п. Подражая примѣру графини, и княгиня Babette, та самая, у которой на рукахъ умеръ Шопенъ (въ Европѣ считаютъ около тысячи дамъ, на рукахъ которыхъ онъ испустилъ духъ), и княгиня Annette, которая всѣмъ бы взяла, еслибы по временамъ, внезапно, какъ запахъ капусты среди тончайшей амбры, не проскакивала въ ней простая деревенская прачка; и княгиня Pachette, съ которою случилось такое несчастіе: мужъ ея попалъ на видное мѣсто и вдругъ, Dieu sait pourquoi, прибилъ градского голову и укралъ 20,000 р. с. казенныхъ денегъ; и смѣшливая княжна Зизи и слезливая княжна Зозо: всѣ онѣ оставляли въ сторонѣ своихъ земляковъ, немилостиво обходились съ ними... Оставимъ же и мы ихъ въ сторонѣ, этихъ прелестныхъ дамъ, и отойдемъ отъ знаменитаго дерева, около котораго онѣ сидятъ въ такихъ дорогихъ, но нѣсколько безвкусныхъ туалетахъ, и пошли имъ Господь облегченія отъ грызущей ихъ скуки!

II.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ „русскаго“ дерева, за маленькимъ столомъ передъ кофейной Вебера, сидѣлъ краси-

вый мужчина лѣтъ подъ тридцать, средняго роста, сухощавый и смуглый, съ мужественнымъ и пріятнымъ лицомъ. Нагнувшись впередъ и опираясь обѣими руками на палку, онъ сидѣлъ спокойно и просто, какъ человѣкъ, которому и въ голову не можетъ придти, чтобы кто-нибудь его замѣтилъ или занялся имъ. Его каріе, съ желтизной, большіе выразительные глаза медленно посматривали кругомъ, то слегка щурившись отъ солнца, то вдругъ упорно провожая какую-нибудь мимо проходившую, эксцентрическую фигуру, причемъ быстрая, почти дѣтская усмѣшка чуть-чуть трогала его тонкіе усы, губы и выдающійся крутой подбородокъ. Одѣтъ онъ былъ въ просторное пальто нѣмецкаго покроя, и сѣрая мягкая шляпа закрывала до половины его высокій лобъ. На первый взглядъ онъ производилъ впечатлѣніе честнаго и дѣльнаго, нѣсколько самоувѣреннаго малаго, какихъ довольно много бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Онъ, казалось, отдыхалъ отъ продолжительныхъ трудовъ, и тѣмъ простодушнѣе забавлялся разстилавшеюся передъ нимъ картиной, что мысли его были далеко, да и вращались онѣ, эти мысли, въ мірѣ, вовсе не похожемъ на то, что его окружало въ этотъ мигъ. Онъ былъ русскій; звали его Григоріемъ Михайловичемъ Литвиновымъ.

Намъ нужно съ нимъ познакомиться, и потому приходится разсказать въ коротких словахъ его прошедшее весьма незатѣйливое и несложное.

Сынъ отставного служаки-чиновника изъ купеческаго рода, онъ воспитывался не въ городѣ, какъ слѣдовало ожидать, а въ деревнѣ. Мать его была дворянка, изъ институтокъ, очень доброе и очень восторженное существо, не безъ характера однако. Будучи двадцатью годами моложе своего мужа, она его перевоспитала, насколько могла, перетащила его изъ чиновничьей колеи въ помѣщичью, укротила и смягчила его дюжій, терпкій нравъ. Но ея милости онъ сталъ и одѣваться опрятно, и держаться прилично, и бра-

ниться бросилъ; сталъ уважать ученыхъ и ученость, хотя, конечно, ни одной книги въ руки не бралъ,—и всячески старался не уронить себя: даже ходить сталъ тише и говорилъ разслабленнымъ голосомъ, все больше о предметахъ возвышенныхъ, что̀ ему сто́ило трудовъ немалыхъ. „Эхъ! взять бы, да выпоролъ!" думалъ онъ иногда про себя, а вслухъ произносилъ: „да, да, это... конечно; это вопросъ". Домъ свой мать Литвинова также поставила на европейскую ногу: слугамъ говорила: „вы", и никому не позволяла за обѣдомъ наѣдаться до сопѣнія. Что̀ же касается до имѣнія ей принадлежавшаго, то ни она сама, ни мужъ ея ничего съ нимъ сдѣлать не съумѣли: оно было давно запущено, но многоземельно, съ разными угодьями, лѣсами и озеромъ, на которомъ когда-то стояла большая фабрика, заведенная ревностнымъ, но безалабернымъ барономъ, процвѣтавшая въ рукахъ плута купца и окончательно погибшая подъ управленіемъ честнаго антрепренера изъ нѣмцевъ. Госпожа Литвинова уже тѣмъ была довольна, что не разстроила своего состоянія и не надѣлала долговъ. Къ несчастью, здоровьемъ она похвалиться не могла и скончалась отъ чахотки въ самый годъ поступленія ея сына въ московскій университетъ. Онъ не окончилъ курса, по обстоятельствамъ (читатель узнаетъ о нихъ впослѣдствіи), и угодилъ въ провинцію, гдѣ потолокся нѣсколько времени безъ дѣла, безъ связей, почти безъ знакомыхъ. Но милости нерасположенныхъ къ нему дворянъ его уѣзда, проникнутыхъ не столько западною теоріей о вредѣ „абсентеизма", сколько домороще́нным убѣжденіемъ, что „своя рубашка къ тѣлу ближе", онъ въ 1855 году попалъ въ ополченіе и чуть не умеръ отъ тифа въ Крыму, гдѣ, не видавъ ни одного „союзника", простоялъ шесть мѣсяцевъ въ землянкѣ на берегу Гнилого моря; потомъ послужилъ по выборамъ, конечно не безъ непріятностей, и, поживъ въ деревнѣ, пристрастился къ хозяйству. Онъ понималъ, что имѣніе его матери, плохо и вяло управ-

ляемое его одряхлѣвшимъ отцомъ, не давало и десятой доли тѣхъ доходовъ, которые могло бы давать, и что въ опытныхъ и знающихъ рукахъ оно превратилось бы въ золотое дно; но онъ также понималъ, что именно опыта и знанія ему недоставало — и онъ отправился заграницу учиться агрономіи и технологіи, учиться съ азбуки. Четыре года слишкомъ провелъ онъ въ Мекленбургѣ, въ Силезіи, въ Карлсруэ, ѣздилъ въ Бельгію, въ Англію, трудился добросовѣстно, пріобрѣлъ познанія: не легко они ему давались: но онъ выдержалъ искусъ до конца, и вотъ теперь, увѣренный въ самомъ себѣ, въ своей будущности, въ пользѣ, которую онъ принесетъ своимъ землякамъ, пожалуй даже всему краю, онъ собирается возвратиться на родину, куда съ отчаянными заклинаніями и мольбами въ каждомъ письмѣ звалъ его отецъ, совершенно сбитый съ толку эмансипаціей, развертываемъ угодій, выкупными сдѣлками, новыми порядками, одномъ словомъ... Но зачѣмъ же онъ въ Баденѣ?

А затѣмъ онъ въ Баденѣ, что онъ со дня на день ожидаетъ пріѣзда туда своей троюродной сестры и невѣсты — Татьяны Петровны Шестовой. Онъ зналъ ее чуть не съ дѣтства и провелъ съ ней весну и лѣто въ Дрезденѣ, гдѣ она поселилась съ своей теткой. Онъ искренно любилъ, онъ глубоко уважалъ свою молодую родственницу, и, окончивъ свою темную, приготовительную работу, собираясь вступить на новое поприще, начать дѣятельную, не коронную службу, предложилъ ей, какъ любимой женщинѣ, какъ товарищу и другу, соединить свою жизнь съ его жизнью — на радость и на горе, на трудъ и на отдыхъ, „for better for worse“, какъ говорятъ англичане. Она согласилась, и онъ отправился въ Карлсруэ, гдѣ у него оставались книги, вещи, бумаги .. Но почему же онъ въ Баденѣ, спросите вы опять?

А потому онъ въ Баденѣ, что тетка Татьяны, ее воспитавшая, Капитолина Марковна Шестова, старая дѣвица 55

лѣть, добродушнѣйшая и честнѣйшая чудачка, свободная душа, вся горящая огнемъ самопожертвованія и самоотверженія, esprit fort (она Штрауса читала, — правда, тихонько отъ племянницы) и демократка, заклятая противница больного свѣта и аристократіи, не могла устоять противъ соблазна хотя разочекъ взглянуть на самый этотъ больной свѣтъ въ такомъ модномъ свѣтѣ, каковъ Баденъ... Каниголина Марковна ходила безъ кринолина и стригла въ кружокъ свои бѣлые волосы, но роскошь и блескъ тайно волновали ее, и весело и сладко было ей бранить и презирать ихъ... Какъ же было не потѣшить добрую старушку?

Но оттого-то Литвиновъ такъ спокоенъ и простъ, оттого онъ такъ самоувѣренно глядитъ кругомъ, что жизнь его отчетливо ясно лежитъ предъ нимъ, что судьба его опредѣлилась, и что онъ гордится этою судьбой, и радуется ей, какъ дѣлу рукъ своихъ.

III.

— Ба! ба! ба! вотъ онъ гдѣ! — раздался вдругъ надъ самымъ его ухомъ писклявый голосъ, и отекшая рука потрепала его по плечу. Онъ поднялъ голову — и увидѣлъ одного изъ своихъ немногочисленныхъ московскихъ знакомыхъ, нѣкоего Бамбаева, человѣка хорошаго, изъ числа пустѣйшихъ, уже немолодого, съ мягкими, словно разваренными щеками и носомъ, взъерошенными жиденькими волосами и дряблымъ тучнымъ тѣломъ. Вѣчно безъ гроша и вѣчно отъ чего-нибудь въ восторгѣ. Ростиславъ Бамбаевъ шлялся съ кнутомъ, но безъ цѣли, по лицу нашей многосносной матушки земли.

— Вотъ что называется встрѣча! — повторилъ онъ, расширяя заплывшіе глазки и выдвигая пухлыя губки, надъ которыми странно и неумѣстно торчали крашеные усы. — Ай да Баденъ! Всѣ сюда какъ тараканы лѣзутъ. Какъ ты сюда попалъ!

Бамбаевъ „тыкалъ“ рѣшительно всѣхъ на свѣтѣ.

— Я четвертаго дня сюда пріѣхалъ.

— Откуда?

— Да на что тебѣ знать?

— Какъ на что! Да постой, постой, тебѣ, можетъ быть, неизвѣстно, кто еще сюда пріѣхалъ! Губаревъ! Самъ, своей особой! Вотъ кто здѣсь! Вчера изъ Гейдельберга прикатилъ. Ты, конечно, съ нимъ знакомъ?

— Я слышалъ о немъ.

— Только-то? Помилуй! Сейчасъ, сію минуту мы тебя къ нему потащимъ. Этакого человѣка не знать! Да вотъ кстати и Ворошиловъ... Постой, ты, пожалуй, и съ нимъ незнакомъ? Честь имѣю васъ другъ другу представить. Оба ученые! Это даже фениксъ. Поцѣлуйтесь!

И сказавъ эти слова, Бамбаевъ обратился къ стоявшему возлѣ него красивому молодому человѣку съ свѣжимъ и розовымъ, но уже серьезнымъ лицомъ. Литвиновъ приподнялся и, разумѣется, не поцѣловался, а обмѣнялся коротенькимъ поклономъ съ „фениксомъ“, которому, судя по строгости осанки, не слишкомъ понравилось это неожиданное представленіе.

— Я сказалъ: фениксъ, и не отступаю отъ своего слова, —продолжалъ Бамбаевъ:—ступай въ Петербургъ, въ —ій корпусъ, и посмотри на золотую доску: чье тамъ имя стоитъ первымъ? Ворошилова, Семена Яковлевича! Но Губаревъ, Губаревъ, братцы мои!! Вотъ къ кому бѣжать, бѣжать надо! Я рѣшительно благоговѣю передъ этимъ человѣкомъ! Да не я одинъ, всѣ сподряду благоговѣютъ. Какое онъ теперь сочиненіе пишетъ о... о... о!..

— О чемъ это сочиненіе? — спросилъ Литвиновъ.

— Обо всемъ, братецъ ты мой, въ родѣ, знаешь, Бёкля... только поглубже, поглубже... Все тамъ будетъ разрѣшено и приведено въ ясность.

— А ты самъ читалъ это сочиненіе?

— Нѣтъ, не читалъ, и это даже тайна, которую не слѣдуетъ разглашать; но отъ Губарева всего можно ожидать, всего! Да! — Бамбаевъ вздохнулъ и сложилъ руки. — Что еслибы еще такія двѣ, три головы завелись у насъ на Руси, ну что бы это было, Господи Боже мой! Скажу тебѣ одно, Григорій Михайловичъ: чѣмъ бы ты ни занимался въ это послѣднее время,—а я и не знаю, чѣмъ ты вообще занимаешься,—какія бы ни были твои убѣжденія, —я ихъ тоже не знаю,—но у него, у Губарева, ты найдешь, чему поучиться. Къ несчастію, онъ здѣсь ненадолго. Надо воспользоваться, надо идти. Къ нему, къ нему!

Проходившій франтикъ съ рыжими кудрями и голубою лентою на низкой шляпѣ обернулся и съ язвительною усмѣшкой посмотрѣлъ сквозь стекляшко на Бамбаева. Литвинову досадно стало.

— Что ты кричишь? — промолвилъ онъ: — словно гончую на слѣдъ накликаешь! Я еще не обѣдалъ.

— Что жъ такое! Можно сейчасъ у Вебера... вдроемъ... Отлично! У тебя есть деньги заплатить за меня? — прибавилъ онъ вполголоса.

— Есть-то есть: только я, право, не знаю...

— Перестань, пожалуйста; ты меня благодарить будешь, и онъ радъ будетъ. Ахъ, Боже мой!—перебилъ самого себя Бамбаевъ. — Это они финалъ изъ Эрнани играютъ. Что за прелесть!... A son... то Carlo... Экой, однако, я! Сейчасъ въ слезы. Ну, Семенъ Яковлевичъ! Воронилоевъ! Немъ что-ли?

Воронилоевъ, который все еще продолжалъ стоять неподвижно и строино, сохраняя прежнее, нѣсколько горделивое достоинство осанки, знаменательно опустилъ глаза, нахмурился и промычалъ что-то сквозь зубы... но не отказался: а Литвиновъ подумалъ: „Что-же! продѣлаемъ и это, благо время есть". Бамбаевъ взялъ его подъ руку, но прежде чѣмъ направился въ кофейную, кивнулъ пальцемъ Шабелеѣ, из-

вѣстной цвѣточницѣ Жокей-Клуба: ему вздумалось взять у нея букетъ. Но аристократическая цвѣточница не пошевельнулась; да и съ какой стати было ей подходить къ господину безъ перчатокъ, въ заначканной плисовой куртѣ, нестромъ галстухѣ и стоптанныхъ сапогахъ, котораго она и въ Парижѣ-то никогда не видала? Тогда Воронилов, въ свою очередь, кивнулъ ей пальцемъ. Къ нему она подошла, и онъ, выбравъ въ ея коробкѣ крошечный букетъ фіалокъ, бросилъ ей гульденъ. Онъ думалъ удивить ее своею щедростью; но она даже бровью не повела, и когда онъ отъ нея отвернулся, презрительно скорчила свои стиснутыя губы. Одѣтъ Воронилов былъ очень щегольски, даже изысканно, но опытный глазъ парижанки тотчасъ подмѣтилъ въ его туалетѣ, въ его турнюрѣ, въ самой его походкѣ, носившей слѣды раповременной военной выправки, отсутствіе настоящаго, чистокровнаго „шику“.

Усѣвшись у Вебера въ главной залѣ и заказавъ обѣдъ, знакомцы наши вступили въ разговоръ. Бамбаевъ громко и съ жаромъ потолковалъ о высокомъ значеніи Губарева, но скоро умолкъ, и шумно вздыхая и жуя, хлопалъ стаканъ за стаканомъ. Воронилов пилъ и ѣлъ мало, словно нехотя, и, разспросивъ Литвинова о родѣ его занятій, принялся высказывать собственныя мнѣнія... не столько объ этихъ занятіяхъ, сколько вообще о различныхъ „вопросахъ“... Онъ вдругъ оживился и такъ и помчался, какъ добрый конь, тихо и рѣзко отчеканивая каждый слогъ, каждую букву, какъ молодецъ-кадетъ на выпускномъ экзаменѣ, и сильно, но не вылъ размахивая руками. Съ каждымъ мгновеніемъ онъ становился все рѣчистѣй, все бойчѣй, благо никто его не прерывалъ: онъ словно читалъ диссертацію или лекцію. Имена новѣйшихъ ученыхъ, съ прибавленіемъ года рожденія или смерти каждаго изъ нихъ, заглавія только что вышедшихъ брошюръ, вообще имена, имена, имена — дружно посыпались съ его языка, доставляя ему самому высокое наслажде-

ніе, отражавшееся въ его заплывшихъ глазахъ. Воронцовъ видимо презиралъ всякое старье, дорожилъ одними сливками образованности, послѣднею, передовою точкой науки: упомянуть, хотя бы не кстати, о книгѣ какого-нибудь доктора Зауэрбенгеля о пенсильванскихъ тюрьмахъ или о вчерашней статьѣ въ „Азіатикъ Джёрналъ“, о Ведахъ и Пуранахъ (онъ такъ и сказалъ: „Джёрналъ“, хотя, конечно, не зналъ по-англійски)—было для него истинною отрадой, благополучіемъ. Литвиновъ слушалъ его, слушалъ, и никакъ не могъ понять, какая же собственно его спеціальность? То онъ велъ рѣчь о роли кельтійскаго племени въ исторіи, то его уносило въ древній міръ и онъ разсуждалъ объ эгинскихъ мраморахъ, напряженно толковалъ о живномъ до Фидіаса ваятелѣ Онатасѣ, который однако превращался у него въ Іонатана, и тѣмъ на мигъ наводилъ на все его разсужденіе не то библейскій, не то американскій колоритъ; то онъ вдругъ перескакивалъ въ политическую экономію и называлъ Бастіа дуракомъ и деревянкой, „не хуже Адама Смита и всѣхъ физіократовъ...“ „Физіократовъ!“ прошепталъ ему вслѣдъ Бамбаевъ... „Аристократовъ?...“ Между прочимъ Воронцовъ выразилъ выраженіе изумленія на лицѣ того же самаго Бамбаева небрежно и вскользь кинутымъ замѣчаніемъ о Маколеѣ, какъ о писателѣ устарѣломъ и уже опереженномъ наукой; что же до Гизота и Рида, то онъ объявилъ, что ихъ стоитъ только назвать, и пожалъ плечами. Бамбаевъ также плечами пожалъ. „И все это разомъ, безо всякаго повода, передъ чужими, въ кофейной!“, размышлялъ Литвиновъ, глядя на бѣлокурые волосы, свѣтлые глаза, бѣлые зубы своего новаго знакомца (особенно смущали его эти крупные сахарные зубы, да еще эти руки съ ихъ нелѣпымъ размахомъ): „и не улыбнется ни разу; а со всѣмъ тѣмъ, должно быть добрый малый и крайне неопытный...“ Воронцовъ утомился наконецъ; голосъ его, юношески звонкій и хрипловатый какъ у молодого петуха,

слегка порвался... кстати-жъ Бамбаевъ началъ декламировать стихи и опять чуть не распалакался, что̀ произвело впечатлѣніе скандала за однимъ сосѣднимъ столомъ, около котораго помѣстилось англійское семейство, и хихиканье за другимъ: двѣ лоретки обѣдали за этимъ вторымъ столомъ съ какимъ-то престарѣлымъ младенцемъ въ лиловомъ парикѣ. Кельнеръ принесъ счетъ: пріятели расплатились.

— Ну,—воскликнулъ Бамбаевъ, грузно приподнимаясь со стула:—теперь чашку кофе и марить! Вонъ она, однако, наша Русь,—прибавилъ онъ, остановившись въ дверяхъ и чуть не съ восторгомъ указывая своей мягкой, красною рукой на Воронилова и Литвинова...—Какова?

„Да, Русь".—подумалъ Литвиновъ; а Воронилову, который уже опять успѣлъ придать лицу своему сосредоточенное выраженіе, снисходительно улыбнулся и слегка щелкнулъ каблуками.

Минутъ черезъ пять они всѣ трое поднимались вверхъ по лѣстницѣ гостиницы, гдѣ остановился Степанъ Николаевичъ Губаревъ... Высокая, стройная дама въ шляпкѣ съ короткою черною вуалеткой проворно спускалась съ той же лѣстницы, и, увидавъ Литвинова, внезапно обернулась къ нему и остановилась какъ бы пораженная изумленіемъ. Лицо ея мгновенно вспыхнуло и потомъ также быстро побѣлѣло подъ частой сѣткой кружева: но Литвиновъ ея не замѣтилъ, и дама проворнѣе прежняго побѣжала внизъ по широкимъ ступенямъ.

IV.

— Григорій Литвиновъ, рубашка-парень, русская душа, рекомендую,—воскликнулъ Бамбаевъ, подводя Литвинова къ человѣку небольшого роста и помѣщичьяго склада, съ развязнымъ воротомъ, въ куцой курткѣ, сѣрыхъ утреннихъ панталонахъ и въ туфляхъ, стоявшему посреди свѣтлой, от-

лично убранной комнаты: — а это, прибавилъ онъ, обращаясь къ Литвинову: — это онъ, тотъ самый, понимаешь? Ну, Губаревъ, однимъ словомъ.

Литвиновъ съ любопытствомъ уставился на „того самаго". На первый разъ онъ не нашелъ въ немъ ничего необыкновеннаго. Онъ видѣлъ передъ собою господина наружности почтенной и немного гуноватой, лобастаго, глазастаго, губастаго, бородастаго, съ широкой шеей, съ косвеннымъ, внизъ устремленнымъ взглядомъ. Этотъ господинъ оскалился, промолвилъ: „Ммм... да... это хорошо... мнѣ пріятно..." поднесъ руку къ собственному лицу, и тотчасъ же, повернувшись къ Литвинову спиной, ступилъ нѣсколько разъ по ковру, медленно и странно переваливаясь, какъ бы крадучись. У Губарева была привычка постоянно расхаживать взадъ и впередъ, то-и-дѣло подергивая и почесывая бороду концами длинныхъ и твердыхъ ногтей. Кромѣ Губарева, въ комнатѣ находилась еще одна дама въ шелковомъ поношенномъ платьѣ, лѣтъ пятидесяти, съ чрезвычайно подвижнымъ, какъ лимонъ желтымъ лицомъ, черными волосками на верхней губѣ и быстрыми, словно выскочить готовыми, глазками; да еще какой-то плотный человѣкъ сидѣлъ, сгорбившись, въ уголку.

— Ну-съ, почтенная Матрена Семеновна, — началъ Губаревъ, обращаясь къ дамѣ и видно не считая нужнымъ знакомить ее съ Литвиновымъ: — что-бишь вы начали намъ разсказывать?

Дама (звали ее Матреной Семеновной Суханчиковой, она была вдова, бездѣтная, небогатая, и второй уже годъ странствовала изъ края въ край) заговорила тотчасъ съ особеннымъ, ожесточеннымъ увлеченіемъ:

— Ну, вотъ онъ и является къ князю, и говоритъ ему: ваше сіятельство, говоритъ, вы въ такомъ санѣ и въ такомъ званіи, говоритъ, что вамъ стоитъ облегчить мою участь? Вы, говоритъ, не можете не уважать чистоту моихъ

убѣжденій! И развѣ можно, говоритъ, въ наше время преслѣдовать за убѣжденіе? И что жъ, вы думаете, сдѣлалъ князь, этотъ образованный, высокопоставленный сановникъ?

— Ну, что онъ сдѣлалъ? — промолвилъ Губаревъ, задумчиво закуривая папироску.

Дама выпрямилась и протянула впередъ свою костлявую правую руку съ отдѣленнымъ указательнымъ пальцемъ.

— Онъ призвалъ своего лакея и сказалъ ему: „сними ты сейчасъ съ этого человѣка сюртукъ и возьми себѣ. Я тебѣ дарю этотъ сюртукъ!“

— И лакей снялъ? — спросилъ Бамбаевъ, всплеснувъ руками.

— Снялъ и взялъ. И это сдѣлалъ князь Барнауловъ, извѣстный богачъ, вельможа, облеченный особенною властью, представитель правительства! Что жъ послѣ этого еще ожидать!

Все тщедушное тѣло г-жи Суханчиковой тряслось отъ негодованія, по лицу пробѣгали судороги, чахлая грудь порывисто колыхалась подъ плоскимъ корсетомъ; о глазахъ уже и говорить нечего; они такъ и прыгали. Впрочемъ они всегда прыгали, о чемъ бы она ни говорила.

— Вопіющее, вопіющее дѣло! — воскликнулъ Бамбаевъ. — Казни нѣтъ достойной!

— Ммм... ммм... Сверху до низу все гнило, — замѣтилъ Губаревъ, не возвышая впрочемъ голоса. — Тутъ не казнь... тутъ нужна... другая мѣра.

— Да полно, правда ли это? — промолвилъ Литвиновъ.

— Правда ли? — подхватила Суханчикова. — Да въ этомъ и думать нельзя сомнѣваться, д-у-у-у-у-мать нельзя... — Она съ такою силою произнесла это слово, что даже скорчилась. — Мнѣ это сказывалъ одинъ вѣрнѣйшій человѣкъ. Да вы его, Степанъ Николаевичъ, знаете — Елистратовъ Каинтонъ. Онъ самъ это слышалъ отъ очевидцевъ, отъ свидѣтелей этой безобразной сцены.

— Какой Елистратовъ? — спросилъ Губаревъ. — Тотъ, что былъ въ Казани?

— Тотъ самый. Я знаю, Степанъ Николаичъ, про него распустили слухъ, будто онъ тамъ съ какихъ-то подрядчиковъ или винокуровъ деньги бралъ. Да вѣдь кто это говоритъ? Неликановъ! А возможно ли Неликанову вѣрить, когда всѣмъ извѣстно, что онъ просто—шпіонъ!

— Нѣтъ, позвольте, Матрена Семеновна, — вступился Бамбаевъ: — я съ Неликановымъ пріятель; какой же онъ шпіонъ?

— Да, да, именно, шпіонъ!

— Да постойте, помилуйте...

— Шпіонъ, шпіонъ! —кричала Суханчикова.

— Да нѣтъ же, нѣтъ, постойте; я вамъ что скажу, — кричалъ въ свою очередь Бамбаевъ.

— Шпіонъ, шпіонъ!—твердила Суханчикова.

— Нѣтъ, нѣтъ! Вотъ Тентелеевъ, это другое дѣло!—заревѣлъ Бамбаевъ уже во все горло.

Суханчикова мгновенно умолкла.

— Про этого барина я достовѣрно знаю,—продолжалъ онъ обыкновеннымъ своимъ голосомъ: — что когда третье отдѣленіе его вызывало, онъ у графини Блазенкрамифъ въ ногахъ ползалъ и все ницалъ: „спасите, заступитесь!“ А Неликановъ никогда до такой подлости не унижался.

— Мм... Тентелеевъ...—проворчалъ Губаревъ:—это... это замѣтить надо.

Суханчикова презрительно пожала плечомъ.

— Оба хороши,—заговорила она:—но только я про Тентелеева еще лучше анекдотъ знаю. Онъ, какъ всѣмъ извѣстно, былъ ужаснѣйшій тиранъ со своими людьми, хотя тоже выдавалъ себя за эмансипатора. Вотъ онъ разъ въ Парижѣ сидитъ у знакомыхъ, и вдругъ входитъ мадамъ Бичеръ-Стоу,—ну, вы знаете, *Хижина дяди Тома*. Тентелеевъ человѣкъ ужасно чванливый, сталъ просить хозяина пре-

ставить его; но та, какъ только услыхала его фамилію: „Какъ?" — говоритъ: — „смѣть знакомиться съ авторомъ Дяди Тома?" Да хлопъ его по щекѣ! — „Вонъ!" — говоритъ, — „сейчасъ!" — И что жъ вы думаете? Тентелеевъ взялъ шляпу, да поджавши хвостъ и улизнулъ.

— Ну, это, мнѣ кажется, преувеличено, — замѣтилъ Бамбаевъ. — „Вонъ!" она ему точно сказала, это фактъ; но пощечины она ему не дала.

— Дала пощечину, дала пощечину! — съ судорожнымъ напряженіемъ повторила Сухачикова: — я не стану пустяковъ говорить. И съ такими людьми вы пріятель!

— Позвольте, позвольте, Матрена Семеновна, я никогда не выдавалъ Тентелеева за близкаго мнѣ человѣка; я про Пеликанова говорилъ.

— Ну, не Тентелеевъ, такъ другой: Михневъ, напримѣръ.

— Что же этотъ такое сдѣлалъ? — спросилъ Бамбаевъ, уже заранѣе оробѣвъ.

— Что? Будто вы не знаете? На Вознесенскомъ проспектѣ всенародно кричалъ, что надо, моль, всѣхъ либераловъ въ тюрьму; а то еще къ нему приходитъ старый пансіонскій товарищъ, обѣдный, разумѣется, и говоритъ: „можно у тебя пообѣдать?" А тотъ ему въ отвѣтъ: „нѣтъ, нельзя; у меня два графа сегодня обѣдаютъ... и'поль прочь!"

— Да это клевета, помилуйте! — возопилъ Бамбаевъ.

— Клевета?.. клевета? Во-первыхъ, князь Вахрушкинъ, который тоже обѣдалъ у вашего Михнева...

— Князь Вахрушкинъ, — строго вмѣшался Губаревъ: — мнѣ двоюродный братъ: но я его къ себѣ не пускаю... Ну, и упоминать о немъ, стало-быть, нечего.

— Во-вторыхъ, — продолжала Сухачикова, покорно наклонивъ голову въ сторону Губарева: — мнѣ сама Прасковья Яковлевна сказала.

— Нашли на кого сослаться! Она, да вотъ еще Саркизовъ, это первые выдумщики.

— Ну-съ, извините; Саркизовъ лгунъ, точно, онъ же съ мертваго отца парчевой покровъ стащилъ, объ этомъ я спорить никогда не стану; но Прасковья Яковлевна, какое сравненье! Вспомните, какъ она благородно съ мужемъ разошлась! Но вы, я знаю, вы всегда готовы...

— Ну. полноте, полноте, Матрена Семеновна, — перебилъ ее Бамбаевъ. -Бросимте эти дрязги, и воспаримте-ка въ горнія. Я вѣдь стараго закала кочерга. Читали вы M-lle de la Quintinie? Вотъ прелесть-то! И съ принципами вашими въ самый разъ!

— Я романовъ больше не читаю, — сухо и рѣзко отвѣчала Суханчикова.

— Отчего?

— Оттого, что теперь не то время; у меня теперь одно въ головѣ: швейныя машины.

— Какія машины? — спросилъ Литвиновъ.

— Швейныя, швейныя: надо всѣмъ, всѣмъ женщинамъ запастись швейными машинами, и составлять общества: этакъ онѣ всѣ будутъ хлѣбъ себѣ зарабатывать, и вдругъ независимы станутъ. Иначе онѣ никакъ освободиться не могутъ. Это важный, важный соціальный вопросъ. У насъ такой объ этомъ былъ споръ съ Болеславъ Стадницкимъ. Болеславъ Стадницкій чудная натура, но смотритъ на эти вещи ужасно легкомысленно. Все смѣется... Дуракъ!

— Всѣ будутъ въ свое время потребованы къ отчету, со всѣхъ взыщется, — медленно, не то наставническимъ, не то пророческимъ тономъ, произнесъ Губаревъ.

— Да, да, — повторилъ Бамбаевъ: — взыщется, именно взыщется. А что Степанъ Николаичъ, — прибавилъ онъ, понизивъ голосъ: — сочиненіе подвигается?

— Матеріалы собираю, — отвѣчалъ насупившись Губаревъ, и, обратившись къ Литвинову, у котораго голова на-

чинала ходить кругомъ отъ этой янчницы незнакомыхъ ему имент, отъ этого обѣщества силетии, спросилъ его: чѣмъ онъ занимается?

Литвиновъ удовлетворилъ его любопытству.

— А! значитъ, естественными науками. Это полезно, какъ школа; какъ школа, не какъ цѣль. Цѣль теперь должна быть... мм... должна быть... другая. Вы, позвольте узнать, какихъ придерживаетесь мнѣній?

— Какихъ мнѣній?

— Да, то-есть, собственно, какія ваши политическія убѣжденія?

Литвиновъ улыбнулся.

— Собственно у меня нѣтъ никакихъ политическихъ убѣжденій.

Плотный человѣкъ, сидѣвшій въ углу, при этихъ словахъ внезапно поднялъ голову и внимательно посмотрѣлъ на Литвинова.

— Что такъ?—промолвилъ съ странною кротостью Губаревъ.—Не вдумались еще, или уже устали?

— Какъ вамъ сказать? Мнѣ кажется, намъ, русскимъ, еще рано имѣть политическія убѣжденія или воображать, что мы ихъ имѣемъ. Замѣтьте, что я придаю слову: „политическій“ то значеніе, которое принадлежитъ ему по праву, и что...

— Ага! изъ недозрѣлыхъ,—съ тою же кротостью перебилъ его Губаревъ, и, подойдя къ Ворошилову, спросилъ его: прочелъ ли онъ брошюру, которую онъ далъ ему?

Ворошиловъ, который, къ удивленію Литвинова, съ самаго своего прихода словечка не проронилъ, а только хмурился и значительно поводилъ глазами (онъ вообще либо ораторствовалъ, либо молчалъ), Ворошиловъ вынялъ по военному грудь, и, щелкнувъ каблуками, кивнулъ утвердительно головой.

— Ну, и что-жъ? Остались довольны?

— Что касается до главныхъ основаній, доволенъ; но съ выводами не согласенъ.

— Ммм... Андрей Ивановичъ мнѣ, однако, хвалилъ эту брошюру. Вы мнѣ потомъ изложите ваши соображенія.

— Прикажете письменно?

Губаревъ видимо удивился: онъ этого не ожидалъ; однако, подумавъ немного, промолвилъ:

— Да, письменно. Кстати я васъ попрошу изложить мнѣ также свои соображенія... насчетъ... насчетъ ассоціацій.

— По методѣ Лассаля прикажете или Шульце-Делича?

— Ммм... по обѣимъ. Тутъ, понимаете, для насъ, русскихъ, особенно важна финансовая сторона. Ну, и артель... какъ зерно... Все это нужно принять къ свѣдѣнію. Вникнуть надо. Вотъ и вопросъ о крестьянскомъ надѣлѣ...

— А вы, Степанъ Николаичъ, какого мнѣнія насчетъ количества слѣдуемыхъ десятинъ? — съ почтительною деликатностью въ голосѣ спросилъ Ворошиловъ.

— Ммм... А община? — глубокомысленно произнесъ Губаревъ, и, прикусивъ клокъ бороды, уставился на ножку стола. — Община... Понимаете ли вы? Это великое слово! Потомъ, что значатъ эти пожары... эти... эти правительственныя мѣры противъ воскресныхъ школъ, читаленъ, журналовъ? А несогласіе крестьянъ подписывать уставныя грамоты? И наконецъ, то, что происходитъ въ Польшѣ? Развѣ вы не видите, къ чему это все ведетъ? Развѣ вы не видите, что... мм... что намъ... намъ нужно теперь слиться съ народомъ, узнать... узнать его мнѣніе? — Губаревымъ внезапно овладѣло какое-то тяжелое, почти злобное волненіе; онъ даже побурѣлъ въ лицѣ и усиленно дышалъ, но все не поднималъ глазъ и продолжалъ жевать бороду. — Развѣ вы не видите...

— Евсеевъ подлецъ! — брякнула вдругъ Суханчикова, которой Бамбаевъ, изъ уваженія къ хозяину, разсказывалъ

что-то вполголоса. Губаревъ круто повернулъ на каблукахъ и опять заковылялъ по комнатѣ.

Стали появляться новые посѣтители; подъ конецъ вечера набралось довольно много народу. Въ числѣ ихъ пришелъ и господинъ Евсеевъ, такъ жестоко обозванный Суханчиковой: она очень дружелюбно съ нимъ разговаривала и попросила его провести ее домой; пришелъ нѣкто Пищалкинъ, идеальный мировой посредникъ, человѣкъ изъ числа тѣхъ людей, въ которыхъ, быть-можетъ, точно нуждается Россія, а именно — ограниченный, мало знающій и бездарный, но добросовѣстный, терпѣливый и честный; крестьяне его участка чуть не молились на него, и онъ самъ весьма почтительно обходился съ самимъ собою, какъ съ существомъ истинно достойнымъ уваженія. Пришло нѣсколько офицерчиковъ, выскочившихъ на коротенькій отпускъ въ Европу и обрадовавшихся случаю, конечно осторожно и не выпуская изъ головы задней мысли о полковомъ командирѣ, побаловаться съ умными и немножко даже опасными людьми; прибѣжали двое жиденькихъ студентиковъ изъ Гейдельберга: одинъ все презрительно оглядывался, другой хохоталъ судорожно... обоимъ было очень неловко; вслѣдъ за ними втерся французикъ, такъ-называемый, *п'та жёномъ:* грязненькій, бѣдненькій, глупенькій... онъ славился между своими товарищами, комми-вояжерами, тѣмъ, что въ него влюблялись русскія графини, самъ же онъ больше помышлялъ о даровомъ ужинѣ; явился наконецъ Титъ Биндасовъ, съ виду шумный буршъ, а въ сущности кулакъ и выжига, по рѣчамъ террористъ, по призванію квартальный, другъ россійскихъ купчихъ и парижскихъ лоретокъ, лысый, беззубый, пьяный; явился онъ весьма красный и дрянной, увѣряя, что спустилъ послѣднюю копѣйку этому „шельмецу Беназету", а на дѣлѣ онъ выигралъ шестнадцать гульденовъ... Словомъ, много набралось народу. Замѣчательно, по истинѣ замѣчательно было то уваженіе, съ которымъ всѣ посѣтители обра-

щались къ Губареву, какъ наставнику или главѣ; они излагали ему свои сомнѣнія, повергали ихъ на его судъ; а онъ отвѣчалъ... мычаніемъ, подергиваніемъ бороды, вращаніемъ глазъ или отрывочными, незначительными словами, которыя тотчасъ же подхватывались на лету, какъ изреченія самой высокой мудрости. Самъ Губаревъ рѣдко вмѣшивался въ пренія; зато другіе усердно надсаживали грудь. Случалось не разъ, что трое, четверо кричали вмѣстѣ въ теченіе десяти минутъ, и всѣ были довольны и понимали. Бесѣда продолжалась за полночь и отличалась, какъ водится, обиліемъ и разнообразіемъ предметовъ. Суханчикова говорила о Гарибальди, о какомъ-то Карлѣ Ивановичѣ, котораго высѣкли его собственные дворовые, о Наполеонѣ III, о женскомъ трудѣ, о купцѣ Плескачевѣ, завѣдомо уморившемъ двѣнадцать работницъ и получившемъ за это медаль съ надписью: „за полезное", о пролетаріатѣ, о грузинскомъ князѣ Чукчеулидзевѣ, застрѣлившемъ жену изъ пушки, и о будущности Россіи; Пищалкинъ говорилъ тоже о будущности Россіи, объ откупѣ, о значеніи національностей и о томъ, что онъ больше всего ненавидитъ пошлое: Ворошилова вдругъ прорвало: единымъ духомъ, чуть не захлебываясь, онъ назвалъ: Дрепера, Фирхова, г-на Шелгунова, Бина, Гельмгольца, Стара, Стура, Ремонта, Іогана Миллера физіолога, Іогана Миллера историка, очевидно смѣшивая ихъ, Тэна, Ренана, г-на Щапова, а потомъ Томаса Наша, Нэля, Грина... „Это что же за птицы?" съ изумленіемъ пробормоталъ Бамбаевъ. „Предшественники Шекспира, относящіеся къ нему какъ отроги Альпъ къ Монъ-Блану!" хлестко отвѣчалъ Ворошиловъ, и также коснулся будущности Россіи. Бамбаевъ тоже поговорилъ о будущности Россіи и даже расписалъ ее въ радужныхъ краскахъ, но въ особенный восторгъ привела его мысль о русской музыкѣ, въ которой онъ видѣлъ что-то „ухъ! большое", и въ доказательство затянулъ романсъ Варламова, но скоро былъ прер-

ванъ общимъ крикомъ, что: „онъ-молъ поетъ Miserere изъ *Трубадура* и прескверно поетъ“. Одинъ офицерчикъ подъ шумокъ ругнулъ русскую литературу, другой привелъ стишки изъ *Искры*; а Титъ Бандасовъ поступилъ еще проще: объявилъ, что всѣмъ бы этимъ мошенникамъ зубы надо повышибать—и баста! не опредѣляя впрочемъ, кто собственно были эти мошенники. Дымъ отъ сигаръ стоялъ удушливый; всѣмъ было жарко и томно, всѣ охрипли, у всѣхъ глаза посоловѣли, потъ лилъ градомъ съ каждаго лица. Бутылки холоднаго пива появлялись и опоражнивались мгновенно. „Что бишь я такое говорилъ?“ твердилъ одинъ; „да съ кѣмъ же я сейчасъ спорилъ и о чемъ?“ спрашивалъ другой. И среди всего этого гама и чада, попрежнему переваливаясь и шевеля въ бородѣ, безъ устали расхаживалъ Губаревъ, и то прислушивался, приникая ухомъ, къ чьему-нибудь разсужденію, то вставлялъ свое слово, и всякій невольно чувствовалъ, что онъ-то, Губаревъ, всему матка и есть, что онъ здѣсь и хозяинъ, и первенствующее лицо...

У Литвинова, часамъ къ десяти, сильно разболѣлась голова, и онъ ушелъ потихоньку и незамѣтно, воспользовавшись усиленнымъ взрывомъ всеобщаго крика: Суханчикова вспомнила новую несправедливость князя Барнаулова: чуть-ли не приказалъ онъ кому-то ухо откусить.

Свѣжій ночной воздухъ ласково прильнулъ къ воспаленному лицу Литвинова, влился пахучею струей въ его засохшія губы. „Что это“, думалъ онъ, идя по темной аллеѣ, „причемъ это я присутствовалъ? Зачѣмъ они собрались? Зачѣмъ кричали, бранились, изъ кожи лѣзли? Къ чему все это?“ Литвиновъ пожалъ плечами и отправился къ Веберу, взялъ газету и спросилъ себѣ мороженаго. Въ газетѣ толковалось о римскомъ вопросѣ, а мороженое оказалось скернымъ. Онъ уже собирался идти домой, какъ вдругъ къ нему подошелъ незнакомый человѣкъ въ пальто съ широкими полями и, проговоривъ по-русски: „я васъ не без-

покою?" присѣлъ за его столикъ. Тутъ только Литвиновъ, вглядѣвшись попристальнѣе въ незнакомца, узналъ въ немъ того плотнаго господина, который забился въ уголокъ у Губарева и съ такимъ вниманіемъ окинулъ его глазами, когда рѣчь зашла о политическихъ убѣжденіяхъ. Въ теченіе всего вечера господинъ этотъ не разѣвалъ рта, а теперь, подсѣвъ къ Литвинову и снявъ шляпу, глядѣлъ на него дружелюбнымъ и нѣсколько смущеннымъ взглядомъ.

V.

— Господинъ Губаревъ, у котораго я имѣлъ удовольствіе васъ видѣть сегодня,—началъ онъ: —меня вамъ не отрекомендовалъ; такъ ужъ, если вы позволите, я самъ себя рекомендую: Потугинъ, отставной надворный совѣтникъ, служилъ въ министерствѣ финансовъ, въ С.-Петербургѣ. Надѣюсь, что вы не найдете страннымъ... я вообще не имѣю привычки такъ внезапно познакомиться... но съ вами...

Тутъ Потугинъ замялся и попросилъ кельнера принести ему рюмочку коньячку. „Для храбрости", прибавилъ онъ съ улыбкой.

Литвиновъ съ удвоеннымъ вниманіемъ посмотрѣлъ на это послѣднее изо всѣхъ тѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми ему въ тотъ день пришлось столкнуться, и тотчасъ же подумалъ: „этотъ не то, что̀ тѣ".

Дѣйствительно не то. Передъ нимъ сидѣлъ, перебирая по краю стола тонкими ручками, человѣкъ широкоплечій, съ просторнымъ туловищемъ на коротких ногахъ, съ понурою курчавою головой, съ очень умными и очень печальными глазками подъ густыми бровями, съ крупнымъ правильнымъ ртомъ, нехорошими зубами и тѣмъ чисто русскимъ носомъ, которому присвоено названіе картофеля; человѣкъ съ виду неловкій и даже диковатый, но уже навѣрное не

дюжинный. Одѣтъ онъ былъ небрежно: старомодный сюртукъ сидѣлъ на немъ мѣшкомъ и галстухъ сбился на сторону. Его внезапная довѣрчивость не только не показалась Литвинову назойливостью, но, напротивъ, втайнѣ ему польстила: нельзя было не видѣть, что за этимъ человѣкомъ не водилось привычки навязываться незнакомымъ. Странное впечатлѣніе произвелъ онъ на Литвинова: онъ возбуждалъ въ немъ и уваженіе, и сочувствіе, и какое-то невольное сожалѣніе.

— Такъ я не безпокою васъ?—повторилъ онъ мягкимъ, немного сиплымъ и слабымъ голосомъ, который какъ нельзя лучше шелъ ко всей его фигурѣ.

— Помилуйте,—возразилъ Литвиновъ: —я, напротивъ, очень радъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Ну, такъ и я радъ. Я слышалъ объ васъ много; я знаю, чѣмъ вы занимаетесь и какія ваши намѣренія. Дѣло хорошее. То-то вы и молчали сегодня.

— Да и вы, кажется, говорили мало,—замѣтилъ Литвиновъ. Потугинъ вздохнулъ.

— Другіе ужъ больно много разсуждали-съ. Я слушалъ. Ну что,—прибавилъ онъ, помолчавъ немного и какъ-то забавно уставивъ брови:—понравилось вамъ наше Вавилонское столпотвореніе?

— Именно столпотвореніе. Вы прекрасно сказали. Мнѣ все хотѣлось спросить у этихъ господъ, изъ чего они такъ хлопочутъ.

Потугинъ опять вздохнулъ.

— Въ томъ-то и штука, что они и сами этого не знаютъ-съ. Въ прежнія времена про нихъ бы такъ выразились: „они, молъ, слѣпыя орудія высшихъ цѣлей"; ну, а теперь мы употребляемъ болѣе рѣзкіе эпитеты. И замѣтьте, что собственно я нисколько не намѣренъ обвинять ихъ; скажу болѣе, они всѣ... то-есть почти всѣ, прекрасные люди. Про г-жу Суханчикову я, напримѣръ, навѣрное знаю очень много

хорошаго: она послѣднія свои деньги отдала двумъ бѣднымъ племянницамъ. Положимъ, тутъ дѣйствовало желаніе пощеголять, порисоваться, но согласитесь, замѣчательное самоотверженіе въ женщинѣ, которая сама небогата! Про г-на Ницалкина и говорить нечего: ему непремѣнно, современемъ, крестьяне его участка поднесутъ серебряный кубокъ въ видѣ арбуза, а можетъ-быть и икону съ изображеніемъ его ангела, и хотя онъ имъ скажетъ въ своей благодарственной рѣчи, что онъ не заслуживаетъ подобной чести, но это онъ неправду скажетъ: онъ ее заслуживаетъ. У г-на Бамбаева, вашего пріятеля, сердце чудное; правда, у него, какъ у поэта Языкова, который, говорятъ, воспѣвалъ разгулъ, сидя за книгой и кушая воду—восторгъ собственно ни на что не обращенный, но все же восторгъ; и г-нъ Ворониловъ тоже добрѣйшій; онъ, какъ всѣ люди его школы, люди золотой доски, точно на ординарцы присланъ къ наукѣ, къ цивилизаціи, и даже молчитъ фразисто, но онъ еще такъ молодъ! Да, да, все это люди отличные, а въ результатѣ ничего не выходитъ; припасы первый сортъ, а блюдо хоть въ ротъ не бери.

Литвиновъ съ возрастающимъ удивленіемъ слушалъ Потугина: всѣ пріемы, всѣ обороты его неторопливой, но самоувѣренной рѣчи изобличали и умѣнье, и охоту говорить.

Потугинъ, точно, и любилъ, и умѣлъ говорить; но какъ человѣкъ, изъ котораго жизнь уже успѣла повытравить самолюбіе, онъ съ философическимъ спокойствіемъ ждалъ случая, встрѣчи по-сердцу.

— Да, да,—началъ онъ снова, съ особымъ, ему свойственнымъ, не болѣзненнымъ, но унылымъ юморомъ:—это все очень странно-съ. И вотъ еще что прочу замѣтить. Соидется, напримѣръ, десять англичанъ, они тотчасъ заговорятъ о подводномъ телеграфѣ, о налогѣ на бумагу, о способѣ выдѣлывать крысьи шкуры, то есть о чемъ-нибудь положительномъ, опредѣленномъ; соидется десять нѣмцевъ, —ну,

тутъ, разумѣется, Шлезвигъ-Гольштейнъ и единство Германіи явится на сцену; десять французовъ сойдется,—бесѣда неизбѣжно коснется „клубнички", какъ они тамъ ни вилей; а сойдется десять русскихъ, мгновенно возникаетъ вопросъ,—вы имѣли случай сегодня въ томъ убѣдиться,—вопросъ о значеніи, о будущности Россіи, да въ такихъ общихъ чертахъ, отъ яицъ Леды, бездоказательно, безвыходно. Жуютъ, жуютъ они этотъ несчастный вопросъ, словно дѣти кусокъ гуммластика: ни соку, ни толку. Ну, и конечно тутъ же кстати достанется и гнилому Западу. Экая притча, подумаешь! бьетъ онъ насъ на всѣхъ пунктахъ, этотъ Западъ—а гнилъ! И хоть бы мы дѣйствительно его презирали,—продолжалъ Потугинъ:—а то вѣдь это все фраза и ложь. Ругать-то мы его ругаемъ, а только его мнѣніемъ и дорожимъ, то-есть, въ сущности, мнѣніемъ парижскихъ лоботрясовъ. У меня есть знакомый, и хорошій, кажется, человѣкъ, отецъ семейства, уже не молодой; такъ тотъ нѣсколько дней въ унынін находился оттого, что въ парижскомъ ресторанѣ спросилъ себѣ une portion de biftek aux pommes de terre, а настоящій французъ тутъ же крикнулъ: Garçon! biftek pommes! Сгорѣлъ мой пріятель отъ стыда! И потомъ вездѣ кричалъ: Bittek pommes! и другихъ училъ. Самыя даже лоретки удивляются благоговѣйному трепету, съ которымъ наши молодые стеняки входятъ въ ихъ позорную гостиную... Боже мой! думаютъ они, вѣдь это гдѣ я? У самой Annah Deslions!!

— Скажите пожалуйста,—спросилъ Литвиновъ;—чему вы приписываете несомнѣнное вліяніе Губарева на всѣхъ его окружающихъ? Не дарованіямъ, не способностямъ же его?

— Нѣтъ-съ, нѣтъ-съ; у него этого ничего не имѣется...

— Такъ характеру, что-ли?

— И этого нѣтъ-съ, а у него много воли-съ. Мы, славяне вообще, какъ извѣстно, этимъ добромъ не богаты и передъ

нимъ насуемъ. Г-нъ Губаревъ захотѣлъ быть начальникомъ, и всѣ его начальникомъ признали. Что прикажете дѣлать?! Правительство освободило насъ отъ крѣпостной зависимости, спасибо ему; но привычки рабства слишкомъ глубоко въ насъ внѣдрились; не скоро мы отъ нихъ отдѣлаемся. Намъ во всемъ и всюду нуженъ баринъ: бариномъ этимъ бываетъ, большею частью, живой субъектъ, иногда какое-нибудь такъ-называемое направленіе надъ нами власть возметъ... теперь, напримѣръ, мы всѣ къ естественнымъ наукамъ въ кабалу записались... Почему, въ силу какихъ резоновъ мы записываемся въ кабалу, это дѣло темное; такая ужъ видно наша натура. Но главное дѣло, чтобъ былъ у насъ баринъ. Ну, вотъ онъ и есть у насъ: это значитъ, нашъ, а на все остальное мы наплевать! Чисто холопы! И гордость холопская, и холопское униженіе. Новый баринъ народился—стараго долой! То былъ Яковъ, а теперь Сидоръ; въ ухо Якова, въ ноги Сидору! Вспомните, какія въ этомъ родѣ происходили у насъ продѣлки! Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ, разящій инаго, а какъ лакей, лупящій кулакомъ, да еще, пожалуй, и лупитъ-то онъ по господскому приказу. Ну-съ, а народъ мы тоже мягкій; въ руки насъ взять не мудрено. Вотъ такимъ-то образомъ и г-нъ Губаревъ попалъ въ барья; долбилъ-долбилъ въ одну точку и продолбился. Видятъ люди: большого мнѣнія о себѣ человѣкъ, вѣритъ въ себя, приказываетъ—главное, приказываетъ; стало-быть, онъ правъ, и слушаться его надо. Всѣ наши расколы, наши Онуфріенщины да Акулиновщины именно такъ и основались. Кто палку взялъ, тотъ и капралъ.

У Потугина покраснѣли щеки и глаза потускнѣли: не странное дѣло! рѣчь его, горькая и даже злая, не отзывалась желчью, а скорѣе печалью, и правдивою, искреннею печалью.

— Вы какъ съ Губаревымъ познакомились?—спросилъ Литвиновъ.

— Я его давно знаю-съ. И замѣтьте, какая у насъ опять странность: иной, напримѣръ, сочинитель что ли, весь свой вѣкъ и стихами и прозой бранилъ пьянство, откупъ укорялъ... да вдругъ самъ взялъ да два винные завода купилъ и снялъ сотню кабаковъ—и ничего! Другого бы съ лица земли стерли, а его даже не упрекаютъ. Вотъ и г-нъ Губаревъ: онъ и славянофилъ, и демократъ, и соціалистъ, и все что угодно, а имѣніемъ его управлялъ и теперь еще управляетъ братъ, хозяинъ въ старомъ вкусѣ, изъ тѣхъ, что дантистами величали. И та же г-жа Суханчикова, которая заставляетъ г-жу Бичеръ-Стоу бить по щекамъ Тентелеева, передъ Губаревымъ чуть не ползаетъ. А вѣдь только за нимъ и есть, что онъ умныя книжки читаетъ, да все въ глубину устремляется. Какой у него даръ слова, вы сегодня сами судить могли; и это еще слава Богу, что онъ мало говоритъ, все только ёжится. Потому что когда онъ въ духѣ, да нараспашку, такъ даже мнѣ, терпѣливому человѣку, не въ мочь становится. Начнетъ подтрунивать да грязные анекдоты разсказывать,—да, да, нашъ великій г-нъ Губаревъ разсказываетъ грязные анекдоты и такъ мерзко смѣется при этомъ...

— Будто вы такъ терпѣливы? — промолвилъ Литвиновъ.—Я напротивъ полагалъ... Но позвольте узнать, какъ ваше имя и отчество?

Потугинъ отхлебнулъ немного киршвассеру.

— Меня зовутъ Созонтомъ... Созонтомъ Иванычемъ. Дали мнѣ это прекрасное имя въ честь родственника, архимандрита, которому я только этимъ и обязанъ. Я, если смѣю такъ выразиться, священническаго поколѣнія. А что вы на счетъ терпѣнія сомнѣваетесь, такъ это напрасно: я терпѣливъ. Я двадцать-два года подъ начальствомъ роднаго дядюшки, дѣйствительнаго статскаго со-

вѣтника Иринарха Потугина прослужилъ. Вы его не изволили знать?

— Нѣтъ.

— Съ чѣмъ васъ поздравляю. Нѣтъ, я терпѣливъ. Но „возвратимся на первое", какъ говоритъ почтенный мой собратъ, сожженный протопопъ Аввакумъ. Удивляюсь я, милостивый государь, своимъ соотечественникамъ. Всѣ унываютъ, всѣ повѣсивши носъ ходятъ, и въ то же время всѣ исполнены надеждой, и чуть что, такъ на стѣну и лѣзутъ. Вотъ хоть бы славянофилы, къ которымъ г-нъ Губаревъ себя причисляетъ: прекраснѣйшіе люди, а та же смѣсь отчаянія и задора, тоже живутъ буквой „буки". Все, молъ, будетъ, будетъ. Въ наличности ничего нѣтъ и Русь въ цѣлые десять вѣковъ ничего своего не выработала, ни въ управленіи, ни въ судѣ, ни въ наукѣ, ни въ искусствѣ, ни даже въ ремеслѣ... Но постойте, потерпите: все будетъ. А почему будетъ, позвольте полюбопытствовать? А потому что мы молъ, образованные люди, — дрянь; но народъ... о, это великій народъ! Видите этотъ армякъ? вотъ откуда все пойдетъ. Всѣ другіе идолы разрушены; будемте же вѣрить въ армякъ. Ну, а коли армякъ выдастъ? Нѣтъ, онъ не выдастъ, прочтите Кохановскую, и очи въ потолоки! Право, еслибъ я былъ живописцемъ, вотъ бы я какую картину написалъ: образованный человѣкъ стоитъ передъ мужикомъ и кланяется ему низко: вылечи-молъ, меня, батюшка-мужичокъ, я пропадаю отъ болѣсти; а мужикъ, въ свою очередь, низко кланяется образованному человѣку: научи молъ, меня, батюшка-баринъ, я пропадаю отъ темноты. Ну, и разумѣется, оба ни съ мѣста. А стоило бы только дѣйствительно смириться — не на однихъ словахъ, — да попризанять у старшихъ братьевъ, что они придумали — лучше насъ и прежде насъ! Кельнеръ, *нохъ эйнъ глэзхенъ каршъ*! Вы не думайте, что я пьяница, но алкоголь развязываетъ мнѣ языкъ.

— Послѣ того, что вы сейчасъ сказали, — промолвилъ съ

улыбкой Литвиновъ,—мнѣ нечего и спрашивать, къ какой вы принадлежите партіи и какого мнѣнія вы о Европѣ. Но позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одно замѣчаніе. Вотъ вы говорите, что намъ слѣдуетъ занимать, перенимать у нашихъ старшихъ братьевъ; но какъ же возможно перенимать, не соображаясь съ условіями климата, почвы, съ мѣстными, съ народными особенностями? Отецъ мой, помнится, выписалъ отъ Бутенопова чугунную, отлично зарекомендованную вѣялку; вѣялка эта точно была очень хороша — и что же? она цѣлыхъ пять лѣтъ простояла въ сараѣ безо всякой пользы, пока ее не замѣнила деревянная американская — гораздо болѣе подходящая къ нашему быту и къ нашимъ привычкамъ, какъ вообще всѣ американскія машины. Нельзя, Созонтъ Ивановичъ, перенимать зря.

Потугинъ приподнялъ голову.

— Не ожидалъ я отъ васъ такого возраженія, почтеннѣйшій Григорій Михайловичъ,—началъ онъ, погодя немного. —Кто же васъ заставляетъ перенимать зря? Вѣдь вы чужое берете не потому, что оно чужое, а потому, что оно вамъ пригодно: стало быть, вы соображаете, вы выбираете. А что до результатовъ—такъ вы не извольте безпокоиться: своеобразность въ нихъ будетъ въ силу самыхъ этихъ мѣстныхъ, климатическихъ и прочихъ условій, о которыхъ вы упоминаете. Вы только предлагайте пищу добрую, а народный желудокъ ее переваритъ по своему: и современемъ, когда организмъ окрѣпнетъ, онъ дастъ *свой* сокъ. Возьмите примѣръ хоть съ нашего языка. Петръ Великій наводнилъ его тысячами чужеземныхъ словъ, голландскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ; слова эти выражали понятія, съ которыми нужно было познакомить русскій народъ; не мудрствуя и не церемонясь, Петръ вливалъ эти слова цѣликомъ, ушатами, бочками въ нашу утробу. Сперва, точно, вышло нѣчто чудовищное, а потомъ — началось именно то перевариванье, о которомъ я вамъ докладывалъ. Понятія привились и ус-

вился: чужія формы постепенно испарились, языкъ въ собственныхъ нѣдрахъ нашелъ, чѣмъ ихъ замѣнить — и теперь вашъ покорный слуга, стилистъ весьма посредственный, берется перевести любую страницу изъ Гегеля, — да-съ, да-съ, изъ Гегеля, — не употребивъ ни одного не-славянскаго слова. Что̀ произошло съ языкомъ, то, должно надѣяться, произойдетъ и въ другихъ сферахъ. Весь вопросъ въ томъ — крѣпка ли натура? а наша натура — ничего, выдержитъ: не въ такихъ была передрягахъ. Бояться за свое здоровье, за свою самостоятельность могутъ одни нервные больные, да слабые народы; точно такъ же, какъ восторгаться до пѣны у рта тому, что мы — молъ русскіе — способны одни праздные люди. Я очень забочусь о своемъ здоровьѣ, но въ восторгъ отъ него не прихожу: совѣстно-съ.

— Все такъ, Созонтъ Иванычъ, — заговорилъ въ свою очередь Литвиновъ: — но зачѣмъ же непремѣнно подвергать насъ подобнымъ испытаніямъ? Сами-жъ вы говорите, что сначала вышло нѣчто чудовищное! ну, а коли это чудовищное такъ бы и осталось? Да оно и осталось, вы сами знаете.

— Только не въ языкѣ — а ужъ это много значитъ! А нашъ народъ не я дѣлалъ; не я виноватъ, что ему суждено проходить черезъ такую школу. „Нѣмцы правильно развивались“, — кричатъ славянофилы: — „подавайте и намъ правильное развитіе!“ Да гдѣ жъ его взять, когда самый первый историческій поступокъ нашего племени — призваніе себѣ князей изъ-за моря — есть уже неправильность, ненормальность, которая повторяется на каждомъ изъ насъ до сихъ поръ; каждый изъ насъ, хоть разъ въ жизни, непремѣнно чему-нибудь чужому, не русскому, сказалъ: „иди владѣй и княжи надо мною!“ — Я, пожалуй, готовъ согласиться, что, вкладывая иностранную суть въ собственное тѣло, мы никакъ не можемъ навѣрное знать заранѣе, что̀ такое мы вкладываемъ: кусокъ хлѣба или кусокъ яда? — да вѣдь извѣстное дѣло: отъ худого къ хорошему никогда не

идешь черезъ лучшее, а всегда черезъ худшее,—и ядъ въ медицинѣ бываетъ полезенъ. Однимъ только тупицамъ или пройдохамъ прилично указывать съ торжествомъ на бѣдность крестьянъ послѣ освобожденія, на усиленное ихъ пьянство послѣ уничтоженія откуповъ... Черезъ худшее къ хорошему!

Потугинъ провелъ рукой по лицу.

— Вы спрашивали меня, какого я мнѣнія о Европѣ, — началъ онъ опять:—я удивляюсь ей и преданъ ея началамъ до чрезвычайности и нисколько не считаю нужнымъ это скрывать. Я давно... нѣтъ, недавно... съ нѣкоторыхъ поръ пересталъ бояться высказывать свои убѣжденія... вѣдь вотъ и вы не усомнились заявить г-ну Губареву свой образъ мыслей. Я, славу Богу, пересталъ соображаться съ понятіями, воззрѣніями, привычками человѣка, съ которымъ бесѣдую. Въ сущности я ничего не знаю хуже той ненужной трусости, той подленькой угодливости, въ силу которой, посмотришь, иной важный сановникъ у насъ подѣлывается къ ничтожному въ его глазахъ студентику, чуть не заигрываетъ съ нимъ, зайцемъ къ нему забѣгаетъ. Ну, положимъ, сановникъ такъ поступаетъ изъ желанія популярности, а нашему брату, разночинцу, изъ чего вилять? Да-съ, да-съ, я западникъ, я преданъ Европѣ: то-есть, говоря точнѣе, я преданъ образованности, той самой образованности, надъ которою такъ мило у насъ теперь потѣшаются—цивилизаціи—да, да, это слово еще лучше—и люблю ее всѣмъ сердцемъ, и вѣрю въ нее, и другой вѣры у меня нѣтъ и не будетъ. Это слово: ци....ви....ли....зація (Потугинъ отчетливо, съ удареніемъ произнесъ каждый слогъ), и понятно, и чисто, и свято, а другія всѣ, народность тамъ, что ли, слава, кровью пахнутъ... Богъ съ ними!

— Ну, а Россію, Созонтъ Иванычъ, свою родину, вы любите?

Потугинъ провелъ рукой по лицу.

— Я ее страстно люблю, и страстно ее ненавижу.

Литвиновъ пожалъ плечами.

— Это старо, Созонтъ Иванычъ, это общее мѣсто.

— Такъ что же такое? Что за бѣда? Вотъ чего испугались! Общее мѣсто! Я знаю много хорошихъ общихъ мѣстъ. Да вотъ, напримѣръ: свобода и порядокъ — извѣстное общее мѣсто. Что жъ, по-вашему, лучше какъ у насъ: чиноначаліе и безурядица? И притомъ, развѣ всѣ эти фразы, отъ которыхъ такъ много пьянѣетъ молодыхъ головъ: презрѣнная буржуазія, souveraineté du peuple, право на работу, развѣ онѣ тоже не общія мѣста? А что до любви, неразлучной съ ненавистью....

— Байроновщина, перебилъ Литвиновъ — романтизмъ тридцатыхъ годовъ.

— Вы ошибаетесь, извините-съ: первый указалъ на подобное смѣшеніе чувствъ Катуллъ, римскій поэтъ Катуллъ*), дѣвятьсотъ тому назадъ. Я это у него вычиталъ, потому что нѣсколько знаю по-латыни, вслѣдствіе моего, если смѣю такъ выразиться, духовнаго происхожденія. Да съ: я и люблю и ненавижу свою Россію, свою страшную, милую, скверную, дорогую родину. Я теперь хотъ ее покинулъ: нужно было проѣхаться немного, послѣ двадцатилѣтняго сидѣнія за казеннымъ столомъ, въ казенномъ зданіи: я покинулъ Россію, и здѣсь мнѣ очень пріятно и весело; но я скоро назадъ поѣду, я это чувствую. Хороша садовая земля... да не рости на ней морошкѣ!

— Вамъ весело, вамъ пріятно, и мнѣ здѣсь хорошо,— сказалъ Литвиновъ,—и я сюда учиться пріѣхалъ; но это не мѣшаетъ мнѣ видѣть хотъ бы вотъ подобныя штучки...— Онъ указалъ на двухъ проходившихъ лоретокъ, около кото-

---

*) Odi et amo. Quare id faciam, fortasse, requiris?
Nescio: sed fieri sentio et excrucior.
Катуллъ, LXXXVI.

рыхъ кривлялось и картавило нѣсколько членовъ Жокей-Клуба, и на игорную залу, набитую биткомъ, несмотря на позднее время дня.

— Да кто жъ вамъ сказалъ, что и я слѣпъ на это?—подхватилъ Нотугинъ.—Только извините меня, ваше замѣчаніе напоминаетъ мнѣ торжествующія указанія нашихъ несчастныхъ журнальцевъ, во время крымской кампаніи, на недостатки англійскаго военнаго управленія, разоблаченные *Тэймсомъ*. Я самъ не оптимистъ, и все человѣческое, вся наша жизнь, вся эта комедія съ трагическимъ концомъ не представляется мнѣ въ розовомъ свѣтѣ; но зачѣмъ навязывать именно Западу то, что, быть-можетъ, коренится въ самой нашей человѣческой сути? Этотъ игорный домъ безобразенъ, точно; ну, а доморощенное наше шулерство, небось, красивѣе? Нѣтъ, любезнѣйшій Григорій Михайловичъ, будемте посмирнѣе, да потише: хорошій ученикъ видитъ ошибки своего учителя, но молчитъ о нихъ почтительно; ибо самыя эти ошибки служатъ ему въ пользу и наставляютъ его на прямой путь. А если вамъ непремѣнно хочется почесать зубки насчетъ гнилого Запада, то вотъ обѣхалъ рысцой князь Коко: онъ вѣроятно, спустилъ въ четверть часа за зеленымъ столомъ трудовой, вымученный оброкъ полутораста семействъ, нервы его раздражены, притомъ я видѣлъ, онъ сегодня у Маркса перелистывалъ брошюру Вёльйо. . Отличный вамъ будетъ собесѣдникъ!

— Да позвольте, позвольте,—поспѣшно проговорилъ Литвиновъ, видя, что Нотугинъ приподнимается съ мѣста,—Я князя Коко знаю очень мало, и ужъ, конечно, предпочитаю бесѣду съ вами...

— Очень вамъ благодаренъ,—перебилъ его Нотугинъ, вставая и раскланиваясь,—но я уже такъ-таки многонько бесѣдовалъ съ вами, то-есть собственно говорилъ я одинъ, а вы, вѣроятно, сами по себѣ замѣтили, что человѣку всегда какъ-то совѣстно и неловко становится, когда онъ много

наговорить — одинъ. Особенно такъ, съ перваго раза: вотъ-молъ я каковъ, посмотри! До пріятнаго свиданья.... А я, повторяю, очень радъ моему знакомству съ вами.

— Да постойте, Созонтъ Иванычъ, скажите по крайней мѣрѣ, гдѣ вы живете и долго ли здѣсь намѣрены остаться?

Потугина какъ будто слегка покоробило.

— Съ недѣлю я еще останусь въ Баденѣ, а впрочемъ мы можемъ сходиться вотъ тутъ, у Вебера или у Марка. А не то я къ вамъ зайду.

— Все-таки мнѣ нужно знать вашъ адресъ.

— Да. Но вотъ что: я не одинъ.

— Вы женаты? — внезапно спросилъ Литвиновъ.

— Нѣтъ, помилуйте.... зачѣмъ такъ несообразно говорить?... Но со мной дѣвица.

— А! — съ вѣжливою ужимкой, какъ бы извиняясь, промолвилъ Литвиновъ и потупилъ глаза.

— Ей всего шесть лѣтъ, — продолжалъ Потугинъ. — Она сирота.... дочь одной дамы... одной моей хорошей знакомой. Ужъ мы лучше будемъ сходиться здѣсь. Прощайте-съ.

Онъ нахлобучилъ шляпу на свою курчавую голову, и быстро удалился, мелькнувъ раза два подъ газовыми рожками, тогольно скупо освѣщающими дорогу, ведущую въ Лихтенталевской аллеѣ.

VI.

„Странный человѣкъ!“ думалъ Литвиновъ, направляясь въ гостинницѣ, въ которой остановился; „странный человѣкъ! Надо будетъ отыскать его“. Онъ вошелъ въ свою комнату; письмо на столѣ бросилось ему въ глаза. „А! отъ Тани!“ подумалъ онъ и заранѣе обрадовался; но письмо было изъ деревни, отъ отца. Литвиновъ сломилъ крупную гербовую печать и принялся-было читать.... Сильный, очень пріятный и знакомый запахъ поразилъ его. Онъ оглянулся

и увидѣлъ на окнѣ въ стаканѣ воды большой букетъ свѣжихъ геліотроповъ. Литвиновъ нагнулся къ нимъ не безъ удивленія, потрогалъ ихъ, понюхалъ.... Что-то какъ будто вспомнилось ему, что̀-то весьма отдаленное..., но что̀ именно, онъ не могъ придумать. Онъ позвонилъ слугу и спросилъ его, откуда взялись эти цвѣты? Слуга отвѣчалъ, что ихъ принесла дама, которая не хотѣла показаться, но сказала, что онъ-молъ „герръ Злуитенгофъ", по самымъ этимъ цвѣтамъ непремѣнно долженъ догадаться, кто она такая. Литвинову опять какъ будто что-то вспомнилось... Онъ спросилъ у слуги, какой наружности была дама? Слуга объяснилъ, что она была высокаго роста и прекрасно одѣта, а на лицѣ имѣла вуаль.

— Вѣроятно русская графиня,—прибавилъ онъ.

— Почему вы такъ полагаете? — спросилъ Литвиновъ.

— Она мнѣ дала два гульдена,—отвѣтилъ слуга и осклабился.

Литвиновъ услалъ его и долго потомъ стоялъ въ раздумьи передъ окномъ; наконецъ однако махнулъ рукой и снова принялся за письмо изъ деревни. Отецъ изливалъ въ немъ свои обычныя жалобы, увѣрялъ, что хлѣба никто даже даромъ не беретъ, что люди вышли вовсе изъ повиновенія и что, вѣроятно, скоро наступитъ конецъ свѣта. „Вообрази ты себѣ", писалъ онъ между прочимъ, „послѣдняго моего кучера, калмычонка, помнишь? испортили, и непремѣнно такъ бы и пропалъ человѣкъ, и ѣздить было бы не съ кѣмъ, да, спасибо, добрые люди надоумили и посовѣтовали отослать больного въ Рязань къ священнику, извѣстному мастеру противъ порчи; и леченіе дѣйствительно удалось какъ нельзя лучше, въ подтвержденіе чего прилагаю письмо самого батюшки, яко документъ". Литвиновъ съ любопытствомъ пробѣжалъ этотъ „документъ". Въ немъ обозначалось, что: „дворовый человѣкъ Никаноръ Дмитріевъ былъ одержимъ болѣзнію, по медицинской части недоступною; и

эта болѣзнь зависящая отъ злыхъ людей; а причиной онъ самъ, Никаноръ, ибо свое обѣщаніе передъ нѣкою дѣвицей не исполнилъ, а потому она черезъ людей сдѣлала его никуда неспособнымъ, и еслибъ не я въ этихъ обстоятельствахъ объявился ему помощникомъ, то онъ долженъ былъ совершенно погибнуть, какъ червь капустная; но азъ, надѣясь на Всевидящее Око, сдѣлался ему подпорой въ его жизни; а какъ я оное совершилъ, сіе есть тайна; а ваше благородіе прошу, чтобъ оной дѣвицѣ впредь такими злыми качествами не заниматься, и даже пригрозить не мѣшаетъ, а то она опять можетъ надъ нимъ злодѣйствовать". Задумался Литвиновъ надъ этимъ документомъ; повѣяло на него степною глушью, слѣпымъ мракомъ заплеснѣвѣвшей жизни, и чудно показалось ему, что онъ прочелъ это письмо именно въ Баденѣ. Между тѣмъ полночь уже давно пробила; Литвиновъ легъ въ постель и задулъ свѣчу. Но онъ не могъ заснуть: видѣнныя имъ лица, слышанныя имъ рѣчи то и-дѣло вертѣлись и кружились, странно сплетаясь и путаясь, въ его горячей, отъ табачнаго дыма разболѣвшейся головѣ. То чудилось ему мычанье Губарева и представлялись его внизъ устремленные глаза съ ихъ тупымъ и упрямымъ взглядомъ; то вдругъ эти самые глаза разгорались и прыгали, и онъ узнавалъ Суханчикову, слышалъ ея трескучій голосъ, и невольно, шепотомъ, повторялъ за нею: „дала, дала пощечину"; то выдвигалась передъ нимъ нескладная фигура Потугина, и онъ въ десятый, въ двадцатый разъ припоминалъ каждое его слово; то, какъ куколка изъ табакерки, выскакивалъ Ворошиловъ въ своемъ общелкнутомъ пальто, сидѣвшемъ на немъ какъ новый мундирчикъ, и Пищалкинъ мудро и важно кивалъ отлично-выстриженною и дѣйствительно благонамѣренною головой; а тамъ Биндасовъ гаркалъ и ругался, и Бамбаевъ восторгался слезливо... А главное: этотъ запахъ, неотступный, неотвязный, сладкій, тяжелый запахъ не давалъ ему покоя, и все сильнѣй и сильнѣй разливался

въ темнотѣ, и все настойчивѣе напоминалъ ему что-то, чего онъ никакъ уловить не могъ.... Литвинову пришло въ голову, что запахъ цвѣтовъ вреденъ для здоровья ночью въ спальнѣ, и онъ всталъ, ощупью добрелъ до букета и вынесъ его въ сосѣднюю комнату; но и оттуда проникалъ къ нему въ подушку, подъ одѣяло, томительный запахъ, и онъ тоскливо переворачивался съ боку на бокъ. Уже лихорадка начинала подкрадываться къ нему; уже священникъ „мастеръ противъ порчи“, два раза, въ видѣ очень прытkаго зайца съ бородой и косичкой, перебѣжалъ ему дорогу, и сидя въ огромномъ генеральскомъ султанѣ, какъ въ кустѣ, соловьемъ защелкалъ передъ нимъ Воронцовъ.... какъ вдругъ онъ приподнялся съ постели и, всплеснувъ руками, воскликнулъ: „Неужели *она*, не можетъ быть!“

Но для того, чтобъ объяснить это восклицаніе Литвинова, мы должны попросить снисходительнаго читателя вернуться съ нами за нѣсколько лѣтъ назадъ....

VII.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ проживало въ Москвѣ, въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ, чуть не въ бѣдности, многочисленное семейство князей Осининыхъ. То были настоящіе, не татаро-грузинскіе, а чистокровные князья, Рюриковичи; имя ихъ часто встрѣчается въ нашихъ лѣтописяхъ при первыхъ московскихъ великихъ князьяхъ, русской земли собирателяхъ; они владѣли обширными вотчинами и многими помѣстьями, неоднократно были жалованы за „работы и кровь и увѣчья“, засѣдали въ думѣ боярской, одинъ изъ нихъ даже писался съ „вичемъ“; но попали въ опалу по вражьему наговору въ „вѣдунствѣ и кореньяхъ“; ихъ разорили „страшно и несконечно“, отобрали у нихъ честь, сослали ихъ въ мѣста заглазныя; рухнули Осинины и уже не

справились, не вошли снова въ силу: опалу съ нихъ сняли со временемъ и даже „московскій дворишко“ и „рухлядишку“ возвратили, но ничто не помогло. Забѣднялъ, „захудалъ“ ихъ родъ — не родился ни при Петрѣ, ни при Екатеринѣ, и все мельчая и понижаясь, считалъ уже частныхъ управляющихъ, начальниковъ винныхъ конторъ и квартальныхъ надзирателей въ числѣ своихъ членовъ. Семейство Осининыхъ, о которомъ у насъ зашла рѣчь, состояло изъ мужа, жены и пяти человѣкъ дѣтей. Проживало оно около Собачьей-Площадки, въ одно-этажномъ деревянномъ домикѣ, съ полосатымъ параднымъ крылечкомъ на улицу, зелеными львами на воротахъ и прочими дворянскими затѣями, и едва-едва сводило концы съ концами, должая въ овощную лавочку и частенько сидя безъ дровъ и безъ свѣчъ по зимамъ. Самъ князь былъ человѣкъ вялый и глуповатый, вѣкогда красавецъ и франтъ, но совершенно опустившійся; ему, не столько изъ уваженія къ его имени, сколько изъ вниманія къ его женѣ, бывшей фрейлинѣ, дали одно изъ московскихъ старожавѣтныхъ мѣстъ съ небольшимъ жалованьемъ, мудренымъ названіемъ и безъ всякаго дѣла: онъ ни во что не вмѣшивался и только курилъ съ утра до вечера, не выходя изъ шлафрока и тяжело вздыхая. Супруга его была женщина больная и озлобленная, постоянно озабоченная хозяйственными дрязгами, помѣщеніемъ дѣтей въ казенныя заведенія и поддержкой петербургскихъ связей: она никакъ не могла свыкнуться съ своимъ положеніемъ и удаленіемъ отъ двора.

Отецъ Литвинова, въ бытность свою въ Москвѣ, познакомился съ Осиниными, имѣлъ случай оказать имъ нѣкоторыя услуги, далъ имъ однажды рублей триста взаймы; и сынъ его, будучи студентомъ, часто къ нимъ наѣзжалъ; кстати жъ его квартира находилась не въ дальнемъ разстояніи отъ ихъ дома. Но не близость сосѣдства привлекала его, не плохія удобства ихъ образа жизни его соблазняли;

онъ сталъ часто посѣщать Осининыхъ съ тѣхъ поръ, какъ влюбился въ ихъ старшую дочь, Ирину.

Ей минуло тогда семнадцать лѣтъ; она только что оставила институтъ, откуда мать ее взяла по непріятности съ начальницей. Непріятность произошла отъ того, что Ирина должна была произнести на публичномъ актѣ привѣтственные стихи поочередно на французскомъ языкѣ, а передъ самымъ актомъ ее смѣнила другая дѣвица, дочь очень богатаго откупщика. Княгиня не могла переварить этотъ афронтъ; да и сама Ирина не простила начальницѣ ея несправедливости: она уже заранѣе мечтала о томъ, какъ на виду всѣхъ, привлекая всеобщее вниманіе, она встанетъ, скажетъ свою рѣчь, и какъ Москва потомъ заговоритъ о ней... И точно: Москва вѣроятно заговорила бы объ Ринѣ. Это была дѣвушка высокая, стройная, съ нѣсколько впалою грудью и молодыми узкими плечами, съ рѣдкою въ ея лѣта бѣлизною кожей, чистою и гладкою какъ фарфоръ, съ густыми бѣлокурыми волосами, ихъ темныя пряди оригинально перемежались другими, свѣтлыми. Черты ея лица, плавно, почти изысканно правильныя, не вполнѣ еще утратили то простодушное выраженіе, которое свойственно порѣ молодости; но въ медлительныхъ наклоненіяхъ ея красивой шейки, въ улыбкѣ, не то разсѣянной, не то усталой, сказывалась нервическая барышня, а въ самомъ рисункѣ этихъ, чуть улыбавшихся, тонкихъ губъ, этого небольшого, орлинаго, нѣсколько сжатаго носа было что-то своевольное и страстное, что-то опасное и для другихъ, и для нея. Поразительны, истинно поразительны были ея глаза, изъ черна сѣрые, съ зеленоватыми отливами, съ поволокой, длинные, какъ у египетскихъ божествъ, съ лучистыми рѣсницами и смѣлымъ размахомъ бровей. Странное выраженіе было у этихъ глазъ: они какъ будто глядѣли, внимательно и задумчиво глядѣли изъ какой-то невѣдомой глубины и дали. Въ институтѣ Ирина слыла за одну изъ лучшихъ ученицъ

по уму и способностямъ, но съ характеромъ непостоянным, властолюбивымъ и съ бѣдовою головой; одна классная дама напророчила ей, что ея страсти ее погубятъ — „vos passions vous perdront"; за то другая классная дама ее преслѣдовала за холодность и безчувственность, и называла ее „une jeune fille sans coeur". Подруги Ирины находили ее гордою и скрытною, братья и сестры ея побаивались, мать ей не довѣряла, а отцу становилось неловко, когда она устремляла на него свои таинственные глаза; но и отцу и матери она внушала чувство невольнаго уваженія не въ силу своихъ качествъ, а въ силу особенныхъ, неясныхъ ожиданій, которыя она въ нихъ возбуждала, Богъ вѣдаетъ почему.

— Вотъ ты увидишь, Прасковья Даниловна, сказалъ однажды старый князь, вынимая чубукъ изо рта, — Аринка-то насъ еще вывезетъ.

Княгиня разсердилась и сказала мужу, что у него „des expressions insupportables", но потомъ задумалась и повторила сквозь зубы:

— Да... и хорошо бы насъ вывезти.

Ирина пользовалась почти неограниченною свободою въ родительскомъ домѣ; ее не баловали, даже немного чуждались ея, но и не прекословили ей: она только того и хотѣла... Бывало, при какой-нибудь уже слишкомъ унизительной сценѣ: лавочникъ ли придетъ и станетъ кричать на весь дворъ, что ему ужъ надоѣло таскаться за своими же деньгами, собственные ли люди примутся въ глаза бранить своихъ господъ, что вы, молъ, за князья, коли сами съ голоду въ кулакъ свищете, — Ирина даже бровью не пошевельнетъ и сидитъ неподвижно, со злою улыбкою на сумрачномъ лицѣ; а родителямъ ея одна улыбка горше всякихъ упрековъ, и чувствуютъ они себя виноватыми, безъ вины виноватыми, передъ этимъ существомъ, которому какъ будто съ самаго рожденія дано было право на богатство, на роскошь, на поклоненіе.

Литвиновъ влюбился въ Ирину, какъ только увидалъ ее (онъ былъ всего тремя годами старше ея), но долгое время не могъ добиться не только взаимности, но и вниманія. На ея обращеніи съ нимъ лежалъ даже отпечатокъ какой-то враждебности; точно онъ обидѣлъ ее, и она глубоко затаила обиду, а простить ея не могла. Онъ былъ слишкомъ молодъ и скроменъ въ то время, чтобы понять, что могло скрываться подъ этою враждебною, почти презрительною суровостью. Бывало, забывъ лекціи и тетради, сидитъ онъ въ невеселой гостиной Осининскаго дома, сидитъ и украдкой смотритъ на Ирину: сердце въ немъ медленно и горестно таетъ и давитъ ему грудь; а она какъ будто сердится какъ будто скучаетъ, встанетъ, пройдется по комнатѣ, холодно посмотритъ на него, какъ на столъ или на стулъ, пожметъ плечомъ и сложитъ руки; или въ теченіе цѣлаго вечера, даже разговаривая съ Литвиновымъ, нарочно ни разу не взглянетъ на него, какъ бы отказывая ему и въ этой милостынѣ: или, наконецъ, возьметъ книжку и уставится въ нее, не читая, хмурится и кусаетъ губы, а не то вдругъ громко спроситъ у отца или у брата: какъ по-нѣмецки терпѣніе? Онъ попытался вырваться изъ заколдованнаго круга, въ которомъ мучился и бился безустанно, какъ птица, попавшая въ западню; онъ отлучился на недѣлю изъ Москвы. Чуть не сошелъ съ ума отъ тоски и скуки, весь исхудалый, больной, вернулся онъ къ Осининымъ... Странное дѣло! Ирина тоже замѣтно похудѣла за эти дни, лицо ея пожелтѣло, щеки осунулись... но встрѣтила она его съ большей еще холодностью, съ почти злораднымъ небреженіемъ, точно онъ еще увеличилъ ту тайную обиду, которую ей нанесъ... Такъ мучила она его мѣсяца два. Потомъ въ одинъ день все измѣнилось. Словно вспыхнула пожаромъ, словно грозовою тучею налетѣла любовь. Однажды — онъ долго помнилъ этотъ день — онъ опять сидѣлъ въ гостиной Осининыхъ у окна и смотрѣлъ безсмысленно на улицу, и досадно ему было, и скучно, и презиралъ

онъ самого себя, и съ мѣста двинуться онъ не могъ... Казалось, теки рѣка тутъ же подъ окномъ, бросился бы онъ въ нее съ ужасомъ, но безъ сожалѣнія. Ирина помѣстилась недалеко отъ него и какъ-то странно молчала и не шевелилась. Она уже нѣсколько дней не говорила съ нимъ вовсе, да и ни съ кѣмъ она не говорила; все сидѣла, подпершись руками, словно недоумѣвала, и лишь изрѣдка медленно осматривалась кругомъ. Это холодное томленіе пришлось наконецъ не въ мочь Литвинову; онъ всталъ и, не прощаясь, началъ искать свою шапку. „Останьтесь", послышался вдругъ тихій шопотъ. Сердце дрогнуло въ Литвиновѣ, онъ не сразу узналъ голосъ Ирины: что-то небывалое прозвучало въ одномъ этомъ словѣ. Онъ поднялъ голову и остолбенѣлъ: Ирина ласково, да, ласково, глядѣла на него. „Останьтесь, повторила она, не уходите. Я хочу быть съ вами". Она еще понизила голосъ. „Не уходите... я хочу". Ничего не понимая, не сознавая хорошенько, что онъ дѣлаетъ, онъ приблизился къ ней, протянулъ руки... Она тотчасъ подала ему обѣ свои, потомъ улыбнулась, вспыхнула вся, отвернулась, и не переставая улыбаться, вышла изъ комнаты... Черезъ нѣсколько минутъ она возвратилась вмѣстѣ съ младшею сестрой, опять взглянула на него тѣмъ же долгимъ и кроткимъ взглядомъ и усадила его возлѣ себя... Сперва она ничего не могла сказать; только вздыхала и краснѣла; потомъ начала, словно робѣя, разспрашивать его объ его занятіяхъ, чего она прежде никогда не дѣлала. Вечеромъ того же дня она нѣсколько разъ принималась извиняться передъ нимъ въ томъ, что не умѣла оцѣнить его до сихъ поръ, увѣряла его, что она теперь совсѣмъ другая стала, удивила его внезапною республиканскою выходкой — (онъ въ то время благоговѣлъ передъ Робеспьеромъ и не дерзалъ громко осуждать Марата), а недѣлю спустя, онъ ужъ зналъ, что она его полюбила. Да; онъ долго помнилъ тотъ первый день... но не забылъ онъ также и послѣдующихъ. — Тѣхъ

дней, когда еще сидясь сомнѣваться и боясь повѣрить, онъ съ замираніями восторга, чуть не испуга, видѣлъ ясно, какъ нарождалось, росло, и неотразимо захватывая все передъ собою, нахлынуло наконецъ нежданное счастье. Наступили свѣтлыя мгновенья первой любви, мгновенья, которымъ не суждено, да и не слѣдуетъ повторяться въ одной и той же жизни. Ирина стала вдругъ нова,лира какъ овечка, мягка какъ шелкъ и безконечно добра; принялась давать уроки своимъ младшимъ сестрамъ, — не на фортепіано, — она не была музыкантшей, — но во французскомъ языкѣ, въ англійскомъ; читала съ ними ихъ учебники, входила въ хозяйство; все ее забавляло, все занимало ее, она то бѣгала безъ умолку, то погружалась въ безмолвное умиленіе: строила различные планы, пускалась въ нескончаемыя предположенія о томъ, что она будетъ дѣлать, когда выйдетъ замужъ за Литвинова (они нисколько не сомнѣвались въ томъ, что бракъ ихъ состоится), какъ они станутъ вдвоемъ.... „трудиться?" подсказывалъ Литвиновъ.... „Да, трудиться, повторяла Ирина, читать.... но главное путешествовать". Ей особенно хотѣлось оставить поскорѣе Москву, и когда Литвиновъ представлялъ ей, что онъ еще не кончилъ курса въ университетѣ, она каждый разъ, подумавъ немного, возражала, что можно доучиться въ Берлинѣ или... такъ гдѣ-нибудь. Ирина мало стѣснялась въ выраженіи чувствъ своихъ, а потому для князя и княгини расположеніе ея къ Литвинову оставалось тайной не долго. Объясняться они не обращались, но, вообразивъ всѣ обстоятельства, не сочли нужнымъ наложить тотчасъ свое „veto". Состояніе Литвинова было порядочное.... „Но фамилія, фамилія!..." замѣчала княгиня. „Ну, конечно, фамилія, — отвѣчалъ князь; да все жъ онъ не разночинецъ, а главное: вѣдь Ирина не послушается насъ. Развѣ было когда-нибудь, чтобъ она не сдѣлала того, чего захотѣла? Vous connaissez sa violette! При томъ же опредѣлительнаго еще ничего нѣтъ". Такъ разсуждалъ князь,

и тутъ же однако мысленно прибавилъ: „Мадамъ Литвинова — и только? Я ожидалъ другого". Ирина вполнѣ завладѣла своимъ будущимъ женихомъ, да и онъ самъ охотно отдался ей въ руки. Онъ словно попалъ въ водоворотъ, словно потерялъ себя... И жутко ему было, и сладко, и ни о чемъ онъ не жалѣлъ, и ничего не берёгъ. Размышлять о значеніи, объ обязанностяхъ супружества, о томъ, можетъ ли онъ, столь безвозвратно покоренный, быть хорошимъ мужемъ, и какая выйдетъ изъ Ирины жена, и правильны ли отношенія между ними—онъ не могъ рѣшить: кровь его загорѣлась, и онъ зналъ одно: идти за нею, съ нею, впередъ и безъ конца, а тамъ будь что будетъ! Но несмотря на всякое отсутствіе сопротивленіе со стороны Литвинова, на избытокъ порывистой нѣжности со стороны Ирины, дѣло все-таки не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній и толчковъ. Однажды онъ забѣжалъ къ ней прямо изъ университета въ старомъ сертукѣ, съ руками, запачканными въ чернилахъ. Она бросилась къ нему на встрѣчу съ обычнымъ ласковымъ привѣтомъ и вдругъ остановилась.

— У васъ нѣтъ перчатокъ,—съ разстановкою проговорила она, и тотчасъ же прибавила: —фи! какой вы... студентъ!

— Вы слишкомъ впечатлительны, Ирина,—замѣтилъ Литвиновъ.

— Вы... настоящій студентъ, — повторила она: — vous n'êtes pas distingué

И, повернувшись къ нему спиной, она вышла вонъ изъ комнаты. Правда, часъ спустя, она умоляла его простить ее... Вообще, она охотно каялась и винилась передъ нимъ: только - странное дѣло! она часто, чуть не плача, обвиняла себя въ дурныхъ побужденіяхъ, которыхъ не имѣла, и упорно отрицала свои дѣйствительные недостатки. Въ другой разъ онъ засталъ ее въ слезахъ, съ головою опертою на руки, съ распущенными локонами; и когда, весь перетревоженный, онъ спросилъ о причинѣ ея печали, она молча

указала пальцемъ себѣ на грудь. Литвиновъ невольно вздрогнулъ. „Чахотка“! мелькнуло у него въ головѣ, и онъ схватилъ ее за руку.

— Ты больна?—произнесъ онъ трепетнымъ голосомъ (они ужъ начали въ важныхъ случаяхъ говорить „ты“ другъ другу).—Такъ я сейчасъ за докторомъ...

Но Ирина не дала ему кончить, и съ досадой топнула ножкой.

— Я совершенно здорова... но это платье... развѣ вы не понимаете?

— Что такое?... это платье... проговорилъ онъ съ недоумѣніемъ.

— Что такое? А то, что у меня другого нѣтъ, и что оно старое, гадкое, и я принуждена надѣвать это платье каждый день... даже когда ты... когда вы приходите... Ты наконецъ разлюбишь меня, видя меня такой замарашкой!

— Помилуй, Ирина, что ты говоришь! И платье это прелестное... Оно мнѣ еще потому дорого, что я въ первый разъ въ немъ тебя видѣлъ.

Ирина покраснѣла.

— Не напоминайте мнѣ, пожалуйста, Григорій Михайловичъ, что у меня уже тогда не было другого платья.

— Но увѣряю васъ, Ирина Павловна, оно прелесть какъ идетъ къ вамъ

— Нѣтъ, оно гадкое, гадкое,—твердила она, нервически дергая свои длинные, мягкіе локоны.—Охъ, эта бѣдность, бѣдность, темнота! Какъ избавиться отъ этой бѣдности! Какъ выйдти, выйдти изъ темноты.

Литвиновъ не зналъ что сказать и слегка отворотился.

Вдругъ Ирина вскочила со стула и положила ему обѣ руки на плечи.

— Но вѣдь ты меня любишь? Ты любишь меня? –промолвила она, приблизивъ къ нему свое лицо, и глаза ея, еще

полные слезъ, засверкали веселостью счастья. — Ты любишь меня и въ этомъ гадкомъ платьѣ?

Литвиновъ бросился передъ ней на колѣни.

— Ахъ, люби меня, люби меня, мой милый, мой спаситель, — прошептала она, пригибаясь къ нему.

Такъ дни неслись, проходили недѣли, и хотя никакихъ еще не произошло формальныхъ объясненій, хотя Литвиновъ все еще медлилъ съ своимъ запросомъ, конечно, не по собственному желанію, а въ ожиданіи повелѣнія отъ Ирины (она какъ-то разъ замѣтила, что мы де оба смѣшно молоды, надо хоть нѣсколько недѣль еще къ нашимъ годамъ прибавить); но уже все подвигалось къ развязкѣ, и ближайшее будущее обозначалось яснѣй и яснѣй, какъ вдругъ совершилось событіе, развѣявшее, какъ легкую дорожную пыль, всѣ тѣ предположенія и планы.

VIII.

Въ ту зиму дворъ посѣтилъ Москву. Одни празднества смѣнялись другими; наступила очередь и обычному большому балу въ Дворянскомъ Собраніи. Вѣсть объ этомъ балѣ, правда, въ видѣ объявленія въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*, дошла и до домика на Собачьей Площадкѣ. Князь всполошился первый; онъ тотчасъ рѣшилъ, что надо непремѣнно ѣхать и везти Ирину, что непростительно упускать случай видѣть своихъ государей, что для столбовыхъ дворянъ въ этомъ заключается даже своего рода обязанность. Онъ настаивалъ на своемъ мнѣніи съ особеннымъ, вовсе ему не свойственнымъ жаромъ; княгиня до нѣкоторой степени соглашалась съ нимъ и только вздыхала объ издержкахъ; но рѣшительное сопротивленіе оказала Ирина. „Не нужно, не поѣду", отвѣчала она на всѣ родительскіе доводы. Ея упорство приняло такіе размѣры, что старый князь рѣшился наконецъ попросить Литвинова постараться уго-

зорить ее, представивъ ей, въ числѣ другихъ „резоновъ", что молодой дѣвушкѣ неприлично дичиться свѣта, что слѣдуетъ „и это испытать", что ужъ и такъ ее никто нигдѣ не видитъ. Литвиновъ взялся представить ей эти „резоны". Ирина пристально и внимательно посмотрѣла на него, такъ пристально и такъ внимательно, что онъ смутился, и, поигравъ концами своего пояса, спокойно промолвила:

— Вы этого желаете? вы?

— Да... я полагаю,—отвѣчалъ съ запинкой Литвиновъ.—Я согласенъ съ вашимъ батюшкой... Да и почему вамъ не поѣхать... людей посмотрѣть и себя показать,—прибавилъ онъ съ короткимъ смѣхомъ.

— Себя показать,—медленно повторила она.—Ну, хорошо, я поѣду... Только помните, вы сами этого желали.

— То-есть, я...—началъ-было Литвиновъ.

— Вы сами этого желали,—перебила она.—И вотъ еще одно условіе: вы должны мнѣ обѣщать, что весь на этомъ балѣ не будете.

— Но отчего же?

— Мнѣ такъ хочется.

Литвиновъ разставилъ руки.

— Покорюсь... но, признаюсь, мнѣ было бы такъ весело видѣть васъ во всѣхъ великолѣпіи, быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое вы непремѣнно произведете... Какъ бы я гордился вами!—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Ирина усмѣхнулась.

— Все это великолѣпіе будетъ состоять въ бѣломъ платьѣ, а что до впечатлѣнія... Ну, словомъ, я такъ хочу.

— Ирина, ты какъ будто сердишься?

Ирина усмѣхнулась опять.

— О, нѣтъ! Я не сержусь. Только ты... (Она вперила въ него свои глаза, и ему показалось, что онъ еще никогда не видалъ въ нихъ такого выраженія). Можетъ быть, это нужно,—прибавила она вполголоса.

— Но, Ирина, ты меня любишь?

— Я люблю тебя,—отвѣтила она съ почти торжественною важностью и крѣпко, по-мужски, пожала ему руку.

Всѣ слѣдующіе дни Ирина тщательно занималась своимъ туалетомъ, своею прической; наканунѣ бала она чувствовала себя нездоровою, не могла усидѣть на мѣстѣ, всплакнула раза два въ одиночку: при Литвиновѣ она какъ-то однообразно улыбалась... впрочемъ, обходилась съ нимъ попрежнему нѣжно, но разсѣянно, и то-и дѣло посматривала на себя въ зеркало. Въ самый день бала она была очень молчалива и блѣдна, но спокойна. Часу въ девятомъ вечера Литвиновъ пришелъ посмотрѣть на нее. Когда она вышла къ нему въ бѣломъ тарлатановомъ платьѣ, съ вѣткой небольшихъ синихъ цвѣтовъ въ слегка приподнятыхъ волосахъ, онъ такъ и ахнулъ: до того она ему показалась прекрасною и величественною, ужъ точно не по лѣтамъ. „Да, она выросла съ утра“,—подумалъ онъ,— „и какая осанка! Что значитъ, однако, порода?“ Ирина стояла передъ нимъ съ опущенными руками, не улыбаясь и не жеманясь, и глядѣла рѣшительно, почти смѣло, не на него, а куда-то вдаль, прямо передъ собою.

— Вы точно сказочная царевна,—промолвилъ наконецъ Литвиновъ:—или нѣтъ: вы какъ полководецъ передъ сраженіемъ, передъ побѣдой... Вы не позволили мнѣ ѣхать на этотъ балъ,—продолжалъ онъ, между тѣмъ какъ она попрежнему не шевелилась, и не то чтобы не слушала его а слѣдила за другою, внутреннею рѣчью:—но вы не откажетесь принять отъ меня и взять съ собою эти цвѣты?

Онъ подалъ ей букетъ изъ геліотроповъ.

Она быстро взглянула на Литвинова, протянула руку, и внезапно схвативъ конецъ вѣтки, украшавшей ея голову, промолвила:

— Хочешь? Скажи только слово, и я сорву все это и останусь дома.

У Литвинова сердце такъ и покатилось. Рука Ирины уже срывала вѣтку...

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ же,—подхватилъ онъ торопливо, въ порывѣ благодарныхъ и великодушныхъ чувствъ:—я не эгоистъ, зачѣмъ стѣснять свободу... когда я знаю, что твое сердце...

— Ну, такъ не подходите, платье изомнете,—посѣщно проговорила она.

Литвиновъ смѣшался.

— А букетъ возьмете?—спросилъ онъ.

— Конечно: онъ очень милъ, и я очень люблю этотъ запахъ. Mercі... Я его сохраню на память...

— Перваго вашего выѣзда, — замѣтилъ Литвиновъ: — перваго вашего торжества.

Ирина посмотрѣла на себя въ зеркало чрезъ плечо, чуть согнувши станъ.

— И будто я въ самомъ дѣлѣ такъ хороша? Вы не пристрастны?

Литвиновъ разсыпался въ восторженныхъ похвалахъ. Но Ирина уже не слушала его и, подпеся букетъ къ лицу, опять глядѣла куда-то вдаль, своими страннымн, словно потемнѣвшими и расширенными глазами, а поколебленные легкимъ движеніемъ воздуха концы тонкихъ лентъ слегка приподнимались у ней за плечами, словно крылья.

Появился князь, завитой, въ бѣломъ галстукѣ, черномъ полиняломъ фракѣ и съ владимірскою лентой дворянской медали въ петлицѣ; за нимъ вошла княгиня въ шелковомъ платьѣ нинѣ, стараго покроя, и съ тою суровою заботливостью, подъ которою матери стараются скрыть свое волненіе, оправила сзади дочь, то-есть, безо всякой нужды встряхнула складками ея платья. Четверомѣстный ямской рыдванъ, запряженный двумя мохнатыми клячами, подползъ къ крыльцу, скрыня колесами по сугробамъ неразметаннаго снѣга, и тщедушный лакей въ неправдоподобной ливреѣ выскочилъ

изъ передней и съ нѣкоторою отчаянностью доложилъ, что карета готова... Благословивъ на ночь оставшихся дѣтей и облачившись въ мѣховыя одежды, князь и княгиня направились къ крыльцу; Ирина въ жиденькомъ, коротенькомъ салопчикѣ, — ужъ какъ же ненавидѣла она этотъ салопчикъ! — молча послѣдовала за ними. Провожавшій ихъ Литвиновъ надѣялся получить прощальный взглядъ отъ Ирины, но она сѣла въ карету, не оборачивая головы.

Около полуночи онъ прошелся подъ окнами Собранія. Безчисленные огни громадныхъ люстръ сквозили свѣтлыми точками изъ-за красныхъ занавѣсей и по всей площади, заставленной экипажами, нахальнымъ, праздничнымъ вызовомъ разносились звуки штраусовскаго вальса.

На другой день, часу въ первомъ, Литвиновъ отправился къ Осининымъ. Онъ засталъ дома одного князя, который тотчасъ же ему объявилъ, что у Ирины болитъ голова, что она лежитъ въ постели и не встанетъ до вечера, что, впрочемъ, такое разстройство ни мало не удивительно послѣ перваго бала.

— C'est très naturel, vous savez, dans les jeunes filles, — прибавилъ онъ по-французски, что̀ нѣсколько поразило Литвинова, который въ то же мгновеніе замѣтилъ, что на князѣ былъ не шлафрокъ, какъ обыкновенно, а сюртукъ. — И притомъ, — продолжалъ Осининъ: — какъ ей было не занемочь послѣ вчерашнихъ происшествій!

— Происшествій? — пробормоталъ Литвиновъ.

— Да, да, происшествій, происшествій, de vrais événements. Вы не можете себѣ представить, Григорій Михайловичъ, quel succès elle a eu! Весь дворъ замѣтилъ ее! Князь Александръ Ѳедоровичъ сказалъ, что ей мѣсто не здѣсь, и что она напоминаетъ ему графиню Девонширскую... ну, вы знаете, ту... извѣстную... А старикъ Блазенкрампфъ объявилъ во всеуслышаніе, что Ирина — la reine du bal, и пожелалъ ей представиться; онъ и мнѣ представился, то-

есть, онъ мнѣ сказалъ, что онъ меня помнитъ гусаромъ и спрашивалъ, гдѣ я теперь служу. Презабавный этотъ графъ, и такой adorateur du beau sexe! „Да что я! княгиня моя... и тотъ не далъ покоя: Наталья Никитишна сама съ ней заговаривала... чего больше? Ирина танцовала avec tous les meilleurs cavaliers: ужъ подводили мнѣ ихъ, подводили... я и счетъ потерялъ. Новѣйте ли: такъ всѣ и ходятъ толпами вокругъ насъ: въ мазурѣ только ее и разбиралъ. Одинъ иностранный дипломатъ, узнавъ, что она москвичка, сказалъ Государю! „Sire", — сказалъ онъ: — „décidément c'est Moscou qui est le centre de votre empire!" а другой дипломатъ прибавилъ: „C'est une vraie revolution, Sire"; revelation или révolution... что-то въ этомъ родѣ. „Да... да... это... это... я вамъ скажу: это было что-то необыкновенное.

— Ну, а сама Ирина Павловна? — спросилъ Литвиновъ, у котораго во время княжеской рѣчи подошли ноги и руки: — веселилась, казалась довольна?

— Конечно веселилась: еще бы ей не быть довольной! А впрочемъ, вы знаете, ея сразу не разберешь. Вотъ мнѣ говоритъ вчера: какъ это удивительно! jamais on ne dirait que mademoiselle votre fille est à son premier bal. Графъ Рейзенбахъ между прочимъ... да вы его навѣрное знаете...

— Нѣтъ, я его вовсе не знаю и не знать никогда.

— Двоюродный братъ моей жены...

— Не знаю я его.

— Богачъ, камергеръ, въ Петербургѣ живетъ, въ ходу человѣкъ, въ Министерствѣ вѣсъ имѣетъ... До сихъ поръ онъ нами пренебрегалъ... да вѣдь я за нимъ не гонюсь. J'ai l'humeur facile, comme vous savez. Ну, такъ вотъ онъ. Подсѣлъ къ Ирѣ, побесѣдовалъ съ ней четверть часа, не болѣе, и говоритъ потомъ моей княгинѣ: „Ma cousine, говоритъ, votre fille est une perle; c'est une perfection: васъ поздравляютъ меня съ такой племянницей"... А потомъ, я слышу: подошелъ онъ къ... важной особѣ и говоритъ, я самъ

все посматриваетъ на Ирину... ну, и особа посматриваетъ...

— И такъ-таки Ирина Павловна цѣлый день не покажется? — опять спросилъ Литвиновъ.

— Да: у ней голова очень болитъ. Она велѣла вамъ кланяться и благодарить васъ за вашъ букетъ, qu'on a trouvé charmant. Ей нужно отдохнуть... Княгиня моя поѣхала съ визитами... да и я самъ, вотъ...

Князь закашлялся и засѣменилъ ногами, какъ бы затрудняясь, что еще прибавить. Литвиновъ взялъ шляпу, сказалъ, что не намѣренъ мѣшать ему и зайдетъ позже освѣдомиться о здоровьи, и удалился.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Осининскаго дома онъ увидѣлъ остановившуюся передъ полицейскою будкой щегольскую двумѣстную карету. Ливрейный, тоже щегольской лакей, небрежно нагнувшись съ козелъ, разспрашивалъ будочника изъ чухонцевъ, гдѣ здѣсь живетъ князь Нагель Васильевичъ Осининъ. Литвиновъ заглянулъ въ карету: въ ней сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, геморроидальной комплекціи съ сморщеннымъ и надменнымъ лицомъ, греческимъ носомъ и злыми губами, закутанный въ соболью шубу, по всѣмъ признакамъ важный сановникъ.

IX.

Литвиновъ не сдержалъ своего обѣщанія зайти попозже: онъ сообразилъ, что лучше отложить посѣщеніе до слѣдующаго дня. Войдя, часовъ около двѣнадцати, въ слишкомъ знакомую гостиную, онъ нашелъ тамъ двухъ младшихъ княженъ, Викторинькy и Клеопатриньку. Онъ поздоровался съ ними, потомъ спросилъ: легче ли Ринѣ Павловнѣ и можно ли ее видѣть.

— Ириночка уѣхала съ мамасей, — отвѣчала Викторинька; она хотя и сюсюкала, но была бойчѣе своей сестры.

— Какъ... уѣхала? — повторилъ Литвиновъ, и что-то тихо

задрожало у него въ самой глубинѣ груди. — Развѣ... развѣ... развѣ она объ эту пору не занимается съ вами, не даетъ вамъ уроковъ?

— Приночка теперь усь больсе намъ уроковъ давать не будетъ,—отвѣчала Викторинька.—Теперь ужъ не будетъ, —повторила за ней Клеопатринька.

— А папа вашъ дома? —спросилъ Литвиновъ.

— И папаси нѣтъ дома, —продолжала Викторинька:—а Приночка нездорова: она всю ночь плакала, плакала...

— Плакала?

— Да, плакала... Мнѣ Егоровна сказала: —и глаза у ней такіе красные, такъ они и распу-ухли ..

Литвиновъ прошелся раза два по комнатѣ, чуть-чуть вздрагивая, словно отъ холода, и возвратился къ себѣ на квартиру. Онъ испытывалъ ощущеніе, подобное тому, которое овладѣетъ человѣкомъ, когда онъ смотритъ съ высокой башни внизъ: вся внутренность его замирала, и голова кружилась тихо и притворно. Тупое недоумѣніе и мышья бѣготня мыслей, неясный ужасъ и нѣмота ожиданія, и любопытство, странное, почти злорадное, въ сдавленномъ горлѣ горечь непролитыхъ слезъ, на губахъ усиліе пустой усмѣшки, и мольба безсмысленная, ни къ кому не обращенная... о, какъ это все было жестоко и унизительно безобразно! „Ирина не хочетъ меня видѣть“, безпрестанно вертѣлось у него въ головѣ; —„это ясно; но почему же? Что такое могло произойти на этомъ злополучномъ балѣ? И какъ же возможна вдругъ такая перемѣна? Такъ внезапно... (Люди безпрестанно видятъ, что смерть приходитъ внезапно, но привыкнуть къ ея внезапности никакъ не могутъ, и находятъ ее безсмысленною). Ничего мнѣ не велѣть сказать, не хотѣть объясниться со мною“...

— Григорій Михайлычъ,— произнесъ чей-то напряженный голосъ надъ самымъ его ухомъ.

Литвиновъ встрепенулся и увидалъ передъ собою своего

человѣка съ запиской въ рукахъ. Онъ узналъ почеркъ Ирины .. Еще не распечатавъ записки, онъ уже предчувствовалъ бѣду и склонилъ голову на грудь, и поднялъ плечи, какъ бы хоронясь отъ удара.

Онъ собрался наконецъ съ духомъ и разомъ разорвалъ конвертъ. На небольшомъ листикѣ почтовой бумаги стояли слѣдующія слова:

„Простите меня, Григорій Михайлычъ. Все кончено между нами: я переѣзжаю въ Петербургъ. Мнѣ ужасно тяжело, но дѣло сдѣлано. Видно, моя судьба... да нѣтъ, я не хочу оправдываться. Предчувствія мои сбылись. Простите меня, забудьте меня: я не стою васъ.

„Ирина“.

„Будьте великодушны: не старайтесь меня увидѣть“.

Литвиновъ прочелъ эти пять строкъ и медленно опустился на диванъ, словно кто пихнулъ его въ грудь. Онъ выронилъ записку, поднялъ ее, прочелъ слова, шепнулъ: „въ Петербургъ“, снова ее выронилъ, и только. На него нашла даже тишина: онъ даже своими закинутыми назадъ руками поправилъ подушку подъ головой. „Убитые на смерть не мечутся“,—подумалъ онъ:—„какъ палетъ, такъ и улетѣло... Все это естественно; я всегда этого ожидалъ... (Онъ лгалъ передъ самимъ собою: онъ никогда ничего подобнаго не ожидалъ). Плакала?... Она плакала?... О чемъ же она плакала? Вѣдь она не любила меня! Впрочемъ, все это понятно и согласно съ ея характеромъ. Она, она меня не стоитъ... Вотъ какъ!“ (Онъ горько усмѣхнулся). „Она сама не знала, какая въ ней таилась сила, ну, а убѣдившись въ ея дѣйствіи на балѣ, какъ же ей было остановиться на ничтожномъ студентѣ... все это понятно“.

Но тутъ онъ вспомнилъ ея нѣжныя слова, ея улыбки и эти глаза, незабвенные глаза, которыхъ онъ никогда не увидитъ, которые и свѣтились и таяли при одной мысли съ

его глазами; онъ вспомнилъ еще одно, быстрое, робкое, жгучее лобзаніе — и онъ вдругъ зарыдалъ, зарыдалъ судорожно, бѣшено, ядовито, перевернулся ничь, и захлебываясь и задыхаясь, съ неистовымъ наслажденіемъ, какъ бы желая растерзать и самого себя и все вокругъ себя, забылъ свое воспаленное лицо въ подушку дивана, укусилъ ее...

Увы! тотъ господинъ, кого Литвиновъ видѣлъ наканунѣ въ каретѣ, былъ именно двоюродный братъ княгини Осининой, богачъ и камергеръ, графъ Рейзенбахъ Замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное Ириной на высоко-поставленныя лица и мгновенно сообразивъ, какія, „mit etwas Accuratesse", изъ этого факта можно извлечь выгоды, графъ, какъ человѣкъ энергическій и умѣющій прислуживаться, поспѣшилъ составить свой планъ. Онъ рѣшился дѣйствовать быстро, по-наполеоновски. „Возьму эту оригинальную дѣвушку къ себѣ въ домъ", такъ размышлялъ онъ, „въ Петербургѣ сдѣлаю ее своею, чортъ возьми, наслѣдницей, ну, хоть не всего имѣнія: кстати же у меня нѣтъ дѣтей, она же мнѣ племянница, и графиня моя скучаетъ одна... Все же пріятный, когда въ гостиной хорошенькое личико... Да, да; это такъ: es ist eine Idee, es ist eine Idee!" Надобно было оглушить, отуманить, поразить родителей.— „Имъ же будетъ нечего", продолжалъ графъ свои размышленія, уже сидя въ каретѣ и направляясь къ Собачьей-Площадкѣ:— „такъ, небось, упрямиться не станутъ. Не такіе же ужъ они чувствительные. Можно и сумму денегъ дать. А она? И она согласится Медь сладокъ... она его вчера лизнула. Это мои капризъ, положимъ; пускай же они имъ воспользуются... дураки. Я имъ скажу: такъ и такъ: рѣшайтесь. А не то я возьму другую: сироту — еще удобнѣе. Да или нѣтъ, двадцать четыре часа сроку, und damit Punctum".

Съ этими самыми словами на губахъ, пріѣхалъ графъ

передъ княземъ, котораго уже наканунѣ, на балѣ, предварилъ о своемъ посѣщеніи. О послѣдствіяхъ же этого посѣщенія, кажется, много распространяться не стоитъ. Графъ не ошибся въ своихъ разсчетахъ: князь и княгиня дѣйствительно не упрямились и взяли сумму денегъ, и Ирина дѣйствительно согласилась, не давъ истечь назначенному сроку. Не легко ей было разорвать связь съ Литвиновымъ; она его любила, и, пославши ему записку, чуть не слегла въ постель, безпрестанно плакала, похудѣла, пожелтѣла... Но совсѣмъ тѣмъ, мѣсяцъ спустя, княгиня отвезла ее въ Петербургъ и поселила у графа, поручивъ ее попеченіямъ графини, женщины очень доброй, но съ умомъ цыпленка и съ наружностью цыпленка.

А Литвиновъ бросилъ тогда университетъ и уѣхалъ къ отцу въ деревню. Мало-по-малу его рана зажила. Сперва онъ никакихъ свѣдѣній не имѣлъ объ Ринѣ, да онъ и избѣгалъ разговоровъ о Петербургѣ и петербургскомъ обществѣ. Потомъ понемногу начали бродить на ея счетъ слухи, не дурные, но странные; молва занялась ею. Имя княжны Осининой, окруженное блескомъ, отмѣченное особенною печатью, стало чаще и чаще упоминаться даже въ губернскихъ кружкахъ. Оно произносилось съ любопытствомъ, съ уваженіемъ, съ завистью, какъ произносилось нѣкогда имя графини Воротынской. Наконецъ, распространилась вѣсть объ ея замужествѣ. Но Литвиновъ едва обратилъ вниманіе на эту послѣднюю новинку: онъ былъ уже женихомъ Татьяны.

Теперь читателю, вѣроятно, понятно стало, что̀ именно вспомнилось Литвинову, когда онъ воскликнулъ: „неужели!“ а потому мы снова вернемся въ Баденъ и снова примемся за нить прерваннаго нами разсказа.

X.

Литвиновъ заснулъ очень поздно и спалъ не долго: солнце только-что встало, когда онъ поднялся съ постели. Видныя изъ его оконъ, вершины темныхъ горъ влажно багровѣли на ясномъ небѣ. „Какъ тамъ, должно быть, свѣжо подъ деревьями!“ —подумалось ему.—и онъ поспѣшно одѣлся, разсѣянно глянулъ на букетъ, еще пышнѣе распустившійся за ночь, взялъ палку и отправился за „Старый Замокъ“, на извѣстныя „Скалы“. Утро обхватило его своею сильною и тихою лаской. Бодро дышалъ онъ, бодро двигался; здоровье молодости играло въ каждой его жилкѣ; сама земля словно подбрасывала его легкія ноги. Съ каждымъ шагомъ ему становилось все привольнѣе, все веселѣй: онъ шелъ въ росистой тѣни, по крупному песку дорожекъ, вдоль елокъ, по всѣмъ концамъ вѣтвей окаймленныхъ яркою зеленью весенникъ отпрысковъ. „Эко славно какъ!“ —то-и-дѣло твердилъ онъ про себя. Вдругъ послышались ему знакомые голоса: онъ глянулъ впередъ и увидалъ Ворошилова и Бамбаева, шедшихъ къ нему на встрѣчу. Его такъ и покоробило: какъ школьникъ отъ учителя, бросился онъ въ сторону и спрятался за кусть... „Создатель!—взмолился онъ,—пронеси сотничен!“ Кажется, никакихъ бы денегъ въ это мгновенье не пожалѣлъ онъ, лишь бы они его не увидали... И они дѣйствительно не увидали его: Создатель пронесъ сотничен мимо. Ворошиловъ своимъ кадетски-самодовольнымъ голосомъ толковалъ Бамбаеву о различныхъ „фазисахъ“ готической архитектуры, а Бамбаевъ только подмычивалъ одобрительно: замѣтно было, что Ворошиловъ уже давно пробираетъ его своими фазисами, и добродушный энтузіастъ начиналъ скучать. Долго, закусивъ губу и вытянувъ шею, прислушивался Литвиновъ къ удалявшимся шагамъ: долго звучали то гортанные, то носовые переливы наставитель-

ной рѣчи; наконецъ, все затихло. Литвиновъ вздохнулъ, вышелъ изъ своей засады и отправился далѣе.

Часа три пробродилъ онъ по горамъ. Онъ то покидалъ дорожку и перепрыгивалъ съ камня на камень, изрѣдка скользя по гладкому мху; то садился на обломокъ скалы подъ дубомъ или букомъ и думалъ пріятныя думы, подъ немолчное шептаніе ручейковъ, заросшихъ папоротникомъ, подъ успокоительный шелестъ листьевъ, подъ звонкую пѣсенку одинокаго чернаго дрозда; легкая, тоже пріятная дремота подкрадывалась къ нему, словно обнимала его сзади, и онъ засыпалъ... но вдругъ улыбался и оглядывался: золото и зелень лѣса, лѣсного воздуха били мягко ему въ глаза — и онъ снова улыбался и снова закрывалъ ихъ. Ему захотѣлось позавтракать, и онъ направился къ Старому Замку, гдѣ за нѣсколько крейцеровъ можно получить стаканъ хорошаго молока съ кофеемъ. Но не успѣлъ онъ помѣститься за однимъ изъ бѣлыхъ крашеныхъ столиковъ, находящихся на платформѣ передъ замкомъ, какъ послышался тяжелый храпъ лошадей и появились три коляски, изъ которыхъ высыпало довольно многочисленное общество дамъ и кавалеровъ. Литвиновъ тотчасъ призналъ ихъ за русскихъ, хотя они всѣ говорили по-французски... потому что они говорили по-французски. Туалеты дамъ отличались изысканнымъ щегольствомъ; на кавалерахъ были сюртуки съ иголочки, но въ обтяжку и съ перехватомъ, что не совсѣмъ обыкновенно въ наше время, панталоны сѣрые съ искоркой, и городскія, очень глянцовитыя шляпы. Низенькій, черный галстукъ туго стягивалъ шею каждаго изъ этихъ кавалеровъ, и во всей ихъ осанкѣ сквозило нѣчто воинственное. Дѣйствительно, это были военные люди; Литвиновъ попалъ на пикникъ молодыхъ генераловъ, особъ высшаго общества и съ значительнымъ вѣсомъ. Значительность ихъ сказывалась во всемъ: въ ихъ сдержанной развязности, въ миловидно-величавыхъ улыбкахъ, въ напряженной разсѣянности взгляда, въ изнѣжен-

номъ подергиваніи плечъ, покачиваніи стана и сгибаніи колѣнъ: она сказывалась въ самомъ звукѣ голоса, какъ бы любезно и гадливо благодарящаго подчиненную толпу. Всѣ эти воины были превосходно вымыты, выбриты, продушены насквозь какимъ-то истинно-дворянскимъ и гвардейскимъ запахомъ, смѣсью отличнѣйшаго сигарнаго дыма и удивительнѣйшаго начули. И руки у всѣхъ были дворянскія, бѣлыя, большія, съ крѣпкими, какъ слоновая кость, ногтями; у всѣхъ усы такъ и лоснились, зубы сверкали, а тончайшая кожа отливала румянцемъ на щекахъ, лазурью на подбородкѣ. Иные изъ молодыхъ генераловъ были игривы, другіе задумчивы; но печать отмѣннаго приличія лежала на всѣхъ. Каждый, казалось, глубоко сознавалъ собственное достоинство, важность своей будущей роли въ государствѣ, и держалъ себя и строго и вольно, съ легкимъ оттѣнкомъ той рѣзвости, того „чортъ меня побери", которые такъ естественно появляются во время заграничныхъ поѣздокъ. Разсѣявшись шумно и пышно, общество позвало засуетившихся кельнеровъ. Литвиновъ поторопился допить стаканъ молока, расплатился и, нахлобучивъ шляпу, уже проскользнулъ-было мимо генеральскаго пикника...

— Григорій Михайлычъ, — проговорилъ женскій голосъ. — Вы не узнаете меня?

Онъ невольно остановился. Этотъ голосъ... Этотъ голосъ слишкомъ часто въ былое время заставлялъ биться его сердцѣ... Онъ обернулся и увидалъ Ирину.

Она сидѣла у стола, и, скрестивъ руки на спинкѣ отодвинутаго стула, склонивъ голову на бокъ и улыбаясь, привѣтливо, почти радостно глядѣла на него.

Литвиновъ тотчасъ ее узналъ, хотя она успѣла измѣниться съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ ее въ послѣдній разъ, десять лѣтъ тому назадъ, хотя она изъ дѣвушки превратилась въ женщину. Ея тонкій станъ развился и расцвѣлъ, очертанія нѣкогда сжатыхъ плечъ напоминали теперь бо-

гинь, выступающихъ на потолкахъ старинныхъ итальянскихъ дворцовъ. Но глаза остались тѣ же, и Литвинову показалось, что они глядѣли на него такъ же, какъ и тогда, въ томъ небольшомъ московскомъ домикѣ.

— Ирина Павловна... —проговорилъ онъ нерѣшительно.

— Вы узнали меня? Какъ я рада! какъ я... (Она остановилась, слегка покраснѣла и выпрямилась). Это очень пріятная встрѣча,—продолжала она уже по-французски.— Позвольте познакомить васъ съ моимъ мужемъ. Valérien. мсьё Литвиновъ, un ami d'enfance; Валеріанъ Владиміровичъ Ратмировъ, мой мужъ.

Одинъ изъ молодыхъ генераловъ, едва ли не самый изящный изо всѣхъ, привсталъ со стула и чрезвычайно вѣжливо раскланялся съ Литвиновымъ, между тѣмъ какъ остальные товарищи чуть-чуть насупились, или не столько насупились, сколько углубились на мигъ каждый въ самого себя, какъ бы заранѣе протестуя противъ всякаго сближенія съ посторонним штатскимъ, а другія дамы, участвовавшія въ пикникѣ, сочли за нужное и прищуриться немного, и усмѣхнуться, и даже изобразить недоумѣніе на лицахъ.

— Вы... Вы давно въ Баденѣ?—спросилъ генералъ Ратмировъ, какъ-то не по-русски охорашиваясь и очевидно не зная, о чемъ бесѣдовать съ другомъ дѣтства жены.

— Недавно,—отвѣчалъ Литвиновъ.

— И долго намѣрены остаться?—продолжалъ учтивый генералъ.

— Я еще не рѣшилъ.

— А! Это очень пріятно... очень.

Генералъ умолкъ. Литвиновъ тоже безмолвствовалъ. Оба держали шляпы въ рукахъ, и, нагнувъ впередъ туловище и осклабясь, глядѣли другъ другу въ брови.

— „Deux gendarmes un beau dimanche, запѣлъ, разумѣется, фальшиво,—не фальшиво поющій русскій дворянинъ доселѣ намъ не попадался,—подслѣповатый и желто-

ватый генералъ съ выраженіемъ постояннаго раздраженія на лицѣ, точно онъ самъ себѣ не могъ простить свою наружность. Среди всѣхъ своихъ товарищей, онъ одинъ не походилъ на розу.

— Да что же вы не сядете, Григорій Михайлычъ,— промолвила наконецъ Ирина.

Литвиновъ повиновался, сѣлъ.

— I say, Valérien, give me some fire,—проговорилъ другой генералъ, тоже молодой, но уже тучный, съ неподвижными, словно въ воздухъ уставленными глазами и густыми шелковистыми бакенбардами, въ которыя онъ медленно погружалъ свои бѣлоснѣжные пальцы. Ратмировъ подалъ ему серебряную коробочку со спичками.

— Avez vous des papiros? — спросила, картавя, одна изъ дамъ.

— De vrais papelitos, comtesse.

— „Deux gendarmes un beau dimanche",—чуть не со скрипомъ зубовъ затянулъ опять подслѣповатый генералъ.

— Вы должны непремѣнно посѣтить насъ, — говорила между тѣмъ Литвинову Ирина.—Мы живемъ въ Hôtel de l'Europe. Отъ четырехъ до шести я всегда дома. Мы съ вами такъ давно не видались.

Литвиновъ взглянулъ на Ирину, она не опустила глазъ.

— Да, Ирина Павловна, давно. Съ Москвы.

— Съ Москвы, съ Москвы,—повторила она съ разстановкой.—Приходите, мы потолкуемъ, старину вспомянемъ. А знаете ли, Григорій Михайлычъ, вы не много перемѣнились.

— Въ самомъ дѣлѣ? А вы вотъ перемѣнились, Ирина Павловна.

— Я постарѣла.

— Нѣтъ. Я не то хотѣлъ сказать...

— Irène? — вопросительно промолвила одна изъ дамъ съ желтою шляпкой на желтыхъ волосахъ, предварительно по-

шептавшись и похихикавши съ сидѣвшимъ возлѣ нея кавалеромъ.—Irène?

— Я постарѣла, — продолжала Ирина, не отвѣчая дамѣ, —но я не перемѣнилась. Нѣтъ, нѣтъ, я ни въ чемъ не перемѣнилась.

— „Deux gendarmes un beau dimanche!" — раздалось опять. Раздражительный генералъ помнилъ только первый стихъ извѣстной пѣсенки.

— Все еще покалываетъ, ваше сіятельство, — громко и на *о* проговорилъ тучный генералъ съ бакенбардами, вѣроятно намекая на какую-нибудь забавную, всему „бо-монду" извѣстную исторію и, засмѣявшись короткимъ, деревяннымъ смѣхомъ, опять уставился въ воздухъ. Все остальное общество также засмѣялось.

— What a sad dog you are, Boris! — замѣтилъ вполголоса Ратмировъ. Онъ самое имя „Борисъ" произнесъ на англійскій ладъ.

— Irène? — въ третій разъ спросила дама въ желтой шляпкѣ. Ирина быстро обернулась къ ней.

— Eh bien, quoi? que me voulez-vous?

— Je vous le dirai plus tard, — жеманно отвѣчала дама. При весьма непривлекательной наружности, она постоянно жеманилась и кривлялась; какой-то острякъ сказалъ про нее, что она „minaudait dans le vide", „кривлялась въ пустомъ пространствѣ".

Ирина нахмурилась и нетерпѣливо пожала плечомъ.

— Mais que fait donc monsieur Verdier? Pourquoi ne vient-il pas? — воскликнула одна дама съ тѣми для французскаго слуха нестерпимыми, протяжными удареніями, которыя составляютъ особенность великороссійскаго выговора.

— Ахъ, ахъ, ахъ вуй, мсьё Вердіе, мсьё Вердіе, — простонала другая, родомъ прямо уже изъ Арзамаса.

— Tranquillisez-vous, mesdames, — вмѣшался Ратми-

ровь: — monsieur Verdier m'a promis de venir se mettre á vos pieds.

— Хи, хи, хи!—Дамы заиграли вѣеромъ.

Кельнеръ принесъ нѣсколько стакановъ пива.

— Баринъ-бирь?—спросилъ генералъ съ бакенбардами, нарочно бася и приговорясь изумленнымъ.—Гутенъморгенъ.

— А что? Графъ Навель все еще тамъ?—холодно и ясно спросилъ одинъ молодой генералъ другого.

— Тамъ,—также холодно отвѣчалъ тотъ. Mais c'est provisoire. Serge, говоритъ, на его мѣсто.

— Ого!—процѣдилъ первый сквозь зубы.

— Н-да,—процѣдилъ и второй.

— Я не могу понять, — заговорилъ генералъ, напѣвавшій пѣсенку:—я не могу понять, что за охота была Ноло оправдываться, приводить разныя тамъ причины... Ну, онъ понравился кушца, il lui a fait rendre gorge... ну, и чтожъ такое? У него могли быть свои соображенія.

— Онъ боялся... обличенія въ журналахъ,—пробурчалъ кто-то.

Раздражительный генералъ вспыхнулъ.

— Ну, ужъ это послѣднее дѣло! Журналы! Обличеніе! Еслибъ это отъ меня зависѣло, я бы въ этихъ и нашихъ журналахъ только и позволилъ печатать, что такси на мясо или на хлѣбъ, да объявленія о продажѣ шубъ да сапоговъ.

— Да дворянскихъ имѣній съ аукціона, вернулъ Ратмировъ.

— Пожалуй, при теперешнихъ обстоятельствахъ... Однако, что за разговоръ въ Баденѣ, au Vieux-Château!

— Mais pas du tout! pas du tout! — запѣла дама въ зеленомъ платьѣ. — J'adore les questions politiques.

— Madame a raison.—вмѣшался другой генералъ съ чрезвычайно пріятнымъ и какъ бы дѣтскимъ лицомъ. — Зачѣмъ намъ избѣгать этихъ вопросовъ... даже въ Баденѣ? — Они при этихъ словахъ тупо взглянули на Литвинова и

снисходительно улыбнулся. Порядочный человѣкъ никогда и ни въ какомъ случаѣ не долженъ отступаться отъ своихъ убѣжденій. Не правда ли?

— Конечно,—отвѣчалъ раздражительный генералъ, такъ же взбрасывая глазами на Литвинова и какъ бы косвенно его распекая:—но я не вижу надобности...

— Нѣтъ, нѣтъ,—съ прежнею мягкостью перебилъ снисходительный генералъ.—Вотъ вашъ пріятель, Валеріанъ Владиміровичъ, упомянулъ о продажѣ дворянскихъ имѣній. Чтожъ? Развѣ это не фактъ?

— Да ихъ и продать теперь невозможно; никому онѣ не нужны!—воскликнулъ раздражительный генералъ.

— Можетъ быть... можетъ быть. Потому-то и надо заявлять этотъ фактъ... этотъ грустный фактъ на каждомъ шагу. Мы разорены—прекрасно; мы унижены—объ этомъ спорить нельзя; но мы, крупные землѣльцы, мы все-таки представляемъ начало... un principe. Поддерживать этотъ принципъ—нашъ долгъ. Pardon, madame, вы кажется, платокъ уронили. Когда нѣкоторое, такъ сказать, омраченіе овладѣваетъ даже высшими умами, мы должны указывать—съ покорностью указывать (генералъ протянулъ палецъ—указывать перстомъ гражданина на бездну, куда все стремится. Мы должны предостерегать, мы должны говорить съ почтительною твердостію: „воротитесь, воротитесь назадъ“... Вотъ что мы должны говорить.

— Нельзя же, однако, совсѣмъ воротиться,—глубокомысленно замѣтилъ Ратмировъ.

Снисходительный генералъ только осклабился.

— Совсѣмъ; совсѣмъ назадъ, mon très-cher. Чѣмъ дальше назадъ, тѣмъ лучше.

Генералъ опять важно взглянулъ на Литвинова. Тотъ не вытерпѣлъ.

— Уже не до семибоярщины ли намъ вернуться, ваше превосходительство?

— А хоть бы и такъ! Я выражаю свое мнѣніе не обинуясь; надо передѣлать.. да... передѣлать все сдѣланное.

— И девятнадцатое февраля?

— И девятнадцатое февраля—насколько это возможно. On est patriote ou on ne l'est pas. А воля? скажутъ мнѣ. Вы думаете, сама по себѣ эта воля? Спросите-ка его...

— Попытайтесь,—подхватилъ Литвиновъ,—попытайтесь отнять у него эту волю...

Comment nommez-vous ce monsieur,—шепнулъ генералъ Ратмирову.

— Да о чемъ вы тутъ толкуете?—заговорилъ вдругъ тучный генералъ, очевидно разыгрывавшій въ этомъ обществѣ роль избалованнаго ребенка. О журналахъ все? О щелкопёрахъ? Позвольте, я вамъ разскажу, какой у меня былъ анекдотъ съ щелкопёромъ—чудо! Говорятъ мнѣ: написалъ на насъ un folliculaire пашквиль. Ну я, разумѣется, тотчасъ его подъ цугундеръ. Привели голубчика...—Какъ же это ты такъ, говорю, другъ мой, folliculaire, пашквили пишешь? Ай патріотизмъ долгъ? „Долгъ", говоритъ. Ну, а деньги, говорю, folliculaire, любишь? „Люблю", говоритъ. Тутъ я ему, милостивые государи мои, далъ набалдашникъ моей палки понюхать.—А это ты любишь, ангелъ мой? „Нѣтъ, говоритъ, этого не люблю.—Да ты, я говорю, понюхай какъ слѣдуетъ, руки-то у меня чистыя. „Не люблю", говоритъ, и полно.—А я, говорю, душа моя, очень это люблю, только не для себя. Понимаешь ты сію аллегорію, сокровище ты мое? „Понимаю", говоритъ.—Такъ смотри же, вѣрно будь паинька, а теперь вотъ тебѣ цѣловый-рубь, сгинай и благословляй меня день и ночь. И ушелъ folliculaire.

Генералъ засмѣялся, и всѣ опять за нимъ засмѣялись — всѣ, исключая Ирины, которая даже не улыбнулась и какъ-то сумрачно посмотрѣла на разсказчика.

Снисходительный генералъ потрепалъ Бориса по плечу.

— Все это ты выдумалъ, другъ ты мой сердечный... Станешь ты палкой кому-нибудь грозить... У тебя и палки-то нѣтъ. C'est pour faire rire ces dames. Для краснаго словца. Но дѣло не въ томъ. Я сейчасъ сказалъ, что надобно совсѣмъ назадъ вернуться. Поймите меня. Я не врагъ такъ-называемаго прогресса; но всѣ эти университеты да семинаріи тамъ, да народныя училища, эти студенты, поповичи, разночинцы, вся эта мелюзга, tout ce fond du sac, la petite propriété, pire que le prolétariat —(генералъ говорилъ изнѣженнымъ, почти разслабленнымъ голосомъ), voilà ce qui m'effraie... вотъ гдѣ нужно остановиться... и остановить. (Онъ опять ласково взглянулъ на Литвинова). Да-съ, нужно остановиться. Не забудьте, вѣдь у насъ никто ничего не требуетъ, не проситъ. Самоуправленіе, напримѣръ, развѣ кто его проситъ? *Вы* его развѣ просите? Или ты? или ты? или вы, mesdames? Вы ужъ и такъ не только сами собою, всѣми нами управляете. (Прекрасное лицо генерала оживилось забавною усмѣшкой).—Друзья мои любезные, зачѣмъ же зайцемъ-то забѣгать? Демократія вамъ рада, она кадитъ вамъ, она готова служить вашимъ цѣлямъ... да вѣдь это мечъ обоюдоострый. Ужъ лучше по старому, по прежнему... вѣрнѣй гораздо. Не позволяйте умничать черни, да ввѣрьтесь аристократіи, въ которой одной и есть сила... Право, лучше будетъ. А прогрессъ... я собственно ничего не имѣю противъ прогресса. Не давайте намъ только адвокатовъ, да присяжныхъ, да земскихъ какихъ-то чиновниковъ,—да дисциплины, дисциплины пуще всего не трогайте, а мосты, и набережныя, и гошпитали вы можете строить, и улицъ газомъ отчего не освѣщать?

— Петербургъ со всѣхъ четырехъ концовъ зажгли, вотъ вамъ и прогрессъ!—прошипѣлъ раздражительный генералъ.

— Да ты, я вижу, злобенъ,—промолвилъ, лѣниво покачиваясь, тучный генералъ,—тебя бы хорошо въ оберъ-про-

куроры произвести; а по моему, avec Orphée aux enfers le progrès a dit son dernier mot.

— Vous dites toujours des betises,—захихикала дама изъ Арзамаса.

Генералъ пріосанился,

— Je ne suis jamais plus sérieux, madame, que quand je dis des bêtises.

— Мьсьё Вердіе эту самую фразу уже нѣсколько разъ сказалъ,—замѣтила вполголоса Ирина.

— De la poigne et des formes!—воскликнулъ тучный генералъ.—de la poigne surtout. А сіе по-русски можно перевести тако: вѣжливо, но въ зубы!

— Ахъ ты, шалунъ, шалунъ неисправимый! подхватилъ снисходительный генералъ.—Mesdames, не слушайте его пожалуйста. Комара не зашибетъ. Онъ довольствуется тѣмъ, что сердца пожираетъ.

— Ну однако нѣтъ, Борисъ, - началъ Ратмировъ, обмѣнявшись взглядомъ съ женою,—шалость шалостью, а это преувеличеніе. Прогрессъ —это есть проявленіе жизни общественной, вотъ что не надо забывать; это симптомъ. Тутъ надо слѣдить.

— Ну да,—возразилъ тучный генералъ и сморщилъ носъ. —Дѣло извѣстное, ты въ государственные люди мѣтишь!

— Вовсе не въ государственные люди... Какіе тутъ государственные люди! А правду нельзя не признать.

„Boris" опять запустилъ пальцы въ бакенбарды и уставился въ воздухъ.

— Общественная жизнь, это очень важно, потому что въ развитіи народа, въ судьбахъ, такъ-сказать, отечества...

— Valérien—перебилъ „Boris" внушительно, —il y a des dames ici. Я этого отъ тебя не ожидалъ. Или ты въ комитетъ попасть желаешь?

— Да они всѣ теперь, слава Богу, уже закрыты,—подхва-

тилъ раздражительный генералъ, и снова запѣлъ: „Deux gendarmes, un deau dimanche...“

Ратмировъ поднесъ батистовый платокъ къ носу и грацiозно умолкъ: снисходительный генералъ повторилъ: „налунн! налунн!“ А „Boris“ обратился къ дамѣ, кривляющемся въ пустомъ пространствѣ, и, не понижая голоса, не измѣняя даже выраженія лица, началъ разспрашивать ее о томъ, когда же она „увѣнчаетъ его пламя“, такъ какъ онъ влюбленъ въ нее безумительно и страдаетъ необыкновенно.

Съ каждымъ мгновеніемъ, въ теченіе этого разговора, Литвинову становилось все болѣе и болѣе неловко. Его гордость, его честная, плебейская гордость, такъ и возмущалась. Что было общаго между нимъ, сыномъ мелкаго чиновника, и этими военными петербургскими аристократами? Онъ любилъ все, что они ненавидѣли, онъ ненавидѣлъ все то, что они любили; онъ слишкомъ ясно это сознавалъ, онъ всѣмъ существомъ своимъ это чувствовалъ. Шутки ихъ онъ находилъ плоскими, тонъ нерпносимымъ, каждое движеніе ложнымъ; въ самой мягкости ихъ рѣчей ему слышалось возмутительное презрѣніе—и однакоже онъ какъ будто робѣлъ передъ ними, передъ этими людьми, этими врагами... Фу, какая гадость! Я ихъ стѣсняю, я имъ кажусь смѣшнымъ“, вертѣлось у него въ головѣ: „зачѣмъ же я остаюсь? Уйдемъ, уйдемъ тотчасъ!“ Присутствіе Ирины не могло удержать его: невеселыя ощущенія возбуждала въ немъ и она. Онъ поднялся со стула и началъ прощаться.

— Вы уже уходите? промолвила Ирина, но, подумавъ немного, не стала настаивать и только взяла съ него слово, что онъ непремѣнно посѣтитъ ее. Генералъ Ратмировъ съ прежнею утонченною вѣжливостью раскланялся съ нимъ, подалъ ему руку, довелъ его до конца платформы... Но едва Литвиновъ успѣлъ завернуть за первый уголъ дороги, какъ дружный взрывъ хохота раздался за нимъ. Хохотъ

этотъ относился не къ нему, а къ давно ожидаемому мсьё Верліе, который внезапно появился на платформѣ, въ тирольской шляпѣ, синей блузѣ и верхомъ на ослѣ; но кровь такъ и хлынула Литвинову въ щеки, и горько стало ему: словно полынь склеила его стиснутыя губы. „Презрѣнные, поганые люди!“ пробормоталъ онъ, не соображая того, что нѣсколько мгновеній, проведенныхъ въ обществѣ этихъ людей, еще не давали ему повода такъ жестоко выражаться. И въ этотъ-то міръ попала Ирина, его бывшая Ирина! Въ немъ она вращалась, жила, царствовала, для него она пожертвовала собственнымъ достоинствомъ, лучшими чувствами сердца... Видно, такъ слѣдовало; видно, она не заслуживала лучшей участи! Какъ онъ радовался тому, что ей не вздумалось разспрашивать его о его намѣреніяхъ! Ему бы пришлось высказываться передъ „ними“, въ „ихъ“ присутствіи... „Ни за что! никогда!“ шепталъ Литвиновъ, глубоко вдыхая свѣжій воздухъ и чуть не бѣгомъ спускаясь по дорогѣ въ Баденъ. Онъ думалъ о своей невѣстѣ, о своей милой, доброй, святой Татьянѣ, и какъ чиста, благородна, какъ правдива казалась она ему! Съ какимъ нетерпѣніемъ вспоминалъ онъ ея черты, ея слова, самыя ея причуды... съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ ея возвращенія!

Быстрая ходьба успокоила его нервы. Возвратясь домой, онъ усѣлся за столъ, взялъ книгу въ руки, и внезапно ее выронилъ, даже вздрогнулъ... Что съ нимъ случилось? Ничего не случилось съ нимъ, но Ирина... Ирина... удивительнымъ, страннымъ, необычайнымъ вдругъ показалось ему его знакомство съ нею. Возможно-ли? онъ встрѣтился, говорилъ съ тою самой Ириной... И почему на ней не лежитъ того противнаго, свѣтскаго отпечатка, которымъ такъ рѣзко отмѣчены всѣ, другіе? Почему ему кажется, что она какъ будто скучаетъ, или груститъ, или тяготится своимъ положеніемъ? Она въ немъ стала, но она не врагъ. И что могло

ее заставить такъ радушно обратиться къ нему, звать его къ себѣ?

Литвиновъ встрепенулся. — О, Таня, Таня! — воскликнулъ онъ съ увлеченіемъ: — ты одна мой ангелъ, мой добрый геній, тебя я одну люблю и вѣкъ любить буду. А къ той я не пойду. Богъ съ ней совсѣмъ! Пусть она забавляется своими генералами!

Литвиновъ снова взялся за книгу.

XI.

Литвиновъ взялся за книгу, но ему не читалось. Онъ вышелъ изъ дому, прогулялся немного, послушалъ музыку, поглазѣлъ на игру и опять вернулся къ себѣ въ комнату опять попытался читать — все безъ толку. Какъ-то особенно вяло влачилось время. Пришелъ Пищалкинъ, благонамѣренный мировой посредникъ, и посидѣлъ часика три. Побесѣдовалъ, потолковалъ, ставилъ вопросы, разсуждалъ въ перемежку — то о предметахъ возвышенныхъ, то о предметахъ полезныхъ, и такую, наконецъ, распространилъ скуку, что бѣдный Литвиновъ чуть не взвылъ. Въ искусствѣ наводить скуку, тоскливую, холодную, безвыходную и безнадежную скуку, Пищалкинъ не зналъ соперниковъ даже между людьми высочайшей нравственности, извѣстными мастерами по этой части. Одинъ видъ его остриженной и выглаженной головы, его свѣтлыхъ и безжизненныхъ глазъ, его доброкачественнаго носа, возбуждалъ невольную унылость, а баритонный, медлительный, какъ бы заспанный его голосъ казался созданнымъ для того, чтобы съ убѣжденіемъ и вразумительностью произносить изреченія, состоявшія въ томъ, что дважды-два четыре; а не пять, и не три, вода мокра, а добродѣтель похвальна, что частному лицу, равно какъ и государству, а государству, равно какъ и частному лицу, необходимо нуженъ кредитъ для денежныхъ операцій. И со всѣмъ тѣмъ человѣкъ

онъ былъ превосходный! Но ужъ таковъ предѣлъ судебъ на Руси: скучны у насъ превосходные люди. Нищалкинъ удалился; его замѣнилъ Бандасовъ, и немедленно, съ великою наглостью, потребовалъ у Литвинова въ займы сто гульденовъ, которые тотъ ему и далъ, несмотря на то, что не только не интересовался Бандасовымъ, но даже гнушался имъ и зналъ навѣрное, что денегъ своихъ не получитъ вѣкъ; притомъ онъ самъ въ нихъ нуждался. Зачѣмъ же онъ далъ ихъ ему? спроситъ читатель. А чортъ знаетъ зачѣмъ! На это русскіе тоже молодцы. Пусть читатель положитъ руку на сердце и вспомнитъ, какое множество поступковъ въ его собственной жизни не имѣло рѣшительно другой причины. А Бандасовъ даже не поблагодарилъ Литвинова: потребовалъ стаканъ афферталера (баденскаго краснаго вина) и ушелъ, не обтеревъ губъ и нахально стуча сапогами. И ужъ какъ же досадовалъ на себя Литвиновъ, глядя на красный загривокъ удалявшагося кулака! Передъ вечеромъ онъ получилъ письмо отъ Татьяны, въ которомъ она его извѣщала, что вслѣдствіе нездоровья ея тетки, раньше пяти, шести дней она въ Баденъ пріѣхать не можетъ. Это извѣстіе непріятно подѣйствовало на Литвинова: оно усилило его досаду, и онъ легъ спать рано, въ дурномъ настроеніи духа. Слѣдующій день выдался не лучше предшествовавшаго, чуть ли не хуже. Съ самаго утра комната Литвинова наполнилась соотечественниками: Бамбаевъ, Ворошиловъ, Нищалкинъ, два офицера, два гейдельбергскіе студента, всѣ привалили разомъ и такъ-таки не уходили вплоть до обѣда, хотя скоро выболтались и видимо скучали. Они просто не знали, куда дѣться, и понаѣхали на квартиру Литвинова, какъ говорится, „застряли“ въ ней. Сперва они потолковали о томъ, что Губаревъ уѣхалъ обратно въ Гейдельбергъ, и что надо будетъ къ нему отправиться; потомъ немного пофилософствовали, коснувшись польскаго вопроса; потомъ приступили къ разсужденіямъ объ игрѣ, о лоретахъ, принялись разсказывать скандальные

анекдотцы: наконецъ разговоръ завязался о томъ, какіе бываютъ силачи, какіе толстые люди и какіе обжоры. Выступали на свѣтъ Божій старые анекдоты о Лукинѣ, о пѣвчемъ съѣвшемъ на пари тридцать три селедки, объ извѣстномъ своею тучностью уланскомъ полковникѣ Пузырцовѣ, о солдатѣ, ломавшемъ говяжью кость о собственный лобъ, а тамъ пошло уже совершенное вранье. Самъ Пищалкинъ разсказалъ, взбрелъ, что зналъ въ Малороссіи бабу, въ которой при смерти оказалось двадцать семь пудовъ съ фунтами, и помѣщика, который за завтракомъ съѣдалъ трехъ гусей и осетра; Бамбаевъ другъ пришелъ въ охотку и объявилъ, что онъ самъ въ состояніи съѣсть цѣлаго барана, „разумѣется съ приправами", а Ворошиловъ брякнулъ что-то такое несообразное насчетъ товарища, силача-кадета, что тотъ помолчалъ, помолчалъ, посмотрѣлъ другъ на друга, взялись за шапки и разбрелись. Оставшись наединѣ, Литвиновъ хотѣлъ-было заняться, но ему точно конопли въ голову напустили: онъ ничего не могъ сдѣлать путнаго, и вечеръ тоже прошелъ даромъ. На слѣдующее утро, онъ собирался завтракать, кто-то постучался къ нему въ дверь. „Господи", подумалъ Литвиновъ, — „опять кто-нибудь изъ вчерашнихъ пріятелей" и не безъ нѣкотораго содроганія промолвилъ:

— Herein!

Дверь тихонько отворилась, и въ комнату вошелъ Потугинъ.

Литвиновъ презрѣнно ему обрадовался.

— Вотъ это мило! — заговорилъ онъ, крѣпко стискивая руку нежданному гостю, — вотъ спасибо! Я самъ непремѣнно навѣстилъ бы васъ, да не хотѣли мнѣ сказать, гдѣ вы живете. Садитесь пожалуйста, положите шляпу. Садитесь-же.

Потугинъ ничего не отвѣчалъ на ласковыя рѣчи Литвинова, сѣлъ, переминаясь съ ноги на ногу, посреди комнаты

и только посмѣивался, да покачивалъ головой. Радушный привѣтъ Литвинова его видимо тронулъ, но въ выраженіи его лица было нѣчто принужденное.

— Тутъ... маленькое недоразумѣніе .. — началъ онъ не безъ запинки. — Конечно, я всегда съ удовольствіемъ... но меня собственно... меня къ вамъ прислали.

— То-есть, вы хотите сказать, — промолвилъ жалобнымъ голосомъ Литвиновъ: — что сами собой вы бы не пришли ко мнѣ?

— О, нѣтъ, помилуйте!.. Но я... я, можетъ быть, не рѣшился бы сегодня васъ безпокоить, еслибы меня не попросили зайдти къ вамъ. Словомъ, у меня есть къ вамъ порученіе.

— Отъ кого, позвольте узнать?

— Отъ одной вамъ извѣстной особы, отъ Ирины Павловны Ратмировой. Вы третьяго дня обѣщались навѣстить ее и не пришли.

Литвиновъ съ изумленіемъ уставился на Потугина.

— Вы знакомы съ г-жею Ратмировой?

— Какъ видите.

— И коротко знакомы?

— Я до нѣкоторой степени ея пріятель.

Литвиновъ помолчалъ.

— Позвольте васъ спросить, — началъ онъ наконецъ, — вамъ извѣстно, для чего Ирина Павловна угодно меня видѣть?

Потугинъ подошелъ къ окну.

— До нѣкоторой степени извѣстно. Она, сколько я могу судить, очень обрадовалась встрѣчѣ съ вами, ну, и желаетъ возобновить прежнія отношенія.

— Возобновить, — повторилъ Литвиновъ. — Извините мою несговорчивость, но позвольте мнѣ еще спросить васъ. Вамъ извѣстно, какого рода были эти отношенія?

— Собственно — нѣтъ, неизвѣстно. Но я полагаю, —

прибавилъ Потугинъ, внезапно обратившись къ Литвинову и дружелюбно глядя на него:—я полагаю, что они были хорошаго сословія. Ирина Павловна очень васъ хвалила, и я долженъ былъ дать ей слово, что приведу васъ. Вы пойдете?

— Когда?

— Теперь... сейчасъ.

Литвиновъ только руками развелъ.

— Ирина Павловна, — продолжалъ Потугинъ: — полагаетъ, что та .. какъ бы выразиться... та среда, что ли, въ которой вы ее застали третьяго дня, не должна возбудить ваше особенное сочувствіе; но она велѣла вамъ сказать, что чортъ не такой черный, какимъ его изображаютъ.

— Гм... Это изреченіе примѣняется собственно къ той... средѣ?

— Да... и вообще.

— Гм... Ну, а ни, Созонтъ Иванычъ, какого мнѣнія о чортѣ?

— Я думаю, Григорій Михайлычъ, что онъ во всякомъ случаѣ не такой, какимъ его изображаютъ.

— Онъ лучше?

— Лучше ли, хуже, это рѣшить трудно, но не такой. Ну, что же, идемъ мы?

— Да вы посидите сперва немножко. Мнѣ, признатся, все-таки кажется немного страннымъ...

— Что, смѣю спросить?

— Какимъ образомъ вы, собственно говоря, могли сдѣлаться пріятелемъ Ирины Павловны?

Потугинъ окинулъ самого себя взглядомъ.

— Съ моею фигурой, съ положеніемъ моимъ въ обществѣ, оно точно непредполагаемо: но онъ знаете —уже Шекспиръ сказалъ: „Есть многое на свѣтѣ, другъ Горацій", и такъ далѣе. Жизнь тоже шутить не любитъ. Вотъ вамъ сравненіе: дерево стоитъ передъ вами и вѣтра нѣтъ; какимъ образомъ листъ на нижней вѣткѣ прикоснется къ листу на верх-

ней вѣтеръ? Никоимъ образомъ. А поднялась буря, все перемѣшалось—и тѣ два листа прикоснулись.

— Ага! Стало-быть бури были?

— Еще бы! Безъ нихъ развѣ проживешь? Но въ сторону философію. Пора идти.

Литвиновъ все еще колебался.

— О, Господи! — воскликнулъ съ комическою ужимкой Потугинъ: — какіе нынче стали молодые люди! Прелестѣйшая дама приглашаетъ ихъ къ себѣ, засылаетъ за ними гонцовъ, нарочныхъ, а они чинятся! Стыдитесь, милостивый государь, стыдитесь. Вотъ ваша шляпа. Возьмите ее, и „форвертсъ!" какъ говорятъ наши друзья, нѣмцы.

Литвиновъ постоялъ еще немного въ раздумьѣ, но кончилъ тѣмъ, что взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ Потугинымъ.

XII.

Они пришли въ одну изъ лучшихъ гостинницъ Бадена и спросили генеральшу Ратмирову. Швейцаръ сперва осѣдлался объ ихъ именахъ, потомъ тотчасъ отвѣчалъ, что „die Frau Fürstin ist zu Hause", и самъ повелъ ихъ по лѣстницѣ, самъ постучалъ въ дверь номера и доложилъ о нихъ. „Die Frau Fürstin" приняла ихъ немедленно; она была одна: мужъ ея отправился въ Карлсруэ для свиданія съ пробѣжавшимъ саномнымъ тузомъ изъ „вліятельныхъ".

Ирина сидѣла за небольшимъ столикомъ и вышивала по канвѣ, когда Потугинъ съ Литвиновымъ переступили порогъ двери. Она проворно бросила нитье въ сторону, отодвинула столикъ, встала; выраженіе непріязненнаго удовольствія распространилось по ея лицу. На ней было утреннее, до горла закрытое платье; прекрасныя очертанія шеи и рукъ сквозили черезъ легкую ткань; небрежно закрученная коса распустилась и падала низко на тонкую шею. Ирина

бросила Потугину быстрый взглядъ, шепнула „merci", и, протянувъ Литвинову руку, любезно упрекнула его въ забывчивости. „А еще старый другъ", — прибавила она.

Литвиновъ началъ-было извиняться. „C'est bien, c'est bien", — поспѣшно промолвила она и, съ ласковымъ насиліемъ отнявъ у него шляпу, заставила его сѣсть. Потугинъ тоже сѣлъ, но тотчасъ же поднялся, и сказавъ, что у него есть безотлагательное дѣло и что онъ зайдетъ послѣ обѣда, сталъ раскланиваться. Ирина снова бросила ему быстрый взглядъ и дружески кивнула ему головой, но не удерживала его, и какъ только онъ исчезъ за портьеркой, съ нетерпѣливою живостью обратилась къ Литвинову.

— Григорій Михайлычъ, — заговорила она по-русски своимъ мягкимъ и звонкимъ голосомъ: — вотъ мы одни наконецъ, и я могу сказать вамъ, что я очень рада нашей встрѣчѣ, потому что она... она дастъ мнѣ возможность... (Ирина посмотрѣла ему прямо въ лицо) попросить у васъ прощенія.

Литвиновъ невольно вздрогнулъ. Такого быстраго натиска онъ не ожидалъ. Онъ не ожидалъ, что она сама наведетъ рѣчь на прежнія времена.

— Въ чемъ... прощенія... — пробормоталъ онъ.

Ирина покраснѣла.

— Въ чемъ?.. вы знаете въ чемъ, — промолвила она и слегка отвернулась. — Я была виновата передъ вами, Григорій Михайлычъ... хотя, конечно, такая ужъ мнѣ выпала судьба (Литвинову вспомнилось ея письмо), и я не раскаяваюсь... это было бы, во всякомъ случаѣ, слишкомъ поздно; но, встрѣтивъ васъ такъ неожиданно, я сказала себѣ, что мы непремѣнно должны сдѣлаться друзьями, непремѣнно... и мнѣ было бы очень больно, еслибъ это не удалось... и мнѣ кажется, что для этого мы должны объясниться съ вами, не откладывая и разъ навсегда, чтобъ уже потомъ не было никакой... gêne, никакой неловкости, разъ навсегда, Григорій Михайлычъ; и что вы должны сказать мнѣ, что вы меня

прощаете, а то я буду предполагать въ васъ... de la rancune. Voilà! Это съ моей стороны, можетъ быть, большая претензія, потому что вы, вѣроятно, давнымъ давно все забыли, но все равно, скажите мнѣ, что вы меня простили.

Ирина произнесла всю эту рѣчь, не переводя духа, и Литвиновъ могъ замѣтить, что въ глазахъ ея заблистали слезы... да, дѣйствительно слезы.

— Помилуйте, Ирина Павловна, — посѣянно началъ онъ: — какъ вамъ не совѣстно извиняться, просить прощенія... То дѣло прошедшее, въ воду кануло, и мнѣ остается только удивляться, какъ вы, среди блеска, который васъ окружаетъ, могли еще сохранить воспоминаніе о темномъ товарищѣ первой вашей молодости...

— Васъ это удивляетъ? - тихо проговорила Ирина.

— Меня это трогаетъ, — подхватилъ Литвиновъ: — потому что я никакъ не могъ вообразить...

— А ты все-таки мнѣ не сказалъ, что вы меня простили, — перебила Ирина.

— Я искренно радуюсь вашему счастью, Ирина Павловна, я отъ всей души желаю вамъ всего лучшаго на землѣ...

— И не помните зла?

— Я помню только тѣ прекрасныя мгновенья, которыми я нѣкогда былъ вамъ обязанъ.

Ирина протянула ему обѣ руки. Литвиновъ крѣпко стиснулъ ихъ, и не разомъ ихъ выпустилъ. . Что-то давно небывалое тайно шевельнулось въ его сердцѣ отъ этого мягкаго прикосновенія. Ирина опять глядѣла ему прямо въ лицо; но на этотъ разъ она улыбалась... И онъ въ первый разъ прямо и пристально посмотрѣлъ на нее... Онъ опять узналъ черты, когда-то столь дорогія, и тѣ глубокіе глаза съ ихъ необыкновенными рѣсницами, и родинку на щекѣ, и особый складъ волосъ надо лбомъ, и привычку какъ-то мило и забавно кривить губы и чуть-чуть вздрагивать бровями, все, все узналъ онъ... Но какъ она похорошѣла! Какая пре-

лесть, какая сила женскаго молодого тѣла! И ни румянъ, ни бѣлилъ, ни сурьмы, ни пудры, никакой фальши на свѣжемъ, чистомъ лицѣ... Да, это была точно красавица!

Раздумье нашло на Литвинова... Онъ все глядѣлъ на нее, но уже мысли его были далеко... Ирина это замѣтила.

— Ну, вотъ и прекрасно, — громко заговорила она: — ну вотъ, теперь совѣсть моя покойна, и я могу удовлетворить мое любопытство...

— Любопытство, — повторилъ Литвиновъ, какъ бы недоумѣвая.

— Да, да... И непремѣнно хочу знать, что вы дѣлали все это время, какіе ваши планы; я все хочу знать, какъ, что, когда... все, все. И вы должны говорить мнѣ правду, потому что я, предувѣдомляю васъ, я не теряла васъ изъ вида... на сколько это было возможно...

— Вы меня не теряли изъ вида, вы... тамъ.. въ Нетербургѣ?

— Среди блеска, который меня окружалъ, какъ вы сейчасъ выразились. Именно, да, не теряла. Объ этомъ блескѣ мы еще поговоримъ съ вами; а теперь вы должны разсказывать, много, долго разсказывать, никто намъ не помѣшаетъ. Ахъ, какъ это будетъ чудесно! — прибавила Ирина, весело устраиваясь и охорашиваясь въ креслѣ. — Ну же, начинайте.

Прежде чѣмъ разсказывать, я долженъ благодарить васъ. — началъ Литвиновъ.

— За что?

— За букетъ цвѣтовъ, который очутился у меня въ комнатѣ.

— Какой букетъ? я ничего не знаю.

— Какъ?

— Говорятъ вамъ, я ничего не знаю... Но я жду... жду вашего разсказа... Ахъ, какой этотъ Потугинъ умница, что привелъ васъ!

Литвиновъ навострилъ уши.

— Вы съ этимъ господиномъ Потугинымъ давно знакомы?—спросилъ онъ.

— Давно... но разсказывайте.

— И близко его знаете?

— О, да! — Ирина вздохнула.—Тутъ есть особенныя причины... Вы, конечно, слыхали про Элизу Бѣльскую... Вотъ та, что умерла въ позапрошломъ году такой ужасной смертью?.. Ахъ, да вѣдь я забыла, что вамъ неизвѣстны наши исторіи... Къ счастью, къ счастью неизвѣстны. Oh, quelle chance! наконецъ то, наконецъ одинъ человѣкъ, живой человѣкъ, который нашего ничего не знаетъ! И по-русски можно съ нимъ говорить, хотя дурнымъ языкомъ, да русскимъ, а не этимъ вѣчнымъ, приторнымъ противнымъ, петербургскимъ французскимъ языкомъ!

— И Потугинъ, говорите вы, находился въ отношеніяхъ съ...

— Мнѣ очень тяжело даже вспоминать объ этомъ, — перебила Ирина.—Элиза была моимъ лучшимъ другомъ въ институтѣ, и потомъ, въ Петербургѣ, мы безпрестанно видались. Она мнѣ довѣрила всѣ свои тайны: она была очень несчастна, много страдала. Потугинъ въ этой исторіи велъ себя прекрасно, какъ настоящій рыцарь! Онъ пожертвовалъ собою. Я только тогда его оцѣнила! Но мы опять отбились въ сторону. Я жду вашего разсказа, Григорій Михайловичъ.

— Да мой разсказъ нисколько не можетъ интересовать васъ, Ирина Павловна.

— Это ужъ не ваше дѣло.

— Вспомните, Ирина Павловна, мы десять лѣтъ не видались, цѣлыхъ десять лѣтъ. Сколько воды утекло съ тѣхъ поръ.

— Не одной воды! не одной воды!—повторила она, съ особымъ, горькимъ выраженіемъ:—потому то я и хочу васъ слушать.

— И притомъ, я право, не могу придумать, съ чего же мнѣ начать?

— Съ начала. Съ самаго того времени, какъ вы... какъ я переѣхала въ Петербургъ. Вы тогда оставили Москву... Знаете ли, я съ тѣхъ поръ уже никогда не возвращалась въ Москву!

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Прежде было невозможно; а потомъ, когда я вышла замужъ...

— А вы давно замужемъ?

— Четвертый годъ.

— Дѣтей у васъ нѣтъ?

— Нѣтъ,—сухо отвѣтила она.

Литвиновъ помолчалъ.

— А до вашего замужества вы постоянно жили у этого, какъ бишь его, графа Рейзенбаха?

Ирина пристально посмотрѣла на него, какъ бы желая отдать себѣ отчетъ, зачѣмъ онъ это спрашиваетъ...

— Нѣтъ...—промолвила она наконецъ.

— Стало быть, ваши родители. . Кстати, я и не спросилъ у васъ объ нихъ. Что они...

— Они оба здоровы.

— И попрежнему живутъ въ Москвѣ?

— Попрежнему въ Москвѣ.

— А ваши братья, сестры?

— Имъ хорошо; я ихъ всѣхъ пристроила.

— А!—.Литвиновъ исподлобья взглянулъ на Ирину.— По настоящему, Ирина Павловна, не мнѣ бы слѣдовало разсказывать, а вамъ, если только...

Онъ вдругъ спохватился и умолкъ.

Ирина поднесла руки къ лицу и повертѣла обручальнымъ кольцомъ на пальцѣ.

— Чтожъ? Я не отказываюсь,- промолвила она наконецъ. —Когда-нибудь... пожалуй... Но сперва ви... потомъ вотъ

видите, я хоть и слѣдила за вами, но объ васъ почти ничего не знаю; а обо мнѣ... ну, обо мнѣ вы навѣрно слышали довольно. Неправда ли? Вѣдь вы слышали, скажите?

— Вы, Ирина Павловна, занимали слишкомъ видное мѣсто въ свѣтѣ, чтобы не возбуждать толковъ... особенно въ провинціи, гдѣ я находился, и гдѣ всякому слуху вѣрятъ.

— А вы вѣрили этимъ слухамъ? И какого роду были они?

— Признаться сказать, Ирина Павловна, эти слухи доходили до меня очень рѣдко. Я велъ жизнь весьма уединенную.

— Какъ такъ? Вѣдь вы были въ Крыму, въ ополченіи?

— Вамъ и это извѣстно?

— Какъ видите. Говорятъ вамъ, за вами слѣдили.

Литвинову снова пришлось изумиться.

— Зачѣмъ же я стану вамъ разсказывать, что вы и безъ меня знаете?—проговорилъ Литвиновъ вполголоса.

— А затѣмъ... затѣмъ чтобъ исполнить мою просьбу. Вѣдь я прошу васъ, Григорій Михайловичъ.

Литвиновъ наклонилъ голову и началъ... началъ, нѣсколько сбивчиво, въ общихъ чертахъ, передавать Иринѣ свои незатѣйливыя похожденія. Онъ часто останавливался и вопросительно взглядывалъ на Ирину, дескать не довольно ли? Но она настойчиво требовала продолженія разсказа, и, откинувъ волосы за уши, облокотившись на ручку кресла, казалось, съ усиленнымъ вниманіемъ ловила каждое слово. Глядя на нее со стороны и слѣдя за выраженіемъ ея лица, иной бы, пожалуй, могъ подумать, что она вовсе не слушала того, что Литвиновъ ей говорилъ, а только погружалась въ созерцаніе... Но не Литвинова созерцала она, хотя онъ и смущался, и краснѣлъ подъ ея упорнымъ взглядомъ. Предъ нею возникала цѣлая жизнь, другая, не его, ея собственная жизнь.

Литвиновъ не кончилъ, а умолкъ подъ вліяніемъ непріятнаго чувства постоянно возраставшей, внутренней непов-

кости. Ирина на этотъ разъ ничего не сказала ему, не попросила его продолжать, и, прижавъ ладонь къ глазамъ, точно усталая, медленно прислонилась къ спинкѣ кресла и осталась неподвижной. Литвиновъ подождалъ немного, и сообразивъ, что визитъ его продолжался уже болѣе двухъ часовъ, протянулъ-было руку къ шляпѣ, какъ вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздался быстрый скрипъ тонкихъ лаковыхъ сапогъ, и предшествуемый тѣмъ же отмѣннымъ дворянски-гвардейскимъ запахомъ, вошелъ Валеріанъ Владиміровичъ Ратмировъ.

Литвиновъ всталъ со стула и обмѣнялся поклономъ съ благовиднымъ генераломъ. А Ирина отняла, не спѣша, руку отъ лица и холодно посмотрѣвъ на своего супруга промолвила по-французски: — А! вотъ вы уже вернулись! но который же теперь часъ?

— Скоро четыре часа, ma chère amie, а ты еще не одѣта — насъ княгиня ждать будетъ: — отвѣчалъ генералъ, и изящно нагнувъ перетянутый станъ въ сторону Литвинова, съ свойственною ему почти изнѣженною игривостью въ голосѣ, прибавилъ: — Видно, любезный гость заставилъ тебя забыть время.

Читатель позволитъ намъ сообщить ему на этомъ мѣстѣ нѣсколько свѣдѣній о генералѣ Ратмировѣ. Отецъ его былъ естественный... Что вы думаете? Вы не ошибаетесь — но мы не то же хотѣли сказать... естественный сынъ знатнаго вельможи Александровскихъ временъ и хорошенькой актрисы француженки. Вельможа вывелъ сына въ люди, но состоянія ему не оставилъ — и этотъ сынъ (отецъ нашего героя) тоже не успѣлъ обогатиться: онъ умеръ въ чинѣ полковника, въ званіи полицеймейстера. За годъ до смерти онъ женился на красивой молодой вдовѣ, которой пришлось прибѣгнуть подъ его покровительство. Сынъ его и вдовы, Валеріанъ Александровичъ, по протекціи попавъ въ лейбскій корпусъ, обратилъ на себя вниманіе начальства — не столько

успѣхами въ наукахъ, сколько фронтовой выправкой, хорошими манерами и благонравіемъ (хотя подвергался всему, чему непремѣнно подвергались всѣ бывшіе воспитанники казенныхъ военныхъ заведеній),—и вышелъ въ гвардію. Карьеру онъ сдѣлалъ блестящую, благодаря скромной веселости своего нрава, ловкости въ танцахъ, мастерской ѣздѣ верхомъ ординарцемъ на парадахъ—большей частью на чужихъ лошадяхъ—и наконецъ, какому-то особенному искусству фамильярно-почтительнаго обращенія съ высшими, грустно-ласковаго, почти сиротливаго прислуживанья, не безъ примѣси общаго, легкаго какъ пухъ, либерализма.... Этотъ либерализмъ не помѣшалъ ему однако перепороть пятьдесятъ человѣкъ крестьянъ въ взбунтовавшемся бѣлорусскомъ селеніи, куда его послали для усмиренія. Наружностью онъ обладалъ привлекательной и необычайно молодящей: гладкій, румяный, гибкій и линкій, онъ пользовался удивительными успѣхами у женщинъ: знатныя старушки просто съ ума отъ него сходили. Осторожный по привычкѣ, молчаливый изъ разсчета, генералъ Ратмировъ, подобно трудолюбивой пчелѣ, извлекающей сокъ изъ самыхъ даже плохихъ цвѣтковъ, постоянно обращался въ высшемъ свѣтѣ—и безъ нравственности, безо всякихъ свѣдѣній, но съ репутаціей дѣльца, съ чутьемъ на людей и пониманьемъ обстоятельствъ, а главное—съ неуклонно-твердымъ желаніемъ добра самому себѣ—видѣлъ наконецъ передъ собой всѣ пути открытыми....

Литвиновъ принужденно усмѣхнулся, а Ирина только плечами пожала.

— Ну что, —промолвила она тѣмъ же холоднымъ тономъ: —видѣли вы графа?

— Какъ же, видѣлъ. Онъ приказалъ тебѣ кланяться.

— А! Онъ все глупъ попрежнему, этотъ нашъ покровитель?

Генералъ Ратмировъ ничего не отвѣчалъ, а только слегка

посмѣялся въ носъ, какъ бы снисходя къ опрометчивости женскаго сужденія. Благосклонные взрослые люди такимъ точно смѣхомъ отвѣчаютъ на вздорныя выходки дѣтей.

— Да, — прибавила Ирина: — глупость вашего графа слишкомъ поразительна, а ужъ я, кажется, на что успѣла насмотрѣться.

— Вы сами меня къ нему послали, — замѣтилъ сквозь зубы генералъ, и, обратившись къ Литвинову, спросилъ его по-русски: — Пользуетесь ли онъ баденскими водами?

— Я, слава Богу, здоровъ, отвѣчалъ — Литвиновъ.

— Это лучше всего, — продолжалъ генералъ, любезно осклабясь: — да и вообще въ Баденъ не за тѣмъ ѣздятъ, чтобы лечиться: но эти воды весьма дѣйствительны, je veux dire, efficaces: и кто страдаетъ, какъ я, напримѣръ, нервическимъ кашлемъ. ..

Ирина быстро встала. — Мы еще увидимся съ вами, Григорій Михайловичъ, и, я надѣюсь скоро, — проговорила она по-французски, презрительно перебивая мужчину рѣчь: — а теперь я должна идти одѣваться. Эта старая княгиня несносна съ своими вѣчными parties de plaisir, гдѣ ничего нѣтъ, кромѣ скуки.

— Вы сегодня очень строги ко всѣмъ, — пробормоталъ ей сквозь зубы и проскользнулъ въ другую комнату.

Литвиновъ направился къ двери.... Ирина его остановила.

— Вы мнѣ все разсказали, — промолвила она, — а главное утаили.

— Что такое?

— Вы, говорятъ, женитесь?

Литвиновъ покраснѣлъ до ушей... Онъ дѣйствительно съ намѣреніемъ не упомянулъ о Таѣ; но ему стало страхъ досадно, во-первыхъ, что Ирина знаетъ о его свадьбѣ, а во-вторыхъ, что она какъ будто уличила его въ желаніи скрыть отъ нея эту самую свадьбу. Онъ рѣшительно не зналъ, что сказать, а Ирина не спускала съ него глазъ.

— Да, я женюсь,—проговорилъ онъ наконецъ и тотчасъ удалился.

Ратмировъ вернулся въ комнату.

— Ну, что же ты не одѣваешься?—спросилъ онъ.

— Ступайте одни; у меня голова болитъ.

— Но княгиня....

Ирина обмѣрила мужа взглядомъ съ ногъ до головы, повернулась къ нему спиной и ушла въ свой кабинетъ.

XIII.

Литвиновъ былъ весьма недоволенъ собою, словно въ рулетку проигрался или не сдержалъ даннаго слова. Внутренній голосъ говорилъ ему, что, какъ жениху, какъ человѣку уже степенному, не мальчику, ему не слѣдовало поддаваться ни подстрекапію любопытства, ни обольщеніямъ воспоминаній. „Очень нужно было идти!“ разсуждалъ онъ. „Съ ея стороны кокетство одно, прихоть, капризъ.... Она скучаетъ, ей все пріѣлось, она ухватилась за меня... иному лакомкѣ вдругъ захочется чернаго хлѣба... ну, и прекрасно. Я-то зачѣмъ побѣжалъ? Развѣ я могу... не презирать ея?“ Это послѣднее слово онъ произнесъ, даже мысленно, не безъ усилія.—„Конечно, тутъ опасности никакой нѣтъ и быть не можетъ“, продолжалъ онъ свои разсужденія. „Вѣдь я знаю, съ кѣмъ дѣло имѣю. Но все-таки съ огнемъ шутить не слѣдуетъ... Моей ноги у нея не будетъ“. Литвиновъ самому себѣ не смѣлъ или не могъ еще признаться, до какой степени Ирина ему казалась красивою и какъ сильно она возбуждала его чувство.

День опять прошелъ тупо и вяло. За обѣдомъ Литвинову довелось сидѣть возлѣ осанистаго „бель-ома“ съ нафабренными усами, который все молчалъ и только пыхтѣлъ, да глаза таращилъ... но внезапно ожилъ, оказался соотечественникомъ, ибо тутъ же съ сердцемъ промолвилъ по-

русски: „а я говорилъ, что не надо было ѣсть дыни!" Вечеромъ тоже не произошло ничего утѣшительнаго: Биндасовъ въ глазахъ Литвинова выигралъ сумму вчетверо большую той, которую у него занялъ, но не только не возвратилъ ему своего долга, а даже съ угрозой посмотрѣлъ ему въ лицо, какъ бы собираясь наказать его еще чувствительнѣе именно за то, что онъ былъ свидѣтелемъ выигрыша. На слѣдующее утро снова нахлынула ватага соотечественниковъ; Литвиновъ едва-едва отъ нихъ отдѣлался и, отправившись въ горы, сперва наткнулся на Ирину, — онъ притворился, что не узналъ ея и быстро прошелъ мимо, — потомъ на Потугина. Съ Потугинымъ онъ заговорилъ-было, но тотъ неохотно отвѣчалъ ему. Онъ велъ за руку нарядно одѣтую дѣвочку съ пушистыми, почти бѣлыми локонами, большими темными глазами на блѣдномъ, болѣзненномъ личикѣ и тѣмъ особеннымъ, повелительнымъ и нетерпѣливымъ выраженіемъ, которое свойственно избалованнымъ дѣтямъ. Литвиновъ провелъ часа два въ горахъ и возвращался домой по Лихтенталевской аллеѣ... Сидѣвшая на скамейкѣ дама съ синимъ вуалемъ на лицѣ проворно встала и подошла къ нему... Онъ узналъ Ирину.

— Зачѣмъ вы избѣгаете меня, Григорій Михайловичъ, — проговорила она нетвердымъ голосомъ, какой бываетъ у человѣка, у котораго накипѣло на сердцѣ.

Литвиновъ смутился. — Я васъ избѣгаю, Ирина Павловна?

— Да, вы.... вы. ..

Ирина казалась взволнованною, почти разсерженною.

— Вы ошибаетесь, увѣряю васъ.

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Развѣ я сегодня утромъ — вотъ, когда мы съ вами встрѣтились, — развѣ я не видѣла, что вы меня узнали? Скажите, развѣ вы не узнали меня? Скажите?

— Я право... Ирина Павловна....

— Григорій Михайловичъ, вы человѣкъ прямой, вы

всегда говорили правду: скажите скажите, мнѣ, вѣдь вы узнали меня? вы съ намѣреніемъ отвернулись?

Литвиновъ взглянулъ на Ирину. Глаза ея блестѣли страннымъ блескомъ, а щеки и губы мертвенно обѣлѣли сквозь частую сѣтку вуаля. Въ выраженіи ея лица, въ самомъ звукѣ ея порывистаго шопота было что-то до того неотразимо скорбное, молящее... Литвиновъ не могъ притворяться долѣе.

— Да... я узналъ васъ,—промолвилъ онъ не безъ усилія.

Ирина тихонько вздрогнула и тихонько опустила руки.

— Отчего же вы не подошли ко мнѣ?—произнесла она.

—Отчего... отчего!—.Литвиновъ сошелъ въ сторону съ дорожки, Ирина молча послѣдовала за нимъ.—Отчего?—повторилъ онъ еще разъ, и лицо его внезапно вспыхнуло, и чувство, похожее на злобу, стиснуло ему грудь и горло.—Вы... Вы это спрашиваете, послѣ всего, что произошло между нами? Не теперь, конечно, не теперь, а тамъ... тамъ.... въ Москвѣ.

— Но вѣдь мы съ вами рѣшили, вѣдь вы обѣщали.... начала-было Ирина.

— Я ничего не обѣщалъ. Извините рѣзкость моихъ выраженій, но вы требуете правды—такъ посудите сами: чему, какъ не кокетству,—признаюсь, для меня непонятному,—чему, какъ не желанію испытать, насколько вы еще властны надо мною, могу я приписать вашу.... я не знаю какъ назвать... вашу настойчивость? Наши дороги такъ далеко разошлись! Я все забылъ, все это перебольлю давно, я совсѣмъ другой человѣкъ сталъ: вы замужемъ, счастливы, по крайней мѣрѣ по наружности, пользуетесь завиднымъ положеніемъ на свѣтѣ; къ чему же, зачѣмъ это сближеніе? Что я вамъ, что вы мнѣ? Мы теперь и понять другъ друга не можемъ, между нами теперь нѣтъ уже рѣшительно ничего общаго, ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ! Особенно.... особенно въ прошедшемъ!

.Литвиновъ произнесъ всю эту рѣчь горячливо, отрывисто,

не поворачивая головы. Ирина не шевелилась, и только по временамъ чуть-чуть протягивала къ нему руки. Казалось, она умоляла его остановиться и выслушать ее, а при послѣднихъ его словахъ слегка прикусила нижнюю губу, какъ бы подавляя ощущеніе остраго и быстраго уязвленія.

— Григорій Михайлычъ, — начала она наконецъ голосомъ уже болѣе спокойнымъ, и отошла еще дальше отъ дорожки, по которой изрѣдка проходили люди....

Литвиновъ въ свою очередь послѣдовалъ за ней.

— Григорій Михайлычъ, поговорите мнѣ: еслибъ я могла вообразить, что у меня осталось на волосъ власти надъ вами, я бы первая избѣгала васъ. Если я этого не сдѣлала, если я рѣшилась, несмотря на.... на мою прошедшую вину, возобновить знакомство съ вами, то это потому... потому....

— Почему? — почти грубо спросилъ Литвиновъ.

— Потому, — подхватила съ вызванной силой Ирина: — что мнѣ стало уже слишкомъ невыносимо, нестерпимо душно въ этомъ свѣтѣ, въ этомъ завидномъ положеніи, о которомъ вы говорите; потому, что встрѣтивъ васъ, живого человѣка, послѣ всѣхъ этихъ мертвыхъ куколъ — вы могли видѣть образчики ихъ четвертаго дня, тамъ au Vieu Château, — я обрадовалась какъ источнику въ пустынѣ, а вы называете меня кокеткой и подозрѣваете меня, и отталкиваете меня подъ тѣмъ предлогомъ, что я дѣйствительно была виновата передъ вами, а еще больше передъ самой собою!

— Вы сами выбрали свой жребій, Ирина Павловна, — угрюмо промолвилъ Литвиновъ, попрежнему не оборачивая головы.

— Сама, сама... я и не жалуюсь, я не имѣю права жаловаться, — поспѣшно проговорила Ирина, которой, казалось, самая суровость Литвинова доставляла тайную отраду: — я знаю, что вы должны осуждать меня, я и не оправдываюсь,

я только хочу объяснить вамъ мое чувство, я хочу убѣдить васъ, что мнѣ не до кокетства теперь... Мнѣ кокетничать съ вами! Да въ этомъ смыслу нѣтъ.... Когда я васъ увидала, все мое хорошее, молодое во мнѣ пробудилось.... то время, когда я еще не выбрала своего жребія, все, что лежитъ тамъ, въ той свѣтлой полосѣ, за этими десятью годами...

— Да позвольте же, наконецъ, Ирина Павловна! Сколько мнѣ извѣстно, свѣтлая полоса въ вашей жизни началась именно съ той поры, какъ мы разстались....

Ирина поднесла платокъ къ губамъ.

— Это очень жестоко, что вы говорите, Григорій Михайлычъ; но я сердиться на васъ не могу. О, нѣтъ, не свѣтлое то было время, не на счастье покинула я Москву, ни одного мгновенья, ни одной минуты счастья я не знала ... повѣрьте мнѣ, что бы ни разсказывали вамъ. Еслибъ я была счастлива, могла ли бы я говорить съ вами такъ, какъ я теперь говорю.... Я повторяю вамъ, вы не знаете, что это за люди... Вѣдь они ничего не понимаютъ, ничему не сочувствуютъ, даже ума у нихъ нѣтъ, ni esprit, ni intelligence, а одно только лукавство, да сноровка; вѣдь въ сущности, и музыка, и поэзія, и искусство имъ одинаково чужды. Вы скажете, что я ко всему этому была сама довольно равнодушна; но не въ такой степени, Григорій Михайлычъ.... не въ такой степени! Не свѣтская женщина теперь передъ вами, вамъ стоитъ только взглянуть на меня, не львица.... такъ, кажется, насъ величаютъ.... а бѣдное, бѣдное существо, которое, право, достойно сожалѣнія. Не удивляйтесь моимъ словамъ.... мнѣ не до гордости теперь! Я протягиваю къ вамъ руку какъ нищая, поймите же это наконецъ, какъ нищая.... Я милостыни прошу, — прибавила она вдругъ съ невольнымъ, неудержимымъ порывомъ; — я прошу милостыни, а вы...

Голосъ измѣнилъ ей. Литвиновъ поднялъ голову и посмо-

трѣлъ на Ирину; она дышала быстро, губы ея дрожали. Сердце въ немъ вдругъ забилось, и чувство злобы исчезло.

— Вы говорите, что наши дороги разошлись, продолжала Ирина: — я знаю, вы женитесь по склонности, у васъ уже составленъ планъ на всю вашу жизнь, да, это все такъ, но мы не стали другъ другу чужды, Григорій Михайлычъ, мы можемъ еще понять другъ друга. Или вы полагаете, что я совсѣмъ отупѣла, что я совсѣмъ погрязла въ этомъ болотѣ? Ахъ, нѣтъ, не думайте этого пожалуйста! Дайте мнѣ душу отвести, прошу васъ, ну хоть во имя тѣхъ прежнихъ дней, если вы не хотите забыть ихъ. Сдѣлайте такъ, чтобы наша встрѣча не пропала даромъ, это было бы очень горько, она и безъ того не долго продолжится.... Я не умѣю говорить какъ слѣдуетъ, но вы поймете меня, потому что я требую малаго, очень малаго.... только немножко участія, только чтобы не отталкивали меня, душу дали бы отвести....

Ирина умолкла, въ голосѣ ея звенѣли слезы. Она вздохнула, и робко, какимъ-то боковымъ, пытливымъ взоромъ посмотрѣла на Литвинова, протянула ему руку....

Литвиновъ медленно взялъ руку и слабо пожалъ ее.

— Будемте друзьями, шепнула Ирина

— Друзьями, —задумчиво повторилъ Литвиновъ.

— Да, друзьями.... а если это слишкомъ большое требованіе, то будемте, по крайней мѣрѣ, хорошими знакомыми.... Будемте запросто, какъ будто никогда ничего не случалось....

— Какъ будто ничего не случалось....—повторилъ опять Литвиновъ.—Вы сейчасъ сказали мнѣ, Ирина Павловна, что я не хочу забыть прежнихъ дней.... Ну, а если я не могу забыть ихъ?

Блаженная улыбка мелькнула на лицѣ Ирины, и тотчасъ же исчезла, смѣнившись заботливымъ, почти испуганнымъ выраженіемъ.

— Будьте, какъ я, Григорій Михайлычъ, помните только

хорошее; а главное, дайте мнѣ теперь слово... честное слово...

— Какое?

— Не избѣгать меня... не огорчать меня понапрасну... Вы обѣщаетесь? скажите!

— Да.

— И всякія дурныя мысли изъ головы выкинете?

— Да... но понять васъ я все-таки отказываюсь.

— Это и не нужно... а впрочемъ погодите, вы меня поймете. Но вы обѣщаетесь?

— Я уже сказалъ: да.

— Ну, спасибо. Смотрите же, я привыкла вамъ вѣрить. Я буду ждать васъ сегодня, завтра я изъ дому не буду выходить. А теперь я должна васъ оставить. Герцогиня идетъ по аллеѣ .. Она увидала меня, и я не могу не подойти къ ней... До свиданія... Дайте же мнѣ вашу руку, vite, vite. До свиданія.

И крѣпко стиснувши руку Литвинова, Ирина направилась къ особѣ среднихъ лѣтъ и сановитой наружности, тяжело выступавшей по песчаной дорожкѣ, въ сопровожденіи двухъ другихъ дамъ и ливреинаго, чрезвычайно благообразнаго лакея.

— Eh bonjour, chère madame, — проговорила особа, между тѣмъ какъ Ирина почтительно присѣдала передъ нею. — Comment allez-vous aujourd'hui? Venez un peu avec moi.

— Votre Altesse a trop de bonté, — послышался вкрадчивый голосъ Ирины.

XIV.

Литвиновъ далъ удалиться герцогинѣ со всей ея свитой и тоже вышелъ на аллею. Онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета въ томъ, что онъ ощущалъ: и стыдно ему было, и даже странно, и самолюбіе его было польщено... Нежданное

объясненіе съ Ириной застало его врасплохъ; ея горячія, быстрыя слова пронеслись надъ нимъ, какъ грозный ливень. „Чудачки эти свѣтскія женщины,—думалъ онъ:—никакой въ нихъ нѣтъ послѣдовательности... и какъ извращаетъ ихъ среда, гдѣ онѣ живутъ, и безобразіе которой онѣ сами чувствуютъ!..“ Собственно онъ совсѣмъ не то думалъ, а только машинально повторялъ эти избитыя фразы, какъ бы желая тѣмъ самымъ отдѣлаться отъ другихъ, болѣе жуткихъ думъ. Онъ понималъ, что серьезно размышлять ему теперь не слѣдовало, что ему, вѣроятно, пришлось бы обвинить себя, и онъ шелъ замедленными шагами, чуть не усиленно обращая вниманіе на все, что попадалось ему на встрѣчу... Онъ вдругъ очутился передъ скамейкой, увидалъ возлѣ нея чьи-то ноги, повелъ вверхъ по нимъ глазами... Ноги эти принадлежали человѣку, сидѣвшему на скамейкѣ и читавшему газету; человѣкъ этотъ оказался Потугинымъ. Литвиновъ издалъ легкое восклицаніе. Потугинъ положилъ газету на колѣни и внимательно, безъ улыбки посмотрѣлъ на Литвинова; и Литвиновъ посмотрѣлъ на Потугина, тоже внимательно и тоже безъ улыбки.

— Можно сѣсть возлѣ васъ? — спросилъ онъ наконецъ.

— Садитесь, сдѣлайте одолженіе. Только предувѣдомляю васъ: если вы хотите со мной разговоръ вести, не прогнѣвайтесь—я нахожусь теперь въ самомъ мизантропическомъ настроеніи, и всѣ предметы представляются мнѣ въ преувеличенно-скверномъ видѣ.

— Это ничего, Созонтъ Иванычъ, — промолвилъ Литвиновъ, опускаясь на скамью: — это даже очень кстати... Но отчего на васъ нашелъ такой стихъ?

— Но настоящему мнѣ бы не слѣдовало злиться, — началъ Потугинъ. — Я готъ сейчасъ вычиталъ въ газетѣ проектъ о судебныхъ преобразованіяхъ въ Россіи, и съ истиннымъ удовольствіемъ вижу, что и у насъ хватились, наконецъ, умаразума, и не намѣрены болѣе, подъ предлогомъ самостоятель-

ности тамъ, народности или оригинальности, къ чистой и ясной европейской логикѣ прицѣплять доморощенный хвостикъ; а напротивъ, берутъ хорошее чужое цѣликомъ. „Довольно одной уступки въ крестьянскомъ дѣлѣ... Подите-ка, развяжитесь съ общимъ владѣніемъ!.. Точно, точно, мнѣ не слѣдовало бы злиться; да на мою бѣду наскочилъ я на русскій самородокъ, побесѣдовалъ съ нимъ, а эти самородки да самоучки меня въ самой могилѣ тревожить будутъ!

— Какой самородокъ? — спросилъ Литвиновъ.

— „Да тутъ такой господинъ объѣхалъ, геніальнымъ музыкантомъ себя воображаетъ. „Я, говоритъ, конечно, ничего, я нуль, потому что я не учился, но у меня не въ примѣръ больше мелодій и больше идей, чѣмъ у Мейербеера". Во-первыхъ, я скажу: зачѣмъ же ты не учился? а во-вторыхъ, не то что у Мейербеера, а у послѣдняго нѣмецкаго флейтщика, скромно высвистывающаго свою партію въ послѣднемъ нѣмецкомъ оркестрѣ, въ „двадцать разъ больше идей, чѣмъ у всѣхъ нашихъ самородковъ; только флейтщикъ хранитъ про себя эти идеи и не суется съ ними впередъ въ отечествѣ Моцартовъ и Гайдновъ; а нашъ братъ самородокъ „трень брень" вальсикъ или романсикъ, и, смотришь — уже руки въ панталоны и ротъ презрительно скривленъ: я, молъ, геній. И въ живописи тоже самое, и вездѣ. Ужъ эти мнѣ самородки! „Да кто же не знаетъ, что щеголяютъ ими только тамъ, гдѣ нѣтъ ни настоящей, въ кровь и плоть перешедшей науки, ни настоящаго искусства. Неужели же не пора сдать въ архивъ это щеголянье, этотъ поношенный хламъ вмѣстѣ съ извѣстными фразами о томъ, что у насъ на Руси никто съ голоду не умираетъ, и ѣзда по „дорогамъ самая скорая, и что мы шапками всѣхъ закидать можемъ? „Ѣдутъ мнѣ въ глаза съ „даровитостью русской натуры, съ геніальнымъ инстинктомъ, съ Кулибинымъ... „Да какая это „даровитость, помилуйте, господа? Это лепетанье съ просонья, а не то полуумышленная смѣтка. Инстинктъ! Нашли чѣмъ хвастаться!

Возьмите муравья въ лѣсу и отнесите его на вересу отъ его кочки: онъ найдетъ дорогу къ себѣ домой; человѣкъ ничего подобнаго сдѣлать не можетъ; что-жъ? развѣ онъ ниже муравья? Нистинктъ, будь онъ распрегеніальный, недостоинъ человѣка: разсудокъ, простой, здравый, дюжинный разсудокъ — вотъ наше прямое достояніе, наша гордость; разсудокъ никакихъ такихъ штукъ не выкидываетъ; оттого-то все на немъ и держится. А что до Кулибина, который, не зная механики, смастерилъ какіе-то пребезобразные часы, такъ я бы эти самые часы на позорный столбъ выставить приказалъ; вотъ, молъ, смотрите, люди добрые, какъ не надо дѣлать. Кулибинъ самъ тутъ не виноватъ, да дѣло его дрянь. Хвалить Телушкина, что на адмиралтейскій шпиль лазалъ, за смѣлость и ловкость — можно: отчего не похвалить? Но не слѣдуетъ кричать, что, дескать, какой онъ-нось наклеилъ нѣмцамъ архитекторамъ? и на что они? только деньги берутъ... Никакого онъ имъ носа не наклеивалъ: пришлось же потомъ лѣса вокругъ шпиля поставить, да починить его обыкновеннымъ порядкомъ. Не поощряйте, ради Бога, у насъ на Руси мысли, что можно чего-нибудь добиться безъ ученья! Нѣтъ: будь ты хоть семи пядей во лбу, а учись, учись съ азбуки! Не то молчи, да сиди, подкавши хвостъ! Фу! даже жарко стало!

Потугинъ снялъ шляпу и помахалъ на себя платкомъ.

— Русское художество,— заговорилъ онъ снова: — русское искусство!.. Русское дружье я знаю, и русское безсиліе знаю тоже, а съ русскимъ художествомъ, виноватъ, не встрѣчался. Двадцать лѣтъ сряду поклонялись этакой пухлой ничтожности, Брюллову, и вообразили, что и у насъ, мол, завелась школа, и что она даже почище будетъ всѣхъ другихъ... Русское художество, ха-ха-ха! хо-хо!

— Но однако, позвольте, Созонтъ Иванычъ,— замѣтилъ Литвиновъ,— Глинку вы, стало-быть, тоже не признаете?

Потугинъ почесалъ у себя за ухомъ.

— Исключенія, вы знаете, только подтверждаютъ правило, но и въ этомъ случаѣ мы не могли обойтись безъ хвастовства! Сказать бы, напримѣръ, что Глинка былъ, дѣйствительно, замѣчательный музыкантъ, которому обстоятельства, внѣшнія и внутреннія, помѣшали сдѣлаться основателемъ русской оперы, никто бы спорить не сталъ; но нѣтъ, какъ можно! Сейчасъ надо его произвести въ генералъ-аншефы, въ оберъ-гофъ-маршалы по части музыки, да другіе народы кстати оборвать: ничего, молъ, подобнаго у нихъ нѣту, и тутъ же указываютъ вамъ на какого-нибудь „мощнаго" доморощеннаго генія, произведенія котораго не что иное, какъ жалкое подражаніе второстепеннымъ чужестраннымъ дѣятелямъ — именно второстепеннымъ: этимъ легче подражать. Ничего подобнаго? О, убогіе дурачки-варвары, для которыхъ не существуетъ преемственности искусства, и художники—нѣчто въ родѣ Рашо: чуть, молъ, шесть пудовъ одной рукой поднимаетъ, а нашъ —цѣлыхъ двѣнадцать! Ничего подобнаго!?? А у меня, осмѣлюсь доложить вамъ, изъ головы слѣдующее воспоминаніе не выходитъ. Посѣтилъ я нынѣшнею весной Хрустальный Дворецъ возлѣ Лондона; въ этомъ дворцѣ помѣщается, какъ вамъ извѣстно, нѣчто въ родѣ выставки всего, до чего достигла людская изобрѣтательность,—энциклопедія человѣчества, такъ сказать надо. Ну-съ, расхаживалъ я, расхаживалъ мимо всѣхъ этихъ машинъ и орудій, и статуй великихъ людей: и подумалъ я въ тѣ поры: еслибы такой вышелъ приказъ, что вмѣстѣ съ исчезновеніемъ какого либо народа съ лица земли, немедленно должно было бы исчезнуть изъ Хрустальнаго Дворца все то, что тотъ народъ выдумалъ,—наша матушка, Русь православная, провалиться бы могла въ тарь-тарары, и ни одного гвоздика, ни одной бумагочки не потрескалась бы, родная: все бы преспокойно осталось на своемъ мѣстѣ, потому что даже самоваръ, и лапти, и кута, и кнутъ—эти наши знаменитые продукты—

не нами выдуманы. Подобнаго опыта даже съ Сандвичевскими островами произвести невозможно; тамошніе жители какія-то лодки да копья изобрѣли: посѣтители замѣтили бы ихъ отсутствіе. Это клевета! это слишкомъ рѣзко—скажете вы пожалуй. . А я скажу: во-первыхъ, что я не умѣю браниться, ворчуя; а во-вторыхъ, что, видно, не одному чорту, а и самому себѣ прямо въ глаза посмотрѣть никто не рѣшается, и не одни дѣти у насъ любятъ, чтобъ ихъ баюкали. Старыя наши выдумки къ намъ приполэли съ Востока, новыя мы съ грѣхомъ пополамъ съ Запада перетащили, а мы все продолжаемъ толковать о русскомъ самостоятельномъ искусствѣ! Иные молодцы даже русскую науку открыли: у насъ, молъ, дважды-два тоже четыре, да выходитъ оно какъ-то бойчѣе.

— Но постойте, Созонтъ Иванычъ,—воскликнулъ Литвиновъ.—Постойте! Вѣдь посылаемъ же мы что-нибудь на всемірныя выставки, и Европа чѣмъ-нибудь да запасается у насъ?

— Да, сырьемъ, сырыми продуктами. И замѣтьте, милостивый государь: это наше сырье большею частію только потому хорошо, что обусловлено другими прискорбными обстоятельствами: щетина наша, напримѣръ, велика и жестка оттого, что свиньи плохи; кожа плотна и толста оттого, что коровы худы; сало жирно оттого, что вываривается пополамъ съ говядиной... Впрочемъ, что же я съ вами объ этомъ распространяюсь: вы вѣдь занимаетесь технологіей, лучше меня все это знать должны. Говорятъ мнѣ: изобрѣтательность! Россійская изобрѣтательность! Вотъ наши господа помѣщики и жалуются горько, и терпятъ убытки, оттого что не существуетъ удовлетворительной зерносушилки, которая избавила бы ихъ отъ необходимости сажать хлѣбные снопы въ овины, какъ во времена Рюрика: овины эти страшно убыточны, не хуже лаптей или рогожъ, и горятъ они безпрестанно. Помѣщики жалуются, а зерносушилокъ все нѣтъ какъ

нѣтъ. А почему ихъ нѣтъ? Потому что нѣмцу не нужны; онъ хлѣбъ сырьёмъ молотитъ, стало, быть и не хлопочетъ объ ихъ изобрѣтеніи, а мы... не въ состояніи! Не въ состояніи—и баста! Хоть ты что! Съ нынѣшняго дня обѣщаюсь, какъ только подвернется мнѣ самородокъ или самоучка—стой, скажу я ему, почтенный! а гдѣ зерносушилка? подавай ее! Да куда имъ! Вотъ поднять старый стоптанный башмакъ, давнымъ-давно свалившійся съ ноги Сенъ-Симона или Фуріе, и почтительно возложивъ его на голову, носиться съ нимъ, какъ со святыней—это мы въ состояніи; или статейку настрочить объ историческомъ и современномъ значеніи пролетаріата въ главныхъ городахъ Франціи—это тоже мы можемъ; а попробовалъ я какъ то предложить одному такому сочинителю и политико-эконому, въ родѣ вашего господина Воронилова, назвать мнѣ двадцать городовъ въ этой самой Франціи, такъ знаете ли, что изъ этого вышло? Вышло то, что политико-экономъ, съ отчаянія въ числѣ французскихъ городовъ назвалъ наконецъ Монфермель, вспомнивъ, вѣроятно, польдековскій романъ. И пришелъ мнѣ тутъ на память слѣдующій анекдотъ. Пробирался я однажды съ ружьемъ и собакой по лѣсу...

— А вы охотникъ?—спросилъ Литвиновъ.

— Пострѣливаю помаленьку. Пробирался я въ болото за бекасами; натолковали мнѣ про это болото другіе охотники. Глажу, сидитъ на пнѣ передъ избушкой кунеческій приказчикъ, свѣжій и ядреный какъ лущеный орѣхъ, сидитъ, ухмыляется, чему—неизвѣстно. И спросилъ я его: „Гдѣ мол, тутъ болото, и водятся ли въ немъ бекасы?“—„Пожалуйте, пожалуйте“,—сказалъ онъ немедленно, и съ такимъ выраженіемъ, словно я его рублемъ подарилъ, „съ нашимъ удовольствіемъ-съ, болото первый сортъ; а что касательно до всякой пикой птицы—и Боже ты мой!—въ отличномъ изобиліи имѣется“. Я отправился, но не только никакой пикой птицы не нашелъ, самое болото давно высохло. Ну,

скажите мнѣ на милость, зачѣмъ вретъ русскій человѣкъ? Политико-экономъ зачѣмъ вретъ, и тоже о дикой птицѣ?

Литвиновъ ничего не отвѣчалъ и только вздохнулъ сочувственно.

— А заведите рѣчь съ тѣмъ же политико-экономомъ, — продолжалъ Потугинъ: — о самыхъ трудныхъ задачахъ общественной науки, но только вообще, безъ фактовъ... фррр! такъ птицей и взовьется, орломъ Мнѣ разъ однако удалось поймать такую птицу: приманку я употребилъ, какъ вы изволите увидѣть, хорошую, видную. Толковали мы съ однимъ изъ нашихъ нынѣшнихъ „вьюношей" о различныхъ, какъ они выражаются, вопросахъ. Ну-съ, гнѣвался онъ очень, какъ водится; бракъ, между прочимъ, отрицалъ съ истинно-дѣтскимъ ожесточеніемъ. Представлялъ я ему такіе резоны, сякіе... какъ объ стѣну! Вижу: подъѣхать ни съ какой стороны невозможно. И блесни мнѣ тутъ счастливая мысль! Позвольте доложить вамъ, — началъ я — съ „вьюношами" надо всегда говорить почтительно: — я вамъ милостивый государь, удивляюсь: вы занимаетесь естественными науками и до сихъ поръ не обратили вниманія на тотъ фактъ, что всѣ плотоядныя и хищныя животныя, звѣри, птицы, всѣ тѣ, кому нужно отправляться на добычу, трудиться надъ доставленіемъ живой пищи и себѣ и своимъ дѣтямъ... а вы вѣдь человѣка причислите къ разряду подобныхъ животныхъ? — Конечно, причислю, — подхватилъ „вьюноша": человѣкъ вообще не что иное, какъ животное плотоядное. — И хищное, прибавилъ я. — И хищное, — подтвердилъ онъ. — Прекрасно сказано, — подтвердилъ я. Такъ вотъ, я и удивляюсь тому, какъ вы не замѣтили, что всѣ подобныя животныя пребываютъ въ единобрачіи? Вьюноша дрогнулъ. — Какъ такъ? — Да такъ же. Вспомните льва, волка, лисицу, ястреба, коршуна; да и какъ же имъ поступать иначе, соблаговолите сообразить? И вдвоемъ-то дѣтей едва выкормишь. — Задумался мой вьюноша. — Ну, говоритъ, въ

этомъ случаѣ звѣрь человѣку не указъ.—Тутъ я обозвалъ его идеалистомъ, и ужъ огорчился же онъ! Чуть не заплакалъ. Я долженъ былъ его успокоить и обѣщать ему, что не выдамъ его товарищамъ. Заслужить названіе идеалиста—легко ли! Въ томъ-то и штука, что нынѣшняя молодежь ошиблась въ разсчетѣ. Она вообразила, что время прежней, темной подземной работы прошло, что хорошо было старичкамъ-отцамъ рыться на подобіе кротовъ, а для насъ-де эта роль унизительна, мы на открытомъ воздухѣ дѣйствовать будемъ, мы будемъ дѣйствовать... Голубчики! и ваши дѣтки еще дѣйствовать не будутъ; а вамъ не угодно ли въ норку, въ норку опять по слѣдамъ старичковъ?

Наступило небольшое молчаніе.

— Я, сударь мой, такого мнѣнія,—началъ опять Потугинъ:—что мы не однимъ только знаніемъ, искусствомъ, правомъ, обязаны цивилизаціи, но что самое даже чувство красоты и поэзіи развивается и входитъ въ силу подъ вліяніемъ той же цивилизаціи, и что такъ называемое народное, наивное, безсознательное творчество есть нелѣпость и чепуха. Въ самомъ Гомерѣ уже замѣтны слѣды цивилизаціи утонченной и богатой; самая любовь облагораживается ею. Славянофилы охотно повѣсили бы меня за подобную ересь, еслибъ они не были такими сердобольными существами; но я все-таки настаиваю на своемъ—и сколько бы меня ни подчивали г-жей Кохановской и *Роемъ на спокоѣ*, я этого triple extrait de mougik russe нюхать не стану, ибо не принадлежу къ высшему обществу, которому отъ времени до времени необходимо нужно увѣрить себя, что оно не совсѣмъ офранцузилось, и для котораго собственно и сочиняется эта литература en cuir de Russie. Попытайтесь прочесть простолюдину настоящему—самыя хлесткія, самыя „народныя“ мѣста изъ *Роя:* онъ подумаетъ, что вы ему сообщаете новый заговоръ отъ лихоманки или запоя. Повторяю, безъ цивилизаціи нѣтъ и поэзіи. Хотите ли

уяснить себѣ поэтическій идеалъ нецивилизованнаго русскаго человѣка? Разверните наши былины, наши легенды. Не говорю уже о томъ, что любовь въ нихъ постоянно является какъ слѣдствіе колдовства, приворота, производится питіемъ „забыдущимъ“ и называется даже присухой, зазнобой; не говорю также о томъ, что наша такъ-называемая эпическая литература одна, между всѣми другими, европейскими и азіятскими, одна, замѣтьте, не представила —коли Ваньку Таньку не считать— никакой типической пары любящихся существъ; что святорусскій богатырь свое знакомство съ суженой-ряженой всегда начинаетъ съ того, что бьетъ ее по бѣлому тѣлу „нежалухою“ —отчего „и женской полъ пухо̀лъ живетъ“;—обо всемъ этомъ я говорить не стану; но позволяю себѣ обратить ваше вниманіе на изящный образъ юноши, жёнъ-премьѐ, какимъ онъ рисовался воображенію первобытнаго, нецивилизованнаго славянина. Вотъ, извольте посмотрѣть, идетъ жёнъ-премьѐ; шубоньку сшилъ онъ себѣ кунью, по всѣмъ швамъ строченую, поясокъ семишелковый подъ самыя мышки подведенъ, персты закрыты рукавчиками, воротъ въ шубѣ сдѣланъ выше головы, спереди-то не видать лица румянаго, сзади-то не видать шеи бѣленькой, шапочка сидитъ на одномъ ухѣ, а на ногахъ сапоги сафьянные, носы шиломъ, пяты востры—вокругъ носика-то носа яйцо кати; подъ пяту-пяту воробей лети-перепурхивай. — И идетъ молодецъ частой мелкой походочкой, той знаменитой „щепливой“ походкой, которою нашъ Алкивіадъ, Чурило Пленковичъ, производилъ такое изумительное, почти медицинское дѣйствіе въ старыхъ бабахъ и молодыхъ дѣвкахъ, той самой походкой, которою до нынѣшняго дня такъ неподражаемо сѣменятъ наши по всѣмъ суставчикамъ развинченные половые, эти сливки, этотъ цвѣтъ русскаго щегольства, это nec plus ultra русскаго вкуса. Я это не шутя говорю: мѣшковатое ухорство, вотъ нашъ художественный идеалъ. Что̀, хорошъ образъ? Много въ немъ матеріаловъ

для живописи, для ваянія? А красавица, которая плѣняетъ юношу, и у которой „кровь въ лицѣ будто у зайцы?..“ Но вы, кажется, не слушаете меня?

Литвиновъ встрепенулся. Онъ, дѣйствительно, не слышалъ, что говорилъ ему Потугинъ: онъ думалъ, неотступно думалъ объ Иринѣ, о послѣднемъ свиданіи съ нею...

— Извините меня, Созонтъ Иванычъ, — началъ онъ; — но я опять къ вамъ съ прежнимъ вопросомъ насчетъ... насчетъ госпожи Ратмировой.

Потугинъ сложилъ газету и засунулъ ее въ карманъ.

— Вамъ опять хочется узнать, какъ я съ ней познакомился?

— Нѣтъ, не то; я бы желалъ услыхать ваше мнѣніе... о той роли, которую она играла въ Петербургѣ. Въ сущности, какая это была роль?

— А я, право, не знаю, что сказать вамъ, Григорій Михалычъ. Я сошелся съ госпожею Ратмировой довольно близко... но совершенно случайно и не надолго. Я въ ея міръ не заглядывалъ и что тамъ происходило — осталось для меня неизвѣстнымъ. Болтали при мнѣ кое-что, да вы знаете, сплетня царитъ у насъ не въ однихъ демократическихъ кружкахъ. Впрочемъ, я и не любопытствовалъ. Однако, я вижу, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного: — она васъ занимаетъ.

— Да: мы побесѣдовали раза два довольно откровенно. Я все-таки себя спрашиваю: искренна ли она?

Потугинъ потупился. — Когда увлекается — искренна, какъ всѣ страстныя женщины. Гордость также иногда мѣшаетъ ей лгать.

— А она горда? Я скорѣй полагаю — капризна.

— Горда какъ бѣсъ; да это ничего.

— Мнѣ кажется, она иногда преувеличиваетъ...

— И это ничего; все-таки она искренна. Ну, а вообще говоря, у кого захотѣли вы правды? Лучшія изъ этихъ барынь испорчены до мозга костей.

— Но, Созонтъ Иванычъ, вспомните, не сами ли вы назвали себя ея пріятелемъ? Не сами ли вы почти насильно повели меня къ ней?

— Чтожъ такое? Она просила меня васъ доставить; я и подумалъ: отчего же нѣтъ? А я дѣйствительно ея пріятель. Она не безъ хорошихъ качествъ: очень добра, то-есть щедра, то-есть даетъ другимъ, что ей не совсѣмъ нужно. Впрочемъ, вѣдь вы сами должны знать ее не хуже меня.

— Я зналъ Ирину Павловну десять лѣтъ тому назадъ; а съ тѣхъ поръ...

— Ахъ, Григорій Михайлычъ, что вы говорите! Характеръ людской развѣ мѣняется? Какимъ въ колыбельку, такимъ и въ могилку. Или, можетъ быть...—Тутъ Потугинъ нагнулся еще ниже:—можетъ быть, вы ей въ руки попасть боитесь? Оно точно... Да вѣдь чьихъ-нибудь рукъ не миновать.

Литвиновъ насильственно засмѣялся.—Вы полагаете?

— Не миновать. Человѣкъ слабъ, женщина сильна, случай всесиленъ, примириться съ безцѣльною жизнію трудно, вполнѣ себя позабыть невозможно... а тутъ красота и участіе, тутъ теплота и свѣтъ,—гдѣ же противиться? И побѣжишь какъ ребенокъ къ нянькѣ. Ну, а потомъ, конечно, холодъ и мракъ, и пустота... какъ слѣдуетъ. И кончится тѣмъ, что ото всего отвыкнешь, все перестанешь понимать. Сперва не будешь понимать, какъ можно любить; а потомъ не будешь понимать, какъ жить можно.

Литвиновъ посмотрѣлъ на Потугина, и ему показалось, что онъ никогда еще не встрѣчалъ человѣка болѣе одинокаго, болѣе заброшеннаго... болѣе несчастнаго. Онъ не робѣлъ на этотъ разъ, не чинился; весь понурый и бѣдный, съ головою на груди и руками на колѣняхъ, онъ сидѣлъ неподвижно и только усмѣхался унылой усмѣшкой. Жалко стало Литвинову этого бѣднаго, жалкаго чудака.

— Мнѣ Ирина Павловна между прочимъ упомянула,—

началъ онъ вполголоса, —объ одной своей хорошей знакомой, которую звали, помнится, Бѣльской или Дольской...

Потугинъ вскинулъ на Литвинова свои печальные глазки.

— А!—промолвилъ онъ глухо. — Она упомянула... ну, и что жъ? Впрочемъ, —прибавилъ онъ, какъ-то неестественно зѣвнувъ, — мнѣ домой пора — обѣдать. Прощенія просимъ.

Онъ вскочилъ со скамейки и проворно удалился, прежде чѣмъ Литвиновъ успѣлъ промолвить слово... Досада смѣнила въ немъ жалость, досада, разумѣется, на самого себя. Всякаго рода нескромность была ему несвойственна, онъ хотѣлъ выразить свое участіе Потугину, а вышло нѣчто подобное неловкому намеку. Съ тайнымъ неудовольствіемъ на сердцѣ вернулся онъ въ свою гостиницу.

„Испорчена до мозга костей,—думалъ онъ нѣсколько времени спустя,— но горда какъ бѣсъ! Она, эта женщина, которая чуть не на колѣни становится передо мною, горда? горда, а не капризна?“

Литвиновъ попытался изгнать изъ головы образъ Ирины; но это ему не удалось. Онъ именно потому и не вспоминалъ о своей невѣстѣ; онъ чувствовалъ: сегодня тотъ образъ своего мѣста не уступитъ. Онъ положилъ, не тревожась болѣе, ждать разгадки всей этой „странной исторіи“; разгадка эта не могла замедлиться, и Литвиновъ нисколько не сомнѣвался въ томъ, что она будетъ самая безобидная и естественная. Такъ думалъ онъ, а между тѣмъ не одинъ образъ Ирины не покидалъ его—всѣ слова ея поочередно приходили ему на память.

Кельнеръ принесъ ему записку: она была отъ той же Ирины.

„Если вамъ нечего дѣлать сегодня вечеромъ, приходите: я не буду одна; у меня гости — и вы еще ближе увидите нашихъ, наше общество. Мнѣ очень хочется, чтобы вы ихъ увидали: мнѣ кажется, что они покажутъ себя въ полномъ блескѣ. Надобно же вамъ знать, какимъ я воздухомъ дышу.

Приходите; я буду рада васъ видѣть, да и вы не соскучаетесь (Ирина хотѣла сказать: соскучитесь). „Докажите мнѣ, что наше сегодняшнее объясненіе навсегда сдѣлало невозможнымъ всякое недоразумѣніе между нами. Преданная вамъ И.“.

Литвиновъ надѣлъ фракъ и бѣлый галстукъ и отправился къ Иринѣ. „Все это не важно,—мысленно повторялъ онъ дорогой,—а посмотрѣть на *него*... отчего не посмотрѣть? Это любопытно“. Нѣсколько дней тому назадъ эти самые люди возбуждали въ немъ другое чувство: они возбуждали въ немъ негодованье.

Онъ шелъ учащенными шагами, съ нахлобученною на глаза шляпой, съ напряженною улыбкой на губахъ, а Бамбаевъ, сидя передъ кофейной Вебера и издали указывая на него Воронилову и Шпигалкину, восторженно воскликнулъ: „Видите вы этого человѣка? Это камень! Это скала!! это гранитъ!!!“

XV.

Литвиновъ засталъ у Ирины довольно много гостей. Въ углу, за карточнымъ столомъ, сидѣло трое изъ генераловъ пикника: тучный, раздражительный и снисходительный. Они играли въ вистъ съ болваномъ, и нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ, чтобы выразить важность, съ которою они сдавали, брали взятки, ходили съ трефъ, ходили съ бубенъ... ужъ точно государственные люди! Предоставивъ разночинцамъ, aux bourgeois, обычныя во время игры прибаутки и прибаутки, господа генералы произносили лишь самыя необходимыя слова; тучный генералъ позволилъ себѣ однако между двумя сдачами энергически отчеканить: Ce satané as de pique!“ Въ числѣ посѣтительницъ Литвиновъ узналъ дамъ, участницъ пикника; но были также и другія, которыхъ онъ еще не видалъ. Была одна до того старая,

что казалось, вотъ-вотъ сейчасъ разрушится: она поводила обнаженными, страшными, темно-сѣрыми плечами - и, прикрывъ роть вѣеромъ, томно косилась на Ратмирова уже совсѣмъ мертвыми глазами; онъ за ней ухаживалъ: ее очень уважали въ высшемъ свѣтѣ, какъ послѣднюю фрейлину императрицы Екатерины. У окна, одѣтая пастушкой, сидѣла графиня III., „царица ось“, окруженная молодыми людьми; въ числѣ ихъ отличался своей надменной осанкой, совершенно плоскимъ черепомъ и бездушно-звѣрскимъ выраженіемъ лица, достойнымъ бухарскаго хана или римскаго Геліогабала, знаменитый богачъ и красавецъ Финиковъ; другая дама, тоже графиня, извѣстная подъ коротким именемъ Lise, разговаривала съ длинноволосымъ, бѣлокурымъ и блѣднымъ „спиритомъ“; рядомъ стоялъ господинъ, тоже блѣдный и длинноволосый, и значительно посмѣивался: господинъ этотъ также вѣрилъ въ спиритизмъ, но сверхъ того занимался пророчествомъ, и на основаніи Апокалипсиса и Талмуда, предсказывалъ всякія удивительныя событія; ни одно изъ этихъ событій не совершалось,—а онъ не смущался, а продолжалъ пророчествовать. За фортепіанами помѣстился тотъ самый самородокъ, который возбудилъ такое негодованіе въ Потугинѣ: онъ бралъ аккорды разсѣянною рукой, d'une main distraite, и небрежно посматривалъ кругомъ. Ирина сидѣла на диванѣ между княземъ Коко и г-жею N., извѣстною никогда красавицей и всероссійской умницей, давнимъ давно превратившеюся въ дряхлую старуху, отъ которой отдавало постнымъ масломъ и выдохшимся ядомъ. Увидѣвъ Литвинова, Ирина покраснѣла, встала, и когда онъ подошелъ къ ней, крѣпко пожала ему руку. На ней было черное кисейное платье съ едва замѣтными золотыми украшеніями; ея плечи бѣлѣли матовою бѣлизной, а лицо, тоже бѣлое подъ мгновенною алою волной по немъ разлитою, дышало торжествомъ красоты, и не одной только красоты: затаенная, почти насмѣшливая радость свѣтилась

въ полузакрытыхъ глазахъ, трепетала около губъ и ноздрей...

Ратмировъ приблизился къ Литвинову и, помѣнявшись съ нимъ обычными привѣтствіями, не сопровожденными однако обычною игривостью, представилъ его двумъ-тремъ дамамъ: старой развалинѣ, царицѣ ось, графинѣ Лизѣ... Онѣ приняли его довольно благосклонно. Литвиновъ не принадлежалъ къ ихъ кружку... но онъ былъ собой недуренъ, даже очень, и выразительныя черты его молодого лица возбудили ихъ вниманіе. Только онъ не съумѣлъ упрочить за собою это вниманіе; онъ отвыкъ отъ общества и чувствовалъ нѣкоторое смущеніе, а тутъ еще тучный генералъ на него уставился. „Ага! рябчикъ! вольно тумецъ!“ казалось, говорилъ этотъ неподвижный, тяжелый взглядъ! „приползъ-таки къ намъ; ручку, моль, пожалуите“. Ирина пришла на помощь Литвинову. Она такъ ловко распорядилась, что онъ очутился въ уголку, возлѣ двери, немного позади ея. Заговаривая съ нимъ, ей всякій разъ приходилось къ нему оборачиваться, и онъ всякій разъ любовался красивымъ изгибомъ ея блестящей шеи, онъ вдыхалъ тонкій запахъ ея волосъ. Выраженіе благодарности, глубокой и тихой, не сходило съ ея лица: онъ не могъ не сознаться, что именно благодарность выражали эти улыбки, эти взоры, и самъ онъ весь замиралъ тѣмъ же чувствомъ, и сорѣстно становилось ему, и сладко, и жутко... и въ то же время она постоянно какъ будто хотѣла сказать: „ну что? каковы?“ Особенно ясно слышался Литвинову этотъ безмолвный вопросъ, какъ только кто-нибудь изъ присутствовавшихъ произносилъ или совершалъ пошлость, а это случилось не однажды во время ужина. Разъ даже она не выдержала и громко засмѣялась.

Графиня Лиза, дама весьма суевѣрная и склонная ко всему чрезвычайному, натолковавшись досыта съ бѣлокурымъ спиритомъ объ Юмѣ, вертящихся столахъ, самоиграющихъ гармоникахъ и т. п., кончила тѣмъ, что спросила его, су-

ществуютъ ли такія животныя, на которыя дѣйствуетъ магнетизмъ.

— Одно такое животное во всякомъ случаѣ существуетъ, — отозвался издали князь Коко. — Вы вѣдь знаете Мильвановскаго? Его при мнѣ усыпили, и онъ храпѣлъ даже, ей ей!

— Вы очень злы, mon prince; я говорю о настоящихъ животныхъ, je parle des bêtes.

— Mais moi aussi, madame, je parle d'une bête. .

— Есть и настоящія, — вмѣшался спирить; — напримѣръ раки: они очень нервозны и легко впадаютъ въ каталепсію.

Графиня изумилась. — Какъ? Раки! Неужели? Ахъ, это чрезвычайно любопытно! Вотъ это я бы посмотрѣла! Мсьё Лужинъ, — прибавила она, обратившись къ молодому человѣку съ каменнымъ, какъ у новыхъ куколъ, лицо ъ и каменными воротничками (онъ славился тѣмъ, что ороситъ это самое лицо и эти самые воротнички брызгами Ніагары и Нубійскаго Нила, впрочемъ ничего не помнилъ изо всѣхъ своихъ путешествій и любилъ одни русскіе каламбуры ..) Мсьё Лужинъ, будьте такъ любезны, достаньте намъ рака.

Мсьё Лужинъ осклабился. — Живого-съ или только живо? — спросилъ онъ.

Графиня не поняла его. — Mais oui, рака, — повторила она: — une écrevisse.

— Какъ, что такое? рака? рака? — строго вмѣшалась графиня III. Отсутствіе мсьё Вердіе ее разстраивало: она понять не могла, зачѣмъ Ирина не пригласила этого прелестнѣйшаго изъ французовъ. Разсѣянна, уже давно ничего не понимавшая — пріемъ и глухота ее одолѣвала, — только помотала головою.

— Oui, oui vous allez voir. Мсьё Лужинъ, пожалуйста...

Молодой путешественникъ поклонился, вышелъ и возвратился скоро. Кельнеръ выступалъ за нимъ, и, улыбаясь во весь ротъ, несъ блюдо, на которомъ виднѣлся большой черный ракъ.

— Voici madame!– воскликнулъ Лужинъ: — теперь можно приступить къ операціи рака. Ха, ха, ха! (Русскіе люди всегда первые смѣются собственнымъ остротамъ).

— Хе, хе, хе!—снисходительно, въ качествѣ патріота и покровителя всякихъ отечественныхъ продуктовъ, отозвался князь Кокъ.

(Просимъ читателя не удивляться и не негодовать: кто можетъ отвѣчать за себя, что, сидя въ партерѣ Александрінскаго театра и охваченный его атмосферой, не хлопалъ еще худшему каламбуру?)

— Merci, merci, — промолвила графиня. — Allons, allons, monsieur Fox, montrez nous ça.

Кельнеръ поставилъ блюдо на круглый столикъ. Произошло небольшое движеніе между гостями; нѣсколько головъ вытянулось; одни генералы за карточнымъ столомъ сохранили невозмутимую торжественность позы. Спиритъ взъерошилъ свои волосы, нахмурился, и, приблизившись къ столику, началъ водить руками по воздуху: ракъ топорщился, пятился и приподнималъ клешни. Спиритъ повторилъ и участилъ свои движенія: ракъ попрежнему топорщился.

— Mais que doit elle donc faire?—спросила графиня.

— Elle doit rester immobile et se dresser sur sa queue. — отвѣчалъ съ сильнымъ американскимъ акцентомъ г. Фоксъ, судорожно потрясая пальцами надъ блюдомъ; но магнетизмъ не дѣйствовалъ, ракъ продолжалъ шевелиться. Спиритъ объявилъ, что онъ не въ ударѣ и съ недовольнымъ видомъ отошелъ отъ столика. Графиня принялась утѣшать его, увѣряя, что даже съ мсьё Юномъ случались иногда подобныя неудачи... Князь Кокъ подтвердилъ ея слова. Знатокъ Апокалипсиса и Талмуда подошелъ украдкой къ столику и быстро, но сильно тыкая пальцами въ направленіи рака, также попыталъ свое счастье, но безуспѣшно: признаковъ каталепсіи не оказалось. Тогда призвали кельнера и велѣли ему

унести рака, что онъ и исполнилъ съ прежнею улыбкой во весь ротъ; слышно было, какъ онъ фыркнулъ за дверями... Въ кухнѣ потомъ много смѣялись über diese Russen. Самородокъ, который продолжалъ брать аккорды во время опытовъ надъ ракомъ, придерживаясь минорныхъ тоновъ, потому нельзя вѣдь знать, какъ что дѣйствуетъ — самородокъ сыгралъ свой неизмѣнный вальсъ, и, разумѣется, удостоился самаго лестнаго одобренія. Увлеченный соревнованіемъ, графъ Х., нашъ несравненный дилеттантъ (смотри главу I), „сказалъ“ шансонетку своего изобрѣтенія, цѣликомъ выкраденную у Офенбаха. Ея игривый припѣвъ на слова: „Quel oeuf? quel boeuf? заставилъ закачаться вправо и влѣво почти всѣ дамскія головы; одна даже застонала слегка, и неотразимое, неизбѣжное слово: „Charmant! charmant!“ промчалось по всѣмъ устамъ. Ирина переглянулась съ Литвиновымъ и опять затрепетало около ея губъ то затаенное, насмѣшливое выраженіе... Но еще сильнѣе заиграло оно нѣсколько спустя, оно приняло даже злорадный оттѣнокъ, когда князь Коко, этотъ представитель и защитникъ дворянскихъ интересовъ, вздумалъ излагать свои возрѣнія передъ тѣмъ же самымъ спиритомъ и, разумѣется, немедленно пустилъ въ ходъ свою знаменитую фразу о потрясеніи собственности въ Россіи, причемъ, конечно, досталось и демократамъ. Американская кровь заговорила въ спиритѣ: онъ началъ спорить. Князь, какъ водится, тотчасъ принялся кричать во всю голову, вмѣсто всякихъ доводовъ безпрестанно повторяя: c'est absurde! cela n'a pas le sens commun! Богачъ Финиковъ принялся говорить дерзости, не разбирая къ кому онъ относится; талмудистъ запищалъ, сама графиня III. задребезжала... Словомъ, поднялся почти такой же несуразный гвалтъ, какъ у Губарева; только развѣ вотъ, что пива не было да табачнаго дыма, и одежда на всѣхъ была получше. Раймеровъ попытался возстановить тишину (генералъ изъявилъ неудовольствіе, послышалось восклицаніе

Бориса: Encore cette satanée politique), но попытка не удалась, и тутъ же находившійся сановникъ изъ числа мягкопронзительныхъ, взявшихъ представить le résumé de la question en peu de mots, потерпѣлъ пораженіе; правда, онъ такъ мямлилъ и повторялся, такъ очевидно не умѣлъ ни выслушивать, ни понимать возраженія, и такъ несомнѣнно самъ не вѣдалъ, въ чемъ собственно состояла la question, что другого исхода ожидать было невозможно; а тутъ еще Ирина исподтишка подзадоривала и натравливала другъ на друга спорившихъ, то и дѣло оглядываясь на Литвинова и слегка кивая ему... А онъ сидѣлъ, какъ очарованный, ничего не слышалъ и только ждалъ, когда сверкнутъ опять передъ нимъ эти великолѣпные глаза, когда мелькнетъ это блѣдное, нѣжное, злое, прелестное лицо... Кончилось тѣмъ, что дамы взбунтовались и потребовали прекращенія спора... Ратмировъ упросилъ дилеттанта повторить свою шансонетку, и самородокъ снова сыгралъ свой вальсъ...

Литвиновъ остался за полночь и ушелъ позднѣе всѣхъ. Разговоръ въ теченіе вечера коснулся множества предметовъ, тщательно избѣгая все мало-мальски интересное; генералы, окончивъ свою величественную игру, величественно къ нему присоединились; вліяніе этихъ государственныхъ людей оказалось тотчасъ. Рѣчь зашла о парижскихъ полусвѣтскихъ знаменитостяхъ, имена и таланты которыхъ оказались всѣмъ коротко извѣстными, о послѣдней піесѣ Сарду, о романѣ Абу, о Патти въ *Травіатѣ*. Кто-то предложилъ играть въ „секретари“, au secrétaire; но это не удалось. Отвѣты выдавались плоскіе и не безъ грамматическихъ ошибокъ; тучный генералъ разсказалъ, что онъ однажды на вопросъ: qu'est ce que l'amour? отвѣчалъ: une colique remontée au coeur, и немедленно захохоталъ своимъ деревяннымъ хохотомъ; развалина съ размаха ударила его вѣеромъ по рукѣ; кусокъ бѣлилъ свалился съ ея лба отъ этого рѣзкаго движенія. Высохшій сморчокъ упомянулъ было о

славянскихъ княжествахъ и о необходимости православной пропаганды за Дунаемъ, но не найдя отголоска, запнулъ и стушевался. Въ сущности больше всего толковали объ Юмѣ; даже „царица ось“ разсказала, какъ по ней ползали руки, и какъ она ихъ видѣла и надѣла на одну изъ нихъ свое собственное кольцо. Ирина точно пришлось торжествовать: еслибъ Литвиновъ обращалъ даже больше вниманія на то, что говорилось вокругъ него, онъ все-таки не вынесъ бы ни одного искренняго слова, ни одной дѣльной мысли, ни одного новаго факта изо всей этой безсвязной и безжизненной болтовни. Въ самыхъ крикахъ и возгласахъ не слышалось увлеченія; въ самомъ порицаніи не чувствовалось страсти: лишь изрѣдка изъ-подъ личины мнимо-гражданскаго негодованія, мнимо-презрительнаго равнодушія, плаксивымъ писком пищала боязнь возможныхъ убытковъ, да нѣсколько именъ, которыхъ потомство не забудетъ, произносилось со скрипѣніемъ зубовъ... И хоть бы капля живой струи подо всѣмъ этимъ хламомъ и соромъ! Какое старье, какой ненужный вздоръ, какіе плохіе пустячки занимали всѣ эти головы, эти души, и не въ одинъ только этотъ вечеръ занимали ихъ они, не только въ свѣтѣ, но и дома, во всѣ часы и дни, во всю ширину и глубину ихъ существованія! И какое невѣжество въ концѣ концовъ! Какое непониманіе всего, на чемъ зиждется, чѣмъ украшается человѣческая жизнь!

Прощаясь съ Литвиновымъ, Ирина снова стиснула ему руку и знаменательно шепнула: „Ну что? Довольны вы? Насмотрѣлись? Хорошо?“ Онъ ничего не отвѣчалъ ей и только поклонился тихо и низко.

Оставшись наединѣ съ мужемъ, Ирина хотѣла-было уйти къ себѣ въ спальню... Онъ остановилъ ее.

Je vous ai beaucoup admirée ce soir, madame,—промолвилъ онъ, закуривая папиросу и опираясь на каминъ;—vous vous êtes parfaitement moquée de nous tous.

— Pas plus cette fois-ci que les autres,—равнодушно отвѣчала она.

— Какъ прикажете понять васъ?—спросилъ Ратмировъ.

— Какъ хотите.

— Гмъ. C'est clair. — Ратмировъ осторожно, по-кошачьи, стряхнулъ пепелъ папироски концомъ длиннаго ногтя на мизинцѣ.—Да, кстати! Этотъ новый вашъ знакомецъ — какъ бишь его?.. господинъ Литвиновъ — должно быть, пользуется репутаціей очень умнаго человѣка.

При имени Литвинова Ирина быстро обернулась.

— Что вы хотите сказать?

Генералъ усмѣхнулся.

— Онъ все молчитъ... видно боится скомпрометтироваться.

Ирина тоже усмѣхнулась, только вовсе не такъ, какъ ея мужъ.

— Лучше молчать, чѣмъ говорить... какъ горорятъ иные.

— Attrapé! — промолвилъ Ратмировъ съ притворнымъ смиреніемъ. —Шутки въ сторону: у него очень интересное лицо. Такое... сосредоточенное выраженіе... и вообще осанка... Да. — Генералъ поправилъ галстукъ, и посмотрѣлъ, закинувъ голову, на собственные усы. — Онъ, я полагаю, республиканецъ, въ родѣ другого вашего пріятеля, господина Потугина; тотъ тоже умникъ изъ числа безмолвныхъ.

Брови Ирины медленно приподнялись надъ расширенными, свѣтлыми глазами, а губы сжались и чуть-чуть скривились.

— Къ чему вы это говорите, Валерьянъ Владиміричъ?— какъ бы съ участіемъ замѣтила она. — Только заряды на воздухъ тратите... Мы не въ Россіи, и никто васъ не слышитъ.

Ратмирова передернуло.

— Это не мое только мнѣніе, Ирина Павловна,—заговорилъ онъ какимъ-то внезапно-гортаннымъ голосомъ: —другіе также находятъ, что этотъ баринъ смотритъ карбонаріемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Кто же эти другіе?

— Да Борисъ, напримѣръ...

— Какъ? И этому нужно было выразить свое мнѣніе?

Ирина передвинула плечами, какъ бы ножимаясь отъ холода, и тихонько провела по нимъ концами пальцевъ.

— Этому... да, этому... этому. Позвольте доложить вамъ, Ирина Павловна, вы словно сердитесь; а вы сами знаете, кто сердится...

— Я сержусь? Съ какой стати?

— Не знаю: можетъ быть на васъ непріятно подѣйствовало замѣчаніе, которое я позволилъ себѣ насчетъ...

Ратмировъ замялся.

— Насчетъ? — вопросительно повторила Ирина.—Ахъ, пожалуйста, безъ ироніи и поскорѣе. Я устала, спать хочу.—Она взяла свѣчку со стола.—Насчетъ?..

— Да насчетъ все того же господина Литвинова. Такъ какъ теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онъ очень васъ занимаетъ...

Ирина подняла руку, въ которой держала подсвѣчникъ, и имя пришлось въ уровень съ лицомъ ея мужа, и, внимательно, почти съ любопытствомъ посмотрѣвъ ему въ глаза, внезапно захохотала.

— Что съ вами?—спросилъ, нахмурившись, Ратмировъ.

Ирина продолжала хохотать.

— Да что такое?—повторилъ онъ и топнулъ ногой.

Онъ чувствовалъ себя обиженнымъ, уязвленнымъ, и въ то же время красота этой женщины, такъ легко и смѣло стоявшей передъ нимъ, его невольно поражала... она терзала его. Онъ видѣлъ все, всѣ ея прелести, даже розовый блескъ нѣжныхъ ногтей на тонкихъ пальцахъ, крѣпко охватившихъ темную бронзу тяжелаго подсвѣчника—даже этотъ блескъ не ускользнулъ отъ него... и обида еще глубже вгрызалась въ его сердце. А Ирина все хохотала.

— Какъ? вы? вы ревнуете?—промолвила она наконецъ,

и обернувшись спиной къ мужу, вышла вонъ изъ комнаты. — „Онъ ревнуетъ!" — послышалось за дверями, и снова раздался ея хохотъ.

Ратмировъ сумрачно посмотрѣлъ вслѣдъ своей женѣ, — онъ и тутъ не могъ не замѣтить обаятельной стройности ея стана, ея движеній, — и сильнымъ ударомъ разбивъ панироску о мраморную плиту камина, швырнулъ ее далеко прочь. Щеки его внезапно побѣлѣли, судорога пробѣжала по подбородку и глаза тупо и звѣрски забродили по полу, словно отыскивая что-то... Всякое подобіе изящества исчезло съ его лица. Подобное выраженіе должно было принять оно, когда онъ засѣкалъ бѣлорусскихъ мужиковъ.

Л. Литвиновъ пришелъ къ себѣ въ комнату и, присѣвъ на стулъ передъ столомъ, взялъ голову въ обѣ руки и долго оставался неподвижнымъ. Онъ поднялся наконецъ, раскрылъ ящикъ и, доставъ портфель, вынулъ изъ внутренняго кармана карточку Татьяны. Печально глянуло на него ея лицо, искаженное и, какъ водится, состарѣвшее фотографіей. Невѣста Литвинова была дѣвушка великороссійской крови, русая, нѣсколько полная и съ чертами лица немного тяжелыми, но съ удивительнымъ выраженіемъ доброты и кротости въ умныхъ, свѣтло-карихъ глазахъ, съ нѣжнымъ бѣлымъ лбомъ, на которомъ, казалось, постоянно лежалъ лучъ солнца. Литвиновъ долго не сводилъ глазъ съ карточки, потомъ тихонько ее отодвинулъ и снова схватился обѣими руками за голову. „Все кончено!" — прошепталъ онъ наконецъ. — „Ирина! Ирина!"

Онъ только теперь, только въ это мгновеніе понялъ, что безвозвратно и безумно влюбился въ нее, влюбился съ самаго дня первой встрѣчи съ нею въ Старомъ-Замкѣ, что никогда не переставалъ ее любить. А между тѣмъ, какъ бы онъ удивился, какъ бы онъ не повѣрилъ, разсмѣялся бы, пожалуй, еслибы это ему сказали нѣсколько часовъ тому назадъ.

— Но Таня, Таня, Боже мой! Таня! Таня! — повторялъ онъ съ сокрушеніемъ; а образъ Ирины такъ и воздвигался передъ нимъ въ своей черной, какъ бы трауриой одеждѣ, съ лучезарною тишиной побѣды на бѣломраморномъ лицѣ.

XVI.

Литвиновъ не спалъ всю ночь и не раздѣвался. Очень ему было тяжело. Какъ человѣкъ честный и справедливый, онъ понималъ важность обязанностей, святость долга, и почелъ бы за стыдъ хитрить съ самимъ собою, съ своею слабостью, съ своимъ простуикомъ. Сперва нашло на него оцѣпенѣніе: долго не могъ онъ вырваться изъ-подъ темнаго гнета одного и того же полусознаннаго, неяснаго ощущенія; потомъ имъ овладѣлъ ужасъ при мысли, что будущность, его почти завоеванная будущность, опять заволоклась мракомъ, что его домъ, его прочный, только что возведенный домъ внезапно пошатнулся... Онъ началъ безжалостно упрекать себя, но тотчасъ же самъ остановилъ свои порывы. „Что за малодушіе? — подумалъ онъ. — Не до упрековъ теперь; надо теперь дѣйствовать: Таня моя невѣста, она повѣрила моей любви, моей чести, мы соединены навѣкъ и не можемъ, не должны разъединиться". Онъ живо представилъ себѣ всѣ качества Татьяны, онъ мысленно перебиралъ и пересчитывалъ ихъ; онъ старался возбудить въ себѣ и умиленіе, и нѣжность. „Остается одно, — думалъ онъ опять: — бѣжать, бѣжать немедленно, не дожидаясь ея прибытія, бѣжать ей на встрѣчу, буду ли я страдать, буду ли мучиться съ Таней, — это невѣроятно, — но во всякомъ случаѣ, разсуждать объ этомъ, принимать это въ соображеніе — нечего: надо долгъ исполнить, хоть умри потомъ! Но ты не имѣешь права ее обманывать, шепталъ ему другой голосъ, ты не имѣешь права скрывать отъ нея перемѣну, происшедшую въ твоихъ чувствахъ: быть можетъ, узнавъ

что ты полюбилъ другую, она не захочетъ стать твоей женой? Вздоръ! вздоръ! — возражалъ онъ: — это все софизмы, постыдное лукавство, ложная добросовѣстность; я не имѣю права не сдержать даннаго слова, вотъ это такъ. Ну, прекрасно... Тогда надо уѣхать отсюда, не видавшись съ тою“...

Но тутъ у Литвинова защемило на сердцѣ, холодно ему стало, физически холодно: мгновенная дрожь пробѣжала по тѣлу, слабо стукнули зубы. Онъ потянулся и зѣвнулъ какъ въ лихорадкѣ. Не настаивая болѣе на своей послѣдней мысли, заглушая эту мысль, отворачиваясь отъ нея, онъ принялся недоумѣвать и удивляться, какимъ образомъ онъ могъ опять... опять полюбить это испорченное, съѣденное существо, со всею его противною, вражескою обстановкой. Онъ попытался-было спросить самого себя: да полно, точно полюбилъ ли ты? и только махнулъ рукой. Онъ еще удивлялся и недоумѣвалъ, а вотъ уже перетъ имъ, словно изъ мягкой, душистой мглы, выступалъ плѣнительный обликъ, поднимались лучистыя рѣсницы — и тихо, и неотразимо понеслись ему въ сердце волшебные глаза, и голосъ звенѣлъ сладостно, и блестящія плечи, плечи молодой царицы, пышали свѣжестью и жаромъ нѣги...

Къ утру въ душѣ Литвинова созрѣло наконецъ рѣшеніе. Онъ положилъ уѣхать въ тотъ же день на встрѣчу Татьянѣ, и въ послѣдній разъ увидавшись съ Ириной, сказать ей, если нельзя иначе, всю правду — и разстаться съ нею навсегда.

Онъ пришелъ въ порядокъ и уложилъ свои вещи, дождался двѣнадцатаго часа и отправился къ ней. Но при видѣ ея полузавѣшенныхъ оконъ сердце въ Литвиновѣ такъ и упало... духа недостало переступить порогъ гостиницы. Онъ прошелся нѣсколько разъ по Лихтенталевской аллеѣ „Господину Литвинову наше почтеніе!“ — раздалось вдругъ на-

смѣшливый голосъ съ высоты быстро-катившагося „дог-карта“. Литвиновъ поднялъ глаза и увидалъ генерала Ратмирова, сидѣвшаго рядомъ съ княземъ М., извѣстнымъ спортсменомъ и охотникомъ до англійскихъ экипажей и лошадей. Князь правилъ, а генералъ перегнулся на бокъ и скалилъ зубы, высоко приподнявъ шляпу надъ головой. Литвиновъ поклонился ему, и въ ту же минуту, какъ бы повинуясь тайному повелѣнію, бѣгомъ пустился къ Ринѣ.

Она была дома. Онъ велѣлъ доложить о себѣ: его тотчасъ приняли. Когда онъ вошелъ, она стояла посреди комнаты. На ней была утренняя блуза, съ широкими открытыми рукавами: лицо ея, блѣдное по вчерашнему, но не по вчерашнему свѣжее, выражало усталость; томная улыбка, которою она привѣтствовала своего гостя, еще яснѣе обозначила это выраженіе. Она протянула ему руку и посмотрѣла на него ласково, но разсѣянно.

— Спасибо, что пришли, — заговорила она жалобнымъ голосомъ и опустилась на кресло. — Я не совсѣмъ здорова сегодня: я дурно ночь провела. Ну, что вы скажете о вчерашнемъ вечерѣ? Не права я была?

Литвиновъ сѣлъ.

— Я пришелъ къ вамъ, Ирина Павловна, — началъ онъ...

Она мгновенно выпрямилась и обернулась; глаза ея такъ и впились въ Литвинова.

— Что съ вами? — воскликнула она. — Вы блѣдны какъ мертвецъ, вы больны. Что съ вами?

Литвиновъ смутился.

— Со мною, Ирина Павловна?

— Вы получили дурное извѣстіе? Несчастіе случилось, скажите, скажите...

Литвиновъ въ свою очередь посмотрѣлъ на Ирину.

— Никакого дурного извѣстія я не получалъ, — промолвилъ онъ не безъ усилія: — а несчастье дѣйствительно случилось, большое несчастье... и оно-то привело меня къ вамъ.

— Несчастье? Какое?

— А такое... что. .

Литвиновъ хотѣлъ продолжать... и не могъ. Только руки онъ стиснулъ такъ что пальцы хрустнули. Ирина наклонилась впередъ и словно окаменѣла.

— Ахъ! я люблю васъ! — вырвалось наконецъ глухимъ стономъ изъ груди Литвинова и онъ отвернулся, какъ бы желая спрятать свое лицо.

— Какъ, Григорій Михайлычъ, вы .. — Ирина тоже не могла докончить рѣчь и, прислонившись къ спинкѣ кресла, поднесла къ глазамъ обѣ руки — Вы.. меня любите?

— Да... да... да,—повторилъ онъ съ ожесточеніемъ, все болѣе и болѣе отворачивая свое лицо.

Все смолкло въ комнатѣ: залетѣвшая бабочка трепетала крыльями и билась между занавѣсомъ и окномъ.

Первый заговорилъ Литвиновъ.

— Вотъ, Ирина Павловна,—началъ онъ:—вотъ то несчастье, которое меня... поразило, которое я долженъ былъ предвидѣть и избѣжать, еслибъ какъ и тогда, какъ въ то московское время, я не понялъ тотчасъ въ водоворотѣ. Видно, судьбѣ угодно было опять застигнуть меня, и опять черезъ васъ, испытать всѣ тѣ муки, которыя, казалось, не должны были уже повториться болѣе .. Не даромъ я противился... старался противиться: да, знать, чему быть, того не миновать. А говорю я вамъ все это для того, чтобы кончить посмѣшье эту... эту трагикомедію,—прибавилъ онъ съ новымъ порывомъ ожесточенія и стыда.

Литвиновъ опять умолкъ: бабочка попрежнему билась и трепетала. Ирина не отнимала рукъ отъ лица.

— И вы не обманываетесь? — послышался ей шопотъ изъ-подъ этихъ бѣлыхъ, словно безкровныхъ рукъ.

— Я не обманываюсь,—отвѣчалъ Литвиновъ безвучнымъ голосомъ.—Я васъ люблю такъ, какъ никогда и никого не любилъ, кромѣ васъ. Я не стану упрекать васъ: это было

бы слишкомъ нелѣпо; не стану повторять вамъ, что, быть можетъ, ничего бы этого не случилось, еслибы вы сами иначе поступили со мною... Конечно, я одинъ виноватъ, моя самонадѣянность меня погубила; я по дѣломъ наказанъ, и вы этого никакъ ожидать не могли. Конечно, вы не сообразили, что было бы гораздо безопаснѣе для меня, еслибы вы не такъ живо чувствовали свою вину... свою мнимую вину передо мною, и не желали бы ее загладить... но вѣдь сдѣланнаго не передѣлаешь. Я только хотѣлъ уяснить вамъ мое положеніе: оно ужъ и такъ довольно тяжело... Но крайней мѣрѣ, не будетъ, какъ вы говорите, недоразумѣній, а откровенность моего признанія, я надѣюсь, уменьшитъ то чувство оскорбленія, которое вы не можете не ощутить.

Литвиновъ говорилъ, не поднимая глазъ; да еслибъ онъ и взглянулъ на Ирину, онъ бы все-таки не могъ увидѣть, что происходило у ней на лицѣ, такъ какъ она попрежнему не отнимала рукъ. А между тѣмъ, то, что происходило на этомъ лицѣ, вѣроятно бы его изумило: и страхъ, и радость выражало оно, и какое-то блаженное изнеможеніе, и тревогу; глаза едва мерцали изъ-подъ навислихъ вѣкъ и протяжное, прерывистое дыханіе холодило раскрытыя, словно жаждавшія губы...

Литвиновъ помолчалъ, подождалъ отзыва, звука... Ничего!

— Мнѣ остается одно, — началъ онъ снова: — удалиться; я пришелъ проститься съ вами.

Ирина медленно опустила руки на колѣни.

— Но мнѣ помнится, Григорій Михайлычъ, — начала она: — та... та особа, о которой вы мнѣ говорили, она должна сюда пріѣхать? Вы ее ожидаете?

— Да; но я ее найду... она остановится гдѣ-нибудь на дорогѣ... въ Гейдельбергѣ, напримѣръ.

— А! Въ Гейдельбергѣ .. Да... Тамъ хорошо... Но все это должно разстроить ваши планы. Увѣрены ли вы, Гри-

горій Михайлычъ, что вы не преувеличиваете, et que ce n'est pas une fausse alarme?

Ирина говорила тихо, почти холодно, съ небольшими разстановками и глядя въ сторону, въ окно. Литвиновъ не отвѣтилъ на ея послѣдній вопросъ.

— Только зачѣмъ вы упомянули объ оскорбленіи? — продолжала она. — Я не оскорблена... о, нѣтъ! И если кто нибудь изъ насъ виноватъ, такъ во всякомъ случаѣ не вы: не вы одни... Вспомните наши послѣдніе разговоры, и вы убѣдитесь, что виноваты не вы.

— Я никогда не сомнѣвался въ вашемъ великодушіи, — произнесъ сквозь зубы Литвиновъ; — но я желалъ бы знать: одобряете ли вы мое намѣреніе?

— Уѣхать?

— Да.

Ирина продолжала глядѣть въ сторону.

— Въ первую минуту ваше намѣреніе мнѣ показалось преждевременнымъ... но теперь я обдумала то, что вы сказали... и если вы точно не ошибаетесь, то я полагаю, что вамъ слѣдуетъ удалиться. Такъ будетъ лучше... лучше для насъ обоихъ.

Голосъ Ирины становился все тише и тише, и самая рѣчь замедлялась все болѣе и болѣе.

— Генералъ Ратмировъ, дѣйствительно, могъ бы замѣтить, — началъ-было Литвиновъ...

Глаза Ирины опустились снова, и что-то странное мелькнуло около ея губъ — мелькнуло и замерло.

— Нѣтъ, вы меня не поняли, — перебила она его. — Я не думала о моемъ мужѣ. Съ какой стати? Ему и замѣчать было бы нечего. Но я повторяю: разлука необходима для насъ обоихъ.

Литвиновъ поднялъ шляпу, упавшую на полъ.

„Все кончено — подумалъ онъ: — надо уйти". — Итакъ, мнѣ остается проститься съ вами, Ирина Павловна, — промолвилъ

онъ громко, и жутко ему стало вдругъ, точно онъ самъ собирался произнести приговоръ надъ собою. — Мнѣ остается только надѣяться, что вы не станете поминать меня лихомъ... и что если мы когда-нибудь...

Ирина опять его перебила:

— Погодите, Григорій Михайлычъ, не прощайтесь еще со мною. Это было бы слишкомъ постыдно.

Что-то дрогнуло въ Литвиновѣ, но жгучая горечь нахлынула тотчасъ, и съ удвоенною силой, въ его сердце.

— Да не могу я остаться! — воскликнулъ онъ. — Къ чему? Къ чему продолжать это томленіе?

— Не прощайтесь еще со мною,—повторила Ирина.— Я должна увидать васъ еще разъ... Опять такое нѣмое разставанье, какъ въ Москвѣ,—нѣтъ, я этого не хочу. Вы можете теперь уйдти, но вы должны обѣщать мнѣ, дать мнѣ честное слово, что вы не уѣдете, не увидѣвшись еще разъ со мною.

— Вы этого желаете?

— Я этого требую. Если вы уѣдете, не простившись со мною, я вамъ никогда, никогда этого не прощу, слышите ли: никогда! — Странно!—прибавила она, словно про себя: — я никакъ не могу себѣ представить, что я въ Баденѣ... Мнѣ такъ и чудится, что я въ Москвѣ... Ступайте.

Литвиновъ всталъ.

— Ирина Павловна, — проговорилъ онъ, — дайте мнѣ вашу руку.

Ирина покачала головой.

— Я вамъ сказала, что не хочу прощаться съ вами...

— Я не на прощаніе прошу...

Ирина протянула-было руку, но взглянула на Литвинова, въ первый разъ послѣ его признанія, — и отвела ее назадъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—шепнула она,—я не дамъ вамъ моей руки. Нѣтъ... нѣтъ. Ступайте.

Литвиновъ поклонился и вышелъ. Онъ не могъ знать, отчего Ирина ему отказала въ послѣднемъ дружескомъ пожатіи... Онъ не могъ знать, чего она боялась.

Онъ вышелъ, а Ирина снова опустилась на кресло и снова закрыла себѣ лицо.

XVII.

Литвиновъ не вернулся домой: онъ ушелъ въ горы и, забравшись въ лѣсную чащу, бросился на землю лицомъ внизъ и пролежалъ тамъ около часа. Онъ не мучился, не плакалъ; онъ какъ-то тяжело и томительно замиралъ. Никогда онъ еще не испыталъ ничего подобнаго; то было невыносимо-ноющее и грызущее ощущеніе пустоты, пустоты въ самомъ себѣ, вокругъ, повсюду... Ни объ Иринѣ, ни о Татьянѣ не думалъ онъ. Онъ чувствовалъ одно: нашъ ударъ, и жизнь перерубленa, какъ канатъ, и весь онъ увлеченъ впередъ и подхваченъ чѣмъ-то невѣдомымъ, но холоднымъ. Иногда ему казалось, что рухоръ налеталъ на него, и онъ ощущалъ быстрое вращеніе и безпорядочные удары его темныхъ крылъ... Но рѣшимость его не поколебалась. Остаться въ Баденѣ... объ этомъ и рѣчи быть не могло. Мысленно онъ уже уѣхалъ: онъ уже сидѣлъ въ гремящемъ и дымящемъ вагонѣ и бѣжалъ, бѣжалъ въ нѣмую, мертвую даль. Онъ успокоился наконецъ, и прислонивъ голову къ дереву, остался неподвижнымъ; только одною рукою онъ, самъ того не замѣчая, схватилъ и въ тактъ раскачивалъ верхній листъ папоротника. Шумъ приближавшихся шаговъ вывелъ его изъ оцѣпенѣнія: два угольщика съ большими мѣшками на плечахъ пробирались по крутой тропинкѣ. „Нора!" — шепнулъ Литвиновъ и вслѣдъ за угольщиками спустился въ городъ, повернулъ къ зданію желѣзной дороги и отправилъ телеграмму на имя Татьяниной тетки, Капитолины Марковны. Въ этой телеграммѣ онъ извѣщалъ ее о своемъ немедленномъ

отъѣздъ и назначилъ ей свиданіе въ Шрадеровой гостинницѣ въ Гейдельбергѣ. „Кончать, такъ кончать разомъ“,—подумалъ онъ: —„нечего откладывать до завтра“. Потомъ онъ зашелъ въ игорную залу, съ тупымъ любопытствомъ посмотрѣлъ двумъ-тремъ игрокамъ въ лицо, замѣтилъ издали гнусный затылокъ Биндасова, безукоризненное лицо Ницалкина и, постоявъ немного подъ колонадой, отправился, не спѣша, къ Иринѣ. Не въ силу внезапнаго, невольнаго увлеченія отправился онъ къ ней; рѣшившись уѣхать, онъ также рѣшился сдержать данное слово и еще разъ съ нею повидаться. Онъ вступилъ въ гостинницу, не замѣченный швейцаромъ, поднялся по лѣстницѣ никого не встрѣчая—и не постучавъ въ дверь, машинально толкнулъ ее и вошелъ въ комнату. Въ комнатѣ, на томъ же креслѣ, въ томъ же платьѣ, въ томъ же точно положеніи, какъ три часа тому назадъ, сидѣла Ирина... Видно было, что она не тронулась съ мѣста, не шевельнулась все это время. Она медленно приподняла голову, и увидавъ Литвинова, вся вздрогнула и ухватилась за ручку кресла.—„Вы меня испугали“,—прошептала она.

Литвиновъ глядѣлъ на нее съ безмолвнымъ изумленіемъ. Выраженіе ея лица угасшихъ глазъ—поразило его.

Ирина улыбнулась насильственно и поправила развившіеся волосы. — Это ничего... я, право, не знаю... я, кажется, заснула тутъ.

— Извините меня, Ирина Павловна —началъ Литвиновъ, — я вошелъ безъ доклада... Я хотѣлъ исполнить то, что вамъ было угодно отъ меня потребовать. Такъ какъ я сегодня уѣзжаю...

— Сегодня? Но вы, кажется, сказали мнѣ, что вы хотѣли сперва написать письмо...

— Я послалъ телеграмму.

— А! вы нашли нужнымъ поспѣшить. И когда вы уѣзжаете? Въ которомъ часу, то-есть?

— Въ семь часовъ вечера.

— А! въ семь часовъ! И вы пришли проститься?

— Да, Ирина Павловна, проститься.

Ирина помолчала.

— Я должна благодарить васъ, Григорій Михайлычъ: вамъ вѣроятно не легко было сюда придти.

— Да, Ирина Павловна, очень не легко.

— Жить вообще не легко, Григорій Михайлычъ; какъ вы полагаете?

— Какъ кому, Ирина Павловна.

Ирина опять помолчала, словно задумалась.

— Вы мнѣ доказали вашу дружбу тѣмъ, что пришли, — промолвила она наконецъ. — Благодарю васъ. И вообще я одобряю ваше намѣреніе какъ можно поскорѣе все покончить... потому что резкое замедленіе... потому что... потому что я, та самая я, которую вы упрекали въ кокетствѣ, называли комедианткой — какъ, кажется, вы меня называли?..

Ирина быстро встала и пересѣла на другое кресло, ближе къ окну и прижалась лицомъ и руками къ краю стола...

— Потому что я люблю васъ... — прошептала она сквозь стиснутые пальцы.

Литвиновъ вздрогнулся, словно кто его въ грудь ударилъ. Ирина тоскливо повернула голову прочь отъ него, какъ бы желая въ свою очередь спрятать отъ него свое лицо, и положила ее на столъ.

— Да, я васъ люблю... я люблю васъ... и вы это знаете.

— Я? я это знаю? — проговорилъ наконецъ Литвиновъ. — Я?

— Ну, а теперь вы видите, — продолжала Ирина, — что намъ точно надо уѣхать, что медлить нельзя... и намъ, и мнѣ нельзя медлить. Это опасно, это страшно... прощайте! — прибавила она, порывисто вставая съ кресла: — прощайте.

Она сдѣлала нѣсколько шаговъ въ направленіи двери кабинета и, занеся руку за спину, торопливо повела ею по воздуху, какъ бы желая встрѣтить и пожать руку Литвинова;

но онъ стоялъ, какъ вкопанный, далеко... Она еще разъ проговорила: „прощайте, забудьте", и не оглядываясь бросилась вонъ.

Литвиновъ остался одинъ, и все еще не могъ придти въ себя. Онъ опомнился наконецъ, проворно подошелъ къ двери кабинета, произнесъ имя Ирины разъ, два, три раза... Онъ уже ухватился за замокъ. Съ крыльца гостиницы послышался звонкій голосъ Ратмирова.

Литвиновъ надвинулъ шляпу на глаза и вышелъ на лѣстницу. Пѣхотный генералъ стоялъ передъ ложей пѣвицара и дурнымъ нѣмецкимъ языкомъ объяснялъ ему, что желаетъ нанять карету на цѣлый завтрашній день. Увидавъ Литвинова, онъ опять неестественно высоко приподнялъ шляпу и опять выразилъ ему свое „почитаніе": онъ очевидно трунилъ надъ нимъ, но Литвинову было не до того. Онъ едва отвѣтилъ на поклонъ Ратмирова, и добравшись до своей квартиры, остановился передъ своимъ, уже уложеннымъ и закрытымъ, чемоданомъ. Голова у него кружилась и сердце дрожало, какъ струна. Что было теперь дѣлать? И могъ ли онъ это предвидѣть?

Да, онъ это предвидѣлъ, какъ оно ни казалось невѣроятнымъ. Это оглушило его какъ громомъ, но онъ это предвидѣлъ, хотя и сознаться въ томъ не смѣлъ. А впрочемъ, онъ ничего не зналъ навѣрное. Все въ немъ перемѣшалось и спуталось: онъ потерялъ нить собственныхъ мыслей. Вспомнилъ онъ Москву, вспомнилъ, какъ „оно" и тогда налетѣло внезапною бурей. Онъ задыхался: восторгъ, но восторгъ безграничный и безнадежный, давилъ и рвалъ его грудь. Ни за что въ свѣтѣ онъ бы не согласился на то, чтобы слова, произнесенныя Ириной, не были въ дѣйствительности ею произнесены... Но что же? перемѣнить принятое рѣшеніе эти слова все-таки не могли. Оно по прежнему не колебалось и столь твердо, какъ брошенный якорь. Литвиновъ потерялъ нить своихъ мыслей... да; но воля его осталась при

немъ пока, и онъ распоряжался собою, какъ чужимъ подчиненнымъ человѣкомъ. Онъ позвонилъ кельнера, велѣлъ подать себѣ счетъ, удержалъ мѣсто въ вечернемъ омнибусѣ: онъ съ намѣреніемъ отрѣзывалъ себѣ всѣ пути. „Тамъ потомъ хоть умри“, твердилъ онъ какъ въ прошедшую, безсонную ночь; эта фраза ему особенно пришлась по вкусу.— „Тамъ потомъ хоть умри“, повторялъ онъ, медленно расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, и лишь иногда невольно закрывалъ глаза и переставалъ думать, когда эти слова, эти слога Ирины, вторгались ему въ душу и жгли ее огнемъ. „Видно, два раза не полюбишь, думалъ онъ; вошла въ тебя другая жизнь, внустилъ ты ее—не отдѣлаешься ты отъ этого яда до конца, не разорвешь этихъ нитей! Такъ; но что жъ это доказываетъ? Счастье... Развѣ оно возможно? Ты ее любишь, положимъ... и она... она тебя любитъ...“

Но тутъ ему опять пришлось взять себя въ руки. Какъ путникъ въ темную ночь, видя впереди огонекъ и боясь сбиться съ дороги, ни на мгновеніе не спускаетъ съ него глазъ, такъ и Литвиновъ постоянно устремлялъ всю силу своего вниманія на одну точку, на одну цѣль. Явиться къ своей невѣстѣ, и даже не собственно къ невѣстѣ (онъ старался не думать о ней), а въ комнату Гейдельбергской гостиницы—вотъ что стояло передъ нимъ неподвижно, путеводнымъ огонькомъ. Что дальше будетъ, онъ не зналъ, да и знать не хотѣлъ... Одно было несомнѣнно: назадъ онъ не вернется. „Тамъ хоть умри“, повторялъ онъ въ десятый разъ и взглянулъ на часы.

Четверть седьмого! Какъ долго еще приходилось ждать! Онъ снова зашагалъ взадъ и впередъ. Солнце склонялось къ закату, небо зардѣлось надъ деревьями, и алый полусвѣтъ ложился сквозь узкія окна въ его потемнѣвшую комнату. Вдругъ Литвинову почудилось, какъ будто дверь растворилась за нимъ тихо и быстро, и такъ же быстро затвори-

лась снова... Онъ обернулся; у двери, закутанная въ черную мантилью, стояла женщина...

— Ирина!—воскликнулъ онъ и всплеснулъ руками...

Она подняла голову и упала къ нему на грудь.

Два часа спустя, онъ сидѣлъ у себя на диванѣ. Чемоданъ стоялъ въ углу, раскрытый и пустой, а на столѣ, посреди безпорядочно разбросанныхъ вещей, лежало письмо отъ Татьяны, только-что полученное Литвиновымъ. Она писала ему, что рѣшилась ускорить свой отъѣздъ изъ Дрездена, такъ какъ здоровье ея тетки совершенно поправилось, и что если никакихъ не встрѣтится препятствій, онѣ обѣ на слѣдующій день къ двѣнадцати часамъ прибудутъ въ Баденъ и надѣются, что онъ приедетъ къ нимъ на встрѣчу на желѣзную дорогу. Квартира для нихъ была нанята Литвиновымъ въ той самой гостинницѣ, гдѣ онъ стоялъ.

Въ тотъ же вечеръ онъ послалъ записку къ Ринѣ, а на слѣдующее утро онъ получилъ отъ нея отвѣтъ. „Днемъ позже, днемъ раньше, писала она,—это было неизбѣжно. А я повторяю тебѣ, что вчера сказала: жизнь моя въ твоихъ рукахъ, дѣлай со мной, что хочешь. Я не хочу стѣснять твою свободу, но знай, что если нужно, я все брошу, и пойду за тобой на край земли. Мы вѣдь увидимся завтра? Твоя Ирина“.

Послѣднія два слова были написаны крупнымъ и размашистымъ, рѣшительнымъ почеркомъ.

XVIII.

Въ числѣ лицъ, собравшихся 18-го августа къ 12 часамъ на площадку желѣзной дороги, находился и Литвиновъ. Не задолго передъ тѣмъ онъ встрѣтилъ Ирину: она сидѣла въ

открытой каретѣ съ своимъ мужемъ и другимъ, уже пожилымъ господиномъ. Она увидала Литвинова, и онъ это замѣтилъ: что-то темное пробѣжало по ея глазамъ, но она тотчасъ же закрылась отъ него зонтикомъ.

Странная перемѣна произошла въ немъ со вчерашняго дня—во всей его наружности, въ движеніяхъ, въ выраженіи лица; да и онъ самъ чувствовалъ себя другимъ человѣкомъ. Самоувѣренность исчезла, и спокойствіе исчезло тоже, и уваженіе къ себѣ: отъ прежняго душевнаго строя не осталось ничего. Недавнія, неизгладимыя впечатлѣнія заслонили собою все остальное. Появилось какое то небывалое ощущеніе, сильное, сладкое—и недоброе: таинственный гость забрался въ святилище и овладѣлъ имъ, и улегся въ немъ, молчкомъ, но во всю ширину, какъ хозяинъ на новосельѣ. Литвиновъ не стыдился болѣе, онъ трусилъ—и въ то же время отчаянная отвага въ немъ загоралась; гнѣтомъ, побѣжденнымъ знакома эта смѣсь противоположныхъ чувствъ; не безызвѣстна она и вору, послѣ первой кражи. А Литвиновъ былъ побѣжденъ, побѣжденъ внезапно... и что̀ сталось съ его честностью?

Ноябрь опоздалъ нѣсколькими минутами. Томленіе Литвинова перешло въ мучительную тоску: онъ не могъ устоять на мѣстѣ, и, весь блѣдный, терся и толпился между народомъ. „Боже мой, думалъ онъ, хоть бы еще сутки...“ Первый взглядъ на Таню, первый взглядъ Тани... хоть что̀ его страшило, хоть что̀ надо было поскорѣй пережить... А послѣ? А послѣ—будь, что будетъ! Онъ уже не принималъ болѣе никакого рѣшенія, онъ уже не отвѣчалъ за себя. Вчерашняя фраза болѣзненно мелькнула у него въ головѣ... И вотъ какъ онъ встрѣчаетъ Таню...

Продолжительный свистъ раздался наконецъ, послышался тяжелый, ежеминутно возрастающій гулъ, и медленно выкатывался изъ-за поворота дороги, появился паровозъ. Толпа подалась ему на встрѣчу, и Литвиновъ рванулся за нею,

волоча ноги, какъ осужденный. Лица, дамскія шляпки стали показываться изъ вагоновъ, въ одномъ окошкѣ замелькалъ бѣлый платокъ... Кантонина Марковна имъ махала... Кончено: она увидѣла Литвинова, и онъ ее узналъ. Поѣздъ остановился. Литвиновъ бросился къ дверцамъ, отворилъ ихъ: Татьяна стояла возлѣ тетки и, свѣтло улыбаясь, протягивала руку.

Онъ помогъ имъ обѣимъ сойти, проговорилъ нѣсколько привѣтливыхъ словъ, недоконченныхъ и неясныхъ, и тотчасъ же засуетился, началъ отбирать билеты, дорожные мѣшки, пледы, побѣжалъ отыскивать носильщика, подозвалъ карету; другіе люди суетились вокругъ него, и онъ радовался ихъ присутствію, ихъ шуму и крику. Татьяна отошла немного въ сторону, и не переставая улыбаться, спокойно выжидала конца его торопливыхъ распоряженій. Кантонина Марковна, напротивъ, не могла устоять на мѣстѣ; ей все не вѣрилось, что она наконецъ попала въ Баденъ. Она вдругъ закричала: „А зонтики? Таня, гдѣ зонтики?“ не замѣчая, что она крѣпко держала ихъ подъ мышкой; потомъ начала громко и продолжительно прощаться съ другой дамой, съ которой познакомилась во время переѣзда изъ Гейдельберга въ Баденъ. Дама эта была не кто иная, какъ извѣстная намъ г-жа Сухачикова. Она отлучалась въ Гейдельбергъ на поклоненіе Губареву и возвращалась съ „инструкціями“. На Кантонинѣ Марковнѣ была довольно странная пестрая мантилья и круглая дорожная шляпка въ видѣ гриба, изъ-подъ которой въ безпорядкѣ выбивались стриженые бѣлые волосы; небольшого роста, худощавая, она раскраснѣлась отъ дороги и говорила по-русски, пронзительнымъ и нѣжнымъ голосомъ... Ее тотчасъ замѣтили.

Литвиновъ усадилъ наконецъ ее и Татьяну въ карету, и самъ помѣстился противъ нихъ. Лошади тронулись. Поднялись разспросы, возобновились пожатія рукъ, взаимныя улыбки, привѣты... Литвиновъ вздохнулъ свободно: нер-

выя мгновенья прошли благополучно. Ничего въ немъ, повидимому, не поразило, не смутило Тани: она также ясно и довѣрчиво смотрѣла, также мило краснѣла, также добродушно смѣялась. Онъ наконецъ самъ рѣшился взглянуть, не вскользь и мелькомъ, а прямо и пристально взглянуть на нее: до тѣхъ поръ его собственные глаза ему не повиновались. Невольное умиленіе стиснуло его сердце: безмятежное выраженіе этого честнаго, открытаго лица отдалось въ немъ горькимъ укоромъ. „Вотъ—ты пріѣхала сюда, бѣдная дѣвушка,—думалъ онъ:—ты, которую я такъ жалѣлъ и звалъ, съ которою я всю жизнь хотѣлъ пройти до конца, ты пріѣхала, ты мнѣ повѣрила... а я... а я...“ Литвиновъ наклонилъ голову; но Капитолина Марковна не дала ему задуматься; она осыпала его вопросами.

— Это что за строеніе съ колоннами? Гдѣ тутъ играютъ? Это кто идетъ? Таня, Таня, посмотри, какіе кринолины! А вотъ это кто? Здѣсь, должно быть, все больше французики изъ Парижа? Господи, что за пылища? Здѣсь все можно найти, какъ въ Парижѣ? Только, я воображаю, все ужасно дорого? Ахъ, съ какою отличною, умною женщиной я познакомилась! Вы ее знаете, Григорій Михайлычъ: она мнѣ сказала, что встрѣтилась съ вами у одного русскаго, тоже удивительно умнаго. Она обѣщалась навѣщать насъ. Какъ она всѣхъ этихъ аристократовъ отдѣлываетъ—просто чудо! Это что за господинъ съ сѣдыми усами? Прусскій король? Таня, Таня, посмотри, это прусскій король. Нѣтъ? не прусскій король? Голландскій посланникъ? Я не слышу, колеса такъ стучатъ. Ахъ, какія чудесныя деревья!

— Да, тётя, чудесныя,—подтвердила Таня:—и какъ все здѣсь зелено, весело! Не правда ли, Григорій Михайлычъ...

— Весело...—отвѣчалъ онъ сквозь зубы.

Карета остановилась наконецъ передъ гостинницей. Литвиновъ проводилъ обѣихъ путешественницъ въ удержанныя для нихъ нумера, обѣщалъ зайти черезъ часъ и вер-

нулся въ свою комнату. Затихшее на мигъ очарованіе овладѣло имъ немедленно, какъ только онъ вступилъ въ нее. Здѣсь, въ этой комнатѣ, со вчерашняго дня царствовала Ирина; все говорило о ней, самый воздухъ, казалось, сохранилъ тающіе слѣды ея посѣщенія... Литвиновъ опять почувствовалъ себя ея рабомъ. Онъ выхватилъ ея платокъ, спрятанный у него на груди, прижался къ нему губами, и тонкимъ ядомъ разлились по его жиламъ знойныя воспоминанія. Онъ понялъ, что тутъ ужъ нѣтъ возврата, нѣтъ выбора; горестное умиленіе, возбужденное въ немъ Татьяной, растаяло, какъ снѣгъ въ огнѣ, и раскаяніе замерло... замерло такъ, что даже волненіе въ немъ утомилось, и возможность притворства, представившись его уму, не возмутила его... Любовь, любовь Ирины — вотъ что стало теперь его правдой, его закономъ, его совѣстью... Предусмотрительный, благоразумный Литвиновъ даже не помышлялъ о томъ, какъ ему выбраться изъ положенія, ужасъ и безобразіе котораго онъ и чувствовалъ какъ-то легко и словно со стороны.

Часу еще не протекло, какъ уже явился къ Литвинову лейперъ отъ новоприѣзжихъ дамъ: онѣ просили его пожаловать къ нимъ въ общую залу. Онъ отправился вслѣдъ за посланцемъ и нашелъ ихъ уже одѣтыми и въ шляпахъ. Объ изъявили желаніе тотчасъ пойти осматривать Баденъ, благо погода была прекрасная. Особенно Кантолина Марковна такъ и горѣла нетерпѣніемъ; она даже опечалилась немного, когда узнала, что часъ фешенебельнаго сборища передъ Конверсаціонсгаузомъ еще не наступилъ. Литвиновъ взялъ ее подъ руку — и началась оффиціальная прогулка. Татьяна шла рядомъ съ теткой и съ спокойнымъ любопытствомъ осматривалась кругомъ; Кантолина Марковна продолжала свои разспросы. Вѣдь рулетки, осанистыхъ крупье, которыхъ она — встрѣть она ихъ въ другомъ мѣстѣ, — наѣрное приняла бы за министровъ, видъ ихъ провор-

ныхъ лопаточекъ, золотыхъ и серебряныхъ кучекъ на зеленомъ сукнѣ, игравшихъ старухъ и расписныхъ лоретокъ привелъ Капитолину Марковну въ состояніе какого-то нѣмотствующаго изступленія: она совсѣмъ позабыла, что ей слѣдовало вознегодовать — и только глядѣла, глядѣла во всѣ глаза, изрѣдка вздрагивая при каждомъ новомъ возгласѣ.. Жужжаніе костяного шарика въ углубленіи рулетки проникало ее до мозга костей — и только очутившись на свѣжемъ воздухѣ, она нашла въ себѣ довольно силы, чтобы, испустивъ глубокій вздохъ, назвать азартную игру безнравственною выдумкою артистократизма. На губахъ Литвинова появилась неподвижная, нехорошая улыбка; онъ говорилъ отрывисто и лѣниво, словно досадовалъ или скучалъ... Но вотъ онъ обернулся къ Татьянѣ и втайнѣ смутился: она глядѣла на него внимательно и съ такимъ выраженіемъ, какъ будто сама себя спрашивала, какого рода впечатлѣніе возбуждалось въ ней? Онъ поспѣшилъ кивнуть ей головой, она отвѣчала ему тѣмъ же и опять посмотрѣла на него вопросительно, не безъ нѣкотораго напряженія, словно онъ стоялъ отъ нея гораздо дальше, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ. Литвиновъ повелъ своихъ дамъ прочь отъ Конверсаціонсгауза и, минуя „русское дерево", подъ которымъ уже возсѣдали соотечественницы, направился къ Лихтенталю. Не успѣлъ онъ вступить въ аллею, какъ увидалъ издали Ирину.

Она шла къ нимъ на встрѣчу съ своимъ мужемъ и Потугинымъ. Литвиновъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, однако не замедлилъ шагу и, поровнявшись съ нею, отвѣсилъ безмолвный поклонъ. И она ему поклонилась любезно, но холодно, и быстро окинувъ глазами Татьяну, скользнула мимо... Ратмировъ высоко приподнялъ шляпу, Потугинъ что-то промычалъ.

— Кто эта дама? — спросила вдругъ Татьяна. Она до того мгновенья почти не раскрывала губъ.

— Эта дама? —повторилъ Литвиновъ. —Эта дама? Это нѣкая госпожа Ратмирова.

— Русская?

— Да.

— Вы съ ней здѣсь познакомились?

— Нѣтъ; я ее давно знаю.

— Какая она красивая!

— Замѣтила ты ея туалетъ? —вмѣшалась Капитолина Марковна. —Десять семействъ можно бы цѣлый годъ прокормить на тѣ деньги, которыхъ стоятъ одни ея кружева. Это съ ней шелъ ея мужъ? —обратилась она къ Литвинову.

— Мужъ.

— Онъ должно-быть ужасно богатъ?

— Право не знаю; не думаю.

— А чинъ у него какой?

— Чинъ генеральскій.

— Какіе у нея глаза! —проговорила Татьяна: — и выраженіе въ нихъ какое странное: и задумчивое, и проницательное... я такихъ глазъ не видывала.

Литвиновъ ничего не отвѣчалъ: ему казалось, что онъ опять чувствуетъ на лицѣ своемъ вопрошающій взглядъ Татьяны, но онъ ошибался: она глядѣла себѣ подъ ноги, на песокъ дорожки.

— Боже мой! Кто этотъ уродъ? —воскликнула вдругъ Капитолина Марковна, указывая пальцемъ на низенькій шарабанъ, въ которомъ, нагло развалясь, лежала рыжая и курносая женщина въ необыкновенно пышномъ нарядѣ и лиловыхъ чулкахъ.

— Этотъ уродъ! Помилуйте, это извѣстная мамзель Кора

— Кто?

— Мамзель Кора... Парижская... знаменитость.

— Какъ? эта моська? Да вѣдь она пребезобразная?

— Видно, это не мѣшаетъ.

Капитолина Марковна только руками развела.

— Ну, вашъ Баденъ!—промолвила она наконецъ.—А можно тутъ на скамейкѣ присѣсть? Я что-то устала.

— Конечно можно, Капитолина Марковна... На то и скамейки поставлены.

— Да вѣдь Господь васъ знаетъ! Вонъ, говорятъ, въ Парижѣ на бульварахъ тоже стоятъ скамейки: а сѣсть на нихъ неприлично.

Литвиновъ ничего не возразилъ Капитолинѣ Марковнѣ; онъ только въ это мгновеніе сообразилъ, что въ двухъ шагахъ оттуда находилось то самое мѣсто, гдѣ онъ имѣлъ съ Ириной объясненіе, которое все рѣшило. Потомъ онъ вспомнилъ, что онъ сегодня замѣтилъ у нея на щекѣ небольшое розовое пятно...

Капитолина Марковна опустилась на скамейку. Татьяна сѣла возлѣ нея. Литвиновъ остался на дорожкѣ: между нимъ и Татьяной—или это ему только чудилось? совершалось что-то... безсознательно и постепенно.

— Ахъ, она шутовка, шутовка,—произнесла Капитолина Марковна, съ сокрушеніемъ покачивая головой.—Богъ ея туалетъ продастъ, такъ не десять, а сто семействъ прокормить можно. Видѣли вы у нея подъ пихтой, на рыжихъ-то на волосахъ, бриллианты? Это днемъ бриллианты, а?

— У нея волосы не рыжіе,—замѣтилъ Литвиновъ:—она ихъ краситъ въ рыжій цвѣтъ, теперь это въ модѣ.

Капитолина Марковна опять руками развела и даже задумалась.

— Ну,—проговорила она наконецъ,—у насъ въ Дрезденѣ до такого скандала еще не дошло. Потому все-таки подальше отъ Парижа. Вы того же мнѣнія, не правда-ли, Григорій Михайлычъ?

— Я?—отвѣтилъ Литвиновъ, а самъ подумалъ: „О чемъ бишь это она?“—Я? Конечно... конечно...

Но тутъ послышались неторопливые шаги, и къ скамейкѣ приблизился Потугинъ.

— Здравствуите, Григорій Михайлычъ,—проговорилъ онъ, посмѣиваясь и кивая головой.

Литвиновъ тотчасъ схватилъ его за руку.

— Здравствуите, здравствуйте, Созонтъ Иванычъ. Я, кажется, сейчасъ встрѣтилъ васъ съ... вотъ сейчасъ, въ аллеѣ.

—Да, это былъ я.

Потугинъ почтительно поклонился сидѣвшимъ дамамъ.

— Позвольте васъ представить, Созонтъ Иванычъ. Мои хорошія знакомыя, родственницы, только что пріѣхали въ Баденъ. Потугинъ Созонтъ Иванычъ нашъ, соотечественникъ, тоже баденскій гость.

Обѣ дамы приподнялись немного. Потугинъ возобновилъ свои поклоны,

— Здѣсь настоящій раутъ,—начала тонкимъ голоскомъ Капитолина Марковна; добродушная старая дѣвица легко робѣла, но пуще всего старалась не ударить въ грязь лицомъ: —всѣ считаютъ пріятнымъ долгомъ побывать здѣсь.

— Баденъ, точно, пріятное мѣсто, отвѣтилъ Потугинъ, искоса посматривая на Татьяну;—очень пріятное мѣсто Баденъ.

— Да; только ужъ слишкомъ аристократично, сколько я могу судить. Мы вотъ съ нею жили въ Дрезденѣ все это время... очень интересный городъ; но здѣсь рѣшительно раутъ.

„Понравилось словцо", подумалъ Потугинъ. -Это вы совершенно справедливо изволили замѣтить, — произнесъ онъ громко: —зато природа здѣсь удивительная и мѣстоположеніе такое, какое рѣдко можно найти. Ваша спутница въ особенности должна это оцѣнить. Не правда ли, сударыня?— прибавилъ онъ обращаясь на этотъ разъ прямо къ Татьянѣ.

Татьяна подняла на Потугина свои большіе, ясные глаза. Казалось, она недоумѣвала чего хотятъ отъ нея, и зачѣмъ Литвиновъ познакомилъ ее, въ первый же день пріѣзда, съ

этимъ неизвѣстнымъ человѣкомъ, у котораго впрочемъ умное и доброе лицо, и который глядитъ на нее привѣтливо и дружелюбно.

— Да, —промолвила она наконецъ, —здѣсь очень хорошо.

— Вамъ надобно посѣтить старый замокъ, —продолжалъ Потугинъ: —въ особенности совѣтую вамъ съѣздить въ Ибургъ.

— Саксонская Швейцарія... —начала было Капитолина Марковна

Взрывъ трубныхъ звуковъ прокатился по аллеѣ: это военный прусскій оркестръ изъ Рашгадта (въ 1862 году Рашгадтъ былъ еще сонною крѣпостью) начиналъ свои еженедѣльный концертъ въ павильонѣ Капитолина Марковна тотчасъ встала.

— Музыка! —промолвила она: —музыка à la Conversation!.. Надо туда идти. Вѣдь теперь четвертый часъ, не правда ли? Общество теперь собирается?

— Да, —отвѣчалъ Потугинъ; —теперь самый лучшій обществъ модный часъ, и музыка прекрасная.

— Ну, такъ мѣшкать нечего. Таня, пойдемъ.

— Вы позволите сопровождать васъ? —спросилъ Потугинъ, къ немалому удивленію Литвинова: ему и въ голову придти не могло, что Потугина прислала Ирина.

Капитолина Марковна склонилась.

— Съ великимъ удовольствіемъ, мсье... мсье...

— Потугинъ, — подсказалъ тотъ и предложилъ ей руку.

Литвиновъ подалъ свою Татьянѣ, и обѣ четы направились къ Конверсаціонсгаузу.

Потугинъ продолжалъ разсуждать съ Капитолиной Марковной. Но Литвиновъ шелъ, ни слова не говоря, и только раза два безо всякаго повода усмѣхнулся и слабо прижалъ къ себѣ руку Татьяны. Ложь была въ этихъ пожатіяхъ, на которыя она не отвѣчала, и Литвиновъ сознавалъ эту ложь. Не взаимное удостовѣреніе въ тѣсномъ союзѣ двухъ отдав-

шихся другъ другу душъ выражали онѣ, какъ бывало; онѣ замѣняли пока — слова, которыхъ онъ не находилъ. То безмолвное, что̀ началось между ними обоими, росло и утверждалось. Татьяна опять внимательно, почти пристально посмотрѣла на него.

То же самое продолжалось и передъ Конверсаціонсгаузомъ, за столикомъ, около котораго они усѣлись всѣ четверо, съ тою только разницей, что при суетливомъ шумѣ толпы, при громѣ и трескѣ музыки, молчаніе Литвинова казалось болѣе понятнымъ. Капитолина Марковна пришла, какъ говорится, въ совершенный азартъ; Потугинъ едва успѣвалъ поддакивать ей, удовлетворять ея любопытству. На его счастье, въ массѣ проходившихъ лицъ внезапно появилась худощавая фигура Суханчиковой и блеснули ея вѣчно прыгающіе глаза. Капитолина Марковна тотчасъ ее признала, подозвала ее къ своему столику, усадила ее — и поднялась словесная буря.

Потугинъ обратился къ Татьянѣ и началъ бесѣдовать съ нею тихимъ и мягкимъ голосомъ, съ ласковымъ выраженіемъ на слегка наклоненномъ лицѣ; и она, къ собственному изумленію, отвѣчала ему легко и свободно; ей было пріятно говорить съ этимъ чужимъ, съ незнакомцемъ, между тѣмъ какъ Литвиновъ по прежнему сидѣлъ неподвижно, съ тою же неподвижной и нехорошей улыбкой на губахъ.

Наступило наконецъ время обѣда. Музыка умолкла, толпа стала рѣдѣть. Капитолина Марковна сочуственно простилась съ Суханчиковой. Великое она къ ней возымѣла уваженіе, хоть и говорила потомъ своей племянницѣ, что ужъ очень озлоблена эта особа; но за то все про всѣхъ вѣдаетъ! А швейныя машины дѣйствительно надо завести, какъ только отпразднуется свадьба. Потугинъ раскланялся: Литвиновъ повелъ своихъ дамъ домой. При входѣ въ гостинницу ему вручили записку; онъ отошелъ въ сторону и торопливо сорвалъ кувертъ. На небольшомъ клочкѣ веленевой бумажки

стояли слѣдующія, карандашомъ начертанныя слова: „Приходите сегодня вечеромъ въ семь часовъ ко мнѣ на одну минуту, умоляю васъ. Ирина“. Литвиновъ сунулъ бумажку въ карманъ и, обернувшись, усмѣхнулся опять... кому? зачѣмъ? Татьяна спиной къ нему стояла. Обѣдъ происходилъ за общимъ столомъ. Литвиновъ сидѣлъ между Кантилиной Марковной и Татьяной и, какъ-то странно оживившись, разговаривалъ, разсказывалъ анекдоты, наливалъ вина себѣ и дамамъ. Онъ такъ развязно держалъ себя, что сидѣвшій напротивъ французскій пѣхотный офицеръ изъ Страсбурга, съ эспаньолкой и усами à la Napoléon III, нашелъ возможнымъ вмѣшаться въ разговоръ и даже кончилъ тостомъ à la santé des belles moscovites! Послѣ обѣда Литвиновъ проводилъ обѣихъ дамъ въ ихъ комнату, и постоявъ немного у окна и насупившись, внезапно объявилъ, что долженъ отлучиться на короткое время по дѣлу, но вернется къ вечеру непремѣнно. Татьяна ничего не сказала, поклонилась и опустила глаза. Кантилина Марковна имѣла привычку спать послѣ обѣда: Татьянѣ было извѣстно, что Литвиновъ зналъ эту привычку за ея тётокъ: она ожидала, что онъ этимъ воспользуется, что онъ останется, такъ какъ онъ съ самаго пріѣзда еще не былъ наединѣ съ нею, не поговорилъ съ ней откровенно. И вотъ онъ уходитъ! Какъ это понять? И вообще, все его поведеніе въ теченіе дня. .

Литвиновъ поспѣшилъ удалиться, не дожидаясь возраженій; Кантилина Марковна легла на диванъ, и поохавши, и вздохнувши раза два, заснула безмятежнымъ сномъ; а Татьяна отошла въ уголъ и сѣла на кресло, крѣпко скрестивъ на груди руки.

XIX.

Литвиновъ проворно всходилъ по лѣстницѣ Hôtel de l'Europe... Дѣвочка лѣтъ тринадцати, съ калмыцкимъ лу-

кавымъ личикомъ, которая, повидимому, его караулила, остановила его, сказавши ему по-русски: „Пожалуйте сюда: Ирина Павловна сейчасъ придутъ“. Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ. Она улыбнулась, повторила: „Пожалуйте, пожалуйте“, и ввела его въ небольшую комнату, находившуюся противъ Ирининой спальни и наполненную дорожными сундуками и чемоданами, а сама тотчасъ исчезла, легонько притворивши дверь. Не успѣлъ Литвиновъ оглянуться, какъ та же дверь быстро распахнулась, и въ розовомъ бальномъ платьѣ, съ жемчугомъ на волосахъ и на шеѣ, появилась Ирина. Она такъ и бросилась къ нему, схватила его за обѣ руки и нѣсколько мгновеній оставалась безмолвной: глаза ея сіяли и грудь поднималась, словно она взбѣжала на высоту.

— Я не могла принять.... васъ тамъ,—начала она торопливымъ шепотомъ:—мы сейчасъ ѣдемъ на званый обѣдъ, но я непремѣнно хотѣла васъ видѣть.... Вѣдь это ваша невѣста была, съ которой я васъ встрѣтила сегодня?

— Да, это была моя невѣста,—проговорилъ Литвиновъ, упирая на слово „была“.

— Такъ вотъ, я хотѣла увидать васъ на одну минуту, чтобы сказать вамъ, что вы должны считать себя совершенно свободнымъ, что все то, что произошло вчера, не должно нисколько мѣнять ваши рѣшенія....

— Ирина!—воскликнулъ Литвиновъ;—зачѣмъ ты это говоришь?

Онъ произнесъ эти слова громкимъ голосомъ.... Безсвязная страсть прозвучала въ нихъ. Ирина на мигъ невольно закрыла глаза.

— О, мой милый!— продолжала она шепотомъ еще болѣе тихимъ, но съ увлеченіемъ неудержимымъ;—ты не знаешь, какъ я тебя люблю, но вчера я только долгъ свой заплатила, я заплатила прошедшую вину.... Ахъ! я не могла отдать тебѣ мою молодость, какъ бы я хотѣла, но никакихъ обязан-

ностей я не наложила на тебя, ни отъ какого обѣщанія я не разрѣшила тебя, мой милый! Дѣлай что̀ хочешь, ты свободенъ какъ воздухъ, ты ничѣмъ не связанъ, знай это! знай!

— Но я не могу жить безъ тебя, Ирина, — перебилъ ее уже шепотомъ Литвиновъ, — я твой на вѣкъ и навсегда со вчерашняго дня.... Только у ногъ твоихъ могу я дышать.....

Онъ трепетно припалъ къ ея рукамъ. Ирина посмотрѣла на его наклоненную голову.

— Ну такъ знай же, — промолвила она, — что и я на все готова, что и я не пожалѣю никого и ничего. Какъ ты рѣшишь, такъ и будетъ. Я тоже на вѣкъ твоя.... твоя.

Кто-то осторожно постучался въ дверь. Ирина нагнулась, еще разъ шепнула: „твоя.... прощай!“ Литвиновъ почувствовалъ на волосахъ своихъ ея дыханіе, прикосновеніе ея губъ. Когда онъ выпрямился, ея уже не было въ комнатѣ, только платье ея прошумѣло въ корридорѣ и издали послышался голосъ Ратмирова: „Eh bien? Vous ne venez pas?“

Литвиновъ присѣлъ на высокій сундукъ и закрылъ себѣ лицо. Женскій запахъ, тонкій и свѣжій, повѣялъ на него.... Ирина держала его руки въ своихъ рукахъ. „Это слишкомъ.... слишкомъ“, думалось ему. Дѣвочка вошла въ комнату и, снова улыбнувшись въ отвѣтъ на его тревожный взглядъ, промолвила:

— Извольте идти-съ, пока....

Онъ всталъ и вышелъ изъ гостинницы. Нечего было и думать тотчасъ возвратиться домой: надо было остепениться. Сердце въ немъ билось протяжно и неровно; земля, казалось, слабо двигалась подъ ногами. Литвиновъ вновь отправился по Лихтенталевской аллеѣ. Онъ понималъ, что наступало мгновеніе рѣшительное, что откладывать дальше, скрываться, отворачиваться — становилось невозможнымъ, что объясненіе съ Татьяной неизбѣжно; онъ представлялъ, какъ она тамъ сидитъ и не шевелится, и ждетъ его.... онъ предчувствовалъ, что̀ онъ ей скажетъ; но какъ приступить, какъ

начать? Онъ махнулъ рукой на все свое правильное, благоустроенное, добропорядочное будущее: онъ зналъ, что онъ бросается очертя голову въ омутъ, куда и заглядывать не слѣдовало... но не это его смущало. То дѣло было покончennое, а какъ предстать передъ своего судью? И хоть бы точно судья его встрѣтилъ—ангелъ съ пламеннымъ мечомъ: легче было бы преступному сердцу... а то еще самому придется ножъ вонзать... Безобразно! А вернуться назадъ, отказаться отъ того другого, воспользоваться свободой, которую ему сулятъ, которую признаютъ за нимъ... Нѣтъ! лучше умереть! Нѣтъ, не надо той постылой свободы... а низвергнуться въ прахъ, и чтобы тѣ глаза съ любовію склонились...

— Григорій Михайлычъ!—промолвилъ чей-то печальный голосъ и чья-то рука тяжело легла на Литвинова.

Онъ оглянулся не безъ испуга и узналъ Потугина.

— Извините меня, Григорій Михайлычъ,—началъ тотъ съ обычной своей ужимкой:—я, можетъ быть, васъ обезпокоилъ, но, увидавъ васъ издали, я подумалъ... Впрочемъ, если вамъ не до меня...

— Напротивъ, я очень радъ,—процѣдилъ сквозь зубы Литвиновъ.

Потугинъ пошелъ съ нимъ рядомъ.

— Прекрасный вечеръ,—началъ онъ:—такъ тепло! Вы давно гуляете?

— Нѣтъ, недавно.

— Да что же я спрашиваю; я видѣлъ, какъ вы шли изъ Hôtel de l'Europe.

— Такъ вы за мной шли слѣдомъ?

— Да.

— Вы имѣете мнѣ что̀ сказать?

— Да, —чуть слышно повторилъ Потугинъ.

Литвиновъ остановился и посмотрѣлъ на своего непрошеннаго собесѣдника. Лицо его было блѣдно, глаза блуж-

дали; давнишнее, старое горе, казалось, выступило на его искаженныхъ чертахъ.

— Что же собственно такое вы хотите мнѣ сказать?—медленно проговорилъ Литвиновъ, и опять двинулся впередъ.

— А вотъ позвольте... сейчасъ. Если вамъ все равно—присядемте вотъ тутъ на скамеечку. Здѣсь будетъ удобнѣе.

— Да это что-то таинственное,—промолвилъ Литвиновъ, садясь возлѣ него.—Вамъ словно не по себѣ, Созонтъ Иванычъ.

— Нѣтъ, мнѣ ничего; и таинственнаго тоже ничего нѣтъ. Я собственно хотѣлъ вамъ сообщить... то впечатлѣніе, которое произвела на меня ваша невѣста... вѣдь она, кажется, ваша невѣста?.. ну, словомъ, та дѣвица, съ которой вы меня сегодня познакомили. Я долженъ сказать, что я въ теченіе всей своей жизни не встрѣчалъ существа болѣе симпатичнаго. Это—золотое сердце, истинно ангельская душа.

Потугинъ произнесъ всѣ эти слова съ тѣмъ же горькимъ и скорбнымъ видомъ, такъ что даже Литвиновъ не могъ не замѣтить страннаго противорѣчія между выраженіемъ его лица и его рѣчами.

— Вы совершенно справедливо оцѣнили Татьяну Петровну,—началъ Литвиновъ;—хотя мнѣ приходится удивляться, во-первыхъ, тому, что вамъ извѣстны мои отношенія къ ней, а во-вторыхъ, и тому, какъ скоро вы ее разгадали. У ней точно ангельская душа; но позвольте узнать, вы объ этомъ хотѣли со мной бесѣдовать?

— Ея нельзя не разгадать тотчасъ,—подхватилъ Потугинъ, какъ бы уклоняясь отъ послѣдняго вопроса;—стоитъ ей разъ заглянуть въ глаза. Она заслуживаетъ всевозможнаго счастья на землѣ, и завидна доля того человѣка, которому придется доставить ей это счастье! Нужно желать, чтобъ онъ оказался достойнымъ подобной доли.

Литвиновъ нахмурился слегка.

— Позвольте, Созонтъ Иванычъ,—промолвилъ онъ;—я,

признаюсь, нахожу нашъ разговоръ вообще довольно оригинальнымъ... Я хотѣлъ бы знать: намекъ, который содержатъ ваши слова, относится ко мнѣ?

Потугинъ не тотчасъ отвѣчалъ Литвинову: онъ видимо боролся самъ съ собою.

— Григорій Михайлычъ,—началъ онъ наконецъ,—или я совершенно ошибся въ васъ, или вы въ состояніи выслушать правду, отъ кого бы она ни шла, и подъ какой бы незрачной оболочкой она ни явилась. Я сейчасъ сказалъ вамъ, что видѣлъ откуда вы шли.

— Ну да, изъ Hôtel de l'Europe. Что же изъ того?

— Вѣдь я знаю, съ кѣмъ вы тамъ видѣлись!

— Какъ?

— Вы видѣлись съ госпожей Ратмировой.

— Ну да, я былъ у ней. Что же далѣе?

— Что далѣе?.. Вы, женихъ Татьяны Петровны, вы видѣлись съ госпожею Ратмировой, которую вы любите... и которая любитъ васъ.

Литвиновъ мгновенно приподнялся со скамейки: кровь ударила ему въ голову.

— Что это?—промолвилъ онъ наконецъ, озлобленнымъ, сдавленнымъ голосомъ:—плоская шутка, шпіонство? Извольте объясниться.

Потугинъ бросилъ на него унылый взглядъ.

— Ахъ! не оскорбляйтесь моими словами, Григорій Михайлычъ; меня же вы оскорбить не можете. Не для того заговорилъ я съ вами, и не до шутокъ мнѣ теперь.

— Можетъ-быть, можетъ-быть. Я готовъ вѣрить въ чистоту вашихъ намѣреній; но я все-таки позволю себѣ спросить васъ, съ какого права вы вмѣшиваетесь въ домашнія дѣла, въ сердечную жизнь чужого человѣка и на какомъ основаніи вы вашу... выдумку такъ самоувѣренно выдаете за правду?

— Мою выдумку! Еслибъ я это выдумалъ, вы бы не раз-

сердились! а что до права, то я еще не слыхивалъ, чтобы человѣкъ поставилъ себѣ вопросъ: имѣетъ ли онъ право, или нѣтъ, протянуть руку утопающему.

— Покорно благодарю за заботливость, подхватилъ запальчиво Литвиновъ,—только я вовсе не нуждаюсь въ ней. И всѣ эти фразы о гибели, уготовляемой свѣтскими дамами неопытнымъ юношамъ, о безнравственности высшаго свѣта и такъ далѣе, считаю именно за фразы, и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ презираю ихъ; а потому прошу васъ не утруждать своей спасительной десницы, и преспокойно позволить мнѣ утонуть.

Потугинъ опять поднялъ глаза на Литвинова. Онъ трудно дышалъ, губы его подергивало.

— Да посмотрите вы на меня, молодой человѣкъ,—вырвалось у него наконецъ, и онъ стукнулъ себя въ грудь:— неужели я похожъ на должнаго, самодовольнаго моралиста, на проповѣдника? Развѣ вы не понимаете, что изъ одного участія къ вамъ, какъ бы сильно оно ни было, я бы слова не проронилъ, не далъ бы вамъ права упрекнуть меня въ томъ, что нынче всего мнѣ ненавистно—въ нескромности, въ назойливости. Развѣ вы не видите, что тутъ дѣло совсѣмъ другого рода, что передъ вами человѣкъ разбитый, разрушенный, окончательно уничтоженный тѣмъ самымъ чувствомъ, отъ послѣдствій котораго онъ желалъ бы предохранить васъ, и... и въ той же самой женщинѣ!

Литвиновъ отступилъ шагъ назадъ.

— Возможно ли! что вы сказали... Вы... вы... Созонтъ Иванычъ? Но госпожа Вѣльская... этотъ ребенокъ...

— Ахъ, не распрашивайте меня... вѣрьте мнѣ! Это темная, странная исторія, которую я вамъ разсказывать не стану. Госпожу Вѣльскую я почти не зналъ, ребенокъ этотъ не мой, а взялъ я все на себя... потому... потому что *самъ* того хотѣлъ, потому что *самъ* это было нужно. Зачѣмъ бы я находился здѣсь, въ вашемъ противномъ Баденѣ? И наво-

нецъ, неужели вы полагаете, неужели вы на одну минуту могли вообразить, что я изъ сочувствія къ вамъ рѣшился предостеречь васъ? Мнѣ жаль тон доброй, хорошей дѣвушки, вашей невѣсты, а впрочемъ какое мнѣ дѣло до вашей будущности, до васъ обоихъ?... Но я за нее боюсь... за нее.

— Много чести, господинъ Потугинъ,—началъ Литвиновъ,—но такъ какъ мы, по вашимъ словамъ, находимся оба въ одинаковомъ положеніи, то почему же вы самому себѣ не читаете подобныхъ наставленій, и не долженъ ли я приписать ваши опасенія другому чувству?

— То-есть, ревности, хотите вы сказать? Эхъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, стыдно вамъ финтить и лукавить, стыдно не понять, какое горькое горе говоритъ теперь моими устами! Нѣтъ, не въ одинаковомъ мы положеніи съ вами! Я, я—старый, смѣшной, вполнѣ безвредный чудакъ... а вы! Да что тутъ толковать! Вы ни на одну секунду не согласились бы принять на себя ту роль которую я разыгрываю, и разыгрываю съ благодарностью! А ревность? Не ревнуетъ тотъ, у кого нѣтъ хоть бы капли надежды, и не теперь бы мнѣ пришлось испытать это чувство внервые. Мнѣ только страшно... страшно за нее, поймите вы это. И могъ ли я ожидать, когда она посылала меня къ вамъ, что чувство вины, которую она признавала за собою, такъ далеко ее завлечетъ?

— Но позвольте, Созонтъ Иванычъ, вы какъ будто знаете...

— Я ничего не знаю, и знаю все. Я знаю,—прибавилъ онъ и оглянулся,—я знаю, гдѣ она была вчера. Но ея не удержать теперь: она, какъ брошенный камень, должна докатиться до дна. Я былъ бы еще большимъ безумцемъ, если-бы вообразилъ, что слова мои тотчасъ удержатъ васъ... васъ, которому такая женщина... Но полно объ этомъ. Я не могъ переломить себя, вотъ все мое извиненіе. Да и, наконецъ, какъ знать и почему не попытаться? Можетъ-быть, вы одумаетесь, можетъ быть, какое-нибудь мое слово зана-

деть вамъ въ душу, вы не захотите погубить и ее, и себя, и то невинное, прекрасное существо.... Ахъ! не сердитесь, не топайте ногой! Что мнѣ бояться, чего церемониться? Не ревность говоритъ во мнѣ теперь, не досада.... Я готовъ упасть къ вашимъ ногамъ, умолять васъ.... А впрочемъ, прощайте. Не бойтесь, все это останется втайнѣ. Я желалъ вамъ добра.

Потугинъ зашагалъ по аллеѣ, и скоро исчезъ въ уже надвигавшемся мракѣ.... Литвиновъ его не удерживалъ.

„Страшная, темная исторія...“ — говорилъ Потугинъ Литвинову, и не хотѣлъ ея разсказывать... Коснемся и мы ея всего двумя словами.

Лѣтъ за восемь передъ тѣмъ ему пришлось быть временно прикомандированнымъ отъ своего министерства къ графу Ратценбаху. Дѣло происходило лѣтомъ. Потугинъ ѣздилъ къ нему на дачу съ бумагами и проводилъ такъ цѣлые дни. Ирина жила тогда у графа. Она никогда не гнушалась людей низко поставленныхъ, но крайней мѣрѣ не чуждалась ихъ, и графиня не разъ пеняла ей за ея излишнюю, московскую фамильярность. Ирина скоро отгадала умнаго человѣка въ этомъ скромномъ чиновникѣ, облеченномъ въ мундиришко, до верху застегнутый фракъ. Она часто и охотно бесѣдовала съ нимъ.... а онъ.... онъ полюбилъ ее страстно, глубоко, тайно.... Тайно! *Онъ* такъ думалъ. Прошло лѣто; графъ пересталъ нуждаться въ постороннемъ помощникѣ. Потугинъ потерялъ Ирину изъ виду, но забыть ея не могъ. Года три спустя онъ совершенно неожиданно получилъ приглашеніе отъ одной мало знакомой ему дамы средней руки. Дама эта сперва немного затруднилась высказаться, но взявъ съ него клятву сохранить все, что онъ услышитъ, въ величайшемъ секретѣ, предложила ему... жениться на одной дѣвицѣ, которая занимала видное положеніе въ свѣтѣ и для которой свадьба стала необходимостью. На главное лицо дама едва рѣшилась намекнуть, и тутъ же

обѣщала Потугину денегъ... много денегъ. Потугинъ не оскорбился, удивленіе заглушило въ немъ чувство гнѣва, но, разумѣется, отказался наотрѣзъ. Тогда дама вручила ему записку къ нему—отъ Ирины. „Вы благородный, добрый человѣкъ", писала она,—„и я знаю, вы для меня все сдѣлаете; я прошу у васъ этой жертвы. Вы спасете существо, мнѣ дорогое. Спасая ее, вы спасете и меня.... Не спрашивайте—какъ. Я ни къ кому не рѣшилась бы обратиться съ подобною просьбой, но къ вамъ я протягиваю руки и говорю вамъ: сдѣлайте это для меня". Потугинъ задумался и сказалъ, что для Ирины Павловны онъ, точно, готовъ сдѣлать многое, но хотѣлъ бы услышать ея желаніе изъ ея же устъ. Свиданіе состоялось въ тотъ же вечеръ: оно продолжалось не долго, и никто не зналъ о немъ, кромѣ той дамы. Ирина не жила уже у графа Рейзенбаха.

— Почему вы вспомнили именно обо мнѣ? спросилъ ее Потугинъ.

Она начала-было распространяться объ его хорошихъ качествахъ, да вдругъ остановилась....

— Нѣтъ,—промолвила она,—вамъ надобно правду говорить. Я знала, я знаю, что вы меня любите: вотъ отчего я рѣшилась.... И тутъ же разсказала ему все.

Елиза Бѣльская была сирота: родственники ея не любили и разсчитывали на ея наслѣдство.... ей предстояла гибель. Спасая её, Ирина дѣйствительно оказывала услугу тому, кто былъ всему причиной и кто самъ теперь сталъ весьма близокъ къ ней, къ Ринѣ ... Потугинъ, молча, долго посмотрѣлъ на Ирину, и согласился. Она заплакала и вся въ слезахъ бросилась ему на шею. И онъ заплакалъ... но различны были ихъ слезы. Уже все приготовлялось къ тайному браку, мощная рука устранила всѣ препятствія... Но случилась болѣзнь.... а тамъ родилась дочь, а тамъ мать.... отравилась. Что было дѣлать съ ребенкомъ? Потугинъ взялъ его на свое попеченіе изъ тѣхъ же рукъ, изъ рукъ Ирины.

Странная, темная исторія.... Мимо, читатель, мимо!

Больше часу прошло еще, прежде чѣмъ Литвиновъ рѣшился вернуться въ свою гостиницу. Онъ уже приближался къ ней, какъ вдругъ услышалъ шаги за собой. Казалось, кто-то упорно слѣдилъ за нимъ и шелъ скорѣе, когда онъ прибавлялъ шагу. Подойдя подъ фонарь, Литвиновъ оглянулся, и узналъ генерала Ратмирова. Въ бѣломъ галстукѣ, въ щегольскомъ пальто на-распашку, съ вереницей звѣздочекъ и крестиковъ на золотой цѣпочкѣ въ петлѣ фрака, генералъ возвращался съ обѣда, одинъ. Взглядъ его, прямо и дерзко устремленный на Литвинова, выражалъ такое презрѣніе и такую ненависть, вся его фигура дышала такимъ настойчивымъ вызовомъ, что Литвиновъ почелъ своею обязанностью пойдти, скрѣпя сердце, ему на встрѣчу, пойдти на „исторію“. Но поровнявшись съ Литвиновымъ, лицо генерала мгновенно измѣнилось: опять появилось на немъ обычное игривое изящество, и рука въ свѣтло-лиловой перчаткѣ высоко приподняла вылощенную шляпу. Литвиновъ молча снялъ свою, и каждый пошелъ своей дорогой.

„Вѣрно, замѣтилъ что нибудь! — подумалъ Литвиновъ. „Хоть бы.... другой кто-нибудь!“ подумалъ генералъ.

Татьяна играла въ пикетъ со своею тѣткой, когда Литвиновъ вошелъ къ нимъ въ комнату.

— Однако, хорошъ ты, мой батюшка!—воскликнула Капитолина Марковна, и бросила карты на столъ; —въ первый же день, да на цѣлый вечеръ пропалъ! Мы ужь ждали васъ, ждали, бранили, бранили....

— Я, тётя, ничего не говорила.—замѣтила Татьяна.

— Ну, ты извѣстная смиренница! Стыдитесь, милостивый государь! еще женихъ!

Литвиновъ кое-какъ извинился и подсѣлъ къ столу.

— Зачѣмъ же вы перестали играть?—спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

— Вотъ тебѣ на! Мы съ ней въ карты отъ скуки играемъ, когда дѣлать нечего ... а теперь вы пришли.

— Если вамъ угодно послушать вечернюю музыку, — промолвилъ Литвиновъ, — я съ великою охотой провожу васъ.

Капитолина Марковна посмотрѣла на свою племянницу.

— Пойдемте тётя, я готова, — сказала та, — но не лучше ли остаться дома?

— И то дѣло! Будемте чай пить по-нашему, по московскому, съ самоваромъ; да поболтаемте хорошенько. Мы еще не покалякали какъ слѣдуетъ.

Литвиновъ велѣлъ принести чаю, но поболтать хорошенько не удалось. Онъ чувствовалъ постоянное угрызеніе совѣсти; что бы онъ ни говорилъ, ему все казалось, что онъ лжетъ, и что Татьяна догадывается. А между тѣмъ въ ней не замѣчалось неремѣны; она такъ же непринужденно держалась.... только взоръ ея ни разу не останавливался на Литвиновѣ, а какъ-то снисходительно и пугливо скользилъ по немъ — и обхожденіе ея было обыкновеннаго.

Капитолина Марковна спросила ее, не болитъ ли у ней голова?

Татьяна хотѣла-было сперва отвѣчать, что нѣтъ, но одумавшись, сказала: „да, немножко“.

— Съ дороги, — промолвилъ Литвиновъ, и даже покраснѣлъ отъ стыда.

— Съ дороги, — повторила Татьяна, и взоръ ея опять скользнулъ по немъ.

— Надо тебѣ отдохнуть, Танечка.

— Я и такъ скоро спать лягу, тётя.

На столѣ лежалъ *Guide des Voyageurs*; Литвиновъ принялся читать вслухъ описаніе баденскихъ окрестностей.

— Все это такъ, — перебила его Капитолина Марковна, — но готъ что не надо забыть. Говорятъ, здѣсь полотно очень дешево, такъ готъ бы купить для приданаго.

Татьяна опустила глаза.

— Успѣемъ, тётя. Вы о себѣ никогда не думаете, а вамъ непремѣнно надо сшить себѣ платье. Видите, какія здѣсь всѣ ходятъ нарядныя.

— О, душа моя! къ чему это? Чѣ я за щеголиха! Добро бы я была такая красивая, какъ эта ваша знакомая, Григорій Михайлычъ, какъ бишь ее?

— Какая знакомая?

— Да вотъ, что мы сегодня встрѣтили.

— А, та!—съ притворнымъ равнодушіемъ проговорилъ Литвиновъ, и опять гадко, стыдно стало ему. „Нѣтъ! подумалъ онъ, такъ продолжать невозможно".

Онъ сидѣлъ подлѣ своей невѣсты, а въ нѣсколькихъ шагахъ разстоянія отъ нея, въ боковомъ его карманѣ, находился платокъ Ирины.

Капитолина Марковна вышла на минуту въ другую комнату.

— Таня....—сказалъ съ усиліемъ Литвиновъ. Онъ въ первый разъ въ тотъ день назвалъ ее этимъ именемъ.

Она обернулась къ нему.

— Я.... имѣю сказать вамъ нѣчто важное.

— А! Въ самомъ дѣлѣ? Когда? Сейчасъ?

— Нѣтъ, завтра.

А! завтра. Ну, хорошо.

Безконечная жалость мгновенно наполнила душу Литвинова. Онъ взялъ руку Татьяны, и поцѣловалъ ее смиренно, какъ виноватый; сердце въ ней тихонько сжалось, и не порадовалъ ее этотъ поцѣлуй.

Ночью, часу во второмъ, Капитолина Марковна, которая спала въ одной комнатѣ съ своей племянницей, вдругъ приподняла голову и прислушалась.

— Таня!—промолвила она:—ты плачешь?

Татьяна не тотчасъ отвѣчала.

— Нѣтъ, тётя,—послышался ей кроткій голосокъ:—у меня насморкъ.

XX.

„Зачѣмъ я это ей сказалъ?“ думалъ на слѣдующее утро Литвиновъ, сидя у себя въ комнатѣ, передъ окномъ. Онъ съ досадой пожалъ плечами: онъ именно для того и сказалъ это Татьянѣ, чтобъ отрѣзать себѣ всякое отступленіе. На окнѣ лежала записка отъ Ирины: она звала его къ себѣ къ двѣнадцати часамъ. Слова Потугина безпрестанно приходили ему на память; они проносились зловѣщимъ, хотя слабымъ, какъ подземнымъ гуломъ; онъ сердился, и никакъ не могъ отдѣлаться отъ нихъ. Кто-то постучался въ дверь.

— Wer da?—спросилъ Литвиновъ.

А! вы дома! Отоприте!—раздался хриплый басъ Бindасова.

Ручка замка затрещала.

Литвиновъ поблѣдиѣлъ со злости.

— Нѣтъ меня дома,—промолвилъ онъ рѣзко.

— Какъ нѣтъ дома? Это еще что за штука?

— Говорятъ вамъ—нѣтъ дома; убирайтесь.

— Вотъ это мило! А я принесъ было денежекъ попризанять,—проворчалъ Бindасовъ.

Однако онъ удалился, стуча по обыкновенію каблуками.

Литвиновъ чуть не выскочилъ ему вслѣдъ: до того захотѣлось ему намять шею протирному наглецу. Событія послѣднихъ дней разстроили его нервы: еще не много—и онъ бы заплакалъ. Онъ выпилъ стаканъ холодной воды, заперъ, самъ не зная зачѣмъ, всѣ ящики въ мебеляхъ и пошелъ къ Татьянѣ.

Онъ засталъ ее одну. Капитолина Марковна отправилась по магазинамъ за покупками. Татьяна сидѣла на диванѣ и держала обѣими руками книжку: она ее не читала и едва ли даже знала, что эта была за книжка. Она не шевелилась.

но сердце сильно билось въ ея груди и бѣлый воротничекъ вокругъ ея шеи вздрагивалъ замѣтно и мѣрно.

Литвиновъ смутился.... однако сѣлъ возлѣ нея, поздоровался, улыбнулся; и она безмолвно ему улыбнулась. Она поклонилась ему, когда онъ вошелъ, поклонилась вѣжливо, не по-дружески—и не взглянула на него. Онъ протянулъ ей руку: она подала ему свои похолодѣвшіе пальцы, тотчасъ высвободила ихъ и снова взялась за книжку. Литвиновъ чувствовалъ, что начать бесѣду съ предметовъ малозначащихъ значило оскорбить Татьяну; она по обыкновенію ничего не требовала, но все въ ней говорило: „я жду, я жду....“ Надо было исполнить обѣщаніе. Но онъ,—хотя почти всю ночь ни о чемъ другомъ не думалъ,—онъ не приготовилъ даже первыхъ, вступительныхъ словъ, и рѣшительно не зналъ какимъ образомъ прервать это жестокое молчаніе.

— Таня,—началъ онъ наконецъ,—я сказалъ вамъ вчера, что имѣю сообщить вамъ нѣчто важное (онъ въ Дрезденѣ наединѣ съ нею начиналъ говорить ей „ты“, но теперь объ этомъ и думать было нечего). Я готовъ, только прошу васъ заранѣе не сѣтовать на меня и быть увѣренной, что мои чувства къ вамъ...

Онъ остановился. Ему духъ захватило. Татьяна все не шевелилась и не глядѣла на него: только крѣпче прежняго стискивала книгу.

— Между нами,—продолжалъ Литвиновъ, не докончивъ начатой рѣчи,—между нами всегда была полная откровенность; я слишкомъ уважаю васъ, чтобы лукавить съ вами; я хочу доказать вамъ, что умѣю цѣнить возвышенность и свободу вашей души, и хотя я.... хотя конечно....

— Григорій Михайлычъ,—начала Татьяна ровнымъ голосомъ, и все лицо ея покрылось мертвенною блѣдностью,—я приду вамъ на помощь: вы разлюбили меня, и не знаете, какъ мнѣ это сказать.

Литвиновъ нѣсколько вздрогнулъ.

— Почему же?.. — проговорилъ онъ едва внятно: — почему вы могли подумать?.. Я, право, не понимаю...

— Что же, не правда это? Не правда это, скажите? скажите?

Татьяна повернулась къ Литвинову всѣмъ тѣломъ; лицо ея съ отброшенными назадъ волосами приблизилось къ его лицу, и глаза ея, такъ долго на него не глядѣвшіе, такъ и впились въ его глаза.

— Не правда это?—повторила она.

Онъ ничего не сказалъ, не произнесъ ни одного звука. Онъ бы не могъ солгать въ это мгновеніе, еслибъ даже зналъ, что она ему повѣритъ, и что его ложь спасетъ ее: онъ даже взоръ ея вынести былъ не въ силахъ. Литвиновъ ничего не сказалъ, но она уже не нуждалась въ отвѣтѣ; она прочла этотъ отвѣтъ въ самомъ его молчаніи, въ этихъ виноватыхъ, потупленныхъ глазахъ,—и откинулась назадъ и уронила книгу... Она еще сомнѣвалась до того мгновенья, и Литвиновъ это понялъ; онъ понялъ, что она еще сомнѣвалась—и какъ безобразно, дѣйствительно безобразно было все, что онъ сдѣлалъ!

Онъ бросился передъ нею на колѣни.

— Таня! — воскликнулъ онъ: — еслибы ты знала, какъ мнѣ тяжело видѣть тебя въ этомъ положеніи, какъ ужасно мнѣ думать, что это я... я! У меня сердце растерзано; я самъ себя не узнаю; я потерялъ себя и тебя, и все... Все разрушено, Таня, все! Могъ ли я ожидать, что я... я принесу такое горе тебѣ, моему лучшему другу, моему ангелу-хранителю!.. Могъ ли я ожидать, что мы такъ съ тобой увидимся, такой проведемъ день, каковъ былъ вчерашній!..

Татьяна хотѣла-было встать и удалиться. Онъ удержалъ ее за край ея одежды.

— Нѣтъ, выслушай меня еще минуту. Ты видишь, я передъ тобою на колѣняхъ, но не прощенія принесъ я просить,—ты не можешь и не должна простить меня; — я при-

нель тебѣ сказать, что другъ твой погибъ, что онъ падаетъ въ бездну и не хочетъ увлекать тебя съ собою... А спасти меня... нѣтъ! даже ты не можешь спасти меня. Я самъ бы оттолкнулъ тебя... Я погибъ, Таня, я безвозвратно погибъ!

Татьяна посмотрѣла на Литвинова.

— Вы погибли! —проговорила она, какъ бы не вполнѣ его понимая.—Вы погибли?

— Да, Таня, я погибъ. Все прежнее, все дорогое, все, чѣмъ я хотѣлъ жить, — погибло для меня; все разрушено, все порвано, и я не знаю, что меня ожидаетъ впереди. Ты сейчасъ мнѣ сказала, что я разлюбилъ тебя... Нѣтъ, Таня, я не разлюбилъ тебя, но другое, странное, неотразимое чувство налетѣло, нахлынуло на меня. Я противился пока могъ...

Татьяна встала; ея брови сдвинулись; блѣдное лицо потемнѣло. Литвиновъ тоже поднялся.

— Вы полюбили другую женщину.—начала она,—и я догадываюсь, кто она... Мы съ ней вчера встрѣтились, не правда ли? Что жъ! Я знаю, что мнѣ теперь остается дѣлать. Такъ какъ вы сами говорите, что это чувство въ васъ неизмѣнно .. (Татьяна остановилась на мигъ: быть-можетъ, она еще надѣялась, что Литвиновъ не пропуститъ этого послѣдняго слова безъ возраженія, но онъ ничего не сказалъ), то мнѣ остается возвратить вамъ... ваше слово.

Литвиновъ наклонилъ голову, какъ бы съ покорностью принимая заслуженный ударъ.

— Вы имѣете право негодовать на меня,—промолвилъ онъ,—вы имѣете полное право упрекать меня въ малодушіи... въ обманѣ.

Татьяна снова посмотрѣла на него.

— Я не упрекала васъ, Литвиновъ, я не обвиняю васъ. Я съ вами согласна: самая горькая правда лучше того, что происходило вчера. Что за жизнь теперь была бы наша!

„Что за жизнь будетъ моя теперь!“ скорбно отозвалось въ душѣ Литвинова.

Татьяна приблизилась къ двери спальни.

— Я васъ прошу оставить меня одну на нѣсколько времени, Григорій Михайлычъ, — мы еще увидимся, мы еще потолкуемъ. Все это было такъ неожиданно. Мнѣ надо немного собраться съ силами.... оставьте меня.... пощадите мою гордость. Мы еще увидимся.

И сказавъ эти слова, Татьяна проворно удалилась и заперла за собою дверь на ключъ.

Литвиновъ вышелъ на улицу, какъ отуманенный, какъ оглушенный; что-то темное и тяжелое вонзилось въ самую глубь его сердца; подобное ощущеніе долженъ испытать человѣкъ, зарѣзавшій другого, и между тѣмъ легко ему становилось, какъ будто онъ сбросилъ наконецъ ненавистную ношу. Великодушіе Татьяны его уничтожило, онъ живо чувствовалъ все, что онъ терялъ.... и что же? къ раскаянію его примѣшивалась досада: онъ стремился къ Иринѣ, какъ къ единственно остающемуся убѣжищу, — и злился на нее. Съ нѣкоторыхъ поръ и съ каждымъ днемъ чувства Литвинова становились все сильнѣе и запутаннѣе: эта путаница мучила, раздражала его, онъ терялся въ этомъ хаосѣ. Онъ жаждалъ одного: выйти наконецъ на дорогу, на какую бы то ни было, лишь бы не кружиться болѣе въ этой безтолковой полутьмѣ. Любить положительнымъ, въ родѣ Литвинова, не слѣдовало бы увлекаться страстью; она нарушаетъ самый смыслъ ихъ жизни.... Но природа не справляется съ логикой, съ нашею человѣческой логикой: у нея есть своя, которую мы не понимаемъ и не признаемъ до тѣхъ поръ, пока она насъ, какъ колесомъ, не переѣдетъ.

Разставшись съ Татьяной, Литвиновъ держалъ одно въ умѣ: увидѣться съ Ириной: онъ и отправился къ ней. Но генералъ былъ дома, — онъ по крайней мѣрѣ сказалъ ему швейцаръ, — и онъ не захотѣлъ войти, онъ не чувствовалъ себя въ состояніи притвориться, и поплелся къ Конверсаціонсгаузу. Неспособность Литвинова притвориться въ этотъ день

испытали на себѣ и Ворошиловъ, и Пищалкинъ, которые попались ему на встрѣчу: онъ такъ и брякнулъ одному, что онъ пустъ, какъ бубенъ; другому, что онъ скученъ до обморока; хорошо еще, что Биндасовъ не подвернулся: навѣрное произошелъ бы „grosser Scandal". Оба молодые человѣка изумились; Ворошиловъ даже вопросъ себѣ поставилъ, не требуетъ ли офицерская честь удовлетворенія?—но, какъ Гоголевскій поручикъ Пироговъ, успокоилъ себя въ кофейной буттеръ-бродами. Литвиновъ увидалъ издали Капитолину Марковну, хлопотливо перебѣгавшую въ своей пестрой мантильѣ изъ лавки въ лавку.... Совѣстно стало ему передъ доброю, смѣшною, благородною старушкой. Потомъ онъ вспомнилъ о Потугинѣ, о вчерашнемъ разговорѣ.... Но вотъ, что-то повѣяло на него, что-то неосязаемое и несомнѣнное; еслибы дуновеніе шло отъ падающей тѣни, оно бы не было неуловимѣе, но онъ тотчасъ почувствовалъ, что это приближалась Ирина. Дѣйствительно: она появилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, подъ руку съ другой дамой; глаза ихъ тотчасъ встрѣтились. Ирина, вѣроятно, замѣтила что-то особенное въ выраженіи лица у Литвинова; она остановилась передъ лавкой, въ которой продавалось множество крошечныхъ деревянныхъ часовъ шварцвальдскаго издѣлія, подозвала его къ себѣ движеніемъ головы и показывая ему одни изъ этихъ часиковъ, прося его полюбоваться миловиднымъ циферблатомъ съ раскрашенной кукушкой на верху, промолвила не шопотомъ, а обыкновеннымъ своимъ голосомъ, какъ-бы продолжая начатую фразу — оно меньше привлекаетъ вниманіе постороннихъ.

— Приходите черезъ часъ, я буду дома одна.

Но тутъ подлетѣлъ къ ней извѣстный дамскій угодникъ Мсьё Вердіе, и началъ приходить въ восторгъ отъ цвѣта feuille morte ея платья, отъ ея низенькой испанской шляпки, надвинутой на самыя брови.... Литвиновъ исчезъ въ толпѣ.

XXI.

Григорій,—говорила ему два часа спустя Ирина, сидя возлѣ него на кушеткѣ и положивъ ему обѣ руки на плечо,—что съ тобой? Скажи мнѣ теперь, скорѣе, пока мы одни.

— Со мною?—промолвилъ Литвиновъ.—Я счастливъ, счастливъ, вотъ что со мной.

Ирина потупилась, улыбнулась, вздохнула.

— Это не отвѣтъ на мой вопросъ, мой милый.

Литвиновъ задумался.

— Ну, такъ знай же... такъ какъ ты этого непремѣнно требуешь (Ирина широко раскрыла глаза и слегка отпрянула) : я сегодня все сказалъ моей невѣстѣ.

— Какъ все? Ты меня назвалъ?

Литвиновъ даже руками всплеснулъ.

— Ирина, ради Бога, какъ могла тебѣ такая мысль въ голову придти! чтобы я...

Ну, прости меня... извини меня. Что же ты сказалъ?

— Я сказалъ ей, что я не люблю ее болѣе.

— Она спросила, почему?

— Я не скрылъ отъ нея, что я полюбилъ другую, и что мы должны разстаться.

— Ну... и что жъ она? Согласна?

— Ахъ, Ирина! что это за дѣвушка! Она вся самоотверженіе, вся благородство!

— Вѣрю, вѣрю... впрочемъ, ей другого ничего и не оставалось.

— И ни одного упрека, ни одного горькаго слова мнѣ, человѣку, который исковеркалъ всю ея жизнь, обманулъ ее, бросилъ безжалостно...

Ирина разсматривала свои ногти.

— Скажи мнѣ, Григорій... она тебя любила?

— Да, Ирина, она любила меня.

— Ирина помолчала, оправила платье.

— Признаюсь,—начала она,—я хорошенько не понимаю, зачѣмъ это тебѣ вздумалось съ нею объясниться?

— Какъ зачѣмъ, Ирина! Неужели бы ты хотѣла, чтобъ я лгалъ, притворялся передъ нею, передъ этою чистою душой? Или ты полагала...

— Я ничего не полагала,—перебила Ирина.—Я, кажется, мало о ней думала... Я не умѣю думать о двухъ людяхъ разомъ.

— То-есть, ты хочешь сказать...

— Ну, и что жъ? Она уѣзжаетъ, эта чистая душа? вторично перебила Ирина.

— Я ничего не знаю,—отвѣчалъ Литвиновъ.—Я еще долженъ увидаться съ ней. Но она не останется.

— А! счастливый путь!

— Нѣтъ, она не останется. Впрочемъ, я теперь тоже не о ней думаю, я думаю о томъ, что *ты* мнѣ сказала, что *ты* обѣщала мнѣ.

Ирина изъ-подлобья посмотрѣла на него.

Неблагодарный! ты еще не доволенъ?

Нѣтъ, Ирина, я не доволенъ. Ты меня осчастливила, но я не доволенъ, и ты меня понимаешь.

То-есть, я...

— Да, ты понимаешь меня. Вспомни твои слова, вспомни, что ты мнѣ писала. Я не могу съ другимъ, нѣтъ, нѣтъ, я не могу согласиться на жалкую роль тайнаго любовника, я не одну мою жизнь, я и другую жизнь бросилъ къ твоимъ ногамъ, я отъ всего отказался, я все разбилъ въ прахъ, безъ сожалѣнія и безъ возврата, но зато я вѣрю, я твердо убѣжденъ, что и ты сдержишь свое обѣщаніе и соединишь навсегда твою участь съ моею...

— Ты хочешь, чтобъ я уѣхала съ тобою? Я готова... (Литвиновъ восторженно припалъ къ ея рукамъ). Я готова.

я не отказываюсь отъ своего слова. Но ты самъ обдумалъ ли гь затрудненія... приготовилъ ли средства?

— Я? еще ничего не успѣлъ ни обдумать, ни приготовить, но скажи только: да, позволь мнѣ дѣйствовать, и мѣсяца не пройдетъ...

— Мѣсяца! Мы черезъ двѣ недѣли уѣзжаемъ въ Италію.

— Мнѣ и двухъ недѣль достаточно. О, Ирина! ты какъ будто холодно принимаешь мое предложеніе, быть-можетъ, оно кажется тебѣ мечтательнымъ, но я не мальчикъ, я не привыкъ тѣшиться мечтами, я знаю, какой это страшный шагъ, знаю, какую я беру на себя отвѣтственность; но я не вижу другого исхода. Подумай наконецъ, мнѣ уже для того должно навсегда разорвать всѣ связи съ прошедшимъ, чтобы не прослыть презрѣннымъ лгуномъ въ глазахъ той гьвушки, которую я въ жертву тебѣ принесъ!

Ирина вдругъ выпрямилась и глаза ея засверкали.

— Ну, ужъ извините, Григорій Михайлычъ! Если я рѣшусь, если я уѣду, такъ я уѣду съ человѣкомъ, который это сдѣлаетъ для меня, собственно для меня, а не для того, чтобы не уронить себя во мнѣніи флегматической барышни, у которой въ жилахъ, вмѣсто крови, вода съ молокомъ, du lait coupé! И еще скажу я вамъ: мнѣ, признаюсь, въ первый разъ довелось услышать, что тотъ, къ кому я благосклонна, достоинъ сожалѣнія, играетъ жалкую роль! Я знаю роль болѣе жалкую: роль человѣка, который самъ не знаетъ, что происходитъ въ его душѣ!

Литвиновъ выпрямился въ свою очередь.

— Ирина,—началъ было онъ...

Но она вдругъ прижала обѣ ладони ко лбу и, съ судорожнымъ порывомъ бросившись ему на грудь, обняла его съ неженскою силой.

— Прости меня, прости меня,—заговорила она трепетнымъ голосомъ,—прости меня, Григорій! Ты видишь, какъ я испорчена, какая я гадкая, ревнивая, злая! Ты видишь,

какъ я нуждаюсь въ твоей помощи, въ твоемъ снисхожденіи! Да, спаси меня, вырви меня изъ этой бездны, пока я не совсѣмъ еще погибла! Да, уѣдемъ, уѣдемъ отъ этихъ людей, отъ этого свѣта въ какой нибудь далекій, прекрасный, свободный край! Быть-можетъ, твоя Ирина станетъ наконецъ достойнѣе тѣхъ жертвъ, которыя ты ей приносишь! Не сердись на меня, прости меня, мой милый—и знай, что я сдѣлаю все, что ты прикажешь, пойду всюду, куда ты меня поведешь!

Сердце перевернулось въ Литвиновѣ. Ирина сильнѣе прежняго прижималась къ нему всѣмъ своимъ молодымъ и гибкимъ тѣломъ. Онъ нагнулся къ ея душистымъ разсыпаннымъ волосамъ и, въ опьяненіи благодарности и восторга, едва дерзалъ ласкать ихъ руками, едва касался до нихъ губами.

— Ирина, Ирина,—твердилъ онъ,—мой ангелъ...

Она внезапно приподняла голову, прислушалась... — Это шаги моего мужа... онъ воротился въ свою комнату,—прошептала она и, проворно отодвинувшись, пересѣла на кресло. Литвиновъ хотѣлъ было встать... — Куда же ты? — продолжала она тѣмъ же шепотомъ.—останься; онъ ужъ и такъ тебя подозрѣваетъ. Или ты боишься его? — Она не спускала глазъ съ двери. — Да, это онъ; онъ сейчасъ сюда придетъ. Разскажи мнѣ что нибудь, говори со мною.—Литвиновъ не могъ тотчасъ найтись и молчалъ.—Вы не поѣдете завтра въ театръ? произнесла она громко.—Дают *le Verre d'eau*, устарѣлая пьеса, и Плесси ужасно кривляется... Мы точно въ эпохѣ,—прибавила она, понизивъ голосъ, — этакъ нельзя; это надо хорошенько обдумать. Я должна предупредить тебя, что всѣ мои деньги у него; mais j'ai mes bijoux. Уѣдемъ въ Испанію, хочешь? — Она снова возвысила голосъ.—Отчего это всѣ актрисы толстѣютъ? Вотъ хоть Madeleine Brohan... Да говори же, не сиди такъ тихо. У меня голова кружится. Но ты не должень сомнѣваться во

мнѣ.... Я тебѣ дамъ знать, куда тебѣ завтра придти Только ты напрасно сказалъ той барынѣ... Ah! mais c'est charmant!—воскликнула она вдругъ, и засмѣявшись нервически, оборвала оборку платка.

— Можно войти?—спросилъ изъ другой комнаты Ратмировъ.

— Можно.... можно.

Дверь отворилась и на порогъ появился генералъ. Онъ поморщился при видѣ Литвинова, однако поклонился ему, то-есть качнулъ верхнею частью корпуса.

— Я не зналъ, что у тебя гость,—промолвилъ онъ:—je vous demande pardon de mon indiscrétion. А васъ Баденъ все еще забавляетъ, мсьё... Литвиновъ?

Ратмировъ всегда произносилъ фамилію Литвинова съ запинкой, точно онъ всякій разъ забывалъ, не тотчасъ припоминалъ ее.... Этимъ, да еще преувеличенно-приподнятою шляпой при поклонѣ, онъ думалъ его уязвить.

— Я здѣсь не скучаю, мсьё le général.

— Въ самомъ дѣлѣ? А мнѣ Баденъ страшно пріѣлся. Мы скоро отсюда уѣзжаемъ, не правда ли, Ирина Павловна? Assez de Bade comme ça. Впрочемъ, я на ваше счастье сегодня пятьсотъ франковъ выигралъ.

Ирина кокетливо протянула руку.

— Гдѣ жъ они? Пожалуйте. На булавки.

— За мной, за мной.... А вы уже уходите, мсьё.... Литвиновъ.

— Да-съ, ухожу, какъ изволите видѣть.

Ратмировъ опять качнулъ корпусомъ.

— До пріятнаго свиданія!

— Прощайте, Григорій Михайлычъ, —промолвила Ирина.—А я сдержу свое обѣщаніе.

— Какое? можно полюбопытствовать?—спросилъ ея мужъ.

Ирина улыбнулась.

— Нѣтъ, это такъ.... между нами. C'est à propos

du voyage... où il vous plaira. Ты знаешь—сочиненіе Сталя?

— А! какъ же, какъ же, знаю. Премилые рисунки.

Ратмировъ казался въ ладахъ съ женою: онъ говорилъ ей „ты“.

XXII.

„Ужъ лучше не думать, право“, твердилъ Литвиновъ, шагая по улицѣ и чувствуя, что внутренняя волна снова поднимается въ немъ. „Дѣло рѣшеное. Она сдержитъ свое обѣщаніе, и мнѣ остается принять всѣ нужныя мѣры.... Но она словно сомнѣвается“.... Онъ встряхнулъ головой. Ему самому въ странномъ свѣтѣ представлялись собственныя намѣренія; чѣмъ-то натянутымъ и неправдоподобнымъ отзывались они. Нельзя долго носиться съ одними и тѣми же мыслями: онѣ передвигаются постепенно, какъ стеклышки калейдоскопа.... смотришь: ужъ образы совсѣмъ не тѣ передъ глазами. Ощущенія глубокой усталости овладѣло Литвиновымъ... Отдохнуть бы хоть часокъ... Но Таня? Онъ встрепенулся и, уже не разсуждая, покорно побрелъ домой, и только въ головѣ ему пришло, что его сегодня какъ мячъ перебрасываетъ отъ одной къ другой.... Все равно: надо было покончить. Онъ вернулся въ гостиницу и такъ же покорно, почти безчувственно, безъ колебанія и замедленія, отправился къ Татьянѣ.

Его встрѣтила Каншолина Маркона. Съ перваго взгляда на нее, онъ уже зналъ, что ей все было извѣстно: глаза бѣдной дѣвицы опухли отъ слезъ, и окаймленное взбитыми бѣлыми локонами, покраснѣвшее лицо выражало испугъ и тоску негодованія, горя и безпредѣльнаго изумленія. Она устремилась-было къ Литвинову, но тутъ же остановилась, и, закусивъ трепетавшія губы, глядѣла на него такъ, какъ будто и умолить его хотѣла, и убить, и увѣриться, что все это сонъ, безуміе, невозможное дѣло, неправда ли?

— Вотъ, вы.... вы пришли, пришли, заговорила она.... Дверь изъ сосѣдней комнаты мгновенно распахнулась—и до прозрачности блѣдная, но спокойная, легкою походкой вошла Татьяна.

Она тихонько обняла тетку одною рукой и посадила ее возлѣ себя.

— Сядьте и вы, Григорій Михайлычъ,—сказала она Литвинову, который стоялъ, какъ потерянный, у двери. — Я очень рада, что еще разъ видусь съ вами. Я сообщила тетушкѣ ваше рѣшеніе, наше общее рѣшеніе; она вполнѣ его раздѣляетъ и одобряетъ.... Безъ взаимной любви не можетъ быть счастья, одного взаимнаго уваженія недостаточно (при словѣ „уваженіе“ Литвиновъ невольно потупился), и лучше разстаться прежде, чѣмъ раскаиваться потомъ. Неправда ли тетя?

— Да, конечно, — начала Капиталина Марковна, — конечно, Танюша, тотъ, кто не умѣетъ оцѣнить тебя... кто рѣшился....

— Тетя, тетя,—перебила ее Татьяна,—помните, что вы мнѣ обѣщали. Вы сами мнѣ всегда говорили: правда, Татьяна, правда прежде всего и—свобода. Ну, а правда не всегда сладка бываетъ, и свобода тоже; а то какая была бы наша заслуга?

Она нѣжно поцѣловала Капитолину Маркову въ ея бѣлые волосы и, обратившись къ Литвинову, продолжала:

— Мы съ тетей положили уѣхать изъ Бадена... Я думаю, для всѣхъ насъ этакъ будетъ легче.

— Когда вы думаете уѣхать? —глухо проговорилъ Литвиновъ. Онъ вспомнилъ, что тѣ же самыя слова ему недавно сказала Ирина.

Капитолина Марковна подалась-было впередъ, но Татьяна удержала ее, ласково коснувшись ея плеча.

— Вѣроятно скоро, очень скоро.

— И позволите ли вы мнѣ спросить, куда вы намѣрены ѣхать? — тѣмъ же голосомъ проговорилъ Литвиновъ.

— Сперва въ Дрезденъ, потомъ вѣроятно въ Россію

— Да на что же вамъ теперь это нужно знать, Григорій Михайлычъ....—воскликнула Кантолина Марковна.

— Тетя, тетя.—вмѣшалась опять Татьяна. Наступило небольшое молчаніе.

— Татьяна Петровна,—началъ Литвиновъ,—вы понимаете, какое мучительно-тяжелое и скорбное чувство я долженъ испытывать въ это мгновеніе...

Татьяна встала.

— Григорій Михайлычъ,—промолвила она,—не будемте говорить объ этомъ.... Пожалуйста, прошу васъ, если не для васъ, такъ для меня. Я не со вчерашняго дня васъ знаю и хорошо могу себѣ представить, что вы должны чувствовать теперь. Но къ чему говорить, къ чему растравлять... (Она остановилась: видно было, что она хотѣла перехватать поднявшееся въ ней волненіе, проглотить уже накипавшія слезы: ей это удалось). Къ чему растравлять рану, которую нельзя излечить? Предоставимте это времени. А теперь у меня до васъ просьба, Григорій Михайлычъ; будьте такъ добры, я вамъ дамъ сейчасъ письмо; отнесите это письмо на почту сами, оно довольно важно, а намъ съ тетей теперь некогда.... Я вамъ очень буду благодарна. Подождите минутку.... я сейчасъ....

На порогѣ двери Татьяна съ безпокойствомъ оглянулась на Кантолину Марковну; но она такъ важно и чинно сидѣла, съ такимъ строгимъ выраженіемъ въ нахмуренныхъ бровяхъ и крѣпко сжатыхъ губахъ, что Татьяна только головой ей кивнула и вышла.

Но едва лишь дверь за ней закрылась, какъ всякое выраженіе важности и строгости мгновенно исчезло съ лица Кантолины Марковны: она встала, на цыпочкахъ подбѣжала къ Литвинову и, вся сгорбившись и стараясь заглянуть

ему въ глаза, заговорила трепетнымъ, слезливымъ шепотомъ:

— Господи Боже мой, —заговорила она.—Григорій Михайлычъ, что жъ это такое: сонъ это, что ли? *Вы* отказываетесь отъ Тани, вы ее разлюбили, вы измѣняете своему слову! Вы это дѣлаете, Григорій Михайлычъ, вы, на кого мы всѣ надѣялись, какъ на каменную стѣну! Вы? Вы? Вы? Ты, Гриша?..— Каптолина Марковна остановилась.—Да вѣдь вы ее убьете, Григорій Михайлычъ, —продолжала она, не дождавшись отвѣта, а слезы такъ и покатились мелкими капельками по ея щекамъ.—Вы не смотрите на нее, что она теперь храбрится, вы вѣдь знаете, какой у ней нравъ! Она никогда не жалуется; она себя не жалѣетъ, такъ другіе должны ее жалѣть! Вотъ она теперь мнѣ толкуетъ: „тетя, надо сохранить наше достоинство!“, а какое тутъ достоинство, когда я смерть, смерть предвижу.... — Татьяна стукнула стуломъ въ сосѣдней комнатѣ.—Да, смерть предвижу,—подхватила еще гуще старушка.—И что такое могло сдѣлаться? Приворожили васъ, что ли? Давно ли вы писали ей самыя нѣжныя письма? Да, и наконецъ, развѣ честный человѣкъ такъ можетъ поступать? Я, вы знаете, женщина безъ всякихъ предразсудковъ, ésprit fort, я и Танѣ дала такое же воспитаніе, у ней тоже свободная душа...

— Тетя! —раздался изъ сосѣдней комнаты голосъ Татьяны.

— Но честное слово —это долгъ, Григорій Михайлычъ. Особенно для людей съ вашими, съ нашими правилами! Коли мы долга признавать не будемъ, что жъ у насъ останется? Этого нельзя нарушать—такъ, по собственной прихоти, не соображаясь съ тѣмъ, что каково, молъ, другому! Это безсовѣстно... да, это —преступленіе; какая же это свобода?

— Тетя, поди сюда пожалуйста.—послышалось снова.

— Сейчасъ, душа моя, сейчасъ... —Каптолина Марковна схватила Литвинова за руку.—Я вижу, вы сердитесь,

Григорій Михайлычъ.... („Я?! я сержусь?!“ хотѣлось ему воскликнуть, но языкъ его онѣмѣлъ).—Я не хочу сердить васъ—о, Господи! до того ли мнѣ! я, напротивъ, просить васъ хочу: одумайтесь, пока есть время, не губите ея, не губите собственнаго счастія, она еще повѣритъ вамъ. Гриша, она повѣритъ тебѣ, ничего еще не пропало; вѣдь она тебя любитъ такъ, какъ никто, никогда не полюбитъ тебя! Брось этотъ ненавистный Баденъ-Баденъ, уѣдемъ вмѣстѣ, выйдь только изъ-подъ этого волшебства, а главное: пожалѣй, пожалѣй...

— Да тетя,—промолвила Татьяна съ отчаяніемъ въ голосѣ.

Но Каптолина Марковна не слушала ея.

— Скажи только: „да!“ твердила она Литвинову: —а ужъ я все улажу.... Ну, хоть головой мнѣ кивни! головкой-то хоть разочекъ, вотъ такъ!

Литвиновъ охотно, кажется, умеръ бы въ эту минуту; но слова „да!“ онъ не произнесъ, и головой онъ не кивнулъ.

Съ письмомъ въ рукѣ появилась Татьяна. Каптолина Марковна тотчасъ отскочила отъ Литвинова и, отвернувъ лицо въ сторону, низко нагнулась надъ столомъ, какъ бы разсматривая лежавшіе на немъ счеты и бумаги.

Татьяна приблизилась къ Литвинову.

— Вотъ, — сказала она,—то письмо, о которомъ я вамъ говорила.... Вы сейчасъ пойдете на почту, не правда ли?

Литвиновъ поднялъ глаза.... Передъ нимъ, дѣйствительно, стояла его судьба. Татьяна показалась ему выше, стройнѣе: просіявшее небеснымъ красотой лицо величаво сіяло, какъ у статуи; грудь не поднималась, и платье, одноцвѣтное и тѣсное, какъ хитонъ, падало прямыми, длинными складками мраморныхъ тканей къ ея ногамъ, которыя оно закрывало. Татьяна глядѣла прямо передъ собой, на одного только Литвинова, и глядѣть ея, ровный и холодный,

былъ также взглядомъ статуи. Онъ прочелъ въ немъ свой приговоръ; наклонился, взялъ письмо изъ неподвижно-протянутой къ нему руки и удалился молча.

Капитолина Марковна бросилась къ Татьянѣ, но та отклонила ея объятія и опустила глаза; краска распространилась по ея лицу, и со словами: „ну теперь скорѣе!“ она вернулась въ спальню; Капитолина Марковна послѣдовала за ней, повѣсивъ голову.

На письмѣ, врученномъ Литвинову Татьяной, стоялъ адресъ одной ея дрезденской пріятельницы, нѣмки, которая отдавала въ наемъ небольшія меблированныя квартиры. Литвиновъ опустилъ письмо въ ящикъ, и ему показалось, что, вмѣстѣ съ этимъ маленькимъ клочкомъ бумажки, онъ все свое прошедшее, всю жизнь свою опустилъ въ могилу. Онъ вышелъ за городъ и долго бродилъ по узкимъ тропинкамъ между виноградниками; онъ не могъ отбиться, какъ отъ докучанія назойливой лѣтней мухи, отъ постояннаго ощущенія презрѣнія къ самому себѣ: ужъ очень незавидную роль разыгралъ онъ въ этомъ послѣднемъ свиданіи... А когда онъ вернулся въ гостиницу и спустя нѣсколько времени освѣдомился о своихъ дамахъ, ему отвѣтили, что онѣ тотчасъ послѣ его ухода велѣли отвезти себя на желѣзную дорогу и отправились съ почтовымъ поѣздомъ неизвѣстно куда. Вещи ихъ были уложены и счеты уплачены съ утра. Татьяна попросила Литвинова отнести письмо на почту, очевидно, съ цѣлію удалить его. Онъ попытался спросить цивеницара: не оставили ли эти дамы на его имя записки; но цивеницарь отвѣчалъ отрицательно, и даже изумился; видно было, что и ему этотъ внезапный отъѣздъ съ наймомъ за недѣлю квартиры казался сомнительнымъ и страннымъ. Литвиновъ повернулся къ нему спиной и заперся у себя въ комнатѣ.

Онъ не выходилъ изъ нея до слѣдующаго дня; большую часть ночи онъ просидѣлъ за столомъ, писалъ и рвалъ на-

писанное... Заря уже занималась, когда онъ окончилъ свою работу,—то было письмо къ Ирин'Ѣ.

XXIII.

Вотъ что стояло въ этомъ письм'Ѣ къ Ирин'Ѣ:

„Моя невѣста уѣхала вчера; мы съ ней никогда больше не увидимся... я даже не знаю навѣрное, гд'Ѣ она жить будетъ. Она унесла съ собою все, что мнѣ до сихъ поръ казалось желаннымъ и дорогимъ; всѣ мои предположенія, планы, намѣренія исчезли вмѣстѣ съ нею; самые труды мои пропали, продолжительная работа обратилась въ ничто, всѣ мои занятія не имѣютъ никакого смысла и примѣненія; все это умерло; мое я, мое прежнее я умерло и похоронено со вчерашняго дня. Я это ясно чувствую, вижу, знаю... И нисколько объ этомъ не жалѣю. Не для того, чтобы жаловаться, заговорилъ я объ этомъ съ тобою, . Мнѣ ли жаловаться, когда ты меня любишь, Ирина! Я только хотѣлъ сказать тебѣ, что изъ всего этого мертваго прошлаго, изо всѣхъ этихъ — въ дымъ и прахъ обратившихся — начинаній и надеждъ, осталось одно живое, несокрушимое: моя любовь къ тебѣ. Кромѣ этой любви у меня ничего нѣтъ и не осталось; назвать ее моимъ единственнымъ сокровищемъ было бы не достаточно; я весь въ этой любви, эта любовь — весь я; въ ней мое будущее, мое призваніе, моя святыня, моя родина! Ты меня знаешь, Ирина, ты знаешь, что всякая фраза мнѣ чужда и противна, и какъ ни сильны слова, въ которыхъ я стараюсь выразить мое чувство, ты не заподозришь ихъ искренности, ты не найдешь ихъ преувеличенными. Не мальчикъ въ порывѣ минутнаго гнѣва лепечетъ передъ тобою необдуманныя клятвы, а человѣкъ уже испытанный лѣтами — просто и прямо, чуть не съ ужасомъ, высказываетъ то, что онъ призналъ несомнѣнною правдой. Да, любовь твоя все для меня замѣнила — все, все!

Суди же сама: могу ли я оставить это *все* въ рукахъ другого, могу ли я позволить ему располагать тобою? Ты, ты будешь принадлежать ему, все существо мое, кровь моего сердца будетъ принадлежать ему,—а я самъ... гдѣ я? что я? Въ сторонѣ, зрителемъ... зрителемъ собственной жизни! Нѣтъ, это невозможно, невозможно! Участвовать, украдкой участвовать въ томъ, безъ чего не зачѣмъ, невозможно *жить*,... это ложь и смерть. Я знаю, какой великой жертвы я требую отъ тебя, не имѣя на то никакого права; да и что можетъ дать право на жертву? Но не изъ эгоизма поступаю я такъ: эгоисту было бы легче и спокойнѣе не поднимать вовсе этого вопроса. Да, требованія мои тяжелы, и я не удивлюсь, если они тебя испугаютъ.—Тебѣ ненавистны люди, съ которыми ты жить должна, ты тяготишься свѣтомъ, но въ силахъ ли ты бросить этотъ самый свѣтъ, растоптать цѣпи, которыми онъ тебя вѣнчалъ, возстановить противъ себя общественное мнѣніе, мнѣніе тѣхъ ненавистныхъ людей? Вопроси себя, Ирина, не бери на себя вину не по плечамъ.—Я не хочу упрекать тебя, но помни: ты уже разъ не устояла противъ обаянія. Я такъ мало могу тебѣ дать въ замѣнъ того, что ты потеряешь! Слушай же мое послѣднее слово: если ты не чувствуешь себя въ состояніи завтра же, сегодня же все оставить и уйдти вслѣдъ за мною—гордиться, какъ я смѣю говорю, какъ я себя не жалѣю,—если тебя страшитъ неизвѣстность будущаго, и отчужденіе, и одиночество, и порицаніе людское, если ты не надѣешься на себя, однимъ словомъ—скажи мнѣ это откровенно и безотлагательно, и я уйду: я уйду съ растерзанною душою, но благословлю тебя за твою правду. Если же ты, моя прекрасная, цѣломудренная царица, дѣйствительно полюбила такого маленькаго и темнаго человѣка, какова я, и дѣйствительно готова раздѣлить его участь,—ну, такъ дай мнѣ руку, и отправимся вмѣстѣ въ нашъ трудный путь! Только знай: мое рѣшеніе несомнѣнно: или все, или ничего! Это безумно,... но я

не могу иначе, не могу, Ирина! Я слишкомъ сильно тебя люблю.

Твой Г. А."

Письмо это не очень понравилось самому Литвинову; оно не совсѣмъ вѣрно и точно выражало то, что онъ хотѣлъ сказать: неловкія выраженія, то высокопарныя, то книжныя, попадались въ немъ, и увѣренъ конечно оно не было лучше многихъ другихъ, имъ изорванныхъ писемъ; но оно пришлось послѣднимъ, главное все-таки было высказано — и усталый, измученный, Литвиновъ не чувствовалъ себя способнымъ вылечь что нибудь другое изъ своей головы. Къ тому жъ, онъ не обладалъ умѣньемъ литературно изложить всю мысль, и, какъ есть люди, которымъ это не въ привычку, заботился о слогѣ. Первое его письмо было вѣроятно самымъ лучшимъ: оно горячѣе вылилось изъ сердца. Какъ бы то ни было, Литвиновъ отправилъ къ Ринѣ свое посланіе.

Она отвѣчала ему коротенькою запискою:

„Приходи сегодня ко мнѣ, писала она ему: *онъ* отлучился на цѣлый день. Твое письмо меня чрезвычайно взволновало. Я все думаю, думаю.... и голова кружится отъ думъ. Мнѣ очень тяжело, но ты меня любишь, и я счастлива. Приходи.

Твоя И.

Она сидѣла у себя въ кабинетѣ, когда Литвиновъ вошелъ къ ней. Его ввела та же тринадцатилѣтняя дѣвочка, которая наканунѣ караулила его на лѣстницѣ. На столѣ передъ Ириной стоялъ раскрытый, полукруглый картонъ съ кружевами; она разсѣянно перебирала ихъ одною рукой; въ другой она держала письмо Литвинова. Она только-что перестала плакать: рѣсницы ея смокли и вѣки припухли; на щекахъ виднѣлись слѣды невытертыхъ слезъ. Литвиновъ остановился на порогѣ: она не замѣтила его входа.

— Ты плачешь? — проговорилъ онъ съ изумленіемъ.

Она встрепенулась, провела рукой по волосамъ и улыбнулась.

— Отчего ты плачешь? — повторилъ Литвиновъ. Она молча показала ему на письмо. — Такъ ты отъ этого... — промолвилъ онъ съ разстановкой.

— Подойди сюда, сядь, — сказала — она, дай мнѣ руку. Ну да, я плакала... Чему же ты удивляешься? Развѣ *это* легко? Она опять указала на письмо.

Литвиновъ сѣлъ.

— Я знаю, что это не легко, Ирина, я то же самое говорю тебѣ въ моемъ письмѣ... Я понимаю твое положеніе. Но, если ты вѣришь въ значеніе твоей любви для меня, если слова мои тебя убѣдили, ты должна также понять, что я чувствую теперь при видѣ твоихъ слезъ. Я пришелъ сюда, какъ полсудимый, и жду: что мнѣ объявятъ? Смерть или жизнь? Твой отвѣтъ все рѣшитъ. Только не гляди на меня такими глазами... Они напоминаютъ мнѣ прежніе, московскіе глаза.

Ирина вдругъ покраснѣла и отвернулась, какъ будто сама чувствуя что-то неладное въ своемъ взорѣ.

— Что ты это говоришь, Григорій? Какъ не стыдно тебѣ! ты желаешь знать мой отвѣтъ... да развѣ ты можешь въ немъ сомнѣваться! Тебя смущаютъ мои слезы... но ты ихъ не понялъ. Твое письмо, другъ мой, навело меня на размышленія. Вотъ, ты пишешь, что моя любовь для тебя все замѣнила, что даже всѣ твои прежнія занятія теперь должны остаться безъ примѣненія; а я спрашиваю тебя, можетъ ли мужчина жить одною любовью? Не прискучитъ ли она ему наконецъ, не захочетъ ли онъ дѣятельности и не будетъ ли онъ пенять на то, что его отъ нея отвлекло? Вотъ какая мысль меня пугаетъ, вотъ чего я боюсь, а не то, что ты предполагалъ.

Литвиновъ внимательно поглядѣлъ на Ирину, и Ирина внимательно поглядѣла на него, точно каждый изъ нихъ желалъ глубже и дальше проникнуть въ душу другого, глубже и дальше того, чего можетъ достигнуть, что можетъ выдать слово.

— Ты напрасно этого боишься, — началъ Литвиновъ, — я должно быть дурно выразился. Скука? Бездѣйствіе? При тѣхъ новыхъ силахъ, которыя мнѣ дастъ твоя любовь? О, Ирина, повѣрь, въ твоей любви для меня цѣлый міръ, и я самъ еще не могу теперь предвидѣть все, что можетъ развиться изъ него!

Ирина задумалась.

— Куда же мы поѣдемъ? — шепнула она.

— Куда? Объ этомъ мы еще поговоримъ. Но, стало-быть... стало-быть, ты согласна, согласна? Ирина?

Она посмотрѣла на него. — И ты будешь счастливъ?

— О, Ирина!

— Ни о чемъ жалѣть не будешь? Никогда?

Она нагнулась къ картону съ кружевами и снова принялась перебирать ихъ.

— Не сердись на меня, мой милый, что я въ подобныя минуты занимаюсь этимъ вздоромъ... Я принуждена ѣхать на балъ къ одной дамѣ, мнѣ прислали эти тряпки, и я должна выбрать сегодня. Ахъ! мнѣ ужасно тяжело! — воскликнула она вдругъ, и приложилась лицомъ къ краю картона. Слезы свои закашлянь изъ ея глазъ... Она отвернулась: слезы могли попасть на кружева.

— Ирина, ты опять плачешь, — началъ съ безпокойствомъ Литвиновъ.

— Ну да, опять, — подхватила Ирина. — Ахъ, Григорій, не мучь меня, не мучь себя!.. Будемъ свободные люди! Что за вѣра, что я плачу! Да и я сама, понимаю ли я, отчего льются эти слезы? Ты знаешь, ты слышалъ мое рѣшеніе, ты увѣренъ, что оно не измѣнится, что я согласна на... какъ ты это сказалъ?.. на все или ничего... чего же еще? Будемъ свободны! Къ чему эти взаимныя цѣни? Мы теперь одни съ тобою, ты меня любишь, я люблю тебя; неужели нужно только и дѣла, что выпытывать другъ у друга наши мысли? Посмотри на меня, я не хотѣла рисоваться перед

тобою, я ни единымъ словомъ не намекнула о томъ, что мнѣ, можетъ-быть, не такъ-то легко было попрать супружескія обязанности... а я вѣдь себя не обманываю, я знаю, что я преступница, и что *онъ* въ правѣ меня убить. Ну, и что же! Будемъ свободны, говорю я. День нашъ—вѣкъ нашъ.

Она встала съ кресла и посмотрѣла на Литвинова сверху внизъ, чуть улыбаясь и щурясь и обнаженною до локтя рукою отводя отъ лица длинный локонъ, на которомъ блистали двѣ-три капли слезъ. Богатая кружевная косынка соскользнула со стола и упала на полъ, подъ ноги Ирины. Она презрительно наступила на нее. -Или я тебѣ не нравлюсь сегодня? Подурнѣла я со вчерашняго дня? Скажи мнѣ, часто видалъ ты болѣе красивую руку? А эти волосы? Скажи, любишь ты меня?

Она обхватила его обѣими руками, прижала его голову къ своей груди, гребень ея зазвенѣлъ и покатился, и разсыпавшіеся волосы обдали его пахучею и мягкою волной.

XXIV.

Литвиновъ расхаживалъ по комнатѣ у себя въ гостинницѣ, задумчиво потупивъ голову. Ему предстояло теперь перейти отъ теоріи къ практикѣ, изыскать средства и пути къ побѣгу, къ переселенію въ невѣдомые края... Но, странное дѣло! онъ не столько размышлялъ объ этихъ средствахъ и путяхъ, какъ о томъ, дѣйствительно ли, несомнѣнно ли состоялось рѣшеніе, на которомъ онъ такъ упорно настаивалъ? Было ли произнесено окончательное, безповоротное слово? Но вѣдь Ирина сказала ему при прощаніи: „Дѣлай, дѣлай, и когда будетъ готово, предувѣдомь только". Конечно! Въ сторону всѣ сомнѣнія... Надо приступить. И Литвиновъ приступилъ—пока—къ соображеніямъ. Прежде всего деньги. У Литвинова наличностью оказалось тысяча-тристадвадцать-восемь гульденовъ, на французскую монету—дѣ-

тысячи-восемь-сотъ пятьдесятъ-пять франковъ; сумма незначительная; но на первыя потребности хватитъ, а тамъ надо тотчасъ написать отцу, чтобъ онъ выслалъ сейчасъ возможно: продать бы здѣсь, часть земли... Но подъ какимъ предлогомъ?.. Ну, предлогъ найдется. Ирина говорила, правда, о своихъ bijoux, но это никакъ въ соображеніе принимать не слѣдуетъ: это, кто знаетъ, про черный день пригодится. Притомъ въ наличности находился также хорошій женевскій полухронометръ, за который можно получить... ну, хоть 400 франковъ. Литвиновъ отправился къ банкиру и завелъ обиняками рѣчь о томъ, что нельзя ли, при случаѣ, занять денегъ; но банкиры въ Баденѣ народъ травленый и осторожный, и въ отвѣтъ на подобные обиняки немедленно принимаютъ видъ преклонный и угрюмый, ни дать ни взять полевой цвѣтокъ, которому коса надрѣзала стебель; нѣкоторые же бодро и смѣло смѣются вамъ въ лицо, какъ бы сочувствуя вашей невинной шуткѣ. Литвиновъ, къ стыду своему, попыталъ даже счастье свое на рулеткѣ, даже — о, позоръ! — поставилъ талеръ на 30 нумеръ, соотвѣтствовавшій числу его лѣтъ. Онъ это сдѣлалъ въ мигахъ увеличенія и округленія капитала; и онъ дѣйствительно, если не увеличилъ, то округлилъ этотъ капиталъ, спустивъ изъ нихъ двадцать восемь гульденовъ. Второй вопросъ, тоже немаловажный: это паспортъ. Но для женщины паспортъ не такъ обязателенъ, и есть страны, гдѣ его вовсе не требуютъ. Бельгія, напримѣръ. Англія; наконецъ, можно и не русскій паспортъ достать. Литвиновъ очень серьезно размышлялъ обо всемъ этомъ; рѣшимость его была сильная, безъ малѣйшаго колебанія, а между тѣмъ, противъ его воли, мимо его воли, что то несерьезное, почти комическое, проступало, просачивалось сквозь его размышленія, точно самое его предпріятіе было дѣломъ шуточнымъ, и никто ни съ кѣмъ никогда не бѣгалъ въ увлетательности, а только въ комедіяхъ да романахъ, да, пожалуй, гдѣ-нибудь въ провин-

ціи, въ какомъ-нибудь чухломскомъ или сызранскомъ уѣздѣ, гдѣ, по увѣренію одного путешественника, людей со скуки даже рветъ подъ часъ. Пришло тутъ Литвинову на память, какъ одинъ изъ его пріятелей, отставной корнетъ Бацовъ, увезъ на ямской тройкѣ съ бубенчиками купеческую дочь, напоивъ предварительно родителей, да и самоё невѣсту, и какъ потомъ оказалось, что его же надули и чуть ли не приколотили въ добавокъ. Литвиновъ чрезвычайно сердился на самого себя за подобныя неумѣстныя воспоминанія, и тутъ же, вспомнивъ Татьяну, ея внезапный отъѣздъ, все это горе и страданіе и стыдъ, слишкомъ глубоко почувствовалъ, что дѣло онъ затѣялъ непутное, и какъ онъ былъ правъ, когда говорилъ Иринѣ, что для самой его чести другого исхода не оставалось.... И снова при одномъ этомъ имени что-то жгучее мгновенно, съ сладостной болью, обвилось и замерло вокругъ его сердца.

Конскій топотъ раздался за нимъ.... Онъ посторонился. Ирина верхомъ обогнала его; рядомъ съ нею ѣхалъ тучный генералъ. Она узнала Литвинова, кивнула ему головой, и ударивъ лошадь по боку хлыстикомъ, подняла ее въ галопъ, потомъ вдругъ пустила ее во всю прыть. Темный вуаль ея взвился по вѣтру....

— Pas si vite! Nom de Dieu! pas si vite!—закричалъ генералъ и тоже поскакалъ за нею.

XXV.

На другое утро Литвиновъ только что возвратился домой отъ банкира, съ которымъ еще разъ побесѣдовалъ объ игривомъ непостоянствѣ нашего курса и лучшемъ способѣ высылать за границу деньги, какъ швейцаръ вручилъ ему письмо. Онъ узналъ почеркъ Ирины, и не срывая печати—недоброе предчувствіе, Богъ знаетъ почему, проснулось въ

немъ,—унесъ къ себѣ въ комнату. Вотъ что прочелъ онъ (письмо было написано по французски).

„Милый мой! я всю ночь думала о твоемъ предложеніи... я не стану съ тобой лукавить. Ты былъ откровенъ со мною, и я буду откровенна: я не *могу* бѣжать съ тобою, я не *въ силахъ* это сдѣлать. Я чувствую, какъ я передъ тобой виновата, вторая моя вина еще больше первой—я презираю себя, свое малодушіе, я осыпаю себя упреками, но я не могу себя перемѣнить. Напрасно я доказываю самой себѣ, что я разрушила твое счастіе, что ты теперь точно въ правѣ видѣть во мнѣ одну легкомысленную кокетку, что я сама вызвалась, сама дала тебѣ торжественныя обѣщанія... Я ужасаюсь, я чувствую ненависть къ себѣ, но я не могу поступать иначе, не могу, не могу. Я не хочу оправдываться, не стану говорить тебѣ, что я сама была увлечена.... все это ничего не значитъ; но я хочу сказать тебѣ и повторить, и повторить еще разъ: я твоя, твоя навсегда, располагай мною какъ хочешь, когда хочешь, безотвѣтно и безотчетно, я твоя... Но бѣжать, все бросить.... нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Я умоляла тебя спасти меня, я сама надѣялась все изгладить, сжечь все какъ въ огнѣ... но видно, мнѣ нѣтъ спасенія; видно, я въ слишкомъ глубо проникъ въ меня; видно, не дано безнаказанно въ теченіи многихъ лѣтъ дышать этимъ воздухомъ! Я долго колебалась, писать ли тебѣ это письмо, мнѣ страшно подумать, какое ты примешь рѣшеніе, я надѣюсь только на любовь твою ко мнѣ. Но я сочла, что было бы безчестнымъ съ моей стороны не сказать тебѣ правды—тѣмъ болѣе, что ты, быть-можетъ, уже началъ принимать первыя мѣры къ исполненію нашего замысла. Ахъ! онъ былъ прекрасенъ, но несбыточенъ. О, мой другъ, считая меня пустою, слабою женщиной, презирая меня, но не покидай меня, не покидай твоей Ирины.... Оставить этотъ свѣтъ я не въ силахъ, но и жить въ немъ безъ тебя не могу. Мы скоро вернемся въ Петербургъ, пріѣзжай туда, живи тамъ, мы

найдемъ тебѣ занятія, твои прошедшіе труды не пропадутъ, ты найденъ для нихъ полезное примѣненіе... только живи въ моей близости, только люби меня, какова я есть, со всѣми моими слабостями и пороками, и знай, ничье сердце никогда не будетъ такъ нѣжно тебѣ предано, какъ сердце твоей Ирины. Приходи скорѣе ко мнѣ, я не буду имѣть минуты спокойствія, пока я тебя не увижу.

„Твоя, твоя, твоя, И.“.

Молотомъ ударила кровь въ голову Литвинова, а потомъ медленно и тяжело опустилась на сердце, и такъ камнемъ въ немъ и застыла. Онъ перечелъ письмо Ирины и, какъ въ тотъ разъ въ Москвѣ, въ изнеможеніи упалъ на диванъ и остался неподвижнымъ. Темная бездна внезапно обступила его со всѣхъ сторонъ, и онъ глядѣлъ въ эту темноту безсмысленно и отчаянно. Итакъ, опять, опять обманъ, или нѣтъ, хуже обмана — ложь и пошлость .. И жизнь разбита, все вырвано съ корнемъ, до тла, и то единственное, за которое еще можно было ухватиться—та послѣдняя опора—въ дребезги тоже! „Поѣзжай за нами въ Петербургъ“, - повторялъ онъ съ горькимъ внутреннимъ хохотомъ: „мы тебѣ тамъ найдемъ занятія“... „Въ столоначальники, что ли, меня произведутъ? И кто эти *мы*! Вотъ когда сказалось ея прошедшее! Вотъ то тайное, безобразное, котораго я не знаю, но которое она пыталась-было изгладить и сжечь какъ бы въ огнѣ! Вотъ тотъ міръ интригъ, тайныхъ отношеній, исторій Бѣльскихъ, Дольскихъ... И какая будущность, какая прекрасная роль меня ожидаетъ! Жить въ ея близости, посѣщать ее, дѣлить съ ней развращенную меланхолію модной дамы, которая и тяготится, и скучаетъ свѣтомъ, а внѣ его круга существовать не можетъ, быть домашнимъ другомъ ея, и, разумѣется, его превосходительства... пока... пока минетъ капризъ, и пріятель-плебей потеряетъ свою пикантность, и тотъ же тучный генералъ или господинъ Финиковъ его замѣнитъ, — вотъ это возможно и пріятно и, по-

жалуй, полезно... говорить же она о полезномъ примѣненіи моихъ талантовъ? — а тотъ умыселъ несбыточенъ! несбыточенъ!..“ Въ душѣ Литвинова поднимались, какъ мгновенные удары вѣтра передъ грозой, внезапные, бѣшеные порывы... Каждое выраженіе въ письмѣ Ирины возбуждало его негодованіе, самыя увѣренія ея въ неизмѣнности ея чувства оскорбляли его. „Этого нельзя такъ оставить“, — воскликнулъ онъ наконецъ, „я не позволю ей такъ безжалостно играть моею жизнью“...

Литвиновъ вскочилъ, схватилъ шляпу. Но что было дѣлать? Бѣжать къ ней? Отвѣчать на ея письмо? Онъ остановился и опустилъ руки.

Да: что было дѣлать?

Не самъ ли онъ предложилъ ей тотъ роковой выборъ? Онъ вналъ не такъ, какъ ему хотѣлось... всякій выборъ подверженъ этой бѣдѣ. Она измѣнила свое рѣшеніе, правда; она сама, первая, объявила, что броситъ все и послѣдуетъ за нимъ, правда и то; но она и не отрицаетъ своей вины, она прямо называетъ себя слабою женщиной; она не хотѣла обмануть его, она сама въ себѣ обманулась... Что на это возразить? Но крайней мѣрѣ она не притворяется, не лукавитъ... она откровенна съ нимъ, безпощадно откровенна. Ничто не заставляло ее тотчасъ высказываться, ничто не мѣшало ей успокоивать его обѣщаніями, оттягивать и оставлять все въ неизвѣстности до самаго отъѣзда... до отъѣзда съ мужемъ въ Италію! Но она жизнь его загубила, она двѣ жизни загубила!.. Мало ли чего нѣтъ!

А передъ Татьяной виновата не она, виноватъ онъ, одинъ онъ, Литвиновъ, и не имѣетъ онъ права стряхивать съ себя ту отвѣтственность, которую желѣзнымъ ярмомъ на него наложила его вина... Все такъ; но что же теперь оставалось дѣлать?

Онъ снова бросился на диванъ, и снова темно, и глухо, и безсвѣдно, съ пожирающею быстротой побѣжали мгновенія...

„А не-то послушаться ея?“ — мелькнуло въ его головѣ. „Она меня любитъ, она моя, и въ самомъ нашемъ влеченіи другъ къ другу, въ этой страсти, которая, послѣ стольких лѣтъ, съ такой силой пробилась и вырвалась наружу, нѣтъ ли чего-то неизбѣжнаго, неотразимаго, какъ законъ природы? Жить въ Петербургѣ... да развѣ я первый буду находиться въ такомъ положеніи? Да и гдѣ бы мы пріютились съ ней?...“

И онъ задумался и образъ Ирины въ томъ видѣ, въ какомъ онъ на вѣкъ напечатлѣлся въ его послѣднихъ воспоминаніяхъ, тихо предсталъ передъ нимъ...

Но не надолго... Онъ опомнился и съ новымъ порывомъ негодованія оттолкнулъ прочь отъ себя и тѣ воспоминанія, и тотъ обаятельный образъ.

„Ты мнѣ даешь пить изъ этой золотой чаши,—воскликнулъ онъ,—но ядъ въ твоемъ питьѣ, и грязью осквернены твои бѣлыя крылья... Прочь! Оставаться здѣсь съ тобою, послѣ того, какъ я... проглядѣть, проглядѣть мою невѣсту... безчестное, безчестное дѣло!“ Онъ стиснулъ горестно руки, и другое лицо, съ печатью страданья на неподвижныхъ чертахъ, съ безмолвнымъ укоромъ въ проницательномъ взорѣ, возникло изъ глубины...

И долго такъ еще мучился Литвиновъ; долго, какъ трудно больной, металась изъ стороны въ сторону его истерзанная мысль... Онъ утихъ, наконецъ; онъ наконецъ рѣшился. Съ самой первой минуты онъ предчувствовалъ это рѣшеніе... оно явилось ему сначала какъ отдаленная, едва замѣтная точка среди вихря и мрака внутренней борьбы; потомъ оно стало надвигаться все ближе и ближе и кончило тѣмъ, что врѣзалось холоднымъ лезвіемъ въ его сердце.

Литвиновъ снова вытащилъ свой чемоданъ изъ угла, снова уложилъ, не торопясь и даже съ какою-то тупою заботливостью, всѣ свои вещи, позвонилъ кельнера, расплатился и отправилъ къ Иринѣ записку на русскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

„Не знаю, больше ли вы теперь передо мной виноваты, чѣмъ тогда; но знаю, что теперешній ударъ гораздо сильнѣе... Это конецъ. Вы мнѣ говорите: „я не могу"; и я вамъ повторяю тоже: я не могу... того, что вы хотите. Не могу и не хочу. Не отвѣчайте мнѣ. Вы не въ состояніи дать мнѣ единственный отвѣтъ, который я бы принялъ. Я уѣзжаю завтра рано съ первымъ поѣздомъ. Прощайте, будьте счастливы... Мы, вѣроятно, больше не увидимся".

Литвиновъ до самой ночи не выходилъ изъ своей комнаты; ждалъ ли онъ чего, Богъ вѣдаетъ! Около семи часовъ вечера дама въ черной мантильѣ, съ вуалемъ на лицѣ, два раза подходила къ крыльцу его гостиницы. Отойдя немного въ сторону и поглядѣвъ куда-то вдаль, она вдругъ сдѣлала рѣшительное движеніе рукой и въ третій разъ направилась къ крыльцу...

— Куда вы, Ирина Павловна? —раздался сзади ея чей-то напряженный голосъ.

Она обернулась съ судорожною быстротой... Потугинъ бѣжалъ къ ней.

Она остановилась, подумала, и такъ и бросилась къ нему, взяла его подъ руку и увлекла въ сторону.

— Уведите, увезите меня,—твердила она, задыхаясь.

— Что съ вами, Ирина Павловна? —пробормоталъ онъ, изумленный.

— Уведите меня,—повторила она съ удвоенною силой,—если вы не хотите, чтобъ я навсегда осталась... тамъ!

Потугинъ наклонилъ покорно голову, и оба поспѣшно удалились.

На слѣдующее утро, рано, Литвиновъ уже совсѣмъ собрался въ дорогу, въ комнату къ нему вошелъ... тотъ же Потугинъ.

Онъ молча приблизился къ нему и молча пожалъ ему руку. Литвиновъ тоже ничего не сказалъ. У обоихъ были блѣдныя лица, и оба напрасно старались улыбнуться.

— Я пришелъ пожелать вамъ счастливаго пути.—промолвилъ наконецъ Потугинъ.

— А почему вы знаете, что я уѣзжаю сегодня?—спросилъ Литвиновъ.

Потугинъ поглядѣлъ вокругъ себя по полу... — Мнѣ это стало извѣстнымъ... какъ видите. Нашъ послѣдній разговоръ получилъ наконецъ такое странное направленіе... Я не хотѣлъ разстаться съ вами, не выразивъ вамъ моего искренняго сочувствія.

— Вы сочувствуете мнѣ теперь... когда я уѣзжаю?

Потугинъ печально посмотрѣлъ на Литвинова.—Ахъ, Григорій Михайлычъ, Григорій Михайлычъ,—началъ онъ съ короткимъ вздохомъ, — не до того намъ теперь, не до тонкостей и пренираній. Вы вотъ, сколько я могъ замѣтить, довольно равнодушны къ родной словесности и потому, быть можетъ, не имѣете понятіе о Васькѣ Буслаевѣ?

— О комъ?

— О Васькѣ Буслаевѣ, новгородскомъ удальцѣ... въ сборникѣ Кирши Данилова.

— Какой Буслаевъ?—промолвилъ Литвиновъ, нѣсколько озадаченный такимъ неожиданнымъ оборотомъ рѣчи.—Я не знаю.

— Ну, все равно. Такъ вотъ я на что хотѣлъ обратить ваше вниманіе. Васька Буслаевъ, послѣ того какъ увелъ своихъ новгородцевъ на богомолье въ Іерусалимъ и тамъ, въ ужасу ихъ, выкупался нагимъ тѣломъ въ святой рѣкѣ Іорданѣ, ибо не вѣрилъ „ни въ чохъ, ни въ сонъ, ни въ птичій грай", —этотъ логическій Васька Буслаевъ взлѣзаетъ на гору Оаворъ, а на вершинѣ той горы лежитъ большой камень, черезъ который всякаго роду люди напрасно пытались перескочить... Васька хочетъ тоже свое счастье извѣдать. И попадается ему на дорогѣ мертвая голова, человѣчья кость; онъ пихаетъ ее ногой. Ну, и говоритъ ему голова: „Что ты пихаешься? Умѣлъ я жить, умѣю и въ пыли валяться — и

тебѣ то же будетъ". И точно: Васька прыгаетъ черезъ камень, и совсѣмъ было перескочилъ, да каблукомъ задѣлъ и голову себѣ сломилъ. И тутъ я кстати долженъ замѣтить, что друзьямъ моимъ славянофиламъ, великимъ охотникамъ пихать ногою всякія мертвыя головы да гнилые народы, не худо бы призадуматься надъ этою былиной.

— Да къ чему все это?—перебилъ наконецъ съ нетерпѣніемъ Литвиновъ.—Мнѣ пора, извините...

— А къ тому,—отвѣчалъ Потугинъ, и глаза его засвѣтились такимъ дружелюбнымъ чувствомъ, какого Литвиновъ даже не ожидалъ отъ него, — къ тому, что вотъ вы не отталкиваете мертвой человѣчьей головы и вамъ, быть можетъ, за вашу доброту и удастся перескочить черезъ роковой камень. Не стану я васъ больше удерживать, только вы позвольте обнять васъ на прощанье.

— Я и пытаться не буду прыгать,—промолвилъ Литвиновъ, троекратно цѣлуясь съ Потугинымъ, и къ скорбнымъ ощущеніямъ, переполнявшимъ его душу, примѣшалось на мигъ сожалѣніе объ оставленномъ горемыкѣ. Но надо ѣхать. Ѣхать... Онъ заметался по комнатѣ.

— Хотите, я вамъ понесу что-нибудь? — предложилъ свои услуги Потугинъ.

— Нѣтъ, благодарствуйте, не безпокойтесь, я самъ... Онъ надѣлъ шапку, взялъ въ руки мѣшокъ. — Итакъ, вы говорите,—спросилъ онъ, уже стоя на порогѣ,—вы видѣли ее?

— Да, видѣлъ.

— Ну... и что же она?

Потугинъ помолчалъ. — Она васъ ждала вчера... и сегодня ждать васъ будетъ.

— А! Ну, такъ скажите ей... Нѣтъ, не нужно, ничего не нужно. Прощайте... Прощайте!

— Прощайте, Григорій Михайлычъ... Дайте мнѣ еще вамъ слово сказать. Вы еще успѣете меня выслушать: до отхода желѣзной дороги осталось больше получаса. Вы воз-

вращаетесь въ Россіи... Вы будете тамъ.... со временемъ... дѣйствовать ... Позвольте же старому болтуну—ибо я, увы! болтунъ и больше ничего, — дать вамъ напутственный совѣтъ. Всякій разъ, когда вамъ придется приниматься за дѣло, спросите себя: служите ли вы цивилизаціи—въ точномъ и строгомъ смыслѣ слова,—проводите ли одну изъ ея идей, имѣетъ ли вашъ трудъ тотъ педагогическій, европейскій характеръ, который единственно полезенъ и плодотворенъ въ наше время, у насъ? Если такъ—идите смѣло впередъ: вы на хорошемъ пути, и дѣло ваше—благое! Слава Богу! Вы не одни теперь. Вы не будете „свѣтломъ пустынным"; завелись уже и у насъ труженики... піонеры... Но вамъ теперь не до того.—Прощайте, не забывайте меня!

Литвиновъ бѣгомъ спустился съ лѣстницы, бросился въ карету и доѣхалъ до желѣзной дороги, не оглянувшись ни разу на городъ, гдѣ осталось столько собственной жизни... Онъ какъ будто отдался волнѣ: она подхватила его, понесла и онъ твердо рѣшился не противиться ея теченію.... отъ всякаго другого изъявленія воли онъ отказался.

Онъ уже садился въ вагонъ.

— Григорій Михайловичъ.... Григорій.... послышался за его спиной умоляющій шопотъ.

Онъ вздрогнулъ.... Неужели Ирина? Точно: она. Закутанная въ шаль своей горничной, съ дорожною шляпою на неубранныхъ волосахъ, она стоитъ на платформѣ и глядитъ на него почернѣвшими глазами. „Вернись, вернись, я пришла за тобой", говорятъ эти глаза. И чего, чего не сулятъ они! Она не движется, не въ силахъ прибавить слово: все въ ней, самый безпорядокъ ея одежды, все какъ бы проситъ пощады....

Литвиновъ едва устоялъ на ногахъ, едва не бросился къ ней... Но та волна, которой онъ отдался, взяла свое... Онъ вскочилъ въ вагонъ и, обернувшись, указалъ Иринѣ на мѣсто возлѣ себя. Она поняла его. Время еще не ушло.

Одинъ только шагъ, одно движеніе, и умчались бы въ невѣдомую даль двѣ навсегда соединенныя жизни.... Пока она колебалась, раздался громкій свистъ, и поѣздъ двинулся.

Литвиновъ откинулся назадъ, а Ирина подошла, шатаясь, къ скамейкѣ и упала на нее, къ великому изумленію запитатнаго дипломата, случайно забореднаго на желѣзную дорогу. Онъ мало былъ знакомъ съ Ириной, но очень ею интересовался, и увидавъ, что она лежитъ какъ въ забытьи, подумалъ, что съ ней случилась „une attaque de nerfs“, а потому счелъ своимъ долгомъ, долгомъ d'un galant chevalier, придти ей на помощь. Но изумленіе его приняло гораздо большіе размѣры, когда, при первомъ словѣ, къ ней обращенномъ, она вдругъ поднялась, оттолкнула предложенную руку, и, выбѣжавъ на улицу, черезъ нѣсколько мгновеній исчезла въ молочной мглѣ тумана, столь свойственнаго шварцвальдскому климату въ первые осенніе дни.

XXVI.

Намъ случилось однажды войти въ избу крестьянки, только-что потерявшей единственнаго, горячо любимаго сына, и, къ немалому нашему удивленію, найти ее совершенно спокойною, чуть не веселою. — „Не замайте“, — сказалъ ея мужъ, отъ котораго, вѣроятно, не скрылось это удивленіе: — „она теперь закостенѣла“. — И Литвиновъ такъ же „закостенѣлъ“. Такое же спокойствіе нашло на него въ первые часы путешествія. Совершенно уничтоженный и безнадежно несчастный, онъ однако отдыхалъ, отдыхалъ послѣ тревогъ и терзаній послѣдней недѣли, послѣ всѣхъ этихъ ударовъ, разъ за разомъ обрушившихся на его голову. Они тѣмъ сильнѣе его потрясли, тѣмъ менѣе онъ былъ созданъ для подобныхъ бурь. Онъ уже точно ни на что не надѣялся теперь, и старался не вспоминать — пуще всего не вспо-

минать; онъ ѣхалъ въ Россію.... надо же было куда-нибудь дѣваться! но уже никакихъ, лично до собственной особы касающихся, предположеній не дѣлалъ. Онъ не узнавалъ себя; онъ не понималъ своихъ поступковъ, точно онъ свое настоящее „я“ утратилъ да и вообще онъ въ этомъ „я“ мало принималъ участія. Иногда ему сдавалось, что онъ собственный трупъ везетъ, и лишь пробѣгавшія изрѣдка горькія судороги неизлечимой душевной боли напоминали ему, что онъ еще носится съ жизнью. Но временамъ ему казалось непостижимымъ, какимъ образомъ можетъ мужчина—мужчина! -допустить такое вліяніе на себя женщины, любви... „постыдная слабость!“ шепталъ онъ и встряхивалъ шинелью и наконецъ успокоивался: вотъ, дескать, старое кончено, начнемъ новое....—минута, и онъ только улыбался горько и дивился самому себѣ. Онъ принялся глядѣть въ окно. День стоялъ сѣрый и сырой; дождя не было, но туманъ еще держался, и низкія облака заволокли небо. Вѣтеръ дулъ на встрѣчу поѣзду; обѣловатые клубы пара, то одни, то смѣшанные съ другими, болѣе темными клубами дыма, мчались безконечною вереницей мимо окна, подъ которымъ сидѣлъ Литвиновъ. Онъ сталъ слѣдить за этимъ паромъ, за этимъ дымомъ. Безпрерывно извиваясь, поднимаясь и падая, крутясь и цѣпляясь за траву, за кусты, какъ бы кривляясь, вытягиваясь и тая, неслись клубы за клубами... они непрестанно мѣнялись и оставались тѣ же.... однообразная, торопливая, скучная игра! Иногда вѣтеръ мѣнялся, дорога уклонялась—вся масса вдругъ исчезала и тотчасъ же видѣлась въ противоположномъ окнѣ; потомъ опять перебрасывался громадный хвостъ, и опять застилалъ Литвинову видъ широкой приренской равнины. Онъ глядѣлъ-глядѣлъ, и странное нашло на него размышленіе.... Онъ сидѣлъ одинъ въ вагонѣ: никто не мѣшалъ ему.—„Дымъ, дымъ“,—повторилъ онъ нѣсколько разъ: и все вдругъ показалось ему дымомъ, все, собственная жизнь, русская жизнь—все людское, осо-

бенно все русское. Все дымъ и паръ, — думалъ онъ; — все какъ будто безпрестанно мѣняется, всюду новые образы, явленія бѣгутъ за явленіями, а въ сущности все тоже да тоже: все торопится, спѣшитъ куда-то — и все исчезаетъ безслѣдно, ничего не достигая; другой вѣтеръ подулъ — и бросилось все въ противоположную сторону, и тамъ опять та же безустанная, тревожная и — ненужная игра. Вспомнилось ему многое, что̀ съ громомъ и трескомъ совершалось на его глазахъ въ послѣдніе годы... дымъ, — шепталъ онъ, — дымъ; вспомнились горячіе споры, толки и крики у Губарева, у другихъ, высоко и низко-поставленныхъ, передовыхъ и отсталыхъ, старыхъ и молодыхъ людей.... дымъ, — повторялъ онъ, — дымъ и паръ; вспомнился, наконецъ, и знаменитый пикникъ, вспомнились и другія сужденія и рѣчи другихъ государственныхъ людей — и даже все то, что̀ проповѣдывалъ Потугинъ... дымъ, дымъ и больше ничего. А собственныя стремленія и чувства, и попытки, и мечтанія? Онъ только рукой махнулъ.

А между тѣмъ поѣздъ бѣжалъ да бѣжалъ; уже давно и Раштаттъ, и Карлсруэ, и Брухзаль остались назади; горы съ правой стороны дороги сперва отклонились, ушли въ даль, потомъ надвинулись опять, но уже не столь высокія и рѣже покрытыя лѣсомъ.... Поѣздъ круто повернулъ въ сторону.... вотъ и Гейдельбергъ. Вагоны подкатились подъ навѣсъ станціи; раздались крики разнощиковъ, продающихъ всякіе, даже русскіе журналы; путешественники завозились на своихъ мѣстахъ, вышли на платформу! но Литвиновъ не покидалъ своего уголка и продолжалъ сидѣть, потупивъ голову. Вдругъ кто-то назвалъ его по имени; онъ поднялъ глаза; рожа Биндасова просунулась въ окно, а за нимъ — или это ему только померещилось? — нѣтъ, точно: всё баденскія, знакомыя лица: вотъ Суханчикова, вотъ Ворошиловъ, вотъ и Бамбаевъ, всѣ они подвигаются къ нему — а Биндасовъ оретъ:

— А гдѣ же Нищалкинъ? Мы его ждали; но все равно; выѣзжай, сосюля, мы всѣ къ Губареву.

— Да, братецъ, да. Губаревъ насъ ждетъ, подтвердилъ, выдвигаясь, Бамбаевъ,—выѣзжай.

Литвиновъ разсердился бы, еслибъ не то мертвое бремя, которое лежало у него на сердцѣ. Онъ глянулъ на Биндасова и отвернулся молча.

— Говоритъ вамъ, здѣсь Губаревъ,—воскликнула Сухančикова, и глаза ея чуть не выскочили.

Литвиновъ не пошевелился.

— Да, послушай.. Литвиновъ,—заговорилъ наконецъ Бамбаевъ,—здѣсь не одинъ только Губаревъ, здѣсь цѣлая фаланга отличнѣйшихъ, умнѣйшихъ молодыхъ людей, русскихъ—и всѣ занимаются естественными науками, всѣ съ такими благороднѣйшими убѣжденіями! Помилуй, ты для нихъ хоть останься. Здѣсь есть, напримѣръ, нѣкто... ахъ! фамилію забылъ! но это, просто, геній!

— Да бросьте его, бросьте его, Ростиславъ Аркадіичъ, вмѣшалась Сухančикова,—бросьте! Вы видите, что онъ за человѣкъ; и весь его родъ такой. Тетка у него есть: сначала мнѣ показалась путною, а третьяго дня ѣду я съ ней сюда—она передъ тѣмъ только что пріѣхала въ Баденъ, и глядь! уже назадъ летитъ,—ну-съ, ѣду я съ ней: стала ее разспрашивать... Повѣрите ли, слова отъ гордячки не добилась. Аристократка противная!

Бѣдная Капитолина Марковна—аристократка! Ожидала ли она подобнаго посрамленія?!

А Литвиновъ все молчалъ, и отвернулся, и фуражку на глаза надвинулъ. Ноздрь тронулся наконецъ.

— Да скажи хоть что-нибудь на прощанье, каменный ты человѣкъ!—закричалъ Бамбаевъ.—Этакъ вѣдь нельзя!

— Дрянь! поганка!—загоготалъ Биндасовъ. Вагоны катились все тише, и тише, и онъ могъ безнаказанно ругаться.—Скряга! сквернякъ! каплюжникъ!!

Изобрѣлъ ли Биндасовъ на мѣстѣ это послѣднее наименованіе, перешло ли оно къ нему изъ другихъ рукъ, только оно, повидимому, очень понравилось двумъ тутъ же стоявшимъ благороднѣйшимъ молодымъ людямъ, изучавшимъ естественныя науки, ибо нѣсколько дней спустя оно уже появилось въ русскомъ періодическомъ листкѣ, издававшемся въ то время въ Гейдельбергѣ подъ заглавіемъ: *„Il faut croire je crache!* или: „Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ“ *).

А Литвиновъ опять затвердилъ свое прежнее слово: дымъ дымъ, дымъ! Вотъ, думалъ онъ, въ Гейдельбергѣ теперь болѣе сотни русскихъ студентовъ; всѣ учатся химіи, физикѣ, физіологіи—ни о чемъ другомъ и слышать не хотятъ... а пройдетъ пять-шесть лѣтъ, и пятнадцати человѣкъ на курсахъ не будетъ, у тѣхъ же знаменитыхъ профессоровъ... вѣтеръ перемѣнится, дымъ хлынетъ въ другую сторону. .. дымъ... дымъ... дымъ! **).

Къ ночи онъ проѣхалъ мимо Касселя. Вмѣстѣ съ темнотой, тоска несносная кошмаромъ на него спустилась, и онъ заплакалъ, забившись въ уголъ вагона. Долго текли его слезы, не облегчая сердца, но какъ-то ѣдко и горестно терзая его; а въ то же время въ одной изъ гостинницъ Касселя, на постелѣ, въ жару горячки лежала Татьяна; Капитолина Марковна сидѣла возлѣ нея.

— Таня,—говорила она,—ради Бога, позволь мнѣ послать телеграмму къ Григорію Михайловичу; позволь, Таня!

— Нѣтъ, тетя,—отвѣчала она,—не надо, не пугайся. Дай мнѣ воды; это скоро пройдетъ.

И дѣйствительно, недѣлю спустя здоровье ея поправилось, и обѣ подруги продолжали свое путешествіе.

---

*) Историческій фактъ.

**) Предчувствія Литвинова сбылись. Въ 1865 году было въ Гейдельбергѣ учащихся русскихъ въ лѣтній семестръ 13, а въ зимній 12.

XXVII.

Не останавливаясь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, Литвиновъ вернулся въ свое помѣстье. Онъ испугался, увидавъ отца: до того тотъ похилѣлъ и опустился. Старикъ обрадовался сыну, насколько можетъ радоваться человѣкъ, уже покончившій съ жизнью; тотчасъ сдалъ ему всѣ, сильно разстроенныя дѣла и, поскрипѣвъ еще нѣсколько недѣль, сошелъ съ земного поприща. Литвиновъ остался одинъ въ своемъ ветхомъ господскомъ флигелькѣ и съ тяжелымъ сердцемъ, безъ надежды, безъ рвенія и безъ денегъ,—началъ хозяйничать. Хозяйничанье въ Россіи невеселое, слишкомъ многимъ извѣстное дѣло; мы не станемъ распространяться о томъ, какъ солоно оно показалось Литвинову. О преобразованіяхъ и нововведеніяхъ, разумѣется, не могло быть и рѣчи; примѣненіе пріобрѣтенныхъ за границею свѣдѣній отодвинулось на неопредѣленное время; нужда заставляла перебиваться со дня-на-день, соглашаться на всякія уступки—и существенныя, и нравственныя. Новое принималось плохо, старое всякую силу потеряло; неумѣлый сталкивался съ недобросовѣстнымъ; весь поколебленный бытъ ходилъ ходуномъ, какъ трясина болотная, и только одно великое слово: „свобода" носилось какъ Божій духъ надъ водами. Терпѣніе требовалось прежде всего, и терпѣніе не страдательное, а дѣятельное, настойчивое, не безъ сноровки, не безъ хитрости подчасъ... Литвинову, при душевномъ его настроеніи, приходилось вдвойнѣ тяжело. Охоты жить въ немъ оставалось мало... Откуда же было взяться охотѣ хлопотать и работать?

Но минулъ годъ, за нимъ минулъ другой, начинался третій. Великая мысль осуществлялась понемногу, переходила въ кровь и плоть: выступилъ ростокъ изъ брошеннаго сѣмени; и уже не растоптать его врагамъ—ни явнымъ, ни тайнымъ! Самъ Литвиновъ, хотя кончилъ тѣмъ, что отдалъ

бо̀льшую часть земли крестьянамъ изъ-полу, то-есть обратился къ убогому, первобытному хозяйству, однако кой въ чемъ успѣлъ: возобновилъ фабрику, завелъ крошечную ферму съ пятью вольнонаемными работниками, — а перебывало ихъ у него цѣлыхъ сорокъ,—расплатился съ главными частными долгами... И духъ въ немъ окрѣпъ: онъ снова сталъ походить на прежняго Литвинова. Правда, грустное, глубоко затаенное чувство не покидало его никогда, и затихъ онъ не по лѣтамъ, замкнулся въ свой тѣсный кружокъ, прекратилъ всѣ прежнія сношенія... но исчезло мертвенное равнодушіе, и среди живыхъ онъ снова двигался и дѣйствовалъ какъ живой. Исчезли также и послѣдніе слѣды овладѣвшаго имъ очарованія: какъ сквозь сонъ являлось ему все, что̀ произошло въ Баденѣ... А Ирина? И она поблѣднѣла и скрылась тоже, и только смутно чуялось Литвинову что-то опасное подъ туманомъ, постепенно окутавшимъ ея образъ. О Татьянѣ изрѣдка доходили вѣсти; онъ зналъ, что она вмѣстѣ съ своею теткой поселилась въ своемъ имѣньицѣ, верстахъ въ двухъ стахъ отъ него, живетъ тихо, мало выѣзжаетъ и почти не принимаетъ гостей, — а впрочемъ покойна и здорова. Вотъ, однажды, въ прекрасный майскій день, сидѣлъ онъ у себя въ кабинетѣ и безучастно перелистывалъ послѣдній нумеръ петербургскаго журнала; слуга вошелъ къ нему и доложилъ о пріѣздѣ старика дяди. Дядя этотъ доводился двоюроднымъ братомъ Капитолинѣ Марковнѣ и недавно посѣтилъ ее. Онъ купилъ имѣніе по сосѣдству Литвинова и пробирался туда. Цѣлыя сутки прогостилъ онъ у своего племянника и много разсказывалъ о житьѣ-бытьѣ Татьяны. На другой день послѣ его отъѣзда, Литвиновъ отправилъ къ ней письмо, первое послѣ ихъ разлуки. Онъ просилъ позволенія возобновить хотя письменное знакомство и также желалъ знать, навсегда ли онъ долженъ покинуть мысль — когда нибудь съ ней увидѣться? Не безъ волненія ожидалъ онъ отвѣта... отвѣтъ

пришелъ наконецъ. Татьяна дружелюбно откликнулась на его запросъ. „Если вамъ вздумается насъ посѣтить", такъ кончала она, — „милости просимъ, пріѣзжайте: говорятъ, даже больнымъ легче вмѣстѣ, чѣмъ порознь". Капитолина Марковна присоединяла свой поклонъ. Какъ дитя обрадовался Литвиновъ; уже давно и ни отъ чего такъ весело не билось его сердце. И легко ему стало вдругъ, и свѣтло.... Такъ точно, когда солнце встаетъ и разгоняетъ темноту ночи, легкій вѣтерокъ бѣжитъ вмѣстѣ съ солнечными лучами по лицу воскреснувшей земли. Весь этотъ день Литвиновъ все посмѣивался, даже когда обходилъ свое хозяйство и отдавалъ приказанія. Онъ тотчасъ сталъ снаряжаться въ дорогу, а двѣ недѣли спустя онъ уже ѣхалъ къ Татьянѣ.

XXVIII.

Ѣхалъ онъ довольно медленно, проселками, безъ особенныхъ приключеній: разъ только шина лопнула на заднемъ колесѣ; кузнецъ ее сваривалъ-сваривалъ, обругалъ и ее, и себя, да такъ и бросилъ; къ счастью оказалось, что и съ лопнувшею шиной можно у насъ прекрасно путешествовать, особенно по „мякенькому", то-есть по грязи. Зато съ Литвиновымъ произошли двѣ-три довольно любопытныя встрѣчи. На одной станціи онъ засталъ мировой съѣздъ, и въ числѣ его Пищалкина, который произвелъ на него впечатлѣніе Солона или Соломона: такою возвышенною мудростью дышали его рѣчи, съ такимъ безграничнымъ уваженіемъ относились къ нему и помѣщики, и крестьяне.... И по наружности Пищалкинъ сталъ походить на древняго мудреца: волосы его на темени вылѣзли, а пополнѣвшее лицо совершенно застыло въ какое-то величавое желé уже ничѣмъ необузданной добродѣтели. Онъ поздравилъ Литвинова съ прибытіемъ „въ-мой — если смѣю употребить такое амбиціонное выраженіе, — собственный уѣздъ", а впрочемъ, тутъ

же такъ и замеръ въ припадкѣ благонамѣренныхъ ощущеній. Одно извѣстіе онъ однако успѣлъ сообщить, а именно о Ворошиловѣ. Витязь съ золотой доски снова поступилъ на военную службу, и уже успѣлъ прочесть лекцію офицерамъ своего полка: „о буддизмѣ" или „динамизмѣ", что-то въ этомъ родѣ... Пищалкинъ хорошенько не помнилъ. На другой станціи Литвинову долго не закладывали лошадей; дѣло было на утренней зорькѣ,—и онъ задремалъ, сидя въ своей коляскѣ. Голосъ, показавшійся ему знакомымъ, разбудилъ его: онъ раскрылъ глаза....

Господи! да не господинъ ли Губаревъ стоитъ въ сѣрой курткѣ и отвислыхъ спальныхъ панталонахъ на крыльцѣ почтовой избы и ругается?... Нѣтъ, это не господинъ Губаревъ.... Но какое поразительное сходство!... Только у этого барина ротъ еще шире и зубастѣе, и взоръ понурыхъ глазъ еще свирѣпѣе, и носъ крупнѣе, и борода гуще, и весь обликъ еще грузнѣе и противнѣе.

— Па-адлецы, па-адлецы!—твердилъ онъ медленно и злобно, широко разѣвая свой волчій ротъ:—мужичье поганое.... Вотъ она.... хваленая свобода-то... и лошадей не достанешь.... па-адлецы!

— Па-адлецы, па-адлецы!—послышался тутъ другой голосъ за дверями, и на крыльцѣ предсталъ—тоже въ сѣрой курткѣ и отвислыхъ спальныхъ панталонахъ,—предсталъ на этотъ разъ, дѣйствительно, несомнѣнно, самъ настоящій господинъ Губаревъ, Степанъ Николаевичъ Губаревъ,—Мужичье поганое!—продолжалъ онъ въ подражаніе брату (оказалось, что первый господинъ былъ его старшій братъ, тотъ „лаптистъ" прежней школы, который заправлялъ его имѣніемъ).—Бить ихъ надо, вотъ что; по мордамъ бить; вотъ имъ какую свободу—въ зубы.... Толкуютъ.... волостной голова!... Я бъ ихъ!... Да гдѣ же этотъ мусье Ростопъ?.. Чего же онъ смотритъ?... Это его дѣло, дармоѣда этакаго... до безпокойства не доводить....

— А я жъ вамъ сказывалъ, братецъ, — заговорилъ Губаревъ старшій, — что онъ ни на что не годенъ, именно дармоѣдъ! Только вы вотъ, по старой памяти... Мусье Ростонъ, мусье Ростонъ!... Гдѣ ты пропадаешь?

— Ростонъ! Ростонъ! — закричалъ младшій, великій Губаревъ. — Да поклычьте же его хорошенько, братецъ Доримедонтъ Николаичъ!

— Я и то, братецъ Степанъ Николаичъ, его кличу.— Мусье Ростонъ!

— Вотъ я, вотъ я, вотъ я! —послышался торопливый голосъ, и изъ-за угла избы выскочилъ— Бамбаевъ.

Литвиновъ такъ и ахнулъ. На злосчастномъ энтузіастѣ плечево болталась обтерханная венгерка съ прорѣхами на рукавахъ; черты его не то что перемѣнились, а скривились и сдвинулись; перетревоженные глазки выражали подобострастный испугъ и голодную подчиненность; но крашеные усы попрежнему торчали надъ пухлыми губами. Братья Губаревы немедленно и дружно привялись распекать его съ вышины крыльца; онъ остановился передъ ними внизу, въ грязи, и униженно сгорбивъ спину, пытался умилостивить робкою улыбочкой, и картузъ мялъ въ красныхъ пальцахъ, и ногами сѣменилъ, и бормоталъ, что лошади, молъ, сейчасъ явятся.... Но братья не унимались, пока младшій не вскинулъ наконецъ глазами на Литвинова. Узналъ ли онъ его, стыдно ли ему стало чужого человѣка, только онъ вдругъ повернулся на пяткахъ, по-медвѣжьи, и, закусивъ бороду, заковылялъ въ станціонную избу; братецъ тотчасъ умолкъ и, тоже повернувшись по-медвѣжьи, отправился за нимъ въ слѣдъ. Великій Губаревъ, видно, и на родинѣ не утратилъ своего вліянія.

Бамбаевъ побрелъ-было за братьями.... Литвиновъ кликнулъ его по имени. Онъ оглянулся, возрѣлся и, узнавъ Литвинова, такъ и ринулся къ нему съ протянутыми рука-

ми: но, добѣжавъ до коляски, ухватился за дверцы, припалъ къ нимъ грудью, и зарыдалъ въ три ручья.

— Полно, полно же, Бамбаевъ,—твердилъ Литвиновъ, наклонясь надъ нимъ и трогая его за плечо.

Но онъ продолжалъ рыдать —Вотъ.... вотъ... вотъ то чего....—бормоталъ онъ, всхлипывая.

— Бамбаевъ!—загремѣли братья въ избѣ.

Бамбаевъ приподнялъ голову и поспѣшно утеръ слезы.

— Здравствуй, душа моя,—прошепталъ онъ,—здравствуй и прощай!.... Слышишь, зовутъ.

— Да какими судьбами ты здѣсь?—спросилъ Литвиновъ;—и что все это значитъ? Я думалъ, они француза зовутъ ..

— Я у нихъ ... домовымъ управляющимъ, дворецкимъ,—отвѣчалъ Бамбаевъ и ткнулъ пальцемъ въ направленіи избы.—А во французы я попалъ такъ, для шутки. Что, братъ, дѣлать! Бѣдъ вѣдь нечего, послѣдняго грона лишился, такъ по-неволѣ въ петлю полѣзешь. Не до амбиціи.

— Да давно ли *онъ* въ Россіи? и какже онъ съ прежними товарищами раздѣлался?

— О, братъ! Это теперь все по боку... Когда вишь перемѣнилась.... Суханчикову, Матрену Кузьминишну, просто, въ шею прогналъ. Та съ горя въ Португалію уѣхала.

— Какъ въ Португалію? Что за вздоръ?

— Да братъ, въ Португалію, съ двумя Матреновцами

— Съ кѣмъ?

— Съ Матреновцами: люди ея партіи такъ прозываются.

— У Матрены Кузьминишны есть партія? И многочисленна она?

— Да вотъ именно эти два человѣка. А *онъ* съ полгода скоро будетъ, какъ сюда воротился. Другихъ подъ сюркунъ взялъ, а ему ничего. Въ деревнѣ съ братцемъ живетъ, и послушалъ бы ты теперь....

— Бамбаевъ!

— Сейчасъ, Степанъ Николаичъ, сейчасъ. А ты, голубо-

чикъ, процвѣтаешь, наслаждаешься! Ну, и слава Богу! Куда это тебя несетъ теперь?.. Вотъ, не думалъ, не гадалъ.... Помнишь Баденъ? Эхъ, было житье! Кстати, Биндасова тоже ты помнишь? Представь, умеръ. Въ акцизные попалъ, да подрался въ трактирѣ: ему кіемъ голову и проломили. Да, да, тяжелыя подошли времена! А все же я скажу: Русь.... экая эта Русь! Посмотри хоть на эту пару гусей: вѣдь въ цѣлой Европѣ ничего нѣтъ подобнаго! Настоящіе арзамасскіе!

И заплативъ эту послѣднюю дань неистребимой потребности восторгаться, Бамбаевъ побѣжалъ въ станціонную избу, гдѣ опять, и не безъ нѣкоторыхъ загвоздокъ, произносилось его имя.

Къ концу того же дня Литвиновъ подъѣзжалъ къ Татьяниной деревнѣ. Домикъ, гдѣ жила бывшая его невѣста, стоялъ на холмѣ, надъ небольшой рѣчкой, посреди недавно разведеннаго сада. Домикъ тоже былъ новенькій, только-что построеный, и далеко виднѣлся черезъ рѣчку и поле. Литвинову онъ открылся версты за двѣ съ своимъ острымъ мезониномъ и рядомъ окошекъ, ярко рдѣвшихъ на вечернемъ солнцѣ. Уже съ послѣдней станціи онъ чувствовалъ тайную тревогу; но тутъ, просто, смятеніе овладѣло имъ, смятеніе радостное, не безъ нѣкотораго страха. „Какъ меня встрѣтятъ, думалъ онъ,—какъ я предстану?...“ Чтобы чѣмъ-нибудь развлечься, онъ заговорилъ съ ямщикомъ, степеннымъ мужикомъ съ сѣдою бородой, который однако взялъ съ него за тридцать верстъ, тогда какъ и двадцати пяти не было. Онъ спросилъ его: знаетъ ли онъ Шестовыхъ помѣщицъ?

— Шестовыхъ-то? Какъ не знать! Барыни добрыя, что̀ толковать! Нашего брата тоже лечатъ. Вѣрно говорю. Лекарки! Къ нимъ со всего округа ходятъ. Право. Такъ и ползутъ. Какъ кто, напримѣръ, заболѣлъ, или порѣзался, или что̀, сейчасъ къ нимъ, и они сейчасъ примочку тамъ, порошки или флястырь,—и ничего: помогаетъ. А благодар-

ность представлять не могу; мы, говорить, на это не согласны; мы не за деньги. Школу тоже завели.... Ну, да это статья пустая!

Пока ямщикъ разсказывалъ, Литвиновъ не спускалъ глазъ съ домика.... Вотъ женщина въ бѣломъ вышла на балконъ, постояла, постояла и скрылась.... „Уже не она ли?“ Сердце такъ и подпрыгнуло въ немъ. „Скорѣй! скорѣй!“ крикнулъ онъ на ямщика: тотъ погналъ лошадей. Еще нѣсколько мгновеній.... и коляска катилась въ раскрытыя ворота.... А на крыльцѣ уже стояла Капитолина Марковна и, вся внѣ себя, хлопая въ ладони, кричала: „Я узнала, я первая узнала! Это онъ! это онъ!.. . Я узнала!“

Литвиновъ выскочилъ изъ коляски, не давъ подбѣжавшему казачку открыть дверцы, и торопливо обнявъ Капитолину Марковну, бросился въ домъ, черезъ переднюю, въ залу.... Передъ нимъ, вся застыдившись, стояла Татьяна. Она взглянула на него своими добрыми, ласковыми глазами (она нѣсколько похудѣла, но это шло къ ней) и подала ему руку. Но онъ не взялъ руки, онъ упалъ передъ ней на колѣни. Она никакъ этого не ожидала и не знала что сказать, что дѣлать.... Слезы выступили у ней на глаза. Испугалась она, а все лицо расцвѣтало радостью.... „Григорій Михайлычъ, что это, Григорій Михайлычъ?“ говорила она ... а онъ продолжалъ лобызать край ея одежды... и съ умиленіемъ вспомнилось ему, какъ онъ въ Баденѣ такъ же лежалъ передъ ней на колѣняхъ.... Но тогда — и теперь!

— Таня, — твердилъ онъ, — Таня! ты меня простила, Таня?

— Тетя, тетя, что жъ это? — обратилась Татьяна къ вошедшей Капитолинѣ Марковнѣ.

— Не мѣшай, не мѣшай ему, Таня, — отвѣчала добрая старушка. — Видишь: повинную голову принесъ.

Однако пора кончить; да и прибавлять нечего; читатель догадается и самъ... Но что жъ Ирина?

Она все такъ же прелестна, несмотря на свои тридцать лѣтъ; молодые люди влюбляются въ нее безъ счета и влюблялись бы еще болѣе, еслибъ... еслибъ...

Читатель, не угодно ли вамъ перенестись съ нами на нѣсколько мгновеній въ Петербургъ, въ одно изъ первыхъ тамошнихъ зданій? Смотрите: передъ вами просторный покой, убранный, не скажемъ: богато—это выраженіе слишкомъ низменно,—но важно, представительно, внушительно. Чувствуете ли вы нѣкій трепетъ подобострастія? Знайте же: вы ступили въ храмъ, въ храмъ, посвященный высшему приличію, любезнѣйшей добродѣтели, словомъ: нѣжному. Какая-то тайная, дѣйствительная тайная тишина васъ объемлетъ. Бархатныя портьеры у дверей, бархатныя занавѣски у оконъ, пухлый, рыхлый коверъ на полу, все какъ бы предназначено и приспособлено къ укрощенію, къ смягченію всякихъ грубыхъ звуковъ и сильныхъ ощущеній. Тщательно завѣшенныя лампы внушаютъ стесненныя чувства; благопристойный запахъ разлитъ въ спертомъ воздухѣ; самый самоваръ на столѣ пыхтитъ сдержанно и скромно. Хозяйка дома, особа важная въ петербургскомъ мірѣ, говоритъ чуть слышно; она всегда говоритъ такъ, какъ будто въ комнатѣ находится трудный, почти умирающій больной; другія дамы, въ подражаніе ей, едва шепчутъ; а сестра ея, разливающая чай, уже совсѣмъ беззвучно шевелитъ губами, такъ что сидящій передъ ней молодой человѣкъ, случайно попавшій въ храмъ приличія, даже недоумѣваетъ чего она отъ него хочетъ? а она въ шестой разъ шелеститъ ему: „Voulez vous une tasse du thé?" По угламъ виднѣются молодые, благообразные мужчины; тихое искательство свѣтится въ ихъ взорахъ: безмятежно тихо, хотя и вкрадчиво, выраженіе ихъ лицъ; множество знаковъ отличія тихо мерцаетъ на ихъ грудяхъ. Бесѣда ведется тоже тихая; ка-

сается она предметовъ духовныхъ и патріотическихъ, *Таинственной Капли* О. И. Глинки, миссіи на востокѣ, монастырей и братчиковъ въ Бѣлоруссіи. Изрѣдка, глухо выступая по мягкому ковру, проходятъ ливрейные лакеи; громадныя ихъ икры, облеченныя въ тѣсные шелковые чулки, безмолвно вздрагиваютъ при каждомъ шагѣ; почтительное трепетаніе дюжихъ мышцъ только усугубляетъ общее впечатлѣніе благолѣпія, благонамѣренности, благоговѣнія... Это храмъ! это храмъ!

— Видѣли вы сегодня госпожу Ратмирову?—кротко спрашиваетъ одна особа.

— Я встрѣтила ее сегодня у Lise, отвѣчаетъ эоловою арфой хозяйка:—мнѣ жаль ея... У ней умъ озлобленный... elle n'a pas la foi.

— Да, да,—повторяетъ особа:—это, помнится, Петръ Иванычъ про нее сказалъ, и очень вѣрно—сказалъ, qu'elle a... qu'elle a l' озлобленный умъ.

— Elle n'a pas la foi,—испаряется, какъ дымъ кадильный, голосъ хозяйки.—C'est une âme égarée. У ней озлобленный умъ.

— У ней озлобленный умъ,—повторяетъ однѣми губами сестра.

И вотъ отчего молодые люди не всѣ сплошь влюбляются въ Ирину... Они ея боятся... они боятся ея „озлобленнаго ума". Такая составилась о ней ходячая фраза; въ этой фразѣ, какъ во всякой фразѣ, есть доля истины. И не одни молодые люди ея боятся; ея боятся и взрослые, и высокопоставленныя лица, и даже особы. Никто не умѣетъ такъ вѣрно и тонко подмѣтить смѣшную или мелкую сторону характера, никому не дано такъ безжалостно заклеймить ее незабываемымъ словомъ... И тѣмъ больнѣе жжется это слово, что исходитъ оно изъ благоухающихъ, прекрасныхъ

усть... Трудно сказать, что происходить въ этой душѣ; но въ толпѣ ея обожателей молва ни за кѣмъ не признаетъ названія избранника.

Мужъ Ирины быстро подвигается на томъ пути, который у французовъ называется путемъ почестей. Тучный генералъ обскакиваетъ его; снисходительный остается сзади. И въ томъ же городѣ, гдѣ проживаетъ Ирина, проживаетъ и нашъ пріятель, Созонтъ Потугинъ: онъ рѣдко съ ней видится, и нѣтъ для нея особенной надобности поддерживать съ нимъ связь... Та дѣвочка, которую поручили его попеченіямъ, недавно умерла.

ДВОРЯНСКОЕ

ГНѢЗДО

РОМАНЪ ВЪ XLV ГЛАВАХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

[НАПИСАНО ВЪ 1858 ГОДУ].

I.

Весенній, свѣтлый день клонился къ вечеру, небольшія розовыя тучки стояли высоко въ ясномъ небѣ и, казалось, не плыли мимо, а уходили въ самую глубь лазури.

Передъ раскрытымъ окномъ краснваго дома, въ одной изъ крайнихъ улицъ губернскаго города О.... (дѣло происходило въ 1842 году), сидѣли двѣ женщины; одна лѣтъ пятидесяти, другая уже старушка, семидесяти лѣтъ.

Первую изъ нихъ звали Марьей Дмитріевной Калитиной. Ея мужъ, бывшій губернскій прокуроръ, извѣстный въ свое время дѣлецъ,—человѣкъ бойкій и рѣшительный, желчный и упрямый—умеръ лѣтъ десять тому назадъ. Онъ получилъ изрядное воспитаніе, учился въ университетѣ, но, рожденный въ сословіи бѣдномъ, рано понялъ необходимость проложить себѣ дорогу и набить деньгу. Марья Дмитріевна вышла за него по любви: онъ былъ недуренъ собою, уменъ и, когда хотѣлъ, очень любезенъ. Марья Дмитріевна (въ дѣвицахъ Пестова) еще въ дѣтствѣ лишилась родителей, провела нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ, въ институтѣ, и, вернувшись оттуда, жила въ пятидесяти верстахъ отъ О...., въ родовомъ своемъ селѣ Покровскомъ, съ теткой да съ старшимъ братомъ. Братъ этотъ скоро переселился въ Петербургъ на службу, и держалъ и сестру, и тетку въ чер-

немъ тѣлъ, пока внезапная смерть не положила предѣла его поприщу. Марья Дмитріевна наслѣдовала Покровское, но не долго жила въ немъ: на второй же годъ послѣ ея свадьбы съ Калитинымъ, который въ нѣсколько дней успѣлъ покорить ея сердце, Покровское было промѣнено на другое имѣніе, гораздо болѣе доходное, но некрасивое и безъ усадьбы, и въ то же время Калитинъ пріобрѣлъ домъ въ городѣ О...., гдѣ и поселился съ женою на постоянное жительство. При домѣ находился большой садъ: одной стороной онъ выходилъ прямо въ поле, за городъ. Стало-быть,—рѣшилъ Калитинъ, большой неохотникъ до сельской тишины, въ деревню таскаться незачѣмъ. Марья Дмитріевна не разъ въ душѣ пожалѣла о своемъ хорошенькомъ Покровскомъ съ веселой рѣчкой, широкими лугами и зелеными рощами; но она ни въ чемъ не прекословила мужу и благогорѣла предъ его умомъ и знаніемъ свѣта. Когда же, послѣ пятнадцатилѣтняго брака, онъ умеръ, оставивъ сына и двухъ дочерей, Марья Дмитріевна уже до того привыкла къ своему дому и къ городской жизни, что сама не захотѣла выѣхать изъ О....

Марья Дмитріевна въ молодости пользовалась репутаціей миленькой блондинки, и въ пятьдесятъ лѣтъ черты ея не были лишены пріятности, хотя немного расплылись и сплылись. Она была болѣе чувствительна, нежели добра, и до зрѣлыхъ лѣтъ сохранила институтскія замашки: она избаловала себя, легко раздражалась и даже плакала, когда нарушались ея привычки; за то она была очень ласкова и необѣдна, когда всѣ ея желанія исполнялись, и никто ей не прекословилъ. Домъ ея принадлежалъ къ числу пріятнѣйшихъ въ городѣ. Состояніе у нея было весьма хорошее, не столько наслѣдственное, сколько благопріобрѣтенное мужемъ. Объ дочери жили съ нею; сынъ воспитывался въ одномъ изъ лучшихъ казенныхъ заведеній въ Петербургѣ.

Старушка, сидѣвшая съ Марьей Дмитріевной подлѣ окошка, была та самая тетка, сестра ея отца, съ которою она

провела нѣкогда нѣсколько уединенныхъ лѣтъ въ Покровскомъ. Звали ее Марѳой Тимоѳеевной Нестовой. Она слыла чудачкой, нравъ имѣла независимый, говорила всѣмъ правду въ глаза и при самыхъ скудныхъ средствахъ держалась такъ, какъ будто за ней водились тысячи. Она терпѣть не могла покойнаго Калитина, и какъ только ея племянница вышла за него замужъ, удалилась въ свою деревушку, гдѣ прожила цѣлыхъ десять лѣтъ у мужика въ курной избѣ. Марья Дмитріевна ея побаивалась. Черноволосая и быстроглазая даже въ старости, маленькая, востроносая, Марѳа Тимоѳеевна ходила живо, держалась прямо, и говорила скоро и внятно, тонкимъ и звучнымъ голоскомъ. Она постоянно носила бѣлый чепецъ и бѣлую кофту.

— О чемъ ты это?—спросила она вдругъ Марью Дмитріевну.—О чемъ вздыхаешь, мать моя?

— Такъ,—промолвила та.—Какія чудесныя облака.

— Такъ тебѣ ихъ жалко, что ли?

Марья Дмитріевна ничего не отвѣчала.

— Что это Гедеоновскій нейдетъ?—проговорила Марѳа Тимоѳеевна, проворно шевеля спицами (она вязала большой шерстяной шарфъ). Онъ бы повздыхалъ вмѣстѣ съ тобою,—не то, совралъ бы что-нибудь.

— Какъ вы всегда строго о немъ отзываетесь! Сергѣй Петровичъ—почтенный человѣкъ.

— Почтенный!—повторила съ укоризной старушка.

— И какъ онъ покойному мужу былъ преданъ!—проговорила Марья Дмитріевна; —до сихъ поръ вспомнить о немъ равнодушно не можетъ.

— Еще бы! тотъ его за уши изъ грязи вытащилъ,—проворчала Марѳа Тимоѳеевна, и спицы еще быстрѣе заходили въ ея рукахъ.

— Глядитъ такимъ смиренникомъ,—начала она снова,—голова вся сѣдая, а что ротъ раскроетъ, то солжетъ или на-

сплетничаетъ. А еще статскій совѣтникъ! Ну, и то сказать: поповичъ!

— Кто же безъ грѣха, тетушка? Эта слабость въ немъ есть, конечно. Сергѣй Петровичъ воспитанія, конечно, не получилъ, по-французски не говоритъ; но онъ, воля ваша, пріятный человѣкъ.

— Да, онъ ручки у тебя все лижетъ. По-французски не говоритъ,—эка бѣда! Я сама не сильна во французскомъ „діалектѣ". Лучше бы онъ ни покаковски не говорилъ; не лгалъ бы. Да вотъ онъ, кстати, легокъ на поминѣ,—прибавила Марѳа Тимоѳеевна, глянувъ на улицу.—Вотъ онъ шагаетъ, твой пріятный человѣкъ. Экой длинный, словно аистъ.

Марья Дмитріевна поправила свои локоны. Марѳа Тимоѳеевна съ усмѣшкой посмотрѣла на нее.

— Что это у тебя, никакъ сѣдой волосъ, мать моя? Ты побрани свою Палашку. Чего она смотритъ?

— Ужъ вы, тетушка, всегда...—пробормотала съ досадой Марья Дмитріевна и застучала пальцами по ручкѣ креселъ

— Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій!—провинціалъ краснощекій казачекъ, выскочивъ изъ-за двери.

II.

Вошелъ человѣкъ высокаго роста, въ опрятномъ сертукѣ, коротенькихъ панталонахъ, сѣрыхъ замшевыхъ перчаткахъ и двухъ галстукахъ — одномъ черномъ сверху, другомъ бѣломъ снизу. Все въ немъ дышало приличіемъ и пристойностью, начиная съ благообразнаго лица и гладко причесанныхъ висковъ до сапоговъ безъ каблуковъ и безъ скрипу. Онъ поклонился сперва хозяинѣ дома, потомъ Марѳѣ Тимоѳеевнѣ, и, медленно стащивъ перчатки, подошелъ къ ручкѣ Марьи Дмитріевны. Поцѣловавъ ее почтительно и

два раза сряду, онъ сѣлъ, не торопясь, въ кресла, и съ улыбкой потирая самые кончики пальцевъ, проговорилъ:

— А Елизавета Михайловна здорова?

— Да, — отвѣчала Марья Дмитріевна, — она въ саду.

— И Елена Михайловна?

— Леночка въ саду то же. Нѣтъ ли чего новенькаго?

— Какъ не быть-съ, какъ не быть-съ, — возразилъ гость, медленно моргая и вытягивая губы. Гм!.. да вотъ, пожалуйте, есть новость, и преудивительная: Лаврецкій Оедоръ Иванычъ пріѣхалъ.

— Оедя? — воскликнула Марѳа Тимоѳеевна. — Да ты, полно, не сочиняешь ли, отецъ мой?

— Никакъ нѣтъ-съ, я ихъ самолично видѣлъ.

— Ну, это еще не доказательство.

— Очень поздоровѣли, — продолжалъ Гедеоновскій, показывая видъ, будто не слышалъ замѣчанія Марѳы Тимоѳеевны: — въ плечахъ еще шире стали и румянецъ во всю щеку.

— Поздоровѣть, — произнесла съ разстановкой Марья Дмитріевна: — кажется, съ чего бы ему здоровѣть?

— Да-съ, — возразилъ Гедеоновскій: — другой на его мѣстѣ и въ свѣтъ-то показаться посовѣстился бы.

— Это отчего? — перебила Марѳа Тимоѳеевна; — это что за вздоръ? Человѣкъ возвратился на родину — куда жъ ему дѣться прикажете? И благо онъ въ чемъ виноватъ былъ!

— Мужъ всегда виноватъ, сударыня, осмѣлюсь вамъ доложить, когда жена нехорошо ведетъ себя.

— Это ты, батюшка, оттого говоришь, что самъ женатъ не былъ. — Гедеоновскій принужденно улыбнулся.

— Позвольте полюбопытствовать, — спросилъ онъ послѣ небольшого молчанія, — кому назначается этотъ миленькій шарфъ?

Марѳа Тимоѳеевна быстро взглянула на него.

— А тому назначается, — возразила она: — кто никогда не сплетничаетъ, не хитритъ и не сочиняетъ, если только есть

на свѣтѣ такой человѣкъ. Федю я знаю хорошо; онъ только тѣмъ и виноватъ, что баловалъ жену. Ну, да и женился онъ по любви, а изъ этихъ изъ любовныхъ свадебъ ничего путного никогда не выходитъ,—прибавила старушка, косвенно взглянувъ на Марью Дмитріевну и вставая. – А ты теперь, мой батюшка, на комъ угодно зубки точи, хоть на мнѣ; я уйду, мѣшать не буду.—И Марфа Тимофеевна удалилась.

— Вотъ, она всегда такъ,—проговорила Марья Дмитріевна, проводивъ свою тетку глазами:—всегда!

— Лѣта ихнія! Что дѣлать-съ!—замѣтилъ Гедеоновскій.—Вотъ, онъ изволятъ говорить: кто не хитритъ. Да кто конеча не хитритъ? вѣкъ ужъ такой. Одинъ мой пріятель, пречестный и, доложу вамъ, не малаго чина человѣкъ, говаривалъ: что конеча, моль, курица, и та съ хитростью къ зерну приближается—все наровитъ, какъ бы съ боку подойти. А какъ погляжу я на васъ, моя барыня, правъ-то у васъ истинно ангельскій; пожалуйте-ка мнѣ вашу бѣлоснѣжную ручку.

Марья Дмитріевна слабо улыбнулась и протянула Гедеоновскому свою пухлую руку съ отдѣленнымъ пятымъ пальчикомъ. Онъ приложился къ ней губами, и она пододвинула къ нему свое кресло и, слегка нагнувшись, спросила вполголоса:

— Такъ видѣли вы его? Въ самомъ дѣлѣ онъ—ничего, здоровъ, веселъ?

— Веселъ-съ, ничего-съ,—возразилъ Гедеоновскій шопотомъ.

— А не слыхали вы, гдѣ его жена теперь?

— Въ послѣднее время въ Парижѣ была-съ; теперь, слышно, въ итальянское государство переселилась.

— Это ужасно, право,—Одинно положеніе: я не знаю, какъ онъ переноситъ. Случается, точно, несчастья со всякимъ, но вѣдь его, можно сказать, на всю Европу распубликовали.

Гедеоновскій вздохнулъ.

— Да-съ, да-съ. Вѣдь она, говорятъ, и съ артистами, и съ піанистами, и, какъ тамъ по ихнему, со львами да со звѣрями знакомство вела. Стыдъ потеряла совершенно...

— Очень, очень жалко, — проговорила Марья Дмитріевна; — по родственному; вѣдь онъ мнѣ, Сергѣй Петровичъ, вы знаете, внучатный племянникъ.

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ Какъ мнѣ не знать съ всего, что до вашего семейства относится? Помилуйте-съ.

— Придетъ онъ къ намъ, -какъ вы думаете?

— Должно полагать-съ; а впрочемъ они, слышно, къ себѣ въ деревню собираются.

Марья Дмитріевна подняла глаза къ небу.

— Ахъ, Сергѣй Петровичъ, Сергѣй Петровичъ, какъ я подумаю, какъ намъ, женщинамъ, нужно осторожно вести себя!

Женщина женщинѣ рознь. Марья Дмитріевна. Есть, къ несчастію, такія — права непостоянная... ну, и лѣта: опять, правила не внушены съ-измала. (Сергѣй Петровичъ досталъ изъ кармана клѣтчатый синій платокъ и началъ его разсматривать). — Такія женщины, конечно, бываютъ. (Сергѣй Петровичъ понесъ уголъ платка поочередно къ своимъ глазамъ). — Но вообще говоря, если разсудить, то-есть... Нѣтъ въ городѣ необыкновенная, — заключилъ онъ.

— *Маша, Маша!* — вскричала, вбѣгая въ комнату, смазливая дѣвочка лѣтъ одиннадцати: — къ намъ Владиміръ Николаичъ верхомъ ѣдетъ!

Марья Дмитріевна встала; Сергѣй Петровичъ тоже всталъ и поклонился. — Еленѣ Михайловнѣ наше нижайшее, — проговорилъ онъ и, отойдя въ уголъ для приличія, принялся сморкать свой длинный и правильный носъ.

— Какая у него чудесная лошадь! — продолжала дѣвочка. — Онъ сейчасъ былъ у калитки и сказалъ намъ съ низу, что къ крыльцу подъѣдетъ.

Послышался топотъ копытъ; и стройный всадникъ на красивомъ гнѣдомъ конѣ показался на улицѣ и остановился передъ раскрытымъ окномъ.

III.

— Здравствуите, Марья Дмитріевна!—воскликнулъ звучнымъ и пріятнымъ голосомъ всадникъ.—Какъ вамъ нравится моя новая покупка?

Марья Дмитріевна подошла къ окну.

— Здравствуйте, Woldemar! Ахъ какая славная лошадь! У кого вы ее купили?

— У ремонтера... Дорого взялъ, разбойникъ.

— Какъ ее зовутъ?

— Орландомъ... Да это имя глупо; я хочу перемѣнить... Eh bien, eh bien, mon garçon... Какой неугомонный!

Конь фыркалъ, переступалъ ногами и махалъ опѣненною мордой.

— Леночка, погладьте ее, не бойтесь...

Дѣвочка протянула изъ окна руку, но Орландъ вдругъ взвился на дыбы и бросился въ сторону. Всадникъ не потерялся, взялъ коня въ шенкеля, вытянулъ его хлыстомъ по шеѣ и, несмотря на его сопротивленіе поставилъ его опять передъ окномъ.

— Prenez garde, prenez garde,—твердила Марья Дмитріевна.

— Леночка, поласкайте его,—возразилъ всадникъ,—я не позволю ему вольничать.

Дѣвочка опять протянула руку и робко коснулась трепетавшихъ ноздрей Орланда, который безпрестанно вздрагивалъ и рвалъ удила.

— Браво! —воскликнула Марья Дмитріевна,—а теперь слѣзьте и придите къ намъ.

Всадникъ лихо повернулъ коня, далъ ему шпоры и, про-

скакавъ короткимъ галопомъ по улицѣ, въѣхалъ на дворъ. Минуту спустя онъ вбѣжалъ, помахивая хлыстикомъ, изъ двери передней въ гостиную; въ тоже время на порогѣ другой двери показалась стройная, высокая, черноволосая дѣвушка лѣтъ девятнадцати,—старшая дочь Марьи Дмитріевны, Лиза.

IV.

Молодой человѣкъ, съ которымъ мы только-что познакомили читателей, прозывался Владиміромъ Николаичемъ Паншинымъ. Онъ служилъ въ Петербургѣ чиновникомъ по особымъ порученіямъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Въ городъ О.... онъ пріѣхалъ для исполненія временнаго казеннаго порученія и состоялъ въ распоряженіи губернатора, генерала Зонненберга, которому доводился дальнимъ родственникомъ. Отецъ Паншина, отставной штабъ-ротмистръ, извѣстный игрокъ, человѣкъ съ сладкими глазами, помятымъ лицомъ и первической дерготней въ губахъ, весь свой вѣкъ терся между знатью, посѣщалъ англійскіе клубы обѣихъ столицъ и слылъ за ловкаго, не очень надежнаго, но милаго и забавнаго малаго. Несмотря на свою ловкость, онъ находился почти постоянно на самомъ рубежѣ нищеты и оставилъ своему единственному сыну состояніе небольшое и разстроенное. За то онъ, по-своему, заботился объ его воспитаніи: Владиміръ Николаичъ говорилъ по-французски прекрасно, по-англійски хорошо, по-нѣмецки дурно. Такъ оно и слѣдуетъ: порядочнымъ людямъ стыдно говорить хорошо по-нѣмецки; но пускать въ ходъ германское словцо въ нѣкоторыхъ, большею частью забавныхъ, случаяхъ—можно. c'est même très chic, какъ выражаются петербургскіе парижане. Владиміръ Николаичъ съ пятнадцатилѣтняго возраста уже умѣлъ не смущаясь войти въ любую гостиную, пріятно повертѣться въ ней и кстати удалиться.

Отецъ Паншина доставилъ сыну своему много связей; тасуя карты между двумя робберами или послѣ удачнаго „большого шлема", онъ не пропускалъ случая запустить словечко о своемъ „Володькѣ" какому-нибудь важному лицу, охотнику до коммерческихъ игръ. Съ своей стороны, Владиміръ Николаичъ, во время пребыванія въ университетѣ, откуда онъ вышелъ съ чиномъ дѣйствительнаго студента, познакомился съ нѣкоторыми знатными молодыми людьми и сталъ вхожъ въ лучшіе дома. Его вездѣ охотно принимали: онъ былъ очень недуренъ собою, развязенъ, забавенъ, всегда здоровъ и на все готовъ; гдѣ нужно — почтителенъ, гдѣ можно — дерзокъ, отличный товарищъ, un charmant garçon. Завѣтная область раскрылась передъ нимъ. Паншинъ скоро понялъ тайну свѣтской науки; онъ умѣлъ проникнуться дѣйствительнымъ уваженіемъ къ ея уставамъ; умѣлъ съ полунасмѣшливой важностью заниматься вздоромъ и показывать видъ, что почитаетъ все важное за вздоръ, танцовалъ отлично, одѣвался по-англійски. Въ короткое время онъ прослылъ однимъ изъ самыхъ любезныхъ и ловкихъ молодыхъ людей въ Петербургѣ. Паншинъ былъ дѣйствительно очень ловокъ, — не хуже отца; но онъ былъ также очень даровитъ. Все ему далось: онъ мило пѣлъ, бойко рисовалъ, писалъ стихи, весьма недурно игралъ на сценѣ. Ему всего пошелъ двадцать-восьмой годъ, а онъ былъ уже камеръ-юнкеромъ и чинъ имѣлъ весьма изрядный. Паншинъ твердо вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою проницательность; онъ шелъ впередъ смѣло и весело, полнымъ махомъ; жизнь его текла какъ по маслу. Онъ привыкъ нравиться всѣмъ, старому и малому, и воображалъ, что знаетъ людей, особенно женщинъ; онъ хорошо зналъ ихъ обыденныя слабости. Какъ человѣкъ не чуждый художеству, онъ чувствовалъ въ себѣ и жаръ, и нѣкоторое увлеченіе, и восторженность, и вслѣдствіе этого позволялъ себѣ разныя отступленія отъ правилъ: кутилъ, знакомился съ лицами, не принадлежавшими къ

свѣту, и вообще держался ровно и просто; но въ душѣ онъ былъ холоденъ и хитеръ, и во время самаго буйнаго кутежа, его умный карій глазокъ все караулилъ и высматривалъ: этотъ смѣлый, этотъ свободный юнона никогда не могъ забыться и увлечься вполнѣ. Къ чести его должно сказать, что онъ никогда не хвастался своими побѣдами. Въ домъ Марьи Дмитріевны онъ попалъ тотчасъ по пріѣздѣ въ О..., и скоро освоился въ немъ совершенно. Марья Дмитріевна въ немъ души не чаяла.

Панининъ любезно раскланялся со всѣми находившимися въ комнатѣ, пожалъ руку у Марьи Дмитріевны и у Лизаветы Михайловны, слегка потрепалъ Гедеоновскаго по плечу и, повернувшись на каблукахъ, поймалъ Леночку за голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— И вы не боитесь ѣздить на такой злой лошади? — спросила его Марья Дмитріевна.

— Помилуйте, она пресмирная: а вотъ, я долженъ вамъ, чего я боюсь: я боюсь играть въ преферансъ съ Сергѣемъ Петровичемъ: вчера у Бѣлецкихъ онъ обыгралъ меня въ пухъ.

Гедеоновскій засмѣялся тонкимъ и подобострастнымъ смѣхомъ: онъ заискивалъ въ молодомъ, блестящемъ чиновникѣ изъ Петербурга, губернаторскомъ любимцѣ. Въ разговорахъ своихъ съ Марьей Дмитріевной онъ часто упоминалъ о замѣчательныхъ способностяхъ Панинина. Вѣдь вотъ, разсуждалъ онъ, какъ не похвалить? И въ высшей сферѣ жизни успѣваетъ молодой человѣкъ, и служитъ примѣрно, и гордости ни малѣйшей. Впрочемъ, Панинина и въ Петербургѣ считали дѣльнымъ чиновникомъ: работа кипѣла у него въ рукахъ; онъ говорилъ о ней шутя, какъ оно и слѣдуетъ свѣтскому человѣку, не придающему особеннаго значенія своимъ трудамъ, но былъ „исполнитель“. Начальники любятъ такихъ подчиненныхъ: онъ самъ не сомнѣвался въ томъ, что, если захочетъ, будетъ со временемъ министромъ.

— Вы изволите говорить, что я обыграль васъ,—промолвилъ Гедеоновскій:—а на прошлой недѣлѣ кто у меня выигралъ двѣнадцать рублей? да еще...

— Злодѣи, злодѣи,—перебилъ его Паншинъ съ ласковой, но чуть-чуть презрительной небрежностью и, не обращая болѣе на него вниманія, подошелъ къ .Тизѣ.

— Я не могъ найти здѣсь увертюру Оберона, началъ онъ:—Бѣленицына только хвасталась, что у ней вся классическая музыка,—на дѣлѣ у ней кромѣ полекъ и вальсовъ ничего нѣтъ; но я уже написалъ въ Москву, и черезъ недѣлю вы будете имѣть эту увертюру. Кстати,—продолжалъ онъ,—я написалъ вчера новый романсъ; слова тоже мои. Хотите, я вамъ спою? Не знаю, что изъ этого вышло; Бѣленицына нашла его премиленькимъ, но ея слова ничего не значатъ,—я желаю знать ваше мнѣніе. Впрочемъ, я думаю, лучше послѣ...

— Зачѣмъ же послѣ?—вмѣшалась Марья Дмитріевна:—отчего же не теперь?

— Слушаю-съ,—промолвилъ Паншинъ съ какой-то свѣтлой и сладкой улыбкой, которая у него и появлялась и пропадала вдругъ,—пододвинулъ колѣномъ стулъ, сѣлъ за фортепіано и, взявши нѣсколько аккордовъ, запѣлъ, четко отдѣляя слова, слѣдующій романсъ:

Луна плыветъ высоко надъ землею
Межъ блѣдныхъ тучъ;
Но движетъ съ вышины волной морскою
Волшебный лучъ.
Моей души тебя признало море
Своей луной,
И, движется,—и въ радости, и въ горѣ—
Тобой одной.
Тоской любви, тоской нѣмыхъ стремленій
Душа полна;
Мнѣ тяжело... Но ты чужда смятеній,
Какъ та луна.

Второй куплетъ былъ спѣтъ Паншинымъ съ особеннымъ выраженіемъ и силой; въ буриомъ акомпанимент'ѣ слышались переливы волнъ. Послѣ словъ: мнѣ тяжело.... Онъ вздохнулъ слегка, опустилъ глаза и понизилъ голосъ—morendo. Когда онъ кончилъ, Лиза похвалила мотивъ, Марья Дмитріевна сказала: прелестно,—а Гедеоновскій даже крикнулъ:—восхитительно! и поэзія, и гармонія одинаково восхитительны!... Іеночка съ дѣтскимъ благоговѣніемъ посмотрѣла на пѣвца. Словомъ, всѣмъ присутствовавшимъ очень понравилось произведеніе молодого дилетанта; но за дверью гостиной въ передней стоялъ только-что пришедшій, уже старый человѣкъ, которому, судя по выраженію его потупленнаго лица и движенію плечей, романсъ Паншина, хотя и премиленькій, не доставилъ удовольствія. Подождавъ немного и смахнувъ пыль съ сапоговъ толстымъ носовымъ платкомъ, человѣкъ этотъ внезапно съежилъ глаза, угрюмо сжалъ губы, согнулъ свою, и безъ того сутулую, спину и медленно вошелъ въ гостиную.

— А! Христофоръ Ѳедорычъ, здравствуйте!—воскликнулъ прежде всѣхъ Паншинъ и быстро вскочилъ со стула.—Я и не подозрѣвалъ, что вы здѣсь,—я бы ни за что не рѣшился спѣть свой романсъ. Я знаю, вы не охотникъ до легкой музыки.

— Я не слушилъ,—произнесъ дурнымъ русскимъ языкомъ вошедшій человѣкъ и, раскланявшись со всѣми, неловко остановился посреди комнаты.

— Вы, мусье Лемм, —сказала Марья Дмитріевна,—пришли дать урокъ музыки Лизѣ?

— Нѣтъ, не Лисафетъ Михайловнѣ, а Елень Михайловнѣ.

— А! Ну, что-жъ—прекрасно. Іеночка, ступай наверхъ съ г-мъ Леммомъ.

Старикъ пошелъ-было вслѣдъ за дѣвочкой, но Паншинъ остановилъ его.

— Не уходите послѣ урока, Христофоръ Өедорычъ,— сказалъ онъ:—мы съ Лизаветой Михайловной сыграемъ Бетховенскую сонату въ четыре руки.

Старикъ проворчалъ себѣ что-то подъ носъ, а Паншинъ продолжалъ по-нѣмецки, плохо выговаривая слова:

— Мнѣ Лизавета Михайловна показала духовную кантату, которую вы ей поднесли,—прекрасная вещь! Вы пожалуйста не думайте, что я не умѣю цѣнить серьезную музыку,—напротивъ: она иногда скучна, но за то очень пользительна.

Старикъ покраснѣлъ до ушей, бросилъ косвенный взглядъ на Лизу и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Марья Дмитріевна попросила Паншина повторить романсъ; но онъ объявилъ, что не желаетъ оскорблять ушей ученаго нѣмца, и предложилъ Лизѣ заняться Бетховенскою сонатой. Тогда Марья Дмитріевна вздохнула и съ своей стороны предложила Гедеоновскому пройтись съ ней по саду.—Мнѣ хочется,—сказала она,—еще поговорить и посовѣтываться съ вами о бѣдномъ нашемъ Өедѣ. Гедеоновскій осклабился, поклонился, взялъ двумя пальцами свою шляпу съ аккуратно положенными на одномъ изъ ея полей перчатками, и удалился вмѣстѣ съ Марьей Дмитріевной. Въ комнатѣ остались Паншинъ и Лиза; она достала и раскрыла сонату; оба молча сѣли за фортепіано.—Сверху доносились слабые звуки гаммъ, разыгрываемыхъ невѣрными пальчиками Леночки.

V.

Христофоръ-Теодоръ-Готлибъ Леммъ родился въ 1786 году въ королевствѣ саксонскомъ, въ городѣ Хемницѣ, отъ бѣдныхъ музыкантовъ. Отецъ его игралъ на волторнѣ, мать на арфѣ; самъ онъ уже по пятому году упражнялся на трехъ различныхъ инструментахъ. Восьми лѣтъ онъ осиротѣлъ,

а съ десяти началъ зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба своимъ искусствомъ. Онъ долго велъ бродячую жизнь, игралъ вездѣ — и въ трактирахъ, и на ярмаркахъ, и на крестьянскихъ свадьбахъ, и на балахъ; наконецъ попалъ въ оркестръ и подвигаясь все выше и выше, достигъ дирижерскаго мѣста. Исполнитель онъ былъ довольно плохой; но музыку зналъ основательно. На двадцать-восьмомъ году переселился онъ въ Россію. Его выписалъ большой баринъ, который самъ терпѣть не могъ музыки, но держалъ оркестръ изъ чванства. Лемминъ прожилъ у него лѣтъ семь въ качествѣ капельмейстера и отошелъ отъ него съ пустыми руками: баринъ разорился, хотѣлъ дать ему на себя вексель, но впослѣдствіи отказалъ ему и въ этомъ, — словомъ, не заплатилъ ему ни копѣйки. Ему совѣтовали уѣхать; но онъ не хотѣлъ вернуться домой нищимъ изъ Россіи, изъ великой Россіи, этого золотого дна артистовъ; онъ рѣшился остаться и испытать свое счастіе. Въ теченіе двадцати лѣтъ бѣдный нѣмецъ пытался свое счастіе: побывалъ у различныхъ господъ, жилъ и въ Москвѣ, и въ губернскихъ городахъ, терпѣлъ и сносилъ многое, узналъ нищету, бился, какъ рыба объ ледъ; но мысль о возвращеніи на родину не покидала его среди всѣхъ бѣдствій, которымъ онъ подвергался; она только одна его и поддерживала. Судьбѣ однако не было угодно порадовать его этимъ послѣднимъ и первымъ счастіемъ: 50-ти лѣтъ, больной, до времени одряхлѣвшій, застрялъ онъ въ городѣ О..., и остался въ немъ навсегда, уже окончательно потерявъ всякую надежду покинуть ненавистную ему Россію и кое-какъ поддерживая уроками свое скудное существованіе. Наружность Лемма не располагала въ его пользу. Онъ былъ небольшого роста, сутуловатъ, съ кривовыдавшимися лопатками и втянутымъ животомъ, съ большими плоскими ступнями, съ бѣдно-синими ногтями на твердыхъ, не разгибавшихся пальцахъ жилистыхъ, красныхъ рукъ; лицо имѣлъ морщинистое, впалыя щеки и

сжатыя губы, которыми онъ безпрестанно двигалъ и жевалъ, что̀, при его обычной молчаливости, производило впечатлѣніе почти зловѣщее; сѣдые его волосы висѣли ключьями надъ невысокимъ лбомъ; какъ только-что залитые уголья, глухо тлѣли его крошечные, неподвижные глазки; ступалъ онъ тяжело, на каждомъ шагу перекидывая свое неповоротливое тѣло. Ныня его движенія напоминали неуклюжее охораживаніе совы въ клѣткѣ, когда она чувствуетъ, что на нее глядятъ, а сама едва видитъ своими огромными, желтыми, пугливо и дремотно моргающими глазами. Застарѣлое, неумолимое горе положило на обѣднаго музикуса свою неизгладимую печать, искривило и обезобразило его, и безъ того невзрачную, фигуру; но для того, кто умѣлъ не останавливаться на первыхъ впечатлѣніяхъ, что-то доброе, честное, что-то необыкновенное видѣлось въ этомъ полуразрушенномъ существѣ. Поклонникъ Баха и Генделя, знатокъ своего дѣла, одаренный живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Іеммъ со временемъ—кто знаетъ?—сталъ бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, еслѝбъ жизнь иначе его повела; но не подъ счастливой звѣздой онъ родился! Онъ много написалъ на своемъ вѣку—и ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ; не умѣлъ онъ приняться за дѣло, какъ слѣдовало, поклониться кстати, похлопотать во-время. Какъ-то, давнымъ-давно тому назадъ, одинъ его поклонникъ и другъ, тоже нѣмецъ и тоже бѣдный, издалъ на свой счетъ двѣ его сонаты,—да и тѣ остались цѣликомъ въ подвалахъ музикальныхъ магазиновъ; глухо и безслѣдно провалились онѣ, словно ихъ ночью кто въ рѣку бросилъ. Іеммъ наконецъ махнулъ рукой на все; притомъ и годы брали свое: онъ зачерствѣлъ, одеревенѣлъ, какъ пальцы его одеревенѣли. Одинъ, съ старой кухаркой, взятой имъ изъ богадѣльни (онъ никогда женатъ не былъ), проживалъ онъ въ О.... въ небольшомъ домишкѣ,

недалеко отъ Калитинскаго дома; много гулялъ, читалъ библію да собраніе протестантскихъ псалмовъ, да Шекспира въ шлегелевскомъ переводѣ. Онъ давно ничего не сочинялъ; но видно, Лиза, лучшая его ученица, умѣла его распевеселить: онъ написалъ для нея кантату, о которой упомянулъ Паншинъ. Слова этой кантаты были имъ заимствованы изъ собранія псалмовъ; нѣкоторые стихи онъ самъ присочинилъ; Его пѣли два хора,—хоръ счастливцевъ и хоръ несчастливцевъ; оба они къ концу примирялись и пѣли вмѣстѣ! „Боже милостивый, помилуй насъ грѣшныхъ и отжени отъ насъ всякія лукавыя мысли и земныя надежды“.—На заглавномъ листѣ, весьма тщательно написанномъ и даже разрисованномъ, стояло: „Только праведные правы. Духовная кантата. Сочинена и посвящена дѣвицѣ Елизаветѣ Калитиной, моей любезной ученицѣ, ея учителемъ, Х. Т. Г. Лемммомъ“. Слова: „Только праведные правы“ и „Елизаветѣ Калитиной“ были окружены лучами. Внизу было приписано: „Для васъ одинъхъ. für Sie allein“.—Оттого-то Лемм и покраснѣлъ и взглянулъ искоса на Лизу; ему было очень больно, когда Паншинъ заговорилъ при немъ объ его кантатѣ.

VI.

Паншинъ громко и рѣшительно взялъ первые аккорды сонаты (онъ игралъ вторую руку), но Лиза не начинала своей партіи. Онъ остановился и посмотрѣлъ на нее. Глаза Лизы, прямо на него устремленные, выражали неудовольствіе; губы ея не улыбались, все лицо было строго, почти печально.

— Что съ вами?—спросилъ онъ.

— Зачѣмъ вы не сдержали своего слова?—сказала она.—Я вамъ показала кантату Христофора Федорыча подъ тѣмъ условіемъ, чтобъ вы не говорили ему о ней.

Виноватъ, Лизавета Михайловна,—къ слову пришлось.

Вы его огорчили — и меня тоже. Теперь онъ и мнѣ довѣрять не будетъ.

— Что прикажете дѣлать, Лизавета Михайловна! Отъ младыхъ ногтей не могу видѣть равнодушно нѣмца: такъ и подмываетъ меня его подразнить.

— Что вы это говорите, Владиміръ Николаичъ! Этотъ нѣмецъ, бѣдный, одинокій, убитый человѣкъ — и вамъ его не жаль? Вамъ хочется дразнить его?

Ланшинъ смутился.

— Вы правы, Лизавета Михайловна,—промолвилъ онъ.—Всему виною—моя вѣчная необдуманность. Нѣтъ, не возражайте мнѣ; я себя хорошо знаю. Много зла мнѣ надѣлала моя необдуманность. Но ея милости я просилъ за эгоиста.

Ланшинъ помолчалъ. Съ чего бы ни начиналъ онъ разговоръ, онъ обыкновенно кончалъ тѣмъ, что говорилъ о самомъ себѣ, и это выходило у него какъ то мило и мягко, задушевно, словно невольно.

— Вотъ и въ вашемъ домѣ,—продолжалъ онъ;—матушка ваша, конечно, ко мнѣ благоволитъ—она такая добрая: вы... впрочемъ, я не знаю вашего мнѣнія обо мнѣ; зато ваша тетушка просто меня терпѣть не можетъ. И ее тоже, должно быть, обидѣлъ какимъ-нибудь необдуманнымъ, глупымъ словомъ. Вѣдь она меня не любитъ, не правда-ли?

— Да,—произнесла Лиза съ небольшой запинкой;—вы ей не нравитесь.

Ланшинъ быстро провелъ пальцами по клавишамъ; слѣда замѣтная усмѣшка скользнула по его губамъ.

— Ну, а вы?—промолвилъ онъ;—я вамъ тоже кажусь эгоистомъ?

— Я васъ еще мало знаю,—возразила Лиза;—но я васъ не считаю за эгоиста: я, напротивъ, должна быть благодарна вамъ...

— Знаю, знаю, что вы хотите сказать,—перебилъ ее Лан-

нинъ, и снова пробѣжалъ пальцами по клавишамъ:—за ноты, за книги, которыя я вамъ привезу, за плохіе рисунки, которыми я украшаю вашъ альбомъ, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Я могу все это дѣлать—и все-таки быть эгоистомъ. Смѣю думать, что вы не скучаете со мною и что вы не считаете меня за дурного человѣка, но все же вы полагаете, что я—какъ онинь это сказано?—для краснаго словца не пожалѣю ни отца, ни пріятеля.

— Вы разсѣянны и забывчивы, какъ всѣ свѣтскіе люди, — промолвила Лиза:—вотъ и все.

Паншинъ немного нахмурился.

— Послушайте,—сказалъ онъ:—не будемте больше говорить обо мнѣ; станемте разыгрывать нашу сонату. Объ одномъ только прошу я васъ,—промолвилъ онъ, разглаживая рукою нѣсколько лежавшихъ на пюпитрѣ тетрадей:—думайте обо мнѣ, что хотите, называйте меня даже эгоистомъ—такъ и быть! но не называйте меня свѣтскимъ человѣкомъ; это клеймо на мнѣ нестерпимо... Anch'io sono pittore. Я тоже артистъ, хотя плохой, и это, а именно то, что я плохой артистъ,—я вамъ покажу сейчасъ же на дѣлѣ. Начнемъ же.

— Начнемъ, пожалуй,—сказала Лиза.

Первое adagio прошло довольно благополучно, хотя Паншинъ неоднократно ошибался. Свое и заученное онъ игралъ очень мило, но разбиралъ плохо. Зато вторая часть сонаты—довольно быстрое allegro—совсѣмъ не пошла: на двѣнадцатомъ тактѣ Паншинъ, отставивъ такта на два, не выдержалъ и со смѣхомъ отодвинулъ свой стулъ.

— Нѣтъ!—воскликнулъ онъ:—я не могу сегодня играть; хорошо, что Леммъ насъ не слышалъ: онъ бы въ обморокъ упалъ.

Лиза встала, закрыла фортепіано и обернулась къ Паншину.

— Что же мы будемъ дѣлать?—спросила она.

— Ваша власть въ этомъ вопросѣ! Вы никакъ не можете

сидѣть сложа руки. Что-жъ, если хотите, давайте рисовать, пока еще не совсѣмъ стемнѣло. Авось другая муза—муза рисованія—какъ опять ее звали? позабылъ... будетъ ко мнѣ благосклоннѣе. Гдѣ вашъ альбомъ? Помните, тамъ мой пейзажъ не конченъ.

Лиза пошла въ другую комнату за альбомомъ, а Нашинъ, оставшись одинъ, досталъ изъ кармана батистовый платокъ, потеръ себѣ ногти и посмотрѣлъ, какъ-то скосясь, на свои руки. Онѣ у него были очень красивы и бѣлы: на большомъ пальцѣ лѣвой руки носилъ онъ вытообразное золотое кольцо. Лиза вернулась; Нашинъ усѣлся къ окну, развернулъ альбомъ.

— Ага!—воскликнулъ онъ;—я вижу, вы начали срисовывать мой пейзажъ—и прекрасно. Очень хорошо! Вотъ тутъ только—дайте-ка карандашъ—не довольно сильно положены тѣни. Смотрите.

И Нашинъ размашисто провелъ нѣсколько длинныхъ штриховъ. Онъ постоянно рисовалъ одинъ и тотъ же пейзажъ: на первомъ планѣ большія растрепанныя деревья, въ отдаленьѣ поляну, и зубчатыя горы на небосклонѣ. Лиза глядѣла черезъ его плечо на его работу.

— Въ рисункѣ, да и вообще въ жизни,—говорилъ Нашинъ, слегка поворачивая то направо, то налѣво:—легкость и смѣлость—первое дѣло.

Въ это мгновеніе вошелъ въ комнату Лемм и, сухо поклонившись, хотѣлъ удалиться; но Нашинъ бросилъ альбомъ и карандашъ въ сторону и преградилъ ему дорогу.

— Куда же вы, любезнѣйшій Христоферъ Осиповичъ? развѣ вы не остаетесь чай пить?

— Мнѣ нѣтъ,—проговорилъ Лемм угрюмымъ голосомъ:—голова болитъ.

— Ну, что за пустяки,—останьтесь. Мы съ вами поспоримъ о Шекспирѣ.

— Голова болитъ,—повторилъ старикъ.

— А мы безъ васъ принялись-было за Бетховенскую сонату, — продолжалъ Паншинъ, любезно взявъ его за талію и свѣтло улыбаясь: — но дѣло совсѣмъ на ладъ не пошло. Вообразите, я не могъ двѣ ноты сряду взять вѣрно.

— Вы бы опять спѣли свой романсъ лучше, — возразилъ Лемм, отводя руки Паншина, и вышелъ вонъ.

Лиза побѣжала вслѣдъ за нимъ. Она догнала его на крыльцѣ.

— Христофоръ Ѳедорычъ, послушайте, — сказала она ему по-нѣмецки, провожая его до воротъ по зеленой короткой травкѣ двора: — я виновата передъ вами — простите меня.

Лемм ничего не отвѣчалъ.

— Я показала Владиміру Николаевичу вашу кантату; я была увѣрена, что онъ ее оцѣнитъ, — и она, точно, очень ему понравилась.

Лемм остановился.

— Это ничего, — сказалъ онъ по-русски и потомъ привыкъ на родномъ своемъ языкѣ: — но онъ не можетъ ничего понимать: какъ вы этого не видите? — Онъ дилеттантъ — и все тутъ!

— Вы къ нему несправедливы, — возразила Лиза: — онъ все понимаетъ и самъ почти все можетъ сдѣлать.

— Да, все второй номеръ, легкій товаръ, спѣшная работа. Это нравится, и онъ нравится, и самъ онъ этимъ доволенъ — ну, и браво. А я не сержусь: эта кантата и я — мы оба старые дураки: мнѣ немножко стыдно, но это ничего

— Простите меня, Христофоръ Ѳедорычъ, — проговорила снова Лиза.

— Ничего, ничего, — повторилъ онъ опять по русски: — вы добрая дѣвушка.... а вотъ кто-то къ вамъ идетъ. Прощайте. Вы очень добрая дѣвушка.

И Лемм утомленнымъ шагомъ направился къ воротамъ, въ которыя входилъ какой-то незнакомый ему господинъ, въ сѣромъ пальто и широкой соломенной шляпѣ. Вы-

ливо поклонившись ему (онъ кланялся всѣмъ новымъ лицамъ въ городѣ О....; отъ знакомыхъ онъ отворачивался на улицѣ—такое уже онъ положилъ себѣ правило), Лемм прошелъ мимо и исчезъ за заборомъ. Незнакомецъ съ удивленьемъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, и вглядѣвшись въ Лизу, подошелъ прямо къ ней.

VII.

— Вы меня не узнаёте,—промолвилъ онъ, снимая шляпу,—а я васъ узналъ, даромъ-что уже восемь лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я васъ видѣлъ въ послѣдній разъ. Вы были тогда ребенокъ. Я Лаврецкій. Матушка ваша дома? Можно ее видѣть?

— Матушка будетъ очень рада,—возразила Лиза;—она слышала о вашемъ пріѣздѣ.

— Вѣдь васъ, кажется, зовутъ Елизаветой?—промолвилъ Лаврецкій, взбираясь по ступенямъ крыльца.

— Да.

— Я помню васъ хорошо; у васъ уже тогда было такое лицо, котораго не забываешь: я вамъ тогда совѣтовалъ конфекты.

Лиза покраснѣла и подумала: какой онъ страшный! Лаврецкій остановился на минуту въ передней. Лиза вошла въ гостиную, гдѣ раздавался голосъ и хохотъ Пашина; онъ сообщалъ какую-то городскую сплетню Маріи Дмитріевнѣ и Гедеоновскому, уже успѣвшимъ вернуться изъ сада, и самъ громко смѣялся тому, что разсказывалъ. При имени Лаврецкаго, Марья Дмитріевна вся всполошилась, побѣлѣла и пошла къ нему на встрѣчу.

—Здравствуйте, здравствуйте, mon cher cousin!—послышался ея растянутый и почти слезливый голосъ;—какъ я рада васъ видѣть!

— Здравствуйте, моя добрая кузина,—возразилъ Лавре-

кій и дружелюбно пожалъ ея протянутую руку:—какъ васъ Господь милуетъ?

— Садитесь, садитесь, мой дорогой Ѳедоръ Иванычъ. Ахъ, какъ я рада! Позвольте, во-первыхъ, представить вамъ мою дочь, Лизу...

— Я ужъ самъ отрекомендовался Елизаветѣ Михайловнѣ, —перебилъ ее Лаврецкій.

— Мсьё Паншинъ... Сергѣй Петровичъ Гедеоновскій.... Да садитесь же! Глядя на васъ и, право, даже глазамъ не вѣрю. Какъ здоровье ваше?

— Какъ изволите видѣть: процвѣтаю. Да и вы, кузина,— какъ бы васъ не сглазить—не похудѣли въ эти восемь лѣтъ.

— Какъ подумаешь, сколько времени не видались, — мечтательно промолвила Марья Дмитріевна.—Вы откуда теперь? Гдѣ вы оставили.... то-есть, я хотѣла сказать—торопливо подхватила она,—я хотѣла сказать, надолго ли вы къ намъ?

— Я пріѣхалъ теперь изъ Берлина,—возразилъ Лаврецкій, и завтра же отправляюсь въ деревню—вѣроятно, надолго.

— Вы, конечно, въ Лаврикахъ жить будете?

— Нѣтъ, не въ Лаврикахъ, а есть у меня, верстахъ въ двадцати-пяти отсюда, деревушка; такъ я туда ѣду.

— Это деревушка, что вамъ отъ Глафиры Петровны досталась?

— Та самая.

— Помилуйте, Ѳедоръ Иванычъ! У васъ въ Лаврикахъ такой чудесный домъ!

Лаврецкій чуть-чуть нахмурилъ брови.

— Да.... но и въ той деревушкѣ есть флигелекъ; а мнѣ пока больше ничего не нужно. Это мѣсто—для меня теперь самое удобное.

Марья Дмитріевна опять до того смѣшалась, что даже выпрямилась и руки развела. Паншинъ пришелъ ей на по-

мощь и вступилъ въ разговоръ съ Лаврецкимъ. Марья Дмитріевна успокоилась, опустилась на спинку кресель и лишь изрѣдка вставляла свое словечко; но при этомъ такъ жалостливо глядѣла на своего гостя, такъ значительно вздыхала и такъ уныло покачивала головой, что тотъ наконецъ не вытерпѣлъ и довольно рѣзко спросилъ ее: здорова ли она?

— Слава Богу,—возразила Марья Дмитріевна,—а что?

— Такъ, мнѣ показалось, что вамъ не по себѣ.

Марья Дмитріевна приняла видъ достойный и нѣсколько обиженный.—„А коли такъ,—подумала она,—мнѣ совершенно все равно: видно тебѣ, мой батюшка, все какъ съ гуся вода; иной бы съ горя исчахъ, а тебя еще разнесло". Марья Дмитріевна сама съ собой не церемонилась: вслухъ она говорила изящнѣе.

Лаврецкій, дѣйствительно, не походилъ на жертву рока. Отъ его краснощекаго, чисто-русскаго лица, съ большимъ бѣлымъ лбомъ, немного толстымъ носомъ и широкими правильными губами, такъ и вѣяло стойкимъ здоровьемъ, крѣпкой, долговѣчной силой. Сложенъ онъ былъ на славу, — и бѣлокурые волосы вились на его головѣ, какъ у юноши. Въ однихъ только его глазахъ, голубыхъ, на выкатѣ и нѣсколько неподвижныхъ, замѣчалась—не то задумчивость, не то усталость, и голосъ его звучалъ какъ-то слишкомъ ровно.

Наншинъ между тѣмъ продолжалъ поддерживать разговоръ. Онъ навелъ рѣчь на выгоды сахароваренія, о которомъ недавно прочелъ двѣ французскія брошюрки, и съ спокойной скромностью принялся излагать ихъ содержаніе, не упоминая, впрочемъ, о нихъ ни единымъ словомъ.

— А рѣдьки-то Федя! —раздался вдругъ въ сосѣдней комнатѣ, за полу-закрытой дверью, голосъ Маремъ Тимофеевны: —Федя, точно! И старушка проворно вошла въ гостиную. Лаврецкій не успѣлъ еще подняться со стула, какъ уже она обнимала его. —Покажи-ка себя, покажи-ка, — промолвила она, отодвигаясь отъ его лица. —Ой да какой же ты слав-

ный! Постарѣлъ, а не подурнѣлъ нисколько, право! Да что ты руки у меня цѣлуешь—ты меня самое цѣлуй, коли тебѣ мои смороженыя щеки не противны. Небось, не спросилъ обо мнѣ: что, дескать, жива ли тетка? А вѣдь ты у меня на рукахъ родился, пострѣлъ эдакой! Ну, да это все равно; гдѣ тебѣ было обо мнѣ вспомнить! Только ты умница, что пріѣхалъ. А что, мать моя,—прибавила она, обращаясь къ Маріѣ Дмитріевнѣ,—угостила ты его чѣмъ-нибудь?

— Мнѣ ничего не нужно,—поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.

— Ну, хоть чаю напейся, мой батюшка. Господи, Боже мой! Пріѣхалъ нивѣсть откуда, и чашки чаю ему не дадутъ. Лиза, поди, похлопочи, да поскорѣй. Я помню, маленькій онъ былъ обжора страшный, да и теперь, должно быть, покушать любитъ.

— Мое почтеніе, Марфа Тимофеевна,—промолвилъ Лаврецкій, приближаясь къ боку къ расходившейся старушкѣ и низко кланяясь.

— Извините меня, сударь мой,—возразила Марфа Тимофеевна,—не замѣтила васъ на радости. На мать ты свою похожъ сталъ, на голубушку,—продолжала она, снова обратившись къ Лаврецкому:—только носъ у тебя отцовскій былъ, отцовскимъ и остался. Ну - и надолго ты къ намъ?

— Я завтра ѣду, тетушка.

— Куда?

— Къ себѣ, въ Васильевское.

— Завтра?

— Завтра.

— Ну, коли завтра, такъ завтра. Съ Богомъ.—тебѣ лучше знать. Только ты, смотри, зайди проститься.—Старушка потрепала его по щекѣ.—Не думала я дождаться тебя; и не то, чтобъ я умирать собиралась; нѣтъ - меня еще годовъ на десять, пожалуй, хватитъ: всѣ мы, Нестеровы, живучи; дѣдъ твой покойный, бывало, двухнильными насъ про-

зывалъ; да вѣдь Господь тебя зналъ, сколько бъ ты еще за границей проболтался. Ну, а молодецъ ты, молодецъ: чай, попрежнему десять пудовъ одной рукой поднимаешь? Твой батюшка покойный, извини, ужъ на что былъ вздорный, а хорошо сдѣлалъ, что швейцарца тебѣ нанялъ; помнишь, вы съ нимъ на кулачки бились; гимнастикой, что̀-ли, это прозывается?—Но однако, что́ это я такъ раскудахталась; только г. Паншину́ (она никогда не называла его, какъ слѣдовало, Па̀ншинымъ) разсуждать помѣшала. А впрочемъ, станемте-ка лучше чай пить: да на террасу пойдемте его, батюшка, пить: у насъ сливки —не то, что̀ въ вашихъ Лондонахъ да Парижахъ. Пойдемте, пойдемте, а ты, Оедюша, дай мнѣ руку. О! да какая же она у тебя толстая! Небось, съ тобой не упадешь.

Всѣ встали и отправились на террасу, за исключеніемъ Гедеоновскаго, который втихомолку удалился. Во все продолженіе разговора Лаврецкаго съ хозяйкой дома, Паншинымъ и Марѳой Тимоѳеевной, онъ сидѣлъ въ уголкѣ, внимательно моргая и съ дѣтскимъ любопытствомъ вытянувъ губы: онъ спѣшилъ теперь разнести вѣсть о новомъ гостѣ по городу.

Въ тотъ же день, въ одиннадцать часовъ вечера, вотъ что̀ происходило въ домѣ г-жи Калитиной. Внизу, на порогѣ гостиной, улучивъ удобное мгновеніе, Владиміръ Николаичъ прощался съ Лизой и говорилъ ей, держа ее за руку: вы знаете, кто меня привлекаетъ сюда; вы знаете, зачѣмъ я безпрестанно ѣзжу въ вашъ домъ; къ чему тутъ слова, когда и такъ все ясно. Лиза ничего не отвѣчала ему и, не улыбаясь, слегка приподнявъ брови и краснѣя, глядѣла на полъ, но не отнимала своей руки; а наверху, въ комнатѣ Марѳы Тимоѳеевны, при свѣтѣ лампадки, висѣвшей передъ тусклыми старинными образами, Лаврецкій сидѣлъ на кре-

слахъ, облокотившись на колѣни и положивъ лицо на руки; старушка, стоя передъ нимъ, изрѣдка и молча гладила его по волосамъ. Болѣе часу провелъ онъ у ней, простившись съ хозяйкой дома; онъ почти ничего не сказалъ своей старинной доброй пріятельницѣ, и она его не разспрашивала... Да и къ чему было говорить, о чемъ разспрашивать? Она и такъ все понимала, она и такъ сочувствовала всему, чѣмъ переполнялось его сердце.

VIII.

Федоръ Ивановичъ Лаврецкій (мы должны попросить у читателя позволеніе прервать на время нить нашего разсказа) происходилъ отъ старинnаго дворянскаго племени. Родоначальникъ Лаврецкихъ выѣхалъ въ княженіе Василія Темнаго изъ Пруссіи и былъ пожалованъ двумя стами четвертями земли въ Бѣжецкомъ-верху. Многіе изъ его потомковъ числились въ разныхъ службахъ, сидѣли подъ князьями и людьми именитыми на отдаленныхъ воеводствахъ, но ни одинъ изъ нихъ не поднялся выше стольника и не пріобрѣлъ значительнаго состоянія. Богаче и замѣчательнѣе всѣхъ Лаврецкихъ былъ родной прадѣдъ Федора Иваныча, Андрей, человѣкъ жестокій, дерзкій, умный и лукавый. До нынѣшняго дня не умолкла молва объ его самоуправствѣ, о бѣшеномъ его нравѣ, безумной щедрости и алчности неутолимой. Онъ былъ очень толстъ и высокъ ростомъ, изъ лица смуглъ и безбородъ, картавилъ и казался сонливымъ; но чѣмъ онъ тише говорилъ, тѣмъ больше трепетали всѣ вокругъ него. Онъ и жену досталъ себѣ подъ-стать. Шучегласая, съ ястребинымъ носомъ, съ круглымъ желтымъ лицомъ, цыганка родомъ, вспыльчивая и мстительная, она ни въ чемъ не уступала мужу, который чуть не уморилъ ее и котораго она не пережила, хотя вѣчно съ нимъ грызлась. Сынъ Андрея, Петръ, Федоровъ дѣдъ, не походилъ на сво-

его отца: это былъ простой, степной баринъ, довольно взбалмошный, крикунъ и копотунъ, грубый, но не злой, хлѣбосолъ и псовый охотникъ. Ему было за тридцать лѣтъ, когда онъ наслѣдовалъ отъ отца двѣ тысячи душъ въ отличномъ порядкѣ; но онъ скоро ихъ распустилъ, частью продалъ свое имѣнье, дворню избаловалъ. Какъ тараканы сползались со всѣхъ сторонъ знакомые и незнакомые мелкіе людишки въ его обширныя, теплыя и неопрятныя хоромы: все это наѣдалось, чѣмъ попало, но до-сыта, напивалось до пьяна и тащило вонъ, что́ могло, прославляя и величая ласковаго хозяина, и хозяинъ, когда былъ не въ духѣ, тоже величалъ своихъ гостей—дармоѣдами и прохвостами, а безъ нихъ скучалъ. Жена Петра Андреича была смиренница: онъ взялъ ее изъ сосѣдняго семейства, по отцовскому выбору и приказанію; звали ее Анной Павловной. Она ни во что не вмѣшивалась, радушно принимала гостей и охотно сама выѣзжала, хотя пудриться, по ея словамъ, было для нея смертью. Поставятъ тебѣ, разсказывала она въ старости, войлочный шлыкъ на голову, волосы всѣ зачешутъ кверху, саломъ вымажутъ, мукой посыплютъ, желѣзныхъ булавокъ натыкаютъ,—не отмоешься потомъ; а въ гости безъ пудры нельзя—обидятся;—му́ка! Она любила кататься на рысакахъ, въ карты готова была играть съ утра до вечера, и всегда, бывало, закрывала рукой записанный на нее копѣечный выигрышъ, когда мужъ подходилъ къ игорному столу; а все свое приданое, всѣ деньги отдала ему въ безотвѣтное распоряженіе. Она прижила съ нимъ двухъ дѣтей: сына Ивана, Ѳедорова отца, и дочь Глафиру. Иванъ воспитывался не дома, а у богатой, старой тетки, княжны Кубенской: она назначила его своимъ наслѣдникомъ (безъ этого отецъ бы его не отпустилъ): одѣвала его, какъ куклу, нанимала ему всякаго рода учителей, поставила къ нему гувернера, француза, бывшаго аббата, ученика Жанъ-Жака Руссо, нѣкоего mr. Courtin de Vaucelles, ловкаго и тонкаго пропыру,—самую.

какъ она выражалась, fine fleur эмиграціи, - и кончила тѣмъ, что чуть не 70-ти лѣтъ вышла замужъ за этого „финь-флёръ“: перевела на его имя все свое состояніе и вскорѣ потомъ, разрумяненная, раздушенная амброй à la Richelieu, окруженная арапченками, тонконогими собачками и крикливыми попугаями, умерла на шелковомъ кривомъ диванчикѣ временъ Людовика XV, съ эмалевой табакеркой работы Петито въ рукахъ, — и умерла, оставленная мужемъ: вкрадчивый господинъ Куртенъ предпочелъ удалиться въ Парижъ съ ея деньгами. Ивану пошелъ всего двадцатый годъ, когда этотъ неожиданный ударъ (мы говоримъ о бракѣ княжны, не объ ея смерти) надъ нимъ разразился; онъ не захотѣлъ остаться въ теткиномъ домѣ, гдѣ онъ изъ богатаго наслѣдника внезапно превратился въ приживальщика; въ Петербургѣ общество, въ которомъ онъ выросъ, передъ нимъ закрылось; къ службѣ съ низкихъ чиновъ, трудной и темной, онъ чувствовалъ отвращеніе (все это происходило въ самомъ началѣ царствованія императора Александра); пришлось ему, поневолѣ, вернуться въ деревню, къ отцу. Грязно, бѣдно, дрянно показалось его родимое гнѣздо; глушь и копоть степного житья-бытья на каждомъ шагу его оскорбляли; скука его грызла; за то и на него всѣ въ домѣ, кромѣ матери, недружелюбно глядѣли. Отцу не нравились его столичныя привычки, его фраки, жабо, книги, его флейта, его опрятность, въ которой не даромъ чуялась ему гадливость: онъ, то и дѣло, жаловался и ворчалъ на сына. — „Все здѣсь не по немъ, говаривалъ онъ: за столомъ привередничаетъ, не ѣстъ, людского запаху, духоты переносить не можетъ, видъ пьяныхъ его разстраиваетъ, драться при немъ тоже не смѣй, служить не хочетъ: слабъ, вишь, здоровьемъ; фу ты, нѣженка этакой! А все оттого, что Вольтеръ въ головѣ сидитъ“. Старикъ особенно не жаловалъ Вольтера да еще „изувѣра“ Дидерота, хотя ни одной строки изъ ихъ сочиненій не прочелъ: читать было не по его части. Петръ

Андреичъ не ошибался: точно, и Дидеротъ, и Вольтеръ сидѣли въ головѣ его сына, и не они одни — и Руссо, и Рейналь, и Гельвецій, и много другихъ, подобныхъ имъ, сочинителей сидѣли въ его головѣ, — но въ одной только головѣ. Бывшій наставникъ Ивана Петровича, отставной аббатъ и энциклопедистъ, удовольствовался тѣмъ, что влилъ цѣликомъ въ своего воспитанника всю премудрость XVIII-го вѣка, и онъ такъ и ходилъ наполненный ею; она пребывала въ немъ, не смѣшавшись съ его кровью, не проникнувъ въ его душу, не сказавшись крѣпкимъ убѣжденьемъ ... Да и возможно ли было требовать убѣжденій отъ молодого малаго 50 лѣтъ тому назадъ, когда мы ещe и теперь не доросли до нихъ? Носѣтителей отцовскаго дома Иванъ Петровичъ тоже стѣснялъ; онъ ими гнушался, они его боялись; а съ сестрой Глафирой, которая была двѣнадцатью годами старше его, онъ не сошелся вовсе. Эта Глафира была страшное существо: некрасивая, горбатая, худая, съ широко раскрытыми, строгими глазами и сжатымъ тонкимъ ртомъ, она лицомъ, голосомъ, угловатыми, быстрыми движеніями, напоминала свою бабку, цыганку, жену Андрея. Настойчивая, властолюбивая, она и слышать не хотѣла о замужествѣ. Возвращеніе Ивана Петровича ей пришлось не по нутру: пока княжна Кубенская держала его у себя, она надѣялась получить, по крайней мѣрѣ, половину отцовскаго имѣнія: она и по скупости вышла въ бабку. Сверхъ того, Глафира завидовала брату: онъ такъ былъ образованъ, такъ хорошо говорилъ по-французски, съ парижскимъ выговоромъ, а она едва умѣла сказать: „бонжуръ", да „комантъ ву порте ву"? Правда, родители ея по-французски вовсе не разумѣли, — да отъ этого ей не было легче. Иванъ Петровичъ не зналъ, куда дѣться отъ тоски и скуки; невступно годъ провелъ онъ въ деревнѣ, да и тотъ показался ему за десять лѣтъ. Только съ матерью своею онъ и отводилъ душу, и по цѣлымъ часамъ сиживалъ въ ея низкихъ покояхъ, слушая незатѣйли-

вую болтовню доброй женщины и наѣдаясь вареньемъ. Случилось такъ, что въ числѣ горничныхъ Анны Павловны находилась одна очень хорошенькая дѣвушка, съ ясными, кроткими глазками и тонкими чертами лица, по имени Маланья, умница и скромница. Она съ перваго разу приглянулась Ивану Петровичу; и онъ полюбилъ ее: онъ полюбилъ ея робкую походку, стыдливые отвѣты, тихій голосокъ, тихую улыбку; съ каждымъ днемъ она ему казалась милѣй. И она привязалась къ Ивану Петровичу всей силою души, какъ только русскія дѣвушки умѣютъ привязаться — и отдалась ему. Въ помѣщичьемъ деревенскомъ домѣ никакая тайна долго держаться не можетъ: скоро всѣ узнали о связи молодого барина съ Маланьей; вѣсть объ этой связи дошла наконецъ до самого Петра Андреича. Въ другое время онъ, вѣроятно, не обратилъ бы вниманія на такое маловажное дѣло; но онъ давно злился на сына, и обрадовался случаю пристыдить петербургскаго мудреца и франта. Поднялся гвалтъ, крикъ и гамъ; Маланью заперли въ чуланъ; Ивана Петровича потребовали къ родителю. Анна Павловна тоже прибѣжала на шумъ. Она попыталась-было укротить мужа, но Петръ Андреичъ уже ничего не слушалъ. Ястребомъ напустился онъ на сына, упрекалъ его въ безнравственности, въ безбожіи, въ притворствѣ; кстати выместилъ на немъ всю накипѣвшую досаду противъ княжны Кубенской, осыпалъ его обидными словами. Сначала Иванъ Петровичъ молчалъ и крѣпился, но когда отецъ вздумалъ грозить ему постыднымъ наказаніемъ, онъ не вытерпѣлъ. „Изувѣръ Дидеротъ опять на сценѣ, — подумалъ онъ, — такъ пущу же я его въ дѣло, постойте; я васъ всѣхъ удивлю“. И тутъ же спокойнымъ ровнымъ голосомъ, хотя съ внутренней дрожью во всѣхъ членахъ, Иванъ Петровичъ объявилъ отцу, что онъ напрасно укоряетъ его въ безнравственности, что хотя онъ не намѣренъ оправдывать свою вину, но готовъ ее исправить, и тѣмъ охотнѣе, что чувствуетъ себѣ выше вся-

кихъ претразушковъ — а именно — готовъ жениться на Маланьѣ. Произнеся эти слова, Иванъ Петровичъ, безспорно, достигъ своей цѣли: онъ до того изумилъ Петра Андреича, что тотъ глаза вытаращилъ и онѣмѣлъ на мгновенье; но тотчасъ же опомнился, и какъ былъ въ тулупчикѣ на бѣличьемъ мѣху и въ башмакахъ на босу ногу, такъ и бросился съ кулаками на Ивана Петровича, который, какъ нарочно, въ тотъ день причесался à la Titus и надѣлъ новый англійскій синій фракъ, сапоги съ кисточками и щегольскіе лосинные панталоны въ обтяжку. Анна Павловна закричала благимъ матомъ и закрыла лицо руками, а сынъ ея побѣжалъ черезъ весь домъ, выскочилъ на дворъ, бросился въ огородъ, въ садъ, черезъ садъ вылетѣлъ на дорогу, и все бѣжалъ безъ оглядки, пока наконецъ пересталъ слышать за собою тяжелый топотъ отцовскихъ шаговъ и его усиленные, прерывистые крики... — Стой, мошенникъ! — вопилъ онъ, — стой! прокляну! — Иванъ Петровичъ спрятался у сосѣдняго однодворца, а Петръ Андреичъ вернулся домой весь изнеможенный и въ поту, объявилъ, едва переводя дыханіе, что лишаетъ сына благословенія и наслѣдства, приказалъ сжечь всѣ его дурацкія книги, а дѣвку Маланью немедленно сослать въ дальнюю деревню. Нашлись добрые люди, отыскали Ивана Петровича, извѣстили его обо всемъ. Пристыженный, взбѣшенный, онъ поклялся отомстить отцу, и въ ту же ночь, подкарауливъ крестьянскую телѣгу, на которой везли Маланью, отбилъ ее силой, нескакалъ съ нею въ близкій городъ и обвѣнчался съ ней. Деньгами его снабдилъ сосѣдъ, извѣстный пьяница и добрый малый, отставной морякъ, страшный охотникъ до всякой, какъ онъ выражался, благородной исторіи. На другой день Иванъ Петровичъ написалъ чрезвычайно-холодное и учтивое письмо Петру Андреичу, а самъ отправился въ деревню, гдѣ жила его двоюродная сестра, Дмитрій Нестоя, съ своею сестрой, уже знакомою читателямъ, Марьею Тимофеевной. Онъ разсказалъ имъ все, объявилъ, что

намѣренъ ѣхать въ Петербургъ искать мѣста и упросилъ ихъ хоть на время пріютить его жену. При словѣ: жена— онъ всплакнулъ горько и, несмотря на свое столичное образованіе и философію, униженно, бѣднячкомъ-русачкомъ поклонился своимъ родственникамъ въ ноги, и даже стукнулъ о полъ лбомъ. Пестовы, люди жалостливые и добрые, охотно согласились на его просьбу; онъ прожилъ у нихъ недѣли три, втайнѣ ожидая отвѣта отъ отца; но отвѣта не пришло,—и придти не могло. Петръ Андреичъ, узнавъ о свадьбѣ сына, слегъ въ постель и запретилъ упоминать при себѣ имя Иванъ Петровича; только мать, тихонько отъ мужа, заняла у благочиннаго и прислала 500 рублей ассигнаціями да образокъ его женѣ: написать она побоялась, но велѣла сказать Ивану Петровичу, черезъ посланнаго сухопараго мужичка, умѣвшаго уходить въ сутки по шестидесяти верстъ, чтобъ онъ не очень огорчался, что, Богъ дастъ, все устроится и отецъ переложитъ гнѣвъ на милость; что и ей другая невѣстка была бы желательнѣе, но что видно Богу такъ было угодно, а что она посылаетъ Маланьѣ Сергѣевнѣ свое родительское благословленіе. Сухопарый мужичекъ получилъ рубль, попросилъ позволенія повидаться съ новою барыней, которой онъ доводился кумомъ, поцѣловалъ у ней ручку и побѣжалъ во-свояси.

А Иванъ Петровичъ отправился въ Петербургъ съ легкимъ сердцемъ. Неизвѣстная будущность его ожидала: бѣдность, быть можетъ, грозила ему, но онъ разстался съ ненавистною деревенской жизнью, а главное—не выдалъ своихъ наставниковъ, дѣйствительно „пустилъ въ ходъ" и отправлялъ на дѣлѣ Руссо, Дидерота и la Déclaration des droits de l'homme. Чувство совершеннаго долга, торжества, чувство гордости наполняло его душу; да и разлука съ женою не очень пугала его; его бы скорѣе смутила необходимость постоянно жить съ женою. То дѣло было сдѣлано; надобно было приняться за другія дѣла. Въ Петербургѣ, вопреки

его собственнымъ ожиданіямъ, ему повезло: княжна Кубенская, —которую мусье Куртенъ успѣлъ бросить, но которая не успѣла еще умереть,—чтобы чѣмъ-нибудь загладить свою вину передъ племянникомъ, отрекомендовала его всѣмъ своимъ друзьямъ и подарила ему 5,000 рублей — едва-ли не послѣднія свои денежки — да Лепиковскіе часы съ его вензелемъ въ гирляндѣ амуровъ. Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ онъ ужъ получилъ мѣсто при русской миссіи въ Лондонѣ и съ первымъ отходившимъ англійскимъ кораблемъ (пароходовъ тогда еще въ поминѣ не было) уплылъ за море. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, получилъ онъ письмо отъ Пестова. Добрый помѣщикъ поздравлялъ Ивана Петровича съ рожденіемъ сына, явившагося на свѣтъ въ селѣ Покровскомъ 20 августа 1807 года и нареченнаго Ѳедоромъ, въ честь святого мученика Ѳедора Стратилата. По причинѣ большой слабости Маланья Сергѣевна приписывала только нѣсколько строкъ; но и эти немногія строки удивили Ивана Петровича: онъ не зналъ, что Марѳа Тимоѳеевна выучила его жену грамотѣ. Впрочемъ, Иванъ Петровичъ не долго предавался сладостному волненію родительскихъ чувствъ: онъ ухаживалъ за одной изъ знаменитыхъ тогдашнихъ Фринъ или Лаисъ (классическія названія еще процвѣтали въ то время); Тильзитскій миръ былъ только-что заключенъ, и все спѣшило наслаждаться, все крутилось въ какомъ-то бѣшеномъ вихрѣ; черные глаза бойкой красавицы вскружили и его голову. Денегъ у него было очень мало; но онъ счастливо игралъ въ карты, заводилъ знакомства, участвовалъ во всѣхъ увеселеніяхъ, словомъ, плылъ на всѣхъ парусахъ.

IX.

Старикъ Лаврецкій долго не могъ простить сыну его свадьбу; еслибъ, пропустя полгода, Иванъ Петровичъ явился къ нему съ повинной головой и бросился ему въ ноги,

онъ бы, пожалуй, помиловалъ его, выбранивъ сперва хорошенько и постучавъ по немъ для страха клюкою; но Иванъ Петровичъ жилъ за границей и, повидимому, въ усъ себѣ не дулъ. – „Молчи! не смѣи!“ твердилъ Петръ Андреичъ всякій разъ женѣ, какъ только та пыталась склонить его на милость: „ему, щенку, должно вѣчно за меня Бога молить, что я клятвы на него не положилъ; покойный батюшка изъ собственныхъ рукъ убилъ бы его, негоднаго, и хорошо бы сдѣлалъ“. Анна Павловна при такихъ страшныхъ рѣчахъ только крестилась украдкой. Что же касается до жены Ивана Петровича, то Петръ Андреичъ сначала и слышать о ней не хотѣлъ, и даже въ отвѣтъ на письмо Нестова, въ которомъ тотъ упоминалъ о его невѣсткѣ, велѣлъ ему сказать, что онъ никакой якобы своей невѣстки не вѣдаетъ, а что законами воспрещается держать бѣглыхъ дѣвокъ, о чемъ онъ считалъ долгомъ его предупредить; но потомъ, узнавъ о рожденіи внука, смягчился, приказалъ подъ рукой освѣдомиться о здоровьѣ родительницы и послалъ ей, тоже будто не отъ себя, немного денегъ. Ѣдѣ еще году не минуло, какъ Анна Павловна занемогла смертельною болѣзнью. За нѣсколько дней до кончины, уже не вставая съ постели, съ робкими слезинками на погасающихъ глазахъ, объявила она мужу при духовникѣ, что желаетъ повидаться и проститься съ невѣсткой, благословить внука. Огорченный старикъ успокоилъ ее и тотчасъ же послалъ собственный свой экипажъ за невѣстой, въ первый разъ называя ее Маланьей Сергѣевной. Она пріѣхала съ сыномъ и съ Маѳой Тимоѳеевной, которая ни за что не хотѣла отпустить ее одну и не дала бы ее въ обиду. Полуживая отъ страха вошла Маланья Сергѣевна въ кабинетъ Петра Андреича. Нѣнька несла за ней Ѣдю. Петръ Андреичъ молча поглядѣлъ на нее; она подошла къ его рукѣ; ея трепетныя губы едва сложились въ беззвучный поцѣлуй.

— Ну, сыромолотная дворянка, — проговорилъ онъ наконецъ: — здравствуй; пойдемъ къ барынѣ.

Онъ всталъ и нагнулся къ Оедѣ: ребенокъ улыбнулся и протянулъ къ нему свои блѣдныя ручонки. Старика перевернуло.

— Охъ,—промолвилъ онъ, —спротивный! Умолилъ ты меня за отца; не оставлю я тебя, птенчикъ.

Маланья Сергѣевна, какъ вошла въ спальню Анны Павловны, такъ и стала на колѣни возлѣ двери. Анна Павловна поманила ее къ постели, обняла ее, благословила ея сына; потомъ обративъ обезображенное жестокою болѣзнью лицо къ своему мужу, хотѣла-было заговорить...

— Знаю, знаю, о чемъ ти просить хочешь, — промолвилъ Петръ Андреичъ:—не печалься: она останется у насъ, и Ваньку для нея помилую.

Анна Павловна съ усиліемъ поймала руку мужа и прижалась къ ней губами. Въ тотъ же вечеръ ея не стало.

Петръ Андреичъ сдержалъ свое слово. Онъ извѣстилъ сына, что для смертнаго часа его матери, для младенца Оедора, онъ возвращаетъ ему свое благословеніе, и Маланью Сергѣевну оставляетъ у себя въ домѣ. Ей отвели двѣ комнаты въ антресоляхъ, онъ представилъ ее своимъ почтеннѣйшимъ гостямъ, пріятому бригадиру Скурехину и женѣ его; подарилъ ей двухъ дѣвокъ и казачка для посылокъ. Марѳа Тихоновна съ ней простилась; она возненавидѣла Глафиру и въ теченіе одного дня раза три поссорилась съ нею.

Тяжело и неловко было сперва бѣдной женщинѣ: но потомъ она обтерпѣлась и привыкла къ своему тестю. Онъ тоже привыкъ къ ней, даже полюбилъ ее, хотя почти никогда не говорилъ съ ней, хотя въ самыхъ его ласкахъ къ ней замѣчалось какое-то невольное пренебреженіе. Больше всего терпѣла Маланья Сергѣевна отъ своей золовки. Глафира еще при жизни матери успѣла по-немногу забрать весь домъ

въ руки: всѣ, начиная съ отца, ей покорялись: безъ ея разрѣшенія куска сахару не выдавалось; она скорѣе согласилась бы умереть, чѣмъ подѣлиться властью съ другой хозяйкой,—и какою еще хозяйкой! Свадьба брата раздражила ее еще больше, чѣмъ Петра Андрича: она взялась проучить выскочку, и Маланья Сергѣевна съ перваго же часа стала ея рабой. Да и гдѣ-жъ ей было бороться съ самовольной, надменной Глафирой ей, безотвѣтной, постоянно смущенной и запуганной, слабой здоровьемъ? Дня не проходило, чтобъ Глафира не напомнила ей прежняго ея положенія, не похвалила бы ее за то, что она не забывается. Маланья Сергѣевна охотно помирилась бы на этихъ напоминовеніяхъ и похвалахъ, какъ горьки онѣ ни были... но Федю у нея отняли: вотъ что ее сокрушало. Подъ предлогомъ, что она не въ состояніи заниматься его воспитаніемъ, ее почти не допускала до него; Глафира взялась за это дѣло; ребенокъ поступилъ въ ея полное распоряженіе. Маланья Сергѣевна съ горя начала въ своихъ письмахъ умолять Ивана Петровича, чтобы онъ вернулся поскорѣе; самъ Петръ Андричъ желалъ видѣть своего сына; но онъ все только отписывался, благодарилъ отца за жену, за присылаемыя деньги, обѣщалъ пріѣхать скорѣ,—и не ѣхалъ. Двѣнадцатый годъ вызвалъ его наконецъ изъ-за границы. Увидавшись въ первый разъ послѣ шестилѣтней разлуки, отецъ съ сыномъ обнялись и даже словомъ не упомянули о прежнихъ раздорахъ: не до того было тогда: вся Россія поднималась на врага, и оба они почувствовали, что русская кровь течетъ въ ихъ жилахъ. Петръ Андричъ на свой счетъ одѣлъ цѣлый полкъ ратниковъ. Но война кончилась, опасность миновалась; Иванъ Петровичъ опять заскучалъ, опять потянуло его въ даль, въ тотъ міръ, съ которымъ онъ сросся и гдѣ чувствовалъ себя дома. Маланья Сергѣевна не могла удержать его: она слишкомъ мало для него значила. Даже надежди ея не сбылись: мужъ ея также нашелъ, что гораздо приличнѣе по-

ручить Глафирѣ воспитаніе Оди. Бѣдная жена Ивана Петровича не перенесла этого удара, не перенесла вторичной разлуки: безропотно, въ нѣсколько дней угасла она. Въ теченіе всей своей жизни не умѣла она ничему сопротивляться, и съ недугомъ она не боролась. Она уже не могла говорить, уже могильныя тѣни ложились на ея лицо, но черты ея по-прежнему выражали терпѣливое недоумѣніе и постоянную кротость смиренія; съ той же нѣмой покорностью глядѣла она на Глафиру, и какъ Анна Павловна на смертномъ одрѣ поцѣловала руку Петра Андреича, такъ и она приложилась къ Глафириной рукѣ, поручая ей, Глафирѣ, своего единственнаго сына. Такъ кончило свое земное поприще тихое и доброе существо, Богъ знаетъ зачѣмъ вырванное изъ родной почвы и тотчасъ же брошенное, какъ вырванное деревцо, корнями на солнце; оно увяло, оно пропало безъ слѣда, это существо, и никто не горевалъ о немъ. Пожалѣли о Маланьѣ Сергѣевнѣ ея горничныя, да еще Петръ Андреичъ. Старику недоставало ея молчаливаго присутствія. „Прости — прощай, моя безотвѣтная!“ прошепталъ онъ, склонясь ей въ послѣдній разъ, въ церкви. Онъ плакалъ, бросая горсть земли въ могилу.

Онъ самъ не долго пережилъ ее: не болѣе пяти лѣтъ. Зимой 1819 года, онъ тихо скончался въ Москвѣ, куда переѣхалъ съ Глафирой и внукомъ, и завѣщалъ похоронить себя рядомъ съ Анной Павловной, да съ „Маланьей“. Иванъ Петровичъ находился тогда въ Парижѣ, для своего удовольствія: онъ вышелъ въ отставку скоро послѣ 1815 года. Узнавъ о смерти отца, онъ рѣшился возвратиться въ Россію. Надобно было подумать объ устройствѣ имѣнія, да и Одѣ, по письму Глафиры, минуло двѣнадцать лѣтъ, и наступило время серьезно заняться его воспитаніемъ.

X.

Иванъ Петровичъ вернулся въ Россію англоманомъ. Коротко остриженные волосы, накрахмаленное жабо, долгополый гороховый сюртукъ со множествомъ воротничковъ, кислое выраженіе лица, что-то рѣзкое и вмѣстѣ равнодушное въ обращеніи, произношеніе сквозь зубы, деревянный внезапный хохотъ, отсутствіе улыбки, исключительно политическій и политико-экономическій разговоръ, страсть къ кровавымъ ростбифамъ и портвейну—все въ немъ такъ и вѣяло Великобританіей; весь онъ казался пропитанъ ея духомъ. Но — чудное дѣло! превратившись въ англомана, Иванъ Петровичъ сталъ въ то же время патріотомъ, по крайней мѣрѣ онъ называлъ себя патріотомъ, хотя Россію зналъ плохо не придерживался ни одной русской привычки и по-русски изъяснялся странно: въ обыкновенной бесѣдѣ рѣчь его, неповоротливая и вялая, вся пестрѣла галлицизмами; но чуть разговоръ касался предметовъ важныхъ, у Ивана Петровича тотчасъ являлись выраженія въ родѣ: „оказать новые опыты самоусердія“, „сіе не согласуется съ самою натурою обстоятельства“ и т. д. Иванъ Петровичъ привезъ съ собою нѣсколько рукописныхъ плановъ, касавшихся до устройства и улучшенія государства; онъ очень былъ недоволенъ всѣмъ, что̀ видѣлъ,—отсутствіе системы въ особенности возбуждало его желчь. При свиданіи съ сестрою, онъ съ первыхъ же словъ объявилъ ей, что намѣренъ внести коренныя преобразованія, что впредь у него все будетъ идти по ногтю системѣ. Глафира Петровна ничего не отвѣчала Ивану Петровичу, только зубы стиснула и подумала: „куда же я-то дѣнусь?“—Впрочемъ, пріѣхавши въ деревню вмѣстѣ съ братомъ и племянникомъ, она скоро успокоилась. Въ домѣ, точно, произошли нѣкоторыя перемѣны: приживальщики и тунеядцы подверглись немедленному изгнанію; въ числѣ ихъ пострадали двѣ старухи, одна—слѣ-

ная, другая—разбитая параличемъ, да еще дряхлый маіоръ Очаковскихъ временъ, котораго, по причинѣ его дѣйствительно-замѣчательной жадности, кормили однимъ чернымъ хлѣбомъ да чечевицей. Также вышелъ приказъ не принимать прежнихъ гостей: всѣхъ ихъ замѣнилъ дальній сосѣдъ, какой-то бѣлокурый, золотушный баронъ, очень хорошо воспитанный и очень глупый человѣкъ. Появилась новая мебель изъ Москвы; завелись плевательницы, колокольчики, умывальные столики, завтракъ сталъ иначе подаваться; иностранныя вина изгнали водки и наливки; людямъ пошили новыя ливреи; къ фамильному гербу прибавилась подпись: „in recto virtus"... Въ сущности же власть Глафиры нисколько не уменьшилась: всѣ выдачи, покупки, по прежнему, отъ нея зависѣли; вывезенный изъ-за границы камердинеръ изъ эльзасцевъ попытался-было съ нею потягаться—и лишился мѣста, несмотря на то, что баринъ ему покровительствовалъ. Что же до хозяйства, до управленія имѣніями (Глафира Петровна входила и въ эти дѣла), то, несмотря на неоднократно выраженное Иваномъ Петровичемъ намѣреніе: вдохнуть новую жизнь въ этотъ хаосъ,—все осталось по старому, только оброкъ кой-гдѣ прибавился, да барщина стала потяжелѣе, да мужикамъ запретили обращаться прямо къ Ивану Петровичу. Патріотъ очень ужъ презиралъ своихъ согражданъ. Система Ивана Петровича въ полной силѣ своей примѣнена была только къ Ѳедѣ: воспитаніе его дѣйствительно подверглось „коренному преобразованію": отецъ исключительно занялся имъ.

XI.

До возвращенія Ивана Петровича изъ-за границы, Ѳедя находился, какъ уже сказано, на рукахъ Глафиры Петровны. Ему не было восьми лѣтъ, когда мать его скончалась, онъ видѣлъ ее не каждый день и полюбилъ ее страстно; на-

мять объ ней, объ ея тихомъ и блѣдномъ лицѣ, объ ея унылыхъ взглядахъ и робкихъ ласкахъ на вѣки запечатлѣлась въ его сердцѣ; но онъ смутно понималъ ея положеніе въ домѣ; онъ чувствовалъ, что между нимъ и нею существовала преграда, которую она не смѣла и не могла разрушить. Отца онъ дичился, да и самъ Иванъ Петровичъ никогда не ласкалъ его: дѣдушка изрѣдка гладилъ его по головкѣ и допускалъ къ рукѣ, но называлъ и считалъ дурачкомъ. Послѣ смерти Маланьи Сергѣевны, тетка окончательно забрала его въ руки. Оедя боялся ея, боялся ея свѣтлыхъ и зоркихъ глазъ, ея рѣзкаго голоса; онъ не смѣлъ никуть при ней; бывало, онъ только-что заневелится на своемъ стулѣ, ужъ она и шипитъ: „куда? сиди смирно“. По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, позволяли ему играть, то-есть, давали ему толстую книгу, таинственную книгу, сочиненіе нѣкоего Максимовича-Амбодика, подъ заглавіемъ: „Символы и Эмблемы“. Въ этой книгѣ помѣщалось около тысячи частью весьма загадочныхъ рисунковъ, съ столь же загадочными толкованіями на пяти языкахъ. Купидонъ съ голымъ и пухлымъ тѣломъ игралъ большую роль въ этихъ рисункахъ. Къ одному изъ нихъ, подъ названіемъ: „Шафранъ и радуга“ относилось толкованіе: „дѣйствіе сего есть больное“: противъ другого, изображавшаго „Цаплю, летящую съ фіалковымъ цвѣткомъ во рту“, стояла надпись: „Тебѣ всѣ они суть извѣстны“.—„Купидонъ и медвѣдь, лижущій своего медвѣженка“, означали: „Мало-по-малу“. Оедя разсматривалъ эти рисунки; всѣ были ему знакомы до малѣйшихъ подробностей; нѣкоторые, всегда одни и тѣ же, заставляли его задумываться и будили его воображеніе; другихъ развлеченій онъ не зналъ. Когда наступила пора учить его языкамъ и музыкѣ, Глафира Петровна наняла за безцѣнокъ старую дѣвицу, нѣмку съ заячьими глазами, которая съ грѣхомъ пополамъ говорила по-французски и по-нѣмецки, кое-какъ играла на фортепіано, да сверхъ того отлично солила огур-

цы. Въ обществѣ этой наставницы, тетки, да старой сѣнной дѣвушки, Васильевны, провелъ Оедя цѣлыхъ четыре года. Бывало, сидитъ онъ въ уголку съ своими „Эмблемами“ — сидитъ... сидитъ... въ низкой комнатѣ пахнетъ геранiумомъ, тускло горитъ одна сальная свѣчка, сверчокъ трещитъ однообразно, словно скучаетъ, маленькіе стѣнные часы торопливо чикаютъ на стѣнѣ, мышь украдкой скребется и грызетъ за обоями, а три старыя дѣвы, словно Парки, молча и быстро шевелятъ спицами, тѣни отъ рукъ то бѣгаютъ, то странно дрожатъ въ полутьмѣ, и странныя, такiе же полутемныя мысли роятся въ головѣ ребенка. Никто бы не назвалъ Оедю интереснымъ дитятей: онъ былъ довольно блѣденъ, но толстъ, несладно сложенъ и неловокъ,—настоящiй мужикъ, по выраженiю Глафиры Петровны; блѣдность скоро бы исчезла съ его лица, если бы его почаще выпускали на воздухъ. Учился онъ порядочно, хотя часто лѣнился; онъ никогда не плакалъ; зато по-временамъ находило на него дикое упрямство; тогда уже никто не могъ съ нимъ сладить. Оедя не любилъ никого изъ окружавшихъ его... Горе сердцу, не любившему смолоду!

Такимъ-то нашелъ его Иванъ Петровичъ и, не теряя времени, принялся примѣнять къ нему свою систему.—„Я изъ него хочу сдѣлать человѣка прежде всего, un homme,—сказалъ онъ Глафирѣ Петровнѣ:—и не только человѣка, но спартанца“. Исполненiе своего намѣренiя Иванъ Петровичъ началъ съ того, что одѣлъ сына по-шотландски: двѣнадцатилѣтнiй малый сталъ ходить съ обнаженными икрами и съ пѣтушьимъ перомъ на складномъ картузѣ; шведку замѣнилъ молодой швейцарецъ, изучившiй гимнастику до совершенства; музыку, какъ занятiе, недостойное мужчины, изгнали навсегда; естественныя науки, международное право, математика, столярное ремесло по совѣту Жанъ-Жака Руссо, и геральдика, для поддержанiя рыцарскихъ чувствъ,—вотъ чѣмъ долженъ былъ заниматься будущiй „человѣкъ“:

его будили въ четыре часа утра, тотчасъ окачивали холодною водою и заставляли бѣгать вокругъ высокаго столба на веревкѣ; ѣлъ онъ разъ въ день по одному блюду, ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ арбалета; при всякомъ удобномъ случаѣ упражнялся, по примѣру родителя, въ твердости воли и каждый вечеръ вносилъ въ особую книгу отчетъ прошедшаго дня и свои впечатлѣнія; а Иванъ Петровичъ, съ своей стороны, писалъ ему наставленія по-французски, въ которыхъ онъ называлъ его: mon fils, и говорилъ ему: vous. По-русски Федя говорилъ отцу: ты, но въ его присутствіи не смѣлъ садиться. „Система" сбила съ толку мальчика, поселила путаницу въ его головѣ, притиснула ее; но зато на его здоровье новый образъ жизни благодѣтельно подѣйствовалъ: сначала онъ схватилъ горячку, но вскорѣ оправился и сталъ молодцомъ. Отецъ гордился и называлъ его на своемъ странномъ нарѣчіи: „сынъ натуры, произведеніе мое". Когда Федѣ минулъ шестнадцатый годъ, Иванъ Петровичъ почелъ за долгъ заблаговременно поселить въ немъ презрѣніе къ женскому полу.—и молодой спартанецъ, съ робостью на душѣ, съ первымъ пухомъ на губахъ, полный соковъ, силъ и крови, уже старался казаться равнодушнымъ, холоднымъ и грубымъ.

Между тѣмъ время шло да шло. Иванъ Петровичъ большую часть года проводилъ въ Лаврикахъ (такъ называлось главное его родовое имѣніе), а по зимамъ пріѣзжалъ въ Москву одинъ, останавливался въ трактирѣ, прилежно посѣщалъ клубъ, ораторствовалъ и развивалъ свои планы въ гостиныхъ и болѣе чѣмъ когда-либо держался англоманомъ, брюзгой и государственнымъ человѣкомъ. Но настали 1825 годъ и много принесъ съ собою горя. Ближіе знакомые и пріятели Ивана Петровича подверглись тяжкимъ испытаніямъ. Иванъ Петровичъ поспѣшилъ удалиться въ деревню и запереся въ своемъ домѣ. Прошелъ еще годъ, и Иванъ Петровичъ вдругъ захилѣлъ, ослабѣлъ, опустился: здоровье

ему измѣнило. Вольнодумецъ—началъ ходить въ церковь и заказывать молебны; европеецъ—сталъ париться въ банѣ, обѣдать въ два часа, ложиться въ девять, засыпать подъ болтовню стараго дворецкаго; государственный человѣкъ—сжегъ всѣ свои планы, всю переписку, трепеталъ передъ губернаторомъ и грозилъ передъ исправникомъ; человѣкъ съ закаленною волею—хныкалъ и жаловался, когда у него вскакивалъ вередъ, когда ему подавали тарелку холоднаго супу. Глафира Петровна опять завладѣла всѣмъ въ домѣ; опять начали ходить съ задняго крыльца прикащики, бурмистры, простые мужики къ „старой колотовкѣ“,—такъ прозывали ее дворовые люди. Перемѣна въ Иванѣ Петровичѣ сильно поразила его сына; ему уже пошелъ девятнадцатый годъ, и онъ начиналъ размышлять и высвобождаться изъ подъ гнета давившей его руки. Онъ и прежде замѣчалъ разладицу между словами и дѣлами отца, между его широкими и либеральными теоріями и черствымъ, мелкимъ деспотизмомъ; но онъ не ожидалъ такого крутого перелома. Застарѣлый эгоистъ вдругъ выказался весь. Молодой Лаврецкій собирался ѣхать въ Москву, подготовиться въ университетъ,—неожиданное, новое обстоятельство обрушилось на голову Ивана Петровича: онъ ослѣпъ, и ослѣпъ безнадежно, въ одинъ день.

Не довѣряя искусству русскихъ врачей, онъ сталъ хлопотать о позволеніи отправиться за-границу. Ему отказали. Тогда онъ взялъ съ собою сына и цѣлыхъ три года проскитался по Россіи отъ одного доктора къ другому, безпрестанно переѣзжая изъ города въ городъ и приводя въ отчаяніе врачей, сына, прислугу, своимъ малодушіемъ и нетерпѣніемъ. Совершенной тряпкой, плаксивымъ и капризнымъ ребенкомъ воротился онъ въ Лаврики. Наступили горькіе денёчки, натерпѣлись отъ него всѣ. Иванъ Петровичъ утихалъ только, пока обѣдалъ; никогда онъ такъ жадно и такъ много не ѣлъ: все остальное время онъ ни себѣ, ни другимъ

не давалъ покоя. Онъ молился, роптал на судьбу, бранилъ себя, бранилъ политику, свою систему, бранилъ все, чѣмъ хвастался и кичился, все, что ставилъ нѣкогда сыну въ образецъ; твердилъ, что ни во что не вѣрить, и молился снова; не выносилъ ни одного мгновенья одиночества и требовалъ отъ своихъ домашнихъ, чтобъ они постоянно, днемъ и ночью, сидѣли возлѣ его кресель и занимали его разсказами, которые онъ то и дѣло прерывалъ восклицаніями: „вы все врете,—экая чепуха!“

Особенно доставалось Глафирѣ Петровнѣ; онъ рѣшительно не могъ обойтись безъ нея—и она до конца исполняла всѣ прихоти больного, хотя иногда не тотчасъ рѣшалась отвѣчать ему, чтобы звукомъ голоса не выдать душившей ее злобы. Такъ проскрипѣлъ онъ еще два года и умеръ въ первыхъ числахъ мая, вынесенный на балконъ, на солнце. „Глашка, Глашка! бульонцу, бульонцу, старая дур...“ пролепеталъ его косвѣющій языкъ и, не договоривъ послѣдняго слова, умолкъ на вѣки. Глафира Петровна, которая только-что выхватила чашку бульону изъ рукъ дворецкаго, остановилась, посмотрѣла брату въ лицо, медленно, широко перекрестилась и удалилась молча; а тутъ же находившійся сынъ тоже ничего не сказалъ, опершись на перила балкона и долго глядѣлъ въ садъ, весь благовонный и зеленый, весь блестѣвшій въ лучахъ золотого весенняго солнца. Ему было двадцать-три года; какъ страшно, какъ незамѣтно скоро пронеслись эти двадцать-три года!... Жизнь открывалась передъ нимъ.

XII.

Схоронивъ отца и поручивъ тон же неизмѣнной Глафирѣ Петровнѣ завѣдываніе хозяйствомъ и надзоръ за приказчиками, молодой Лаврецкій отправился въ Москву, куда влекло его темное, но сильное чувство. Онъ сознавалъ недостатки

своего воспитанія и вознамѣрился по возможности воротить упущенное. Въ послѣднія пять лѣтъ онъ много прочелъ и кое-что увидѣлъ; много мыслей перебродило въ его головѣ; любой профессоръ позавидовалъ бы нѣкоторымъ его познаніямъ, но въ то же время онъ не зналъ многаго, что каждому гимназисту давнымъ-давно извѣстно. Лаврецкій сознавалъ, что онъ не свободенъ; онъ втайнѣ чувствовалъ себя чудакомъ. Неловкую шутку сыгралъ англоманъ съ своимъ сыномъ; капризное воспитаніе принесло свои плоды. Долгіе годы онъ безпрекословно смирялся передъ отцомъ своимъ: когда же наконецъ онъ разгадалъ его, было уже поздно, привычки укоренились. Онъ не умѣлъ сходиться съ людьми: двадцати-трехъ лѣтъ отъ роду, съ неукротимой жаждой любви въ пристыженномъ сердцѣ, онъ еще ни одной женщинѣ не смѣлъ взглянуть въ глаза. При его умѣ, ясномъ и здравомъ, но нѣсколько тяжеломъ, при его наклонности къ упрямству, созерцанію и лѣни, ему бы слѣдовало съ раннихъ лѣтъ попасть въ жизненный водоворотъ, а его продержали въ искусственномъ уединеніи... И вотъ, заколдованный кругъ распался, а онъ продолжалъ стоять на одномъ мѣстѣ, замкнутый и сжатый въ самомъ себѣ. Смѣшно было въ его года надѣть студенческій мундиръ; но объ не боялся насмѣшекъ: его спартанское воспитаніе хоть на то приготовило, что разумѣ въ немъ пренебреженіе къ чужимъ толкамъ,—и онъ надѣлъ, не смущаясь, студенческій мундиръ. Онъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе. Здоровый, краснощекій, уже съ заросшей бородой, молчаливый, онъ производилъ странное впечатлѣніе на своихъ товарищей; они не подозрѣвали того, что въ этомъ суровомъ мужѣ, аккуратно пріѣзжавшемъ на лекціи въ широкихъ деревенскихъ саняхъ парой, таился чуть не ребенокъ. Онъ имъ казался какимъ-то мудренымъ педантомъ; они въ немъ не нуждались и не искали въ немъ, онъ избѣгалъ ихъ. Въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ универ-

ситетѣ, онъ сблизился только съ однимъ студентомъ, у котораго бралъ уроки латинскаго языка. Студентъ этотъ, по имени Михалевичъ, энтузіастъ и стихотворецъ, искренно полюбилъ Лаврецкаго и совершенно случайно сталъ виновникомъ важной перемѣны въ его судьбѣ.

Однажды, въ театрѣ (Мочаловъ находился тогда на высотѣ своей славы, и Лаврецкій не пропускалъ ни одного представленія) увидалъ онъ въ ложѣ бель-этажа дѣвушку,— и хотя ни одна женщина не проходила мимо его угрюмой фигуры, не заставивъ дрогнуть его сердце никогда еще оно такъ сильно не забилось. Облокотясь на бархатъ ложи, дѣвушка не шевелилась; чуткая, молодая жизнь играла въ каждой чертѣ ея смуглаго, круглаго, миловиднаго лица; изящный умъ сказывался въ прекрасныхъ глазахъ, внимательно и мягко глядѣвшихъ изъ-подъ тонкихъ бровей, въ быстрой усмѣшкѣ выразительныхъ губъ, въ самомъ положеніи ея головы, рукъ, шеи; одѣта она была прелестно. Рядомъ съ нею сидѣла сморщенная и желтая женщина лѣтъ 45, декольте, въ черномъ токѣ, съ беззубою улыбкой на напряженно-озабоченномъ и пустомъ лицѣ, а въ углубленіи ложи виднѣлся пожилой мужчина въ широкомъ сюртукѣ и высокомъ галстукѣ, съ выраженіемъ тупой величавости и какой-то заискивающей подозрительности въ маленькихъ глазкахъ, съ крашеными усами и бакенбардами, незначительнымъ огромнымъ лбомъ и измятыми щеками, по всѣмъ признакамъ отставной генералъ. Лаврецкій не отводилъ взора отъ поразившей его дѣвушки; вдругъ дверь ложи отворилась и вошелъ Михалевичъ. Появленіе этого человѣка, почти единственнаго его знакомаго во всей Москвѣ,—появленіе его въ обществѣ единственной дѣвушки, поглотившей все его вниманіе показалось Лаврецкому знаменательно и странно. Продолжая посматривать на ложу, онъ замѣтилъ, что всѣ находившіяся въ ней лица обращались съ Михалевичемъ, какъ съ старинымъ пріятелемъ. Представленіе на

сценѣ переставало занимать Лаврецкаго; самъ Мочаловъ, хотя и былъ въ тотъ вечеръ въ „ударѣ“, не производилъ на него обычнаго впечатлѣнія. Въ одномъ очень патетическомъ мѣстѣ Лаврецкій невольно взглянулъ на свою красавицу: она вся наклонилась впередъ, щеки ея пылали; подъ вліяніемъ его упорнаго взора, глаза ея, устремленные на сцену, медленно обратились и остановились на немъ.... Всю ночь мерещились ему эти глаза. Прорвалась, наконецъ, искусственно возведенная плотина: онъ и дрожалъ, и горѣлъ, и на другой же день отправился къ Михалевичу. Онъ узналъ отъ него, что красавицу звали Варварой Павловной Коробьиной; что старикъ и старуха, сидѣвшіе съ ней въ ложѣ, были отецъ ея и мать, и что самъ онъ, Михалевичъ, познакомился съ ними годъ тому назадъ, во время своего пребыванія въ подмосковной, на „кондиціи“ у графа П. Съ великанской похвалой отозвался энтузіастъ о Варварѣ Павловнѣ.— Это, братъ ты мой, воскликнулъ онъ со свойственною ему порывистой нѣжностью въ голосѣ,—эта дѣвушка — изумительное, геніальное существо артистка въ настоящемъ смыслѣ слова, и притомъ предобрая. Замѣтивъ изъ разспросовъ Лаврецкаго, какое впечатлѣніе произвела на него Варвара Павловна, онъ самъ предложилъ ему познакомить его съ нею, прибавивъ, что онъ у нихъ, какъ свой; что генералъ человѣкъ совсѣмъ не гордый, а мать такая глупая, что только трюфли не сосетъ. Лаврецкій покраснѣлъ, пробормоталъ что-то невнятное и убѣжалъ. Цѣлыхъ пять дней боролся онъ съ своею робостью; на шестой день молодой спартанецъ надѣлъ новенькій мундиръ и отдался въ распоряженіе Михалевича, который, будучи свѣтскимъ человѣкомъ, ограничился тѣмъ, что причесалъ себѣ волосы,—и оба отправились къ Коробьинымъ.

XIII.

Отецъ Варвары Павловны, Павелъ Петровичъ Коробьинъ, генералъ-маіоръ въ отставкѣ, весь свой вѣкъ провелъ въ Петербургѣ на службѣ, слылъ въ молодости ловкимъ танцоромъ и фрунтовикомъ, находился, по бѣдности, адъютантомъ при двухъ-трехъ невзрачныхъ генералахъ, женился на дочери одного изъ нихъ, взявъ тысячъ двадцать-пять приданаго, до тонкости постигъ всю премудрость ученій и смотровъ; тянулъ, тянулъ лямку и, наконецъ, годиковъ черезъ двадцать, добился генеральскаго чина, получилъ полкъ. Тутъ бы ему отдохнуть и упрочить, не спѣша, свое благосостояніе: онъ на это и разсчитывалъ, да немножко неосторожно повелъ дѣло: онъ придумалъ-было новое средство пустить въ оборотъ казенныя деньги, — средство оказалось отличное, но онъ не во-время поскупился: на него донесли: вышла обѣ чѣмъ непріятная, вышла скверная исторія. Кое-какъ отвертѣлся генералъ отъ исторіи, но карьера его лошнула: ему посовѣтовали выйти въ отставку. Года два потолкался онъ еще въ Петербургѣ, въ надеждѣ, не наскочитъ ли на него тепленькое статское мѣсто: но мѣсто на него не наскакивало; дочь вышла изъ института, расходы увеличивались съ каждымъ днемъ... Скрѣпя сердце, рѣшился онъ переѣхать въ Москву на деневыя хлѣба, нанялъ въ Старой Конюшенной крошечный, низенькій домъ съ саженнымъ гербомъ на крышѣ, и зажилъ московскимъ отставнымъ генераломъ, тратя 2750 руб. въ годъ. Москва — городъ хлѣбосольный, рада принимать встрѣчныхъ и поперечныхъ, а генераловъ и подавно; грузная, но не безъ военной выправки, фигура Павла Петровича скоро стала появляться въ лучшихъ московскихъ гостиныхъ. Его голый затылокъ, съ косицами крашеныхъ волосъ и засаленной анненской лентой на галстукѣ цвѣта воронова крыла, сталъ хорошо извѣстенъ всѣмъ скучнымъ и бѣднымъ юношамъ, угрюмо скитаю-

щимся во время танцевъ вокругъ игорныхъ столовъ. Павелъ Петровичъ съумѣлъ поставить себя въ обществѣ; говорилъ мало, но по старой привычкѣ, въ носъ, — конечно, не съ лицами чиновъ высшихъ; осторожно игралъ въ карты, домалъ умѣренно, а въ гостяхъ за шестерыхъ. О женѣ его почти нечего сказать: звали ее Каллiопой Карловной; изъ лѣваго ея глаза сочилась слезинка, въ силу чего Каллiопа Карловна (притомъ же она была нѣмецкаго происхожденiя) сама считала себя за чувствительную женщину: она постоянно чего-то все боялась, словно не довѣла, и носила узкiя бархатныя платья, токъ и тусклые дутые браслеты. Единственной дочери Павла Петровича и Каллiопы Карловны, Варварѣ Павловнѣ, только-что минулъ семнадцатый годъ, когда она вышла изъ ....скаго института, гдѣ считалась если не первою красавицей, то уже навѣрное первою умницей и лучшею музыкантшей, и гдѣ получила шифръ; ей еще девятнадцати лѣтъ не было, когда Лавренцiй увидалъ ее въ первый разъ.

XIV.

Ноги подкашивались у спарганца, когда Михалетичъ ввелъ его въ довольно плохо убранную гостиную Коробьиныхъ и представилъ хозяевамъ. Но овладѣвшее имъ чувство робости скоро исчезло: въ генералѣ прожденное всѣмъ русскимъ добродушiе еще усугублялось тою особенною привѣтливостью, которая свойственна всѣмъ, немного замаранным, людямъ: генеральша какъ-то скоро стушевалась; что же касается до Варвары Павловны, то она такъ была спокойна и самоувѣренно ласкова, что всякiй въ ея присутствiи тотчасъ чувствовалъ себя какъ бы дома; притомъ, отъ всего ея плѣнительнаго тѣла, отъ улыбавшихся глазъ, отъ невинно покатыхъ плечей и бѣдно-розовыхъ рукъ, отъ легкой и въ то же время какъ бы усталой похо-

ки, отъ самаго звука ея голоса, замедленнаго, сладкаго,— вѣяло неуловимой, какъ тонкій запахъ, вкрадчивой прелестью, мягкой, пока еще стыдливой, нѣгой, чѣмъ-то такимъ, что̀ словами передать трудно, но что̀ трогало и возбуждало, —и уже, конечно, возбуждало не робость. Лаврецкій навелъ рѣчь на театръ, на вчерашнее представленіе; она тотчасъ сама заговорила о Мочаловѣ и не ограничилась одними восклицаніями и вздохами, но произнесла нѣсколько вѣрныхъ и женски-проницательныхъ замѣчаній на счетъ его игры. Михалевичъ упомянулъ о музыкѣ; она, не чинясь, сѣла за фортепіано и отчетливо сыграла нѣсколько Шопеновскихъ мазурокъ, тогда только-что входившихъ въ моду. Настала часъ обѣда; Лаврецкій хотѣлъ удалиться, но его удержали: за столомъ генералъ подчивалъ его хорошимъ лафитомъ, за которымъ генеральскій лакей на извощикѣ скакалъ въ Депре. Поздно вечеромъ вернулся Лаврецкій домой и долго сидѣлъ, не раздѣваясь и закрывъ глаза рукою, въ оцѣпенѣніи очарованія. Ему казалось, что онъ теперь только понималъ, для чего стоитъ жить; всѣ его предположенія, намѣренія, весь этотъ вздоръ и прахъ, исчезли разомъ; вся душа его слилась въ одно чувство, въ одно желаніе, въ желаніе счастья, обладанія, любви, сладкой женской любви. Съ того дня онъ часто сталъ ходить къ Коробьинымъ. Полгода спустя, онъ объяснился Варварѣ Павловнѣ и предложилъ ей свою руку. Предложеніе его было принято; генералъ давнымъ-давно, чуть ли не наканунѣ перваго посѣщенія Лаврецкаго, спросилъ у Михалевича, сколько у него, Лаврецкаго, душъ; да и Варварѣ Павловнѣ, которая во все время ухаживанія молодого человѣка и даже въ самое мгновеніе признанія сохранила обычную безмятежность и ясность души, и Варварѣ Павловнѣ хорошо было извѣстно, что женихъ ея богатъ; а Каллиопа Карловна подумала: meine Tochter macht eine schöne Partie - и купила себѣ новый токъ.

XV.

Итакъ, предложеніе его было принято, но съ нѣкоторыми условіями. Во-первыхъ, Лаврецкій долженъ былъ немедленно оставить университетъ: кто-жъ выходитъ за студента, да и что за странная мысль—помѣщику, богатому, въ 26 лѣтъ брать уроки, какъ школьнику? Во-вторыхъ, Варвара Павловна взяла на себя трудъ заказать и закупить приданое, выбрать даже женихову подарки. У ней было много практическаго смысла, много вкуса и очень много любви къ комфорту, много умѣнья доставлять себѣ этотъ комфортъ. Это умѣнье особенно поразило Лаврецкаго, когда, тотчасъ послѣ свадьбы, онъ вдвоемъ съ женою отправился въ удобномъ, ею купленной каретѣ, въ Лаврики. Какъ все, что окружало его, было обдуманно, предугадано, предусмотрѣно Варварой Павловной! Какіе появились въ разныхъ уютныхъ уголкахъ прелестные дорожные несессеры, какіе восхитительные туалетные ящики и кофейники, и какъ мило Варвара Павловна сама варила кофе по утрамъ! Впрочемъ, Лаврецкому было тогда не до наблюденій: онъ блаженствовалъ, упивался счастіемъ: онъ предавался ему, какъ дитя... Онъ и былъ невиненъ, какъ дитя, этотъ юный Алкидъ. Недаромъ вѣяло прелестью отъ всего существа его молодой жены; недаромъ сулила она чувству тайную роскошь неизвѣданныхъ наслажденій; она сержала больше, чѣмъ сулила. Пріѣхавши въ Лаврики, въ самый разгаръ лѣта, она нашла домъ грязнымъ и темнымъ, прислугу сѣнною и устарѣлою, но не почла за нужное даже намекнуть о томъ мужу. Если-бы она располагала основаться въ Лавракахъ, она бы все въ нихъ передѣлала, начиная, разумѣется, съ дома; но мысль остаться въ этомъ степномъ захолустьѣ ни на мигъ не приходила ей въ голову; она жила въ немъ, какъ въ палаткѣ, кротко перенося всѣ неудобства и забавно подтрунивая надъ ними. Марфа Тимофеевна пріѣхала

повидаться съ своимъ воспитанникомъ; она очень понравилась Варварѣ Павловнѣ, но ей Варвара Павловна не понравилась. Съ Глафирой Петровной новая хозяйка тоже не поладила; она бы ее оставила въ покоѣ, но старику Коробыну захотѣлось запустить руки въ дѣла зятя; управлять имѣніемъ такого близкаго родственника, говорилъ онъ, не стыдно даже генералу. Полагать должно, что Павелъ Петровичъ не погнушался бы заняться имѣніемъ и вовсе чуждаго ему человѣка. Варвара Павловна повела свою атаку весьма искусно: не выдаваясь впередъ, повидимому вся погруженная въ блаженство медовыхъ мѣсяцевъ, въ деревенскую тихую жизнь, въ музыку и чтеніе, она по немногу довела Глафиру до того, что та въ одно утро вобѣжала, какъ обѣненая, въ кабинетъ Лаврецкаго и, швырнувъ связку ключей на столъ, объявила, что не въ силахъ больше заниматься хозяйствомъ и не хочетъ оставаться въ деревнѣ. Надлежащимъ образомъ подготовленный Лаврецкій тотчасъ согласился на ея отъѣздъ.—Этого Глафира Петровна не ожидала. „Хорошо,—сказала она, и глаза ея потемнѣли,—я вижу, что я здѣсь лишняя! знаю, кто меня отсюда гонитъ, съ родового моего гнѣзда. Только ты помни мое слово, племянникъ: не свить же и тебѣ гнѣзда нигдѣ, скитаться тебѣ вѣкъ. Вотъ тебѣ мой завѣтъ". Въ тотъ же день она удалилась въ свою деревеньку, а черезъ недѣлю прибылъ генералъ Коробынъ и, съ пріятною меланхоліей во взглядахъ и движеніяхъ, принялъ управленіе всѣмъ имѣніемъ на свои руки.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ Варвара Павловна увезла своего мужа въ Петербургъ. Двѣ зимы провела она въ Петербургѣ (на лѣто они переселялись въ Царское Село) въ прекрасной, свѣтлой, изящно меблированной квартирѣ; много завели они знакомствъ въ среднихъ и даже высшихъ кругахъ общества, много выѣзжали и принимали, давали прелестнѣйшія музыкальныя и танцовальныя вечеринки. Варвара Павловна привлекала гостей, какъ огонь бабочекъ. Федору Ива-

ничу не совсѣмъ-то нравилась такая разсѣянная жизнь. Жена совѣтывала ему вступить на службу: онъ, по старой отцовской памяти, да и по своимъ понятіямъ, не хотѣлъ служить, но въ угоду Варварѣ Павловнѣ оставался въ Петербургѣ. Впрочемъ, онъ скоро догадался, что никто не мѣшалъ ему уединиться, что не даромъ у него самый покойный и уютный кабинетъ во всемъ Петербургѣ, что заботливая жена даже готова помочь ему уединиться,—и съ тѣхъ поръ все пошло прекрасно. Онъ принялся опять за собственное, по его мнѣнію недоконченное, воспитаніе, опять сталъ читать, приступилъ даже къ изученію англійскаго языка. Странно было видѣть его могучую, широкоплечую фигуру, вѣчно согнутую надъ письменнымъ столомъ, его полное, волосатое, румяное лицо, до половины закрытое листами словаря или тетради. Каждое утро онъ проводилъ за работой, обѣдалъ отлично (Варвара Павловна была хозяйка хоть-куда), а по вечерамъ вступалъ въ очаровательный, пахучій, свѣтлый міръ, весь населенный молодыми, веселыми лицами.—И средоточіемъ этого міра была также рачительная хозяйка, его жена. Она порадовала его рожденіемъ сына, но бѣдный мальчикъ жилъ недолго, онъ умеръ весной, а лѣтомъ, по совѣту врачей, Лаврецкій повезъ жену за границу, на воды. Разсѣяніе было ей необходимо послѣ такого несчастья, да и здоровье ея требовало теплаго климата. Лѣто и осень они провели въ Германіи и Швейцаріи, а на зиму, какъ оно и слѣдовало ожидать, поѣхали въ Парижъ. Въ Парижѣ Варвара Павловна расцвѣла какъ роза, и такъ же скоро и ловко, какъ въ Петербургѣ, съумѣла свить себѣ гнѣздышко. Квартиру она нашла премиленькую, въ одной изъ тихихъ, но модныхъ улицъ Парижа; мужу сшила такой шлафрокъ, какого онъ еще и не нашивалъ; наняла щегольскую служанку, отличную повариху, расторопнаго лакея; пріобрѣла восхитительную каретку, прелестный піанино. Не прошло недѣли, какъ уже она перебиралась

черезъ улицу, носила шаль, раскрывала зонтикъ и надѣвала перчатки не хуже самой чистокровной парижанки. И знакомыми она скоро обзавелась. Сперва къ ней ѣздили одни русскіе, потомъ стали появляться французы, весьма любезные, учтивые, холостые, съ прекрасными манерами, съ благозвучными фамиліями; всѣ они говорили скоро и много, развязно кланялись, пріятно щурили глаза; бѣлые зубы сверкали у всѣхъ подъ розовыми губами,—и какъ они умѣли улыбаться! Каждый изъ нихъ приводилъ своихъ друзей, и la belle madame de Lavretzki скоро стала извѣстна отъ Chaussée d'Antin до Rue de Lille. Въ тѣ времена (дѣло происходило въ 1836 году) еще не успѣло развестись племя фельетонистовъ и хроникеровъ, которое теперь кишитъ повсюду, какъ муравьи въ разрытой кочкѣ; но ужъ тогда появлялся въ салонѣ Варвары Павловнѣ нѣкто m-r Jules, неблаговидный наружности господинъ, съ скандалёзной репутаціей, наглый и низкій, какъ всѣ дуэлисты и битые люди. Этотъ m-r Jules былъ очень противенъ Варварѣ Павловнѣ, но она его принимала, потому что онъ помѣщалъ въ разныхъ газетахъ и безпрестанно упоминалъ о ней, называя ее то Mme de L... tzki, то M-me de *** cette grande dame russe si distinguée, qui demeure rue de P. .; разсказывалъ всему свѣту, т. е. нѣсколькимъ сотнямъ подписчиковъ, которымъ не было никакого дѣла до M-m de L... tzki, какъ эта дама, настоящая по уму француженка (une vraie française par l'ésprit) – выше этого у французовъ похвалъ нѣтъ — мила и любезна, какая она необыкновенная музыкантша и какъ она удивительно вальсируетъ (Варвара Павловна, дѣйствительно, такъ вальсировала, что увлекла всѣ сердца за краями своей легкой, улетающей одежды)... словомъ, пускалъ о ней молву помірру, — а вѣдь это, что ни говорите — пріятно. Дѣвица Марсъ уже сошла тогда со сцены, а дѣвица Рашель еще не появлялась; тѣмъ не менѣе Варвара Павловна прилежно

посѣщала театры. Она приходила въ восторгъ отъ итальянской музыки и смѣялась надъ развалинами Одри, прилично зѣвала во Французской Комедіи и плакала отъ игры г-жи Дорваль въ какой-нибудь ультра-романтической мелодрамѣ; а главное .Іисть у ней играть два раза и такъ былъ милъ, такъ простъ—прелестъ! Въ такихъ пріятныхъ ощущеніяхъ прошла зима, къ концу которой Варвара Павловна была даже представлена ко двору. Оедоръ Ивановичъ съ своей стороны не скучалъ, хотя жизнь, подчасъ, тяжела становилась у него на плечахъ,—тяжела, потому что пуста. Онъ читалъ газеты, слушалъ лекціи въ Sorbonne и Collège de France, слѣдилъ за преніями палатъ, принялся за переводъ извѣстнаго ученаго сочиненія объ ирригаціяхъ. „Я не теряю времени“,—думалъ онъ,—„все это полезно; но къ будущей зимѣ надобно непремѣнно вернуться въ Россію и приняться за дѣло“. Трудно сказать, ясно ли онъ сознавалъ, въ чемъ собственно состояло это дѣло, и Богъ знаетъ, удалось ли бы ему вернуться въ Россію къ зимѣ,—пока онъ ѣхалъ съ женою въ Баденъ-Баденъ... Неожиданный случай разрушилъ всѣ его планы.

XVI.

Войдя однажды въ отсутствіе Варвары Павловны въ ея кабинетъ, Лаврецкій увидалъ на полу маленькую, тщательно-сложенную бумажку. Онъ машинально ее поднялъ, машинально развернулъ и прочелъ слѣдующее, написанное на французскомъ языкѣ:

„Милый ангелъ Бетси! (я никакъ не рѣшаюсь назвать „тебя Barbe или Варвара—Varvara). Я напрасно прождалъ „тебя на углу бульвара; приходи завтра къ половинѣ втораго на нашу квартирку. Твой добрый толстякъ (ton gros „bonhomme de mari) объ эту пору обыкновенно зарывается „въ свои книги; мы опять споемъ ту пѣсенку вашего поэта

„*Пушкина* (de votre poëte Pouskine), которой ты меня на-
„учила: Старый мужъ, грозный мужъ! — Тысячу поцѣлуевъ
„твоимъ ручкамъ и ножкамъ. Я жду тебя".

„*Эрнестъ*".

Лаврецкій не сразу понялъ, что̀ такое онъ прочелъ; прочелъ во второй разъ — и голова у него закружилась, полъ заходилъ по̀дъ ногами, какъ палуба корабля во время качки. Онъ и закричалъ, и задохнулся, и заплакалъ въ одно мгновеніе.

Онъ обезумѣлъ. Онъ такъ слѣпо довѣрялъ своей женѣ; возможность обмана, измѣны, никогда не представлялась его мысли. Этотъ Эрнестъ, этотъ любовникъ его жены, былъ бѣлокурый, смазливый мальчикъ лѣтъ 23-хъ, со вздернутымъ носикомъ и тонкими усиками, едва-ли не самый ничтожный изъ всѣхъ ея знакомыхъ. Прошло нѣсколько минутъ, прошло полчаса; Лаврецкій все стоялъ, стискивая роковую записку въ рукѣ и безсмысленно глядя на полъ; сквозь какой-то темный вихрь мерещились ему блѣдныя лица; мучительно замирало сердце; ему казалось, что онъ палъ, палъ, палъ... и конца не было. Знакомый, легкій шумъ шелковаго платья вывелъ его изъ оцѣпенѣнія; Варвара Павловна, въ плащѣ и шали, торопливо возвращалась съ прогулки. Лаврецкій затрепеталъ весь и бросился вонъ: онъ почувствовалъ, что въ это мгновенье онъ былъ въ состояніи истерзать ее, избить ее до полу-смерти, по-мужицки, задушить ее своими руками. Изумленная Варвара Павловна хотѣла остановить его; онъ могъ только прошептать: Бѣги.— и выбѣжалъ изъ дому.

Лаврецкій взялъ карету и велѣлъ везти себя за-городъ. Весь остатокъ дня и всю ночь до утра пробродилъ онъ, безпрестанно останавливаясь и всплескивая руками: онъ то безумствовалъ, то ему становилось какъ будто смѣшно, даже какъ будто весело. Утромъ онъ прозябъ и зашелъ въ трак-

ной загородный трактиръ, спросилъ комнату и сѣлъ на стулъ передъ окномъ. Судорожная зѣвота напала на него. Онъ едва держался на ногахъ, тѣло его изнемогло, — а онъ и не чувствовалъ усталости, — за то усталость брала свое: онъ сидѣлъ, глядѣлъ и ничего не понималъ; не понималъ, что̀ съ нимъ такое случилось, отчего онъ очутился одинъ, съ одеревенѣлыми членами, съ горечью во рту, съ камнемъ на груди, въ пустой, незнакомой комнатѣ; онъ не понималъ, что̀ заставило ее, Варю, отдаться этому французу, и какъ могла она, зная себя невѣрной, быть по прежнему спокойной, попрежнему ласковой и довѣрчивой съ нимъ! „Ничего не понимаю!“ шептали его засохшія губы. „Кто мнѣ поручится теперь, что въ Петербургѣ...“ И онъ не доканчивалъ вопроса и зѣвалъ опять, дрожа и пожимаясь всѣмъ тѣломъ. Свѣтлыя и темныя воспоминанія одинаково его терзали; ему вдругъ пришло въ голову, что на-дняхъ она при немъ и при Эрнестѣ сѣла за фортепьяно и спѣла: „Старый мужъ, грозный мужъ.“ Онъ вспомнилъ выраженіе ея лица, странный блескъ глазъ и краску на щекахъ, — и онъ поднялся со стула, онъ хотѣлъ пойти, сказать имъ: „вы со мной напрасно пошутили: прадѣдъ мой мужиковъ за ребра вѣшалъ, а дѣдъ мой самъ былъ мужикъ“ — да убить ихъ обоихъ. То вдругъ ему казалось, что все, что̀ съ нимъ дѣлается, сонъ, и даже не сонъ, а такъ, вздоръ какой-то: что сто̀итъ только встряхнуться, оглянуться... Онъ оглядывался и, какъ ястребъ когтитъ пойманную птицу, глубже и глубже врѣзывалась тоска въ его сердце. Къ довершенію всего, Лаврецкій, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, надѣялся быть отцомъ... Прошедшее, будущее, вся жизнь была отравлена. Онъ вернулся, наконецъ, въ Парижъ, остановился въ гостинницѣ и послалъ Варварѣ Павловнѣ записку г-на Эрнеста съ слѣдующимъ письмомъ:

„Прилагаемая бумажка вамъ объяснитъ все. Кстати „скажу вамъ, что я не узналъ васъ: вы, такая всегда акку-

„ратная, роняете такія важныя бумаги". (Эту фразу бѣдный Лаврецкій готовилъ и лелѣялъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ). „Я не могу больше васъ видѣть; полагаю, что и „вы не должны желать свиданія со мною. Назначаю вамъ „15,000 франковъ въ годъ; больше дать не могу. Присы„лайте вашъ адресъ въ деревенскую контору. Дѣлайте, „что хотите, живите, гдѣ хотите. Желаю вамъ счастія. „Отвѣта не нужно".

Лаврецкій написалъ женѣ, что не нуждается въ отвѣтѣ... но онъ ждалъ, онъ жаждалъ отвѣта, объясненія этого непонятнаго, непостижимаго дѣла. Варвара Павловна въ тотъ же день прислала ему большое французское письмо. Оно его доконало: послѣднія его сомнѣнія исчезли, — и ему стало стыдно, что у него оставались еще сомнѣнія. Варвара Павловна не оправдывалась: она желала только увидать его, умоляла не осуждать ее безвозвратно. Письмо было холодно и напряженно, хотя кой гдѣ виднѣлись пятна слезъ. Лаврецкій усмѣхнулся горько и велѣлъ сказать черезъ посланнаго, что все очень хорошо. Три дня спустя, его уже не было въ Парижѣ: но онъ поѣхалъ не въ Россію, а въ Италію. Онъ самъ не зналъ, почему онъ выбралъ именно Италію: ему въ сущности было все равно, куда ни ѣхать, — лишь бы не домой. Онъ послалъ предписаніе своему бурмистру на счетъ женинои пенсіи, приказывая ему въ тоже время немедленно принять отъ генерала Коробьина всѣ дѣла по имѣнію, не дожидаясь сдачи счетовъ и распорядиться о выѣздѣ его превосходительства изъ Лавриковъ; живо представилъ онъ себѣ смущеніе, тщетную величавость изгоняемаго генерала и, при всемъ своемъ горѣ, почувствовалъ нѣкоторое злобное удовольствіе. Тогда же попросилъ онъ въ письмѣ Глафиру Петровну вернуться въ Лаврики и отправилъ на ея имя довѣренность; Глафира Петровна въ Лаврики не вернулась и сама напечатала въ газетахъ объ уничтоженіи довѣренности, что было совершенно излишне.

Скрываясь въ небольшомъ итальянскомъ городкѣ, Лаврецкій еще долго не могъ заставить себя не слѣдить за женою. Изъ газетъ онъ узналъ, что она изъ Парижа поѣхала, какъ располагала, въ Баденъ-Баденъ; имя ея скоро появилось въ статейкѣ, подписанной тѣмъ же мьё Жюлемъ. Въ этой статейкѣ, сквозь обычную игривость, проступало какое-то дружественное соболѣзнованіе; очень гадко сдѣлалось на душѣ Ѳедора Ивановича при чтеніи этой статейки. Потомъ онъ узналъ, что у него родилась дочь; мѣсяца черезъ два получилъ онъ отъ бурмистра извѣщеніе о томъ, что Варвара Павловна вытребовала себѣ первую треть своего жалованья. Потомъ стали ходить все болѣе и болѣе дурные слухи; наконецъ, съ шумомъ пронеслась по всѣмъ журналамъ трагикомическая исторія, въ которой жена его играла незавидную роль. Все было кончено: Варвара Павловна стала „извѣстностью“.

Лаврецкій пересталъ слѣдить за нею; но не скоро могъ съ собою сладить. Иногда такая брала его тоска по женѣ, что онъ, казалось, все бы отдалъ, даже, пожалуй .. простилъ бы ее, лишь бы услышать снова ея ласковый голосъ, почувствовать снова ея руку въ своей рукѣ. Однако время шло не даромъ. Онъ не былъ рожденъ страдальцемъ; его здоровая природа вступила въ свои права. Многое стало ему ясно; самый ударъ, поразившій его, не казался ему болѣе непредвидѣннымъ: онъ понялъ свою жену,—близкаго человѣка только тогда и понимаешь вполнѣ, когда съ нимъ разстаешься. Онъ опять могъ заниматься, работать, хотя уже далеко не съ прежнимъ рвеніемъ: скептицизмъ, подготовленный опытами жизни, воспитаніемъ, окончательно забрался въ его душу. Онъ сталъ очень равнодушенъ ко всему. Прошло года четыре, и онъ почувствовалъ себя въ силахъ возвратиться на родину, встрѣтиться съ своими. Не останавливаясь ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, пріѣхалъ онъ въ городъ О..., гдѣ мы разстались съ нимъ, и куда мы

просимъ теперь благосклоннаго читателя вернуться вмѣстѣ съ нами.

XVII.

На другое утро, послѣ описаннаго нами дня, часу въ десятомъ, Лаврецкій всходилъ на крыльцо Калитинскаго дома. Ему на встрѣчу вышла Лиза, въ шляпкѣ и въ перчаткахъ.

— Куда вы?—спросилъ онъ ее.

— Къ обѣднѣ. Сегодня воскресенье.

— А развѣ вы ходите къ обѣднѣ?

Лиза молча, съ изумленіемъ, посмотрѣла на него.

— Извините, пожалуйста,—проговорилъ Лаврецкій — я.... я не то хотѣлъ сказать, я пришелъ проститься съ вами, я черезъ часъ ѣду въ деревню.

— Вѣдь это отсюда недалеко?—спросила Лиза.

— Верстъ двадцать-пять.

На порогѣ двери появилась Леночка въ сопровожденіи горничной.

— Смотрите, не забывайте насъ,—промолвила Лиза и спустилась съ крыльца.

— И вы не забывайте меня. Да послушайте,—прибавилъ онъ,—вы идете въ церковь: помолитесь кстати и за меня.

Лиза остановилась и обернулась къ нему.

— Извольте,—сказала она, прямо глядя ему въ лицо:— я помолюсь и за васъ. Пойдемъ, Леночка.

Въ гостиной Лаврецкій засталъ Марью Дмитріевну одну. Отъ нея пахло одеколономъ и мятой. У ней, по ея словамъ, болѣла голова, и ночь она провела безпокойно. Она приняла его съ обычною своею томной любезностью и понемногу разговорилась.

— Не правда ли,—спросила она его:—какой Владиміръ Николаевичъ пріятный молодой человѣкъ!

— Какой это Владиміръ Николаичъ?

— Да Паншинъ, вотъ, что вчера здѣсь былъ. Вы ему ужасно понравились; я вамъ скажу по секрету, mon cher cousin, онъ просто безъ ума отъ моей Лизы. Что-жъ? Онъ хорошей фамиліи, служитъ прекрасно, уменъ, ну, камеръ-юнкеръ, и если на то будетъ воля Божія.... я съ своей стороны, какъ мать, очень буду рада. Отвѣтственность, конечно, большая; конечно, отъ родителей зависитъ счастье дѣтей, да вѣдь и то сказать: до сихъ поръ, худо ли, хорошо ли, а вѣдь все я, вездѣ я одна, какъ есть: и воспитала-то дѣтей, и учила ихъ, все я.... я вотъ и теперь мамзель отъ г-жи Болюсъ выписала....

Марья Дмитріевна пустилась въ описаніе своихъ заботъ, стараній, своихъ материнскихъ чувствъ. Лаврецкій слушалъ ее молча и вертѣлъ въ рукахъ шляпу. Его холодный, тяжелый взглядъ смутилъ разболтавшуюся барыню.

— А Лиза какъ вамъ нравится?—спросила она.

— Елизавета Михайловна прекрасивая дѣвица,—возразилъ Лаврецкій, всталъ, откланялся и вышелъ къ Маріи Тимоѳеевнѣ. Марья Дмитріевна съ неудовольствіемъ посмотрѣла ему вслѣдъ и подумала: „экой тюлень, мужикъ! Ну, теперь я понимаю, почему его жена не могла остаться ему вѣрной“.

Марѳа Тимоѳеевна сидѣла у себя въ комнатѣ, окруженная своимъ штатомъ. Онъ состоялъ изъ пяти существъ, почти одинаково близкихъ ея сердцу: изъ толстозобаго ученаго снѣгиря, котораго она полюбила за то, что онъ пересталъ сѣсть и таскать воду, маленькой, очень пугливой и смирной собаченки Роски, сердитаго кота Матроса, черномазой вертлявой дѣвочки лѣтъ девяти, съ огромными глазами и острымъ носикомъ, которую звали Шурочкой,— и пожилой женщины лѣтъ пятидесяти-пяти, въ бѣломъ чепцѣ и коричневой кургузой кацавейкѣ на темномъ платьѣ, по имени Настасьи Карповны Остроковой. Шурочка была

мѣщаночка, круглая сирота. Марфа Тимофеевна взяла ее къ себѣ изъ жалости, какъ и Роску: и собаченку, и дѣвочку она нашла на улицѣ; обѣ были худы и голодны, обѣихъ мочилъ осенній дождь, за Роской никто не погнался, а Шурочку даже охотно уступилъ Марѳѣ Тимофеевнѣ ея дядя, пьяный башмачникъ, который самъ не добывалъ и племянницу не кормилъ а колотилъ по головѣ колодкой. Съ Настасьей Карповной Марфа Тимофеевна свела знакомство на богомольѣ, въ монастырѣ; сама подошла къ ней въ церкви (она понравилась Марѳѣ Тимофеевнѣ за то, что, по ея словамъ, очень вкусно молилась), сама съ ней заговорила и пригласила ее къ себѣ на чашку чаю. Съ того дня она уже не разставалась съ ней. Настасья Карповна была женщина самаго веселаго и кроткаго нрава, вдова бездѣтная, изъ бѣдныхъ дворянокъ; голову имѣла круглую, сѣдую, мягкія бѣлыя руки, мягкое лицо съ крупными, добрыми чертами и нѣсколько смѣшнымъ, вздернутымъ носомъ; она благоговѣла передъ Марфой Тимофеевной, и та ее очень любила, хотя подтрунивала надъ ея нѣжнымъ сердцемъ: она чувствовала слабость ко всѣмъ молодымъ людямъ и невольно краснѣла, какъ дѣвочка, отъ самой невинной шутки. Весь ея капиталецъ состоялъ изъ 1200 рублей ассигнаціями; она жила на счетъ Марѳы Тимофеевны, но на ровной съ ней ногѣ: Марфа Тимофеевна не вынесла бы подобострастія.

— А! Федя! начала она, какъ только увидала его: — вчера вечеромъ ты не видѣлъ моей семьи: полюбуйся. Мы всѣ къ чаю собрались; это у насъ второй, праздничный чай. Всѣхъ поласкать можешь: только Шурочка не дастъ, а коть сцарапаетъ. Ты сегодня ѣдешь?

— Сегодня. — Лаврецкій присѣлъ на низкое стульце. — Я уже съ Маріей Дмитріевной простился. Я и Лизавету Михайловну видѣлъ.

— Зови ее Лизой, отецъ мой, что за Михайловна она для тебя! Да сиди смирно, а то ты Шурочкинъ стулъ сломаешь.

— Она къ обѣднѣ ила,—продолжалъ Лаврецкій. Развѣ она богомольна?

— Да, Федя, очень. Больше насъ съ тобою, Федя.

— А вы развѣ не богомольны?—замѣтила, принесетывая, Настасья Карповна. И сегодня: къ ранней обѣднѣ не пошла, а къ поздней пойдете.

— Анъ нѣтъ,—ты одна пойдешь: обгѣнилась я, мать моя, —возразила Марфа Тимофеевна.—часомъ ужъ очень себя балую.—Она говорила Настасьѣ Карповнѣ: *ты*, хотя и жила съ ней на ровной ногѣ—не даромъ же она была Нестова: трое Нестовыхъ значатся въ синодикѣ Ивана Васильевича Грознаго: Марфа Тимофеевна это знала.

— Скажите пожалуйста,—началъ опять Лаврецкій:—мнѣ Марья Дмитріевна сейчасъ говорила объ этомъ... какъ бишь его?.. Наппинъ. Что это за господинъ?

— Экая она болтушка, прости Господи! — прогорчала Марфа Тимофеевна;—чай, подъ секретомъ тебѣ сообщила, что вотъ, молъ, какой навертывается женихъ. Шушукала бы съ своимъ поповичемъ; нѣтъ, вишь, ей мало. И вѣдь нѣтъ еще ничего, да и слава Богу! а она уже болтаетъ.

— Почему же слава Богу?—спросилъ Лаврецкій.

— А потому, что молодецъ мнѣ не нравится; да и чему тутъ радоваться?

— Не нравится онъ вамъ?

— Да, не всѣхъ же ему пѣвнять. Будетъ съ него и того, что вотъ Настасья Карповна въ него влюблена.

Бѣдная вдова вся всполошилась.

— Что вы это, Марфа Тимофеевна, Бога вы не боитесь!— воскликнула она, и румянецъ мгновенно разлился у ней по лицу и по шеѣ.

— И вѣдь знаетъ, плутъ, —перебила ее Марфа Тимофеевна:—знаетъ, чѣмъ ее прельстить: табакерку ей подарилъ. Федя, попроси у ней табачку понюхать: ты увидишь,

табакерка какая славная: на крышкѣ гусаръ на конѣ представленъ. Ужъ ты лучше, мать моя, не оправдывайся.

Настасья Карповна только руками отмахивалась.

— Ну, а Лиза, — спросилъ Лаврецкій, — къ нему неравнодушна?

— Кажется, онъ ей нравится, — а впрочемъ, Господь ее вѣдаетъ? Чужая душа, ты знаешь, темный лѣсъ, а дѣвичья и подавно. Вотъ и Шурочкину душу — поди, разбери! Зачѣмъ она прячется, а не уходитъ, съ тѣхъ поръ, какъ ты пришелъ?

Шурочка фыркнула подавленнымъ смѣхомъ и выскочила вонъ, а Лаврецкій поднялся съ своего мѣста.

— Да, — промолвилъ онъ съ разстановкой: — дѣвичью душу не разгадаешь.

Онъ сталъ прощаться.

— Что-жъ? скоро мы тебя увидимъ? — спросила Марѳа Тимоѳеевна.

— Какъ придется, тетушка; тутъ вѣдь недалеко.

— Да, вѣдь ты въ Васильевское ѣдешь. Ты не хочешь жить въ Лаврикахъ: — ну, это твое дѣло; только съѣзди ты, поклонись гробу матери твоей, да и бабкину гробу кстати. Ты тамъ, за границей, всякаго ума набрался, а кто знаетъ, можетъ быть, онѣ и почувствуютъ въ своихъ могилкахъ, что ты къ нимъ пришелъ. Да не забудь, Федя, по Глафирѣ Петровнѣ тоже панафиду отслужить; вотъ тебѣ и цѣловый. Возьми, возьми, это я по ней хочу отслужить панафиду. Я ее при жизни не любила, а нечего сказать, съ характеромъ была дѣвка. Умница была: ну, и тебя не обидѣла. А теперь ступай съ Богомъ, а то я тебѣ надоѣмъ.

И Марѳа Тимоѳеевна обняла своего племянника.

— А Лизѣ за Паншинымъ не быть, не безпокойся: не такого мужа она стоитъ.

— Да я нисколько и не безпокоюсь, — отвѣчалъ Лаврецкій, и удалился.

XVIII.

Часа четыре спустя, онъ ѣхалъ домой. Тарантасъ его быстро катился по проселочной, мягкой дорогѣ. Недѣли двѣ какъ стояла засуха; тонкій туманъ разливался молокомъ въ воздухѣ и застилалъ отдаленные лѣса; отъ него пахло гарью. Множество темноватыхъ тучекъ съ неясно обрисованными краями расползались по блѣдно-голубому небу; довольно крѣпкій вѣтеръ мчался сухой, непрерывной струей, не разгоняя зноя. Приложившись головой къ подушкѣ и скрестивъ на груди руки, Лаврецкій глядѣлъ на пробѣгавшіе вѣеромъ загоны полей, на медленно мелькавшія ракиты, на глупыхъ воронъ и грачей, съ тупой подозрительностью взиравшихъ бокомъ на проѣзжавшій экипажъ, на длинныя межи, заросшія чернобыльникомъ, полынью и полевой рябиной; онъ глядѣлъ,... и эта свѣжая, степная, тучная голь и глушь, эта зелень, эти длинные холмы, овраги съ приземистыми дубовыми кустами, сѣрыя деревеньки, жидкія березы — вся эта, давно имъ невиданная, русская картина навѣвала на его душу сладкія и въ то же время почти скорбныя чувства, давила грудь его какимъ-то пріятнымъ давленіемъ. Мысли его медленно бродили; очертанія ихъ были такъ же неясны и смутны, какъ очертанія тѣхъ высокихъ, тоже какъ будто бы бродившихъ тучекъ. Вспомнилъ онъ свое дѣтство, свою мать, вспомнилъ, какъ она умирала, какъ поднесли его къ ней, и какъ она, прижимая его голову къ своей груди, начала-было слабо голосить надъ нимъ, да взглянула на Глафиру Петровну — и умолкла. Вспомнилъ онъ отца, сперва бодраго, всѣмъ недовольнаго, съ мѣднымъ голосомъ, — потомъ слѣпого плаксиваго, съ неопрятной, сѣдой бородой; вспомнилъ, какъ онъ однажды за столомъ, выпивъ лишнюю рюмку вина и заливъ себѣ салфетку соусомъ, вдругъ засмѣялся и началъ, мигая ничего не видѣвшими глазами и краснѣя, разсказывать про свои побѣды; вспомнилъ Варвару Павлов-

ну,—и невольно прищурился, какъ щурится человѣкъ отъ мгновенной внутренней боли, и встряхнулъ головой. Потомъ мысль его остановилась на Лизѣ.

„Вотъ, — подумалъ онъ, — новое существо только-что вступаетъ въ жизнь. Славная дѣвушка, что-то изъ нея выйдетъ? Она и собой хороша. Бѣлое, свѣжее лицо, глаза и губы такіе серьёзные, и взглядъ честный и невинный. Жаль, она, кажется, восторжена немножко. Ростъ славный, и такъ легко ходитъ, и голосъ тихій. Очень я люблю, когда она вдругъ остановится, слушаетъ со вниманіемъ, безъ улыбки, потомъ задумается и откинетъ назадъ свои волосы. Точно, мнѣ самому сдается, Наншинъ ея не стоитъ. Однако, чѣмъ же онъ дуренъ? А впрочемъ, чего я размечтался? Побѣжитъ и она по той же дорожкѣ, по какой всѣ бѣгаютъ. Лучше я сосну“. И Лаврецкій закрылъ глаза.

Заснуть онъ не могъ, но погрузился въ дремотное дорожное оцѣпѣніе. Образы проносящаго, попрежнему, не спѣша, поднимались, вспливали въ его душѣ, мѣшаясь и путаясь съ другими представленіями. Лаврецкій, Богъ знаетъ почему, сталъ думать о Робертѣ Пилѣ... о французской исторіи.... о томъ, какъ бы онъ выигралъ сраженіе, еслибъ онъ былъ генераломъ; ему чудились выстрѣлы и крики.... Голова его скользила на бокъ, онъ открывалъ глаза.... Тѣ же поля, тѣ же степные виды; стертыя подковы пристяжныхъ попеременно сверкаютъ сквозь волнистую пыль; рубаха ямщика, желтая, съ красными ластовицами, надувается отъ вѣтра.... „Хорошъ возвращаюсь я на родину“ — промелькнуло у Лаврецкаго въ головѣ; и онъ закричалъ: „поше-ел!“, запахнулся въ шинель и плотнѣе прижался къ подушкѣ. Тарантасъ толкнуло: Лаврецкій выпрямился и широко раскрылъ глаза. Передъ нимъ на пригоркѣ тянулась небольшая деревенька; немного вправо виднѣлся ветхій господскій домикъ, съ закрытыми ставнями и кривымъ крылечкомъ; по широкому двору, отъ самыхъ воротъ росла

крапива, зеленая и густая, какъ конопля; тутъ же стоялъ дубовый, еще крѣпкій амбарчикъ. Это было Васильевское.

Ямщикъ повернулъ къ воротамъ, остановилъ лошадей; лакей Лаврецкаго приподнялся на козлахъ и, какъ бы готовясь соскочить, закричалъ: гей! Раздался сиплый, глухой лай, но даже собаки не показалось; лакей снова приготовился соскочить и снова закричалъ: гей! Повторился дряхлый лай и, спустя мгновеніе, на дворъ, неизвѣстно откуда, выбѣжалъ человѣкъ въ нанковомъ кафтанѣ, съ бѣлой, какъ снѣгъ, головой; онъ посмотрѣлъ, защищая глаза отъ солнца, на тарантасъ, ударилъ себя вдругъ обѣими руками по ляжкамъ, сперва немного заметался на мѣстѣ, потомъ бросился отворять ворота. Тарантасъ въѣхалъ на дворъ, шурша колесами по крапивѣ, и остановился передъ крыльцомъ. Бѣлоголовый человѣкъ, весьма повидимому юркій, уже стоялъ, широко и криво разставивъ ноги, на послѣдней ступенькѣ, отстегнулъ передокъ, судорожно дернулъ кверху кожу и помогая барину спуститься на землю, поцѣловалъ у него руку.

— Здравствуй, здравствуй, братъ, — проговорилъ Лаврецкій, — тебя, кажется, Антономъ зовутъ? Ты живъ еще?

Старикъ молча поклонился и побѣжалъ за ключами. Пока онъ бѣгалъ, ямщикъ сидѣлъ неподвижно, сбочась и поглядывая на запертую дверь; а лакей Лаврецкаго, какъ спрыгнулъ, такъ и остался въ живописной позѣ, закинувъ одну руку на козлы. Старикъ принесъ ключи и, безъ всякой нужды изгибаясь, какъ змѣя, высоко поднимая локти, отперъ дверь, посторонился и опять поклонился въ поясъ.

— Вотъ я и дома, вотъ я и вернулся, — подумалъ Лаврецкій, входя въ крошечную переднюю, между тѣмъ какъ ставни со стукомъ и визгомъ отворялись одинъ за другимъ, и дневной свѣтъ проникалъ въ опустѣлые покои.

XIX.

Небольшой домикъ, куда пріѣхалъ Лаврецкій и гдѣ два года тому назадъ скончалась Глафира Петровна, былъ выстроенъ въ прошломъ столѣтіи, изъ прочнаго сосноваго лѣса; онъ на видъ казался ветхимъ, но могъ простоять еще лѣтъ пятьдесятъ или болѣе. Лаврецкій обошелъ всѣ комнаты и, къ великому безпокойству старыхъ, вялыхъ мухъ съ бѣлой нылью на спинѣ, неподвижно сидѣвшихъ подъ потолками, велѣлъ всюду открыть окна: съ самой смерти Глафиры Петровны никто не открывалъ ихъ. Все въ домѣ осталось, какъ было: тонконогіе бѣлые диванчики въ гостиной, обитые глянцовитымъ сѣрымъ нитофомъ, протертые и продавленные, живо напоминали Екатерининскія времена: въ гостиной же стояло любимое кресло хозяйки, съ высокой и прямой спинкой, къ которой она и въ старости не прислонялась. На главной стѣнѣ висѣлъ старинный портретъ Георога прадѣда, Андрея Лаврецкаго: темное, желтое лицо едва отдѣлялось отъ почернѣвшаго и покоробленнаго фона; небольшіе, злые глаза угрюмо глядѣли изъ-подъ нависшихъ, слѣпо опухшихъ вѣкъ; черные волосы безъ пудры щеткой зачесались на лъ тяжелымъ, изрытымъ лбомъ. На углѣ портрета висѣлъ вѣнокъ изъ запылившихся иммортелей. „Сами Глафира Петровна изволили плести“, доложилъ Антонъ. Въ спальнѣ возвышалась узкая кровать, подъ пологомъ изъ старомодной, весьма доброгной полосатой матеріи: горка взбитыхъ подушекъ и стеганое жидкое одѣяльце лежали на кровати, а у изголовья висѣлъ образъ Введенія во храмъ Пресвятыя Богородицы, тотъ самый образъ, къ которому старая дѣвица, умирая одна и всѣми забытая, въ послѣдній разъ приложилась уже хладѣющими губами. Туалетный столикъ изъ штучнаго дерева, съ мѣдными бляхами и кривымъ зеркальцемъ, съ почернѣлой позолотой, стоялъ у окна. Рядомъ съ спальней находилась образная, малень-

кая комнатка, съ голыми стѣнами и тяжелымъ кіотомъ въ углу; на полу лежалъ истертый, закапанный воскомъ ковричекъ; Глафира Петровна клала на немъ земные поклоны. Антонъ отправился съ лакеемъ Лаврецкаго отпирать конюшню и сарай; на мѣсто его явилась старушка, чуть ли не ровесница ему, повязанная платкомъ по самыя брови; голова ея тряслась и глаза глядѣли тупо, но выражали усердіе, давнишнюю привычку служить безотвѣтно, и въ то же время какое-то почтительное сожалѣніе. Она подошла къ ручкѣ Лаврецкаго и остановилась у двери, въ ожиданіи приказаній. Онъ рѣшительно не помнилъ, какъ ее звали, не помнилъ даже, видѣлъ ли ее когда-нибудь; оказалось, что ее звали Аракчеей; лѣтъ сорокъ тому назадъ, та же Глафира Петровна сослала ее съ барскаго двора и велѣла ей быть птичницей; впрочемъ, она говорила мало,—словно изъ ума выжила,—а только глядѣла подобострастно. Кромѣ этихъ двухъ стариковъ, да трехъ пузатыхъ ребятишекъ въ длинныхъ рубашонкахъ, Антоновыхъ правнуковъ, жилъ еще на барскомъ дворѣ однорукій безтягольный мужиченка; онъ бормоталъ, какъ тетеревъ, и не былъ способенъ ни на что: не многимъ полезнѣе его была дряхлая собака, привѣтствовавшая лаемъ возвращеніе Лаврецкаго: она уже лѣтъ десять сидѣла на тяжелой цѣпи, купленной по распоряженію Глафиры Петровны, и сама-сила была въ состояніи двигаться и влачить свою ношу. Осмотрѣвъ домъ, Лаврецкій вышелъ въ садъ и остался имъ доволенъ. Онъ весь заросъ бурьяномъ, лопухами, крыжовникомъ и малиной; но въ немъ было много тѣни, много старыхъ липъ, которыя поражали своею громадностью и странымъ расположеніемъ сучьевъ; онѣ были слишкомъ тѣсно посажены и когда-то—лѣтъ сто тому назадъ—стрижены. Садъ оканчивался небольшимъ свѣтлымъ прудомъ съ каймой изъ высокаго красноватаго тростника. Сѣни человѣческой жизни глохнутъ очень скоро: усадьба Глафиры Петровны не успѣ-

ла одичать, но уже казалась погруженной въ ту тихую дрему, которой дремлетъ все на землѣ, гдѣ только нѣтъ людской безпокойной заразы. Өедоръ Ивановичъ прошелся также по деревнѣ; бабы глядѣли на него съ порога своихъ избъ, подпирая щеку рукою; мужики издали кланялись; дѣти бѣжали прочь; собаки равнодушно лаяли. Ему, наконецъ, захотѣлось ѣсть; но онъ ожидалъ свою прислугу и повара только къ вечеру; обозъ съ провизіей изъ Лаврикова еще не прибывалъ,—пришлось обратиться къ Антону. Антонъ сейчасъ распорядился: поймалъ, зарѣзалъ и ощипалъ старую курицу; Аниксья долго терла и мыла ее, стирала ее, какъ бѣлье, прежде чѣмъ положить въ кастрюлю; когда она, наконецъ, сварилась, Антонъ накрылъ и убралъ столъ, поставилъ передъ приборомъ почернѣвшую солонку аптике о трехъ ножкахъ и граненый графинчикъ съ круглой стеклянной пробкой и узкимъ горлышкомъ; потомъ доложилъ Лаврецкому нѣжнымъ голосомъ, что кушанье готово,—и самъ сталъ за его стуломъ, обвернувъ правый кулакъ салфеткой и распространяя какой-то крѣпкій, древній запахъ, подобный запаху кипарисоваго дерева. Лаврецкій отвѣдалъ супу и досталъ курицу; кожа ея была вся покрыта крупными пупырушками, толстая жила шла по каждой ногѣ, мясо отдывалось древесиной и щолокомъ. Пообѣдавъ, Лаврецкій сказалъ, что онъ выпилъ бы чаю, если... „Сею минуту-съ поцамъ-съ“, перебилъ его старикъ,—и сдержалъ свое обѣщаніе. Сыскалась щепотка чаю, завернутая въ клочокъ красной бумажки, сыскался небольшой, но прерьяный и шумливый самоварчикъ, сыскался и сахаръ въ очень маленькихъ, словно обтаявшихъ, кускахъ. Лаврецкій напился чаю изъ большой чашки; онъ еще съ дѣтства помнилъ эту чашку: игорныя карты были изображены на ней, изъ нея пили только гости,—и онъ пилъ изъ нея, словно гость. Къ вечеру прибыла прислуга; Лаврецкому не захотѣлось лечь въ готкиной кровати: онъ велѣлъ постлать себѣ постель въ сто-

ловой. Погасивъ свѣчку, онъ долго глядѣлъ вокругъ себя и думалъ невеселую думу; онъ испытывалъ чувство, знакомое каждому человѣку, которому приходится въ первый разъ ночевать въ давно необитаемомъ мѣстѣ; ему казалось, что обступившая его со всѣхъ сторонъ темнота не могла привыкнуть къ новому жильцу, что самыя стѣны дома недоумѣваютъ. Наконецъ онъ вздохнулъ, натянулъ на себя одѣяло и заснулъ. Антонъ дольше всѣхъ остался на ногахъ: онъ долго шептался съ Апраксѣей, охалъ вполголоса, раза два перекрестился; они оба не ожидали, чтобы баринъ поселился у нихъ въ Васильевскомъ, когда у него подъ-бокомъ было такое славное имѣнье съ отлично-устроенной усадьбой; они и не подозрѣвали, что самая эта усадьба была противна Лаврецкому: она возбуждала въ немъ тягостныя воспоминанія. Нашептавшись вдоволь, Антонъ взялъ палку, поколотилъ по висячей, давно безмолвной доскѣ у амбара и тутъ же прикорнулъ на дворѣ, ничѣмъ не прикрывъ свою бѣлую голову. Майская ночь была тиха и ласкова — и сладко спалось старику.

XX.

На другой день Лаврецкій всталъ довольно рано, потолковалъ со старостой, побывалъ на гумнѣ, велѣлъ снять цѣпь съ дворовой собаки, которая только полаяла немного, но даже не отошла отъ своей конуры; — и, вернувшись домой, погрузился въ какое-то мирное оцѣпенѣніе, изъ котораго не выходилъ цѣлый день. „Вотъ когда я попалъ на самое дно рѣки", сказалъ онъ самому себѣ не однажды. Онъ сидѣлъ подъ окномъ, не шевелился и словно прислушивался къ теченію тихой жизни, которая его окружала, къ рѣдкимъ звукамъ деревенской глуши. Вотъ гдѣ-то за крапивой кто-то напѣваетъ тонкимъ-тонкимъ голоскомъ; комаръ словно вторитъ ему. Вотъ онъ пересталъ, а комаръ все пищитъ; сквозь

дружное, назойливо-жалобное жужжанье мухъ раздается гудѣнье толстаго шмеля, который то-и-дѣло стучится головой о потолокъ; вѣтухъ на улицѣ закричалъ, хрипло вытягивая послѣднюю ноту: простучала телѣга; на деревнѣ скрипятъ ворота. „Что?“ задребезжалъ вдругъ бабій голосъ. „Охъ, ты мой ударникъ“, говоритъ Антонъ двухлѣтней дѣвочкѣ, которую нянчитъ на рукахъ. „Квасъ неси“, повторяетъ тотъ же бабій голосъ, — и вдругъ находитъ тишина мертвая; ничто не стукнетъ, не шелохнется; вѣтеръ листкомъ не шевельнетъ; ласточки несутся безъ крика одна за другой по землѣ, и печально становится на душѣ отъ ихъ безмолвнаго полета. „Вотъ когда я на днѣ рѣки“, думаетъ опять Лаврецкій. „И всегда, во всякое время тиха и неспѣшна здѣсь жизнь“, думаетъ онъ: — „кто входитъ въ ея кругъ, — покорися: здѣсь незачѣмъ волноваться, нечего мутить; здѣсь только тому и удача, кто прокладываетъ свою тропинку не торопясь, какъ пахарь борозду плугомъ. И какая сила кругомъ, какое здоровье въ этой бездѣйственной тиши! Вотъ тутъ, подъ окномъ, коренастый лопухъ лѣзетъ изъ густой травы; надъ нимъ вытягиваетъ зоря свой сочный стебель; богородицыны слезки еще выше выкидываютъ свои розовые кудри; а тамъ, дальше, въ полѣ, лоснится рожь и овесъ уже пошелъ въ трубочку, и ширится во всю ширину свою каждый листъ на каждомъ деревѣ каждая травка на своемъ стебелѣ. На женскую любовь ушли мои лучшіе года“, продолжаетъ думать Лаврецкій: — „пусть же вытрезвитъ меня здѣсь скука, пусть успокоитъ меня, подготовитъ къ тому, чтобы и я умѣлъ не спѣша дѣлать дѣло“. И онъ снова принимается прислушиваться къ тишинѣ, ничего не ожидая, — и въ то же время какъ-будто безпрестанно ожидая чего-то: тишина обнимаетъ его со всѣхъ сторонъ, солнце катится тихо по спокойному синему небу, и облака тихо плывутъ по немъ; кажется, онѣ знаютъ, куда и зачѣмъ онѣ плывутъ. Въ то самое время, въ другихъ мѣстахъ на землѣ,

книѣла, торопилась, грохотала жизнь; здѣсь та же жизнь текла не слышно, какъ вода по болотнымъ травамъ; и до самаго вечера Лаврецкій не могъ оторваться отъ созерцанія этой уходящей, утекающей жизни; скорбь о прошедшемъ таяла въ его душѣ какъ весенній снѣгъ, — и странное дѣло! — никогда не было въ немъ такъ глубоко и сильно чувство родины.

XXI.

Въ теченіе двухъ недѣль Осдоръ Иванычъ привелъ домикъ Глафиры Петровны въ порядокъ, расчистилъ дворъ, садъ; изъ Лаврикова привезли ему удобную мебель, изъ города вино, книги, журналы; на конюшнѣ появились лошади; словомъ, Осдоръ Иванычъ обзавелся всѣмъ нужнымъ и началъ жить — не то помѣщикомъ, не то отшельникомъ. Дни его проходили однообразно; но онъ не скучалъ, хотя никого не видѣлъ; онъ прилежно и внимательно занимался хозяйствомъ, ѣздилъ верхомъ по окрестностямъ, читалъ. Впрочемъ, онъ читалъ мало: ему пріятнѣе было слушать разсказы старика Антона. Обыкновенно Лаврецкій садился съ трубкой табаку и чашкой холоднаго чаю къ окну; Антонъ становился у двери, заложивъ назадъ руки, — и начиналъ свои неторопливые разсказы о стародавнихъ временахъ, о тѣхъ баснословныхъ временахъ, когда овесъ и рожь продавались не мѣрками, а въ большихъ мѣшкахъ, по дѣ и по три копѣйки за мѣшокъ; когда во всѣ стороны, даже подъ городомъ, тянулись непроходимые лѣса, нетронутыя степи. „А теперь“, жаловался старикъ, которому уже стукнуло лѣтъ за восемьдесятъ: — „такъ все вырубили, да распахали, что проѣхать негдѣ“. Также разсказывалъ Антонъ много о своей госпожѣ, Глафирѣ Петровнѣ; какія онѣ были разсудительныя и бережливыя; какъ нѣкоторый господинъ, молодой сосѣдъ, подъѣзжался-было къ ней, часто сталъ

наѣзжать,—и какъ онѣ для него изволили даже надѣвать свои праздничный чепецъ съ лентами цвѣту массака и желтое платье изъ трю-трю-левантина; но какъ потомъ, разгнѣвавшись на господина сосѣда за неприличный вопросъ: „что, моль, должонъ быть у васъ, сударыня, каштанъ?“ приказали ему отъ дому отказать, и какъ онѣ тогда же приказали, чтобъ все, послѣ ихъ кончины, до самомалѣйшей тряпицы, было представлено Оедору Ивановичу. И точно, Лаврецкій нашелъ весь тетюшинъ скарбъ въ цѣлости, не исключая праздничнаго чепца съ лентами цвѣта массака и желтаго платья изъ трю-трю-левантина. Старинныхъ бумагъ и любопытныхъ документовъ, на которые разсчитывалъ Лаврецкій, не оказалось никакихъ, кромѣ одной ветхой книжки, въ которую дѣдушка его, Петръ Андреичъ, вписывалъ то—„Празднованіе въ городѣ Санктпетербургѣ замиренія, заключеннаго съ Турецкой имперіей его сіятельствомъ княземъ Александромъ Александровичемъ Прозоровскимъ“; то рецептъ грудного *декокта* съ примѣчаніемъ: „Сіе наставленіе дано генеральшѣ Прасковьѣ Оедоровнѣ Салтыковой отъ протопресвитера церкви Живоначальныя Троицы Оедора Авксентьевича“; то политическую новость слѣдующаго рода: „О тиграхъ французахъ что-то замолкло“;—и тутъ же рядомъ: „Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ показано, что скончался господинъ премiеръ-маіоръ Михаилъ Петровичъ Колычевъ. Не Петра ли Васильевича Колычева сынъ?“ Лаврецкій нашелъ также нѣсколько старыхъ календарей и сонниковъ и таинственное сочиненіе г. Амбодика: много воспоминаній возбудили въ немъ давно забытые, но знакомые: „Символы и Эмблемы“. Въ туалетномъ столикѣ Глафиры Петровны Лаврецкій нашелъ небольшой пакетъ, завязанный черной ленточкой, запечатанный чернымъ сургучомъ и засунутый въ самую глубь ящика. Въ пакетѣ лежали лицомъ къ лицу настольный портретъ его отца въ молодости, съ мягкими кудрями, разсыпанными на лбу, съ

длинными, томными глазами и полураскрытымъ ртомъ,— и почти стертый портретъ блѣдной женщины въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлымъ розаномъ въ рукѣ,—его матери. Съ самой себя Глафира Петровна никогда не позволяла снять портрета. „Я, батюшка, Ѳедоръ Иванычъ",—говаривалъ Лаврецкому Антонъ:—„хоша и въ господскихъ хоромахъ тогда жительство не имѣлъ, а вашего прадѣдушку, Андрея Аѳанасьевича, помню,—какъ же: мнѣ, когда они скончались восьмнадцатый годочекъ пошелъ. Разъ я имъ въ саду встрѣтился,—такъ даже поджилки затряслись; однако, они ничего, только спросили, какъ зовутъ,—и въ свои покои за носовымъ платкомъ послали. Баринъ былъ что̀ и говорить,—и старшо̀го надъ собой не зналъ. Потому была, доложу вамъ, у вашего прадѣдушки чудная така ладонка; съ Аѳонской горы имъ монахъ ту ладонку подарилъ. И сказалъ онъ ему этта монахъ-то: за твое, бояринъ, радушіе сіе тебѣ дарю: носи—и суда не бойся. Ну, да вѣдь тогда, батюшка, извѣстно, какія были времена; что̀ баринъ восхотѣлъ, то и творилъ. Бывало, кто даже изъ господъ вздумаетъ имъ перечить, такъ они только посмотрятъ на него, да скажутъ: мелко плаваешь;—самое это у нихъ было любимое слово. И жилъ онъ, вашъ блаженной памяти прадѣдушка, въ хоромахъ деревянныхъ малыхъ; а что добра послѣ себя оставилъ, серебра что̀, всякихъ запасовъ,—всѣ подвалы биткомъ набиты были! Хозяинъ былъ. Тотъ-то графинчикъ, что вы похвалить изволили,—ихъ былъ: изъ него водку кушали. А вотъ дѣдушка вашъ, Петръ Андреичъ, и палаты себѣ поставилъ каменныя, а добра не нажилъ; все у нихъ пошло *ханею*; и жили они хуже папенькинаго, и удовольствій никакихъ себѣ не производили,—а денежки всѣ порѣшилъ, и помянуть его нечѣмъ, ложки серебряной отъ нихъ не осталось,—и то еще спасибо, Глафира Петровна поралѣла".

— А правда ли,—перебивалъ его Лаврецкій:—ее старой колотовкой звали?

— Да вѣдь кто звалъ! — возражалъ съ неудовольствіемъ Антонъ.

— А что, батюшка, — рѣшился спросить однажды старикъ; — что наша барынька, гдѣ изволитъ свое пребываніе имѣть?

— Я развелся съ женою, — проговорилъ съ усиліемъ Лаврецкій; — пожалуйста, не спрашивай о ней.

— Слушаю-съ, — печально возразилъ старикъ.

По прошествіи трехъ недѣль, Лаврецкій поѣхалъ верхомъ въ О..., къ Калитинымъ, и провелъ у нихъ вечеръ. Лемиъ былъ тамъ; онъ очень понравился Лаврецкому. Хотя, по милости отца, онъ ни на какомъ инструментѣ не игралъ, однако страстно любилъ музыку, музыку дѣльную, классическую. Лашина въ тотъ вечеръ у Калитиныхъ не было. Губернаторъ услалъ его куда-то за городъ. Лиза играла она и очень отчетливо; Лемиъ оживился, расходился, стеръ съ бумажки трубочкой и дирижировалъ. Марья Дмитріевна сперва смѣялась, глядя на него, потомъ ушла спать; по ея словамъ, Бетховенъ слишкомъ волновалъ ея нервы. Въ полночь Лаврецкій проводилъ Лемма на квартиру и просидѣлъ у него до трехъ часовъ утра. Лемиъ много говорилъ; сутулина его выпрямилась, глаза расширились и заблистали; самые волосы приподнялись надъ лбомъ. Уже такъ давно никто не принималъ въ немъ участья, а Лаврецкій видимо интересовался имъ, заботливо и внимательно разспрашивалъ его. Старика это тронуло; онъ кончилъ тѣмъ, что показалъ гостю свою музыку, сыгралъ и даже спѣлъ мертвеннымъ голосомъ нѣкоторые отрывки изъ своихъ сочиненій, между прочимъ цѣлую, положенную имъ на музыку, балладу Шиллера: Фридолинъ. Лаврецкій похвалилъ его, заставилъ кое-что повторить и, уѣзжая, пригласилъ его къ себѣ погостить на нѣсколько дней. Лемиъ, проводивній его до улицы, тотчасъ согласился и крѣпко пожалъ его руку; но, оставшись одинъ на свѣжемъ и сыромъ

воздухѣ, при только-что занимавшейся зарѣ, оглянулся, прищурился, съежился и, какъ виноватый, побрелъ въ свою комнатку: „Ich bin wohl nicht klug“ (я не въ своемъ умѣ) — пробормоталъ онъ, ложась въ свою жесткую и короткую постель. Онъ попытался сказаться больнымъ, когда, нѣсколько дней спустя, Лаврецкій заѣхалъ за нимъ въ коляскѣ; но Ѳедоръ Иванычъ вошелъ къ нему въ комнату и уговорилъ его. Сильнѣе всего подѣйствовало на Лемма то обстоятельство, что Лаврецкій собственно для него велѣлъ привезти къ себѣ въ деревню фортепьяно изъ города. Они вдвоемъ отправились къ Калитинымъ и провели у нихъ вечеръ, но уже не такъ пріятно, какъ въ послѣдній разъ. Паншинъ былъ тамъ, много разсказывалъ о своей поѣздкѣ, очень забавно передразнивалъ и представлялъ видѣнныхъ имъ помѣщиковъ; Лаврецкій смѣялся, но Леммъ не выходилъ изъ своего угла, молчалъ, тихо шевелился весь, какъ наукъ, глядѣлъ угрюмо и тупо, и оживился только тогда, когда Лаврецкій сталъ прощаться. Даже сидя въ коляскѣ, старикъ продолжалъ дичиться и ежиться; но тихій, теплый воздухъ, легкій вѣтерокъ, легкія тѣни, запахъ травы, березовыхъ почекъ, мирное сіянье безлуннаго звѣзднаго неба, дружный топотъ и фырканіе лошадей, всѣ обаянія дороги, весны, ночи — спустились въ душу бѣднаго нѣмца, и онъ самъ первый заговорилъ съ Лаврецкимъ.

XXII.

Онъ сталъ говорить о музыкѣ, о Лизѣ, потомъ опять о музыкѣ. Онъ какъ-будто медленнѣе произносилъ слова, когда говорилъ о Лизѣ. Лаврецкій навелъ рѣчь на его сочиненія и, полушутя, предложилъ ему написать для него либретто.

Гмъ, либретто! — возразилъ Леммъ: — нѣтъ, это не по мнѣ: у меня уже нѣтъ той живости, той игры воображенія,

которая необходима для оперы; я уже теперь лишился силъ моихъ... Но еслибъ я могъ еще что-нибудь сдѣлать,—я бы удовольствовался романсомъ; конечно, я желалъ бы хорошихъ словъ....

Онъ умолкъ, и долго сидѣлъ неподвижно и поднявъ глаза на небо.

— Напримѣръ,—проговорилъ онъ наконецъ:—что-нибудь въ такомъ родѣ: вы, звѣзды, о, вы чистыя звѣзды?...

Лаврецкій слегка обернулся къ нему лицомъ и сталъ глядѣть на него.

—Вы, звѣзды, чистыя звѣзды,—повторилъ Леммъ....—Вы взираете одинаково на правыхъ и на виновныхъ.... но одни невинные сердцемъ,—или что-нибудь въ этомъ родѣ.... васъ понимаютъ, то-есть, нѣтъ,—васъ любятъ. Впрочемъ, я не поэтъ,—куда мнѣ! Но что-нибудь въ этомъ родѣ, что-нибудь высокое.

Леммъ отодвинулъ шляпу на затылокъ; въ тонкомъ сумракѣ съѣтлой ночи лицо его казалось блѣднѣе и моложе.

— И вы тоже,—продолжалъ онъ постепенно утихавшимъ голосомъ:—вы знаете, кто любитъ, кто умѣетъ любить, потому что вы, чистыя, вы одни можете утѣшить.... Нѣтъ, это все не то! Я не поэтъ,—промолвилъ онъ:—но что-нибудь въ этомъ родѣ....

— Мнѣ жаль, что и я не поэтъ—замѣтилъ Лаврецкій.

— Пустыя мечтанья!—возразилъ Леммъ и углубился въ уголъ коляски. Онъ закрылъ глаза, какъ бы собираясь заснуть.

Прошло нѣсколько мгновеній.... Лаврецкій прислушался.... „Звѣзды, чистыя звѣзды, любовь", — шепталъ старикъ.

— Любовь, — повторилъ про себя Лаврецкій, задумался,и тяжело стало у него на душѣ.

— Прекрасную вы написали музыку на Фридолина, Христофоръ Ѳедорычъ,—промолвилъ онъ громко:—а какъ вы полагаете, этотъ Фридолинъ, послѣ того, какъ графъ привелъ

его къ женѣ, вѣдь онъ тутъ-то и сдѣлался ея любовникомъ,—а?

— Это вы такъ думаете,—возразилъ Лемм: — потому что, вѣроятно, опытъ.... Онъ вдругъ умолкъ и въ смущеніи отвернулся. Лаврецкій принужденно засмѣялся, тоже отвернулся и сталъ глядѣть на дорогу.

Звѣзды уже начинали блѣднѣть и небо свѣтлѣло, когда коляска подъѣхала къ крыльцу домика въ Васильевскомъ. Лаврецкій проводилъ своего гостя въ назначенную ему комнату, вернулся въ кабинетъ и сѣлъ передъ окномъ. Въ саду пѣлъ соловей свою послѣднюю, передразсвѣтную пѣснь. Лаврецкій вспомнилъ, что и у Калитиныхъ въ саду пѣлъ соловей; онъ вспомнилъ также тихое движеніе Лизиныхъ глазъ, когда при первыхъ его звукахъ они обратились къ темному окну. Онъ сталъ думать о ней, и сердце въ немъ утихло. „Чистая дѣвушка,—проговорилъ онъ вполголоса:— чистыя звѣзды"—прибавилъ онъ съ улыбкой и спокойно легъ спать.

А Лемм долго сидѣлъ на своей кровати съ нотной тетрадкой на колѣняхъ. Казалось, необычайная, славная мелодія собиралась посѣтить его: онъ уже горѣлъ и волновался, онъ чувствовалъ уже истому и сладость ея приближенія.... но онъ не дождался ея.

— Не поетъ и не музыкантъ!—произнесъ онъ наконецъ....

И усталая голова его тяжело опустилась на подушку.

XXIII.

На другое утро хозяинъ и гость пили чай въ саду, подъ старой липой.

— Маэстро!—сказалъ между прочимъ Лаврецкій:— вамъ придется скоро сочинить торжественную кантату.

— По какому случаю?

— А по случаю бракосочетанія г. Паншина съ Лизой. Замѣтили ли вы, какъ онъ вчера за ней ухаживалъ? Кажется, у нихъ уже все идетъ на ладъ.

— Этого не будетъ! воскликнулъ Леммъ.

— Почему?

— Потому что это невозможно. Впрочемъ,—прибавилъ онъ, погодя немного:- на свѣтѣ все возможно. Особенно здѣсь у васъ, въ Россіи.

— Россію мы оставимъ пока въ сторонѣ; но что же дурного находите вы въ этомъ бракѣ?

— Все дурно, все. Лизавета Михайловна дѣвица справедливая, серьёзная, съ возвышенными чувствами, — а онъ.... онъ ди-лет-тантъ, однимъ словомъ.

— Да вѣдь она его любитъ?

Леммъ всталъ со скамейки.

— Нѣтъ, она его не любитъ, то-есть, она очень чиста сердцемъ и не знаетъ сама, что это значитъ: любить. Мадамъ фонъ-Калитинъ ей говоритъ, что онъ хорошій молодой человѣкъ, а она слушается мадамъ фонъ-Калитинъ, потому что она еще совсѣмъ дитя, хотя ей и девятнадцать лѣтъ: молится утромъ, молится вечеромъ,—и это очень похвально: но она его не любитъ Она можетъ любить одно прекрасное, а онъ не прекрасенъ, то-есть душа его не прекрасна

Леммъ произнесъ всю эту рѣчь связно и съ жаромъ, расхаживая маленькими шагами взадъ и впередъ передъ чайнымъ столикомъ и обгая глазами по землѣ.

— Дражайшій маэстро!—воскликнулъ вдругъ Лаврецкій:—мнѣ кажется, что вы сами влюблены въ мою кузину.

Леммъ вдругъ остановился.

— Пожалуйста, —началъ онъ невѣрнымъ голосомъ:—не шутите такъ надо мною. Я не безумецъ: я въ темную могилу гляжу, не въ розовую будущность.

Лаврецкому стало жаль старика; онъ попросилъ у него

прощенія. Леммъ послѣ чая сыгралъ ему свою кантату, а за обѣдомъ, вызванный самимъ Лаврецкимъ, опять разговорился о Лизѣ. Лаврецкій слушалъ его со вниманіемъ и любопытствомъ.

— Какъ вы думаете, Христофоръ Ѳедорычъ,—сказалъ онъ наконецъ:—вѣдь у насъ теперь, кажется, все въ порядкѣ, садъ въ полномъ цвѣту.... Не пригласить ли ее сюда на день, вмѣстѣ съ ея матерью и моей старушкой теткой,—а? Вамъ это будетъ пріятно?

Леммъ наклонилъ голову надъ тарелкой.

— Пригласите,—проговорилъ онъ чуть слышно.

— А Паншина не надобно?

— Не надобно,—возразилъ старикъ съ почти-дѣтской улыбкой.

Два дня спустя, Ѳедоръ Иванычъ отправился въ городъ, къ Калитинымъ.

XXIV.

Онъ засталъ всѣхъ дома, но онъ не тотчасъ объявилъ имъ о своемъ намѣреніи; онъ хотѣлъ сперва переговорить наединѣ съ Лизой. Случай помогъ ему: ихъ оставили вдвоемъ въ гостиной. Они разговорились; она успѣла уже привыкнуть къ нему,—да она и вообще никого не дичилась. Онъ слушалъ ее, глядѣлъ ей въ лицо и мысленно твердилъ слова Лемма, соглашался съ нимъ. Случается иногда, что два уже знакомыхъ, но не близкихъ другъ другу человѣка, внезапно и быстро сближаются въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній,—и сознаніе этого сближенія тотчасъ выражается въ ихъ взглядахъ, въ ихъ дружелюбныхъ и тихихъ усмѣшкахъ, въ самыхъ ихъ движеніяхъ. Именно это случилось съ Лаврецкимъ и Лизой. „Вотъ онъ какой", подумала она, ласково глядя на него; „вотъ ты какая", подумалъ и онъ. А потому онъ не очень удивился, когда она, не безъ маленькой

однако запнулся, объявила ему, что давно имѣетъ на сердцѣ сказать ему что-то, но боится его разсердить.

— Не бойтесь, говорите,—промолвилъ онъ и остановился передъ ней.

Лиза подняла на него свои ясные глаза.

— Вы такіе добрые,—начала она, и въ то же время подумала: „да, онъ точно добрый“...—вы извините меня, я бы не должна смѣть говорить объ этомъ съ вами... но какъ могли вы... отчего вы разстались съ вашей женой?

Лаврецкій дрогнулъ, поглядѣлъ на Лизу и подсѣлъ къ ней.

— Дитя мое,—заговорилъ онъ,—не прикасайтесь, пожалуйста, къ этой ранѣ; руки у васъ нѣжныя, а все-таки мнѣ будетъ больно.

— Я знаю,—продолжала Лиза, какъ будто не разслушавъ его:—она передъ вами виновата, я не хочу ее оправдывать; но какъ же можно разлучать то, что Богъ соединилъ?

— Наши убѣжденія на этотъ счетъ слишкомъ различны, Лизавета Михайловна,—произнесъ Лаврецкій довольно рѣзко:—мы не поймемъ другъ друга.

Лиза побѣлѣла; все тѣло ея слегка затрепетало; но она не замолчала.

— Вы должны простить,—промолвила она тихо:—если хотите, чтобы и васъ простили.

— Простить!—подхватилъ Лаврецкій.—Вы бы сперва должны были узнать, за кого ея просите? Простить эту женщину, принять ее опять въ свой домъ, ее, это пустое, безсердечное существо! И кто вамъ сказалъ, что она хочетъ возвратиться ко мнѣ? Помилуйте, она совершенно довольна своимъ положеніемъ.. Да что тутъ толковать! Имя ея не должно быть произносимо вами. Вы слишкомъ чисты, вы не въ состояніи даже понять такое существо.

— Зачѣмъ оскорблять?—съ усиліемъ проговорила Лиза.

Дрожь ея рукъ становилась видимой.—Вы сами ее оставили, Ѳедоръ Иванычъ.

— Но я же вамъ говорю,—возразилъ съ невольнымъ взрывомъ нетерпѣнья Лаврецкій:—вы не знаете, какое это созданіе!

— Такъ зачѣмъ же вы женились на ней?—прошептала Лиза и потупила глаза.

Лаврецкій быстро поднялся со стула.

— Зачѣмъ я женился? Я былъ тогда молодъ и неопытенъ; я обманулся, я увлекся красивой внѣшностью. Я не зналъ женщинъ, я ничего не зналъ. Дай вамъ Богъ заключить болѣе счастливый бракъ! но повѣрьте, ни за что нельзя ручаться.

— И я могу такъ же быть несчастной,—промолвила Лиза (голосъ ея началъ прерываться):—но тогда надо будетъ покориться; я не умѣю говорить, но если мы не будемъ покоряться...

Лаврецкій стиснулъ руки и топнулъ ногой.

— Не сердитесь, простите меня,—торопливо произнесла Лиза.

Въ это мгновеніе вошла Марья Дмитріевна. Лиза встала и хотѣла удалиться.

— Постойте,—неожиданно крикнулъ ей въ слѣдъ Лаврецкій.—У меня есть до вашей матушки и до васъ великая просьба: посѣтите меня на моемъ новосельѣ. Вы знаете, я завелъ фортепіано; Леммъ гоститъ у меня; сирень теперь цвѣтетъ; вы подышете деревенскимъ воздухомъ и можете вернуться въ тотъ же день,—согласны вы?

Лиза взглянула на мать, а Марья Дмитріевна приняла болѣзненный видъ; но Лаврецкій не далъ ей разинуть рта и тутъ же поцѣловалъ у ней обѣ руки. Марья Дмитріевна, всегда чувствительная на ласку и уже вовсе не ожидавшая такой любезности отъ „тюленя", умилилась душою и согласилась. Пока она соображала, какой бы назначить день,

Лаврецкій подошелъ къ Лизѣ и, все еще взволнованный, украдкой шепнулъ ей: „спасибо, вы добрая дѣвушка; я виноватъ“... И ея блѣдное лицо залилось веселой и стыдливой улыбкой; глаза ея тоже улыбнулись,—она до того мгновенья боялась, не оскорбила ли она его.

— Владиміръ Николаичъ съ нами можетъ ѣхать?—спросила Марья Дмитріевна.

— Конечно,—возразилъ Лаврецкій: — но не лучше ли намъ быть въ своемъ семейномъ кружкѣ?

— Да вѣдь, кажется...—начала-было Марья Дмитріевна.—Впрочемъ, какъ хотите,—прибавила она.

Рѣшено было взять Леночку и Шурочку. Марфа Тимофеевна отказалась отъ поѣздки.

— Тяжело мнѣ, свѣтъ, —сказала она, — кости старыя ломать; и ночевать у тебя, чай, негдѣ; да мнѣ и не спится въ чужой постели. Пусть эта молодежь скачетъ.

Лаврецкому уже не удалось болѣе побывать наединѣ съ Лизой: но онъ такъ глядѣлъ на нее, что ей и хорошо становилось, и стыдно немножко, и жалко его. Прощаясь съ ней, онъ крѣпко пожалъ ей руку; она задумалась, оставшись одна.

XXV.

Когда Лаврецкій вернулся домой, его встрѣтилъ на порогѣ гостиной человѣкъ высокаго роста и худой, въ затасканномъ синемъ сюртукѣ, съ морщинистымъ, но оживленнымъ лицомъ, съ растрепанными сѣдыми бакенбардами, плѣшивый, прямымъ носомъ и небольшими воспаленными глазами. Это былъ Михалевичъ, бывшій его товарищъ по университету. Лаврецкій сперва не узналъ его, но горячо обнялъ, какъ только тотъ назвалъ себя. Они не видались съ Москвы. Поднялись воспоминанія, разспросы; выступили на свѣтъ Божій давно-заглохшія воспоминанія. То-

роняво выкуривая трубку за трубкой, отпивая по глотку чаю и размахивая длинными руками, Михалевичъ разсказалъ Лаврецкому свои похожденія; въ нихъ не было ничего очень веселаго, удачей въ предпріятіяхъ своихъ онъ похвастаться не могъ,—а онъ безпрестанно смѣялся сильнымъ нервическимъ хохотомъ. Мѣсяцъ тому назадъ, получилъ онъ мѣсто въ частной конторѣ богатаго откупщика, верстъ за 300 отъ города О... и, узнавъ о возвращеніи Лаврецкаго изъ-за границы, свернулъ съ дороги, чтобы повидаться съ старымъ пріятелемъ. Михалевичъ говорилъ такъ же порывисто, какъ и въ молодости, шумѣлъ и кипѣлъ по прежнему. Лаврецкій упомянулъ-было о своихъ обстоятельствахъ, но Михалевичъ перебилъ его, поспѣшно пробормотавъ: „слышалъ, братъ, слышалъ, — кто это могъ ожидать?“ —и тотчасъ перевелъ разговоръ въ область общихъ разсужденій.

— Я, братъ,—промолвилъ онъ:—завтра долженъ ѣхать: сегодня, мы, ужъ ты извини меня, ляжемъ поздно. Мнѣ хочется непремѣнно узнать, что ты, какія твои мнѣнія, убѣжденія, чѣмъ ты сталъ, чему жизнь тебя научила? (Михалевичъ придерживался еще фразеологіи 30-хъ годовъ). Что касается до меня, я во многомъ измѣнился, братъ: годы жизни упали на мою грудь,—кто бишь это сказалъ? — хотя въ важномъ, существенномъ, я не измѣнился; я по-прежнему вѣрю въ добро, въ истину; но я не только вѣрю,—я вѣрую теперь, да — я вѣрую, вѣрую. Послушай, ты знаешь, я написываю стихи; въ нихъ поэзіи нѣтъ, но есть правда. Я тебѣ прочту мою послѣднюю пѣсу: въ ней я выразилъ самыя задушевныя мои убѣжденія. Слушай. — Михалевичъ принялся читать свое стихотвореніе; оно было довольно длинно и оканчивалось слѣдующими стихами:

Новымъ чувствамъ всѣмъ сердцемъ отдался,
Какъ ребенокъ душею я сталъ:
И я сжегъ все, чему поклонялся.
Поклонился всему, что сжигалъ:

Произнося послѣдніе два стиха, Михалевичъ чуть не заплакалъ: легкія судороги—признакъ сильнаго чувства—пробѣжали по его широкимъ губамъ, некрасивое лицо его просвѣтлѣло, Лаврецкій слушалъ его, слушалъ... духъ противорѣчія зашевелился въ немъ: его раздражала всегдашняя, постоянно-кипучая восторженность московскаго студента. Четверть часа не прошло, какъ уже загорѣлся между ними споръ, одинъ изъ тѣхъ нескончаемыхъ споровъ, на которые способны только русскіе люди. Съ одной, послѣ многолѣтней разлуки, проведенной въ двухъ различныхъ мірахъ, не понимая ясно ни чужихъ, ни даже собственныхъ мыслей, цѣпляясь за слова и возражая одними словами, заспорили они о предметахъ самыхъ отвлеченныхъ,—и спорили такъ, какъ будто дѣло шло о жизни и смерти обоихъ: голосили и вопили такъ, что всѣ люди всполошились въ домѣ, а бѣдный Лемм, который съ самаго пріѣзда Михалевича заперся у себя въ комнатѣ, почувствовалъ недоумѣнье и началъ даже чего-то смутно бояться.

— Что же ты послѣ этого? разочарованный?—кричалъ Михалевичъ въ первомъ часу ночи.

— Развѣ разочарованные такіе бываютъ?—возражалъ Лаврецкій:—гдѣ всѣ бываютъ бѣдные и больные,—а хочешь, я тебя одной рукой подниму?

— Ну, если не *разочарованный*, то *скептикъ*, это еще хуже (выговоръ Михалевича отзывался его родиной, Малороссіей). А съ какого права можешь ты быть скептикомъ? Тебѣ въ жизни не повезло, положимъ; въ этомъ твоей вины не было: ты былъ рожденъ съ душой страстной, любящей, а тебя насильственно отводили отъ женщинъ: первая попавшаяся женщина должна была тебя обмануть.

— Она и тебя обманула,—замѣтилъ угрюмо Лаврецкій.

— Положимъ, положимъ; я былъ тутъ орудіемъ судьбы,—впрочемъ, что это я вру,—судьбы тутъ нѣту: старая привычка неточно выражаться. Но что-жъ это доказываетъ?

— Доказывать то, что меня съ дѣтства вывихнули.

— А ты себя вправь!—на то ти человѣкъ, ты мужчина; энергіи тебѣ не занимать-стать!—Но какъ бы то ни было, развѣ можно, развѣ позволительно—частный, такъ-сказать, фактъ возводить въ общій законъ, въ непреложное правило?

— Какое тутъ правило?—перебилъ Лаврецкій.—я не признаю...

— Нѣтъ, это твое правило, правило,—перебивалъ его въ свою очередь Михалевичъ.

— Ты эгоистъ, вотъ что!—гремѣлъ онъ часъ спустя: — ты желалъ самонаслажденья, ти желалъ счастья въ жизни, ты хотѣлъ жить только для себя...

— Что такое самонаслажденье?

— И все тебя обмануло: все рухнуло подъ твоими ногами.

— Что такое самонаслажденье,—спрашиваю я тебя?

— И оно должно было рухнуть. Ибо ты искалъ опоры тамъ, гдѣ ее найти нельзя, ибо ти строилъ свой домъ на зыбкомъ пескѣ...

— Говори яснѣй, безъ сравненій, *или* я тебя не понимаю.

— Ибо,—пожалуй, сѣѣся,—ибо нѣтъ въ тебѣ вѣры, нѣтъ теплоты сердечной; умъ, все одинъ только конѣчный умъ... ти, просто, жалкій, отсталый вольтеріянецъ—вотъ ты кто!

— Кто, я вольтеріянецъ?

— Да, такой же, какъ твой отецъ, и самъ того не подозрѣваешь.

— Послѣ этого,—воскликнулъ Лаврецкій:—я въ правѣ сказать, что ты фанатикъ!

— Увы!—возразилъ съ сокрушеньемъ Михалевичъ;—я, къ несчастью, ничѣмъ не заслужилъ еще такого высокаго наименованія...

— Я теперь нашелъ, какъ тебя назвать,—кричалъ тотъ же Михалевичъ въ третьемъ часу ночи:—ты не скептикъ,

не разочарованный, не вольтеріянецъ, ты—байбакъ, и ты злостный байбакъ, байбакъ съ сознаньемъ, не наивный байбакъ. Наивные байбаки лежатъ себѣ на печи и ничего не дѣлаютъ, потому что не умѣютъ ничего дѣлать; они и не думаютъ ничего, а ты мыслящій человѣкъ—и лежишь; ты могъ бы что-нибудь дѣлать—и ничего не дѣлаешь; лежишь сытымъ брюхомъ кверху и говоришь: такъ оно и слѣдуетъ, лежать-то, потому что все, что люди ни дѣлаютъ, - все вздоръ и ни къ чему не ведущая чепуха.

— Да съ чего ты взялъ, что я лежу?—твердилъ Лаврецкій:—почему ты предполагаешь во мнѣ такія мысли?

— А сверхъ того вы всѣ, вся ваша братія,—продолжалъ неугомонный Михалевичъ: — начитанные байбаки. Вы знаете, на какую ножку нѣмецъ хромаетъ, знаете, что плохо у англичанъ и у французовъ,—и вамъ ваше жалкое знаніе въ подспорье идетъ, лѣнь рану постыдную, бездѣятеіе ваше гнусное оправдываетъ. Иной даже гордится тѣмъ, что я, молъ, вотъ умница—лежу, а тѣ, дураки, хлопочутъ. Да!—А то есть у насъ такіе господа—впрочемъ, я это говорю не на твой счетъ,—которые всю жизнь свою проводятъ въ какомъ-то мнѣніи скуки, привыкаютъ къ ней, сидятъ въ ней, какъ.... какъ грибъ въ сметанѣ, подхватилъ Михалевичъ и самъ засмѣялся своему сравненію.—О, это мнѣніе скуки—гибель русскихъ людей! Весь вѣкъ собирается работать, противный байбакъ....

— Да что-жъ ты бранишься?—вопилъ въ свою очередь Лаврецкій.—Работать.... дѣлать.... Скажи лучше, что дѣлать, а не бранись, Демосѳенъ полтавскій!

— Вишь, чего захотѣлъ! Это я тебѣ не скажу, братъ; это всякій самъ долженъ знать,—возражалъ съ ироніей Демосѳенъ. Помѣщикъ, дворянинъ—и не знаетъ, что дѣлать! Вѣры нѣтъ, а то бы зналъ; вѣры нѣтъ—и нѣтъ откровенія.

— Дай же, по крайней мѣрѣ, отдохнуть, чортъ; дай оглядѣться,—молилъ Лаврецкій.

— Ни минуты отдыха, ни секунды! — возражалъ съ повелительнымъ движеніемъ руки Михалевичъ. Ни одной секунды! — Смерть не ждетъ, и жизнь ждать не должна.

— И когда же, гдѣ же вздумали люди сознаваться? — кричалъ онъ въ четыре часа утра, но уже нѣсколько осипшимъ голосомъ: у насъ! теперь! въ Россіи! когда на каждой отдѣльной личности лежитъ долгъ, отвѣтственность великая передъ Богомъ, передъ народомъ, передъ самимъ собою! Мы спимъ, а время уходитъ; мы спимъ....

— Позволь мнѣ замѣтить тебѣ, — промолвилъ Лаврецкій, — что мы вовсе не спимъ теперь, а скорѣе другимъ не даемъ спать. Мы, какъ пѣтухи, теремъ горло. Послушай-ка, это никакъ уже третьи кричатъ.

Эта выходка разсмѣшила и успокоила Михалевича. „До завтра", — проговорилъ онъ съ улыбкой, — и бросилъ трубку въ кисетъ. „До завтра", повторилъ Лаврецкій. Но друзья еще болѣе часу бесѣдовали... Впрочемъ, голоса ихъ не возвышались болѣе, и рѣчи ихъ были тихія, грустныя, добрыя рѣчи.

Михалевичъ уѣхалъ на другой день, какъ ни удерживалъ его Лаврецкій. Федору Иванычу не удалось убѣдить его остаться; но наговорился онъ съ нимъ досыта. Оказалось, что у Михалевича гроша за душой не было. Лаврецкій уже наканунѣ съ сожалѣніемъ замѣтилъ въ немъ всѣ признаки и привычки застарѣлой бѣдности; сапоги у него были сбиты, сзади на сюртукѣ недоставало одной пуговицы, руки его не рѣдали перчатокъ, въ волосахъ торчалъ пухъ; пріѣхавши, онъ и не подумалъ попросить умыться, а за ужиномъ ѣлъ, какъ акула, раздирая руками мясо и съ трескомъ перегрызая кости своими крѣпкими черными зубами. Оказалось также, что служба не пошла ему въ прокъ, что всѣ надежды свои онъ возлагалъ на откупщика, который взялъ его единственно для того, чтобы имѣть у себя въ конторѣ „образованнаго человѣка". Со всѣмъ тѣмъ, Михалевичъ не унывалъ

и жилъ-себѣ циникомъ, идеалистомъ, поэтомъ, искренно радѣя и сокрушаясь о судьбахъ человѣчества, о собственномъ призваніи,—и весьма мало заботясь о томъ, какъ бы не умереть съ голоду. Михалевичъ женатъ не былъ, но влюблялся безъ счету и писалъ стихотворенія на всѣхъ своихъ возлюбленныхъ; особенно нылко воспѣлъ онъ одну таинственную, чернокудрую „панну"... Ходили, правда, слухи, будто эта панна была простая жидовка, хорошо извѣстная многимъ кавалерійскимъ офицерамъ... но, какъ подумаешь,—развѣ это не все равно?

Съ Леммомъ Михалевичъ не сошелся: нѣмца, съ непривычки, запугали его многопудныя рѣчи, его рѣзкія манеры... Горемыка издали тотчасъ чуетъ другого горемыку, но подъ старость рѣдко сходится съ нимъ,—а это нисколько не удивительно: ему съ нимъ нечѣмъ дѣлиться,—даже надеждами.

Передъ отъѣздомъ Михалевичъ еще долго бесѣдовалъ съ Лаврецкимъ, пророчилъ ему гибель, если онъ не очнется, умолялъ его серьезно заняться бытомъ своихъ крестьянъ, ставилъ себя въ примѣръ, говоря, что онъ очистился въ горнилѣ бѣдъ,—и тутъ же нѣсколько разъ назвалъ себя счастливымъ человѣкомъ, сравнивалъ себя съ птицей небесной, съ лиліей долины....

— Съ червоп лиліи, во всякомъ случаѣ, — замѣтилъ Лаврецкій.

— О, братъ, не аристократничай, — возразилъ добродушно Михалевичъ:—а лучше благодари Бога, что и въ твоихъ жилахъ течетъ честная плебейская кровь. Но я вижу, тебѣ нужно теперь какое-нибудь чистое, неземное существо, которое исторгло бы тебя изъ твоей апатіи.

— Спасибо, братъ,—промолвилъ Лаврецкій:—съ меня будетъ этихъ неземныхъ существъ.

— Молчи, *сынокъ*!—воскликнулъ Михалевичъ.

— „Цинизъ", —поправилъ его Лаврецкій.

— Именно цѣлымъ,—повторилъ, не смущаясь, Михалевичъ.

Даже сидя въ тарантасѣ, куда вынесли его плоскій, желтый, до странности легкій чемоданъ, онъ еще говорилъ; окутанный въ какой-то испанскій плащъ съ порыжѣлымъ воротникомъ и львиными лапами вмѣсто застежекъ, онъ еще развивалъ свои воззрѣнія на судьбы Россіи и водилъ смуглой рукой по воздуху, какъ бы разсѣвая сѣмена будущаго благоденствія. Лошади тронулись наконецъ.... „Помни мои послѣднія три слова",—закричалъ онъ, высунувшись всѣмъ тѣломъ изъ тарантаса и стоя на балансѣ:—„религія, прогрессъ, человѣчность!... Прощай!" Голова его, съ нахлобученной на глаза фуражкой, исчезла. Лаврецкій остался одинъ на крыльцѣ—и пристально глядѣлъ въ даль по дорогѣ, пока тарантасъ не скрылся изъ виду. „А вѣдь онъ, пожалуй, правъ", - думалъ онъ, возвращаясь въ домъ:—„пожалуй, что я баибакъ". Многія изъ словъ Михалевича неотразимо вошли ему въ душу, хотя онъ и спорилъ и не соглашался съ нимъ. Будь только человѣкъ добръ,—его никто отразить не можетъ.

XXVI.

Дня два спустя, Марья Дмитріевна, по обѣщанію, прибыла со всей своей молодежью въ Васильевское. Дѣвочки побѣжали тотчасъ въ садъ, а Марья Дмитріевна томно прошлась по комнатамъ и томно все похвалила. Визитъ свой Лаврецкому она считала знакомъ великаго снисхожденья, чуть не добрымъ поступкомъ. Она привѣтливо улыбнулась, когда Антонъ и Апраксѣя, по старинной дворовой привычкѣ, подошли къ ней къ ручкѣ,—и разслабленнымъ голосомъ, въ носъ, попросила напиться чаю. Къ великой досадѣ Антона, надѣвшаго вязаныя бѣлыя перчатки, чай подалъ прiѣзжей барынѣ не онъ, а наемный камердинеръ Лаврецкаго,

не понимавшій, по словамъ старика, никакихъ порядковъ. За то Антонъ за обѣдомъ взялъ свое: твердой стопою сталъ онъ за кресло Маріи Дмитріевны—и уже никому не уступилъ своего мѣста. Давно-небывалое появленіе гостей въ Васильевскомъ и встревожило, и обрадовало старика: ему было пріятно видѣть, что съ его барином хорошіе господа знаются. Впрочемъ, не онъ одинъ волновался въ тотъ день: Леммъ волновался тоже. Онъ надѣлъ коротенькій табачнаго цвѣта фракъ съ острымъ хвостикомъ, туго затянулъ свой шейный платокъ и безпрестанно откашливался и сторонился съ пріятнымъ и привѣтливымъ видомъ. Лаврецкій съ удовольствіемъ замѣтилъ, что сближеніе между нимъ и Лизой продолжалось: она, какъ только вошла, дружелюбно протянула ему руку. Послѣ обѣда Леммъ досталъ изъ задняго кармана фрака, куда онъ то-и-дѣло запускалъ руку, небольшой свертокъ нотной бумаги и, сжавъ губы, молча, положилъ его на фортепіано. Это былъ романсъ, сочиненный имъ наканунѣ на старомодныя нѣмецкія слова, въ которыхъ упоминалось о звѣздахъ. Лиза тотчасъ сѣла за фортепіано и разобрала романсъ... Увы! музыка оказалась запутанной и непріятно-напряженной; видно было, что композиторъ силился выразить что то страстное, глубокое, но ничего не вышло: усиліе такъ и осталось одинмъ усиліемъ. Лаврецкій и Лиза оба это почувствовали, —и Леммъ это понялъ: ни слова не сказавъ, положилъ онъ свой романсъ обратно въ карманъ, и въ отвѣтъ на предложеніе Лизы сыграть его еще разъ, покачалъ только головой, значительно сказалъ: „теперь—баста!" —сгорбился, съежился и отошелъ.

Къ вечеру пошли всѣмъ обществомъ ловить рыбу. Въ прудѣ за садомъ водилось много карасей и гольцовъ. Марью Дмитріевну посадили на кресло возлѣ берега, въ тѣни, постлали ей коверъ подъ ноги, дали лучшую удочку; Антонъ, какъ старый опытный рыболовъ, предложилъ свои услуги. Онъ усердно насаживалъ червяковъ, шевелилъ по нимъ ру-

кою, плевать на нихъ и даже самъ закидывать удочку, граціозно наклоняясь впередъ всѣмъ корпусомъ. Марья Дмитріевна въ тотъ же день отозвалась о немъ Ѳедору Иванычу слѣдующей фразой на институтско-французскомъ языкѣ: „il n'y a plus maintenant de ces gens comme ça comme autrefois". Леммъ съ двумя дѣвочками отправился подальше, къ самой плотинѣ; Лаврецкій помѣстился возлѣ Лизы. Рыба клевала безпрестанно, выхваченные караси то-и-дѣло сверкали въ воздухѣ своими то золотыми, то серебряными боками: радостныя восклицанія дѣвочекъ не умолкали; сама Марья Дмитріевна взвизгнула раза два. Рѣже всѣхъ бралось у Лаврецкаго и у Лизы; вѣроятно, это происходило отъ того, что они меньше другихъ обращали вниманія на ловлю и дали поплавкамъ своимъ подплыть къ самому берегу. Красноватый высокій камышъ тихо шелестилъ вокругъ нихъ, впереди тихо сіяла неподвижная вода, и разговоръ у нихъ шелъ тихій. Лиза стояла на маленькомъ плоту; Лаврецкій сидѣлъ на наклоненномъ стволѣ ракиты; на Лизѣ было бѣлое платье, перехваченное вокругъ пояса широкой, тоже бѣлой лентой; соломенная шляпа висѣла у ней на одной рукѣ, другою она съ нѣкоторымъ усиліемъ поддерживала гнутое удилище. Лаврецкій глядѣлъ на ея чистый, нѣсколько строгій профиль, на закинутые за уши волосы, на нѣжныя щеки, которыя загорѣли у ней, какъ у ребенка,—и думалъ: „о, какъ мило стоишь ты надъ моимъ прудомъ!" Лиза не оборачивалась къ нему, а смотрѣла на воду—и не то щурилась, не то улыбалась. Тѣнь отъ близкой липы падала на обоихъ.

— А знаете ли,—началъ Лаврецкій:—я много размышлялъ о нашемъ послѣднемъ разговорѣ съ вами и пришелъ къ тому заключенію, что вы чрезвычайно добры.

— Я совсѣмъ не съ тѣмъ намѣреніемъ... —возразила-было Лиза—и застыдилась.

— Вы добры,—повторилъ Лаврецкій.—Я топорный чело-

вѣкъ, а чувствую, что всѣ должны васъ любить. Вотъ, хоть бы Лемм; онъ просто влюбленъ въ васъ.

Брови у Лизы—не то, чтобы нахмурились, а дрогнули; это съ ней всегда случалось, когда она слышала что-нибудь непріятное.

— Очень онъ мнѣ былъ жалокъ сегодня, —подхватилъ Лаврецкій,— съ своимъ неудавшимся романсомъ. Быть молодымъ и не умѣть — это сносно; но состарѣться и не быть въ силахъ—это тяжело. И вѣдь обидно то, что не чувствуешь, когда уходятъ силы. Старику трудно переносить такіе удары!.. Берегитесь, у васъ клюетъ... Говорятъ,—прибавилъ Лаврецкій, помолчавъ немного,—Владиміръ Николаичъ написалъ очень милый романсъ.

— Да,—отвѣчала Лиза;—это бездѣлка, но недурная.

— А какъ по вашему,—спросилъ Лаврецкій:—хорошій онъ музыкантъ?

— Мнѣ кажется, у него большія способности къ музыкѣ; но онъ до сихъ поръ не занимался ею, какъ слѣдуетъ.

— Такъ. А человѣкъ онъ хорошій?

Лиза засмѣялась и быстро взглянула на Ѳедора Ивановича.

— Какой странный вопросъ!—воскликнула она, вытащила удочку и далеко закинула ее снова.

— Отчего же странный?—Я спрашиваю о немъ у васъ, какъ человѣкъ, недавно сюда пріѣхавшій, какъ родственникъ.

— Какъ родственникъ?

— Да. Вѣдь я вамъ, кажется, довожусь дядей?

— У Владиміра Николаича доброе сердце,—заговорила Лиза: —онъ уменъ; maman его очень любитъ.

— А вы его любите?

— Онъ хорошій человѣкъ; отчего же мнѣ его не любить?

— А!—промолвилъ Лавре́цкій и умолкъ. Полу-печальное, полу-насмѣшливое выраженіе промелькнуло у него на лицѣ. Упорный взглядъ его смущалъ Лизу, но она продолжала улыбаться.—„Ну, и дай Богъ имъ счастья!"—пробормоталъ онъ, наконецъ, какъ будто про себя, и отворотилъ голову.

Лиза покраснѣла.

— Вы ошибаетесь, Ѳедоръ Иванычъ,—сказала она:—вы напрасно думаете.... А развѣ вамъ Владиміръ Николаичъ не нравится?—спросила она вдругъ.

— Не нравится.

— Отчего же?

— Мнѣ кажется, сердца-то у него и нѣту.

Улыбка сошла съ лица Лизы.

— Вы привыкли строго судить людей,—промолвила она послѣ долгаго молчанья.

— Я не думаю. Какое право имѣю я строго судить другихъ, позвольте, когда я самъ нуждаюсь въ снисхожденіи? Или вы забыли, что надо мной одинъ лѣнивый не смѣется?.. А что,—прибавилъ онъ,—сдержали ли вы свое обѣщаніе?

— Какое?

— Помолились вы за меня?

— Да, я за васъ молилась и молюсь каждый день. А вы, пожалуйста, не говорите легко объ этомъ.

Лавре́цкій началъ увѣрять Лизу, что ему это и въ голову не приходило, что онъ глубоко уважаетъ всякія убѣжденія; потомъ онъ пустился толковать о религіи, о ея значеніи въ исторіи человѣчества, о значеніи христіанства....

— Христіаниномъ нужно быть,—заговорила не безъ нѣкотораго усилія Лиза:—не для того, чтобы познавать небесное.... гамъ.... земное, а для того, что каждый человѣкъ долженъ умереть.

Лавре́цкій съ невольнымъ удивленіемъ поднялъ глаза на Лизу и встрѣтилъ ея взглядъ.

— Какое это вы промолвили слово!—сказалъ онъ.

— Это слово не мое,—отвѣчала она.

— Не ваше... Но почему вы заговорили о смерти?

— Не знаю. Я часто о ней думаю.

— Часто?

— Да.

— Этого не скажешь, глядя на васъ теперь: у васъ такое веселое, свѣтлое лицо, вы улыбаетесь...

— Да, мнѣ очень весело теперь,—наивно возразила Лиза.

Лаврецкому захотѣлось взять ея обѣ руки и крѣпко стиснуть ихъ...

— Лиза, Лиза! —закричала Марья Дмитріевна, поди сюда, посмотри, какого карася я поймала.

— Сейчасъ, маман,—отвѣтила Лиза и пошла къ ней, а Лаврецкій остался на своей ракитѣ. „Я говорю съ ней, словно я не отжившій человѣкъ", думалъ онъ. Уходя, Лиза повѣсила свою шляпу на вѣтку; съ страннымъ, почти нѣжнымъ чувствомъ посмотрѣлъ Лаврецкій на эту шляпу, на ея ленты, немного помятыя ленты. Лиза скоро къ нему вернулась и опять стала на плотъ.

— Почему же вамъ кажется, что у Владиміра Николаича сердца нѣтъ? —спросила она, нѣсколько мгновеній спустя.

— Я вамъ уже сказалъ, что я могъ ошибиться; а впрочемъ, время все покажетъ.

Лиза задумалась. Лаврецкій заговорилъ о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Васильевскомъ, о Михалевичѣ, объ Антонѣ; онъ чувствовалъ потребность говорить съ Лизой, сообщить ей все, что приходило ему въ душу: она такъ мило, такъ внимательно его слушала; ея рѣдкія замѣчанія и возраженія казались ему такъ просты и умны. Онъ даже сказалъ ей это.

Лиза удивилась.

— Право? — промолвила она; — а я такъ думала, что у меня, какъ у моей горничной Насти, *своего* словъ нѣтъ. Она однажды сказала своему жениху: тебѣ должно быть

скучно со мною; ты мнѣ говоришь все такое хорошее, а у меня своихъ словъ нѣту.

„И слава Богу!“ подумалъ Лаврецкій.

XXVII.

Между тѣмъ, вечеръ наступалъ, и Марья Дмитріевна изъявила желаніе возвратиться домой. Дѣвочекъ съ трудомъ оторвали отъ пруда, снарядили. Лаврецкій объѣзжалъ, что проводитъ гостей до поль-дороги и велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь. Усаживая Марью Дмитріевну въ карету, онъ хватился Лемма; но старика нигдѣ не могли найти. Онъ тотчасъ исчезъ, какъ только кончилось ученье. Антонъ, съ замѣчательной для его лѣтъ силой, захлопнулъ дверцы и суровo закричалъ: пошѐлъ, кучеръ! Карета тронулась. На заднихъ мѣстахъ помѣщались Марья Дмитріевна и Лиза; на переднихъ — дѣвочки и горничная. Вечеръ стоялъ тихій и тихій, и окна съ обѣихъ сторонъ были опущены. Лаврецкій ѣхалъ рысью возлѣ кареты со стороны Лизы, положивъ руку на дверцы, — онъ бросилъ поводья на шею плавно бѣгущей лошади — и нѣсколько мгновеній перемѣнялся двумя-тремя словами съ молодой дѣвушкой. Заря исчезла; наступила ночь, а воздухъ даже потеплѣлъ. Марья Дмитріевна скоро задремала; дѣвочки и горничная заснули тоже. Быстро и ровно катилась карета; Лиза наклонилась впередъ; только-что поднявшійся мѣсяцъ свѣтилъ ей въ лицо, ночной вѣтерокъ дышалъ ей въ глаза и щеки. Ей было хорошо. Рука ея опиралась на дверцы кареты рядомъ съ рукою Лаврецкаго. И ему было хорошо: онъ несся по спокойной ночной тѣни, не спуская глазъ съ добраго молодого лица, слушая молодой и въ шепотѣ звенѣвшій голосъ, говорившій простыя, добрыя вещи: онъ и не замѣтилъ, какъ проѣхалъ поль-дороги. Онъ не захотѣлъ будить Марью Дмитріевну, пожалъ слегка руку Лизы, и сказалъ: — „вѣдь мы

друзья теперь, не правда ли?“ Она кивнула головой, онъ остановилъ лошадь. Карета покатилась дальше, тихонько колыхаясь и ныряя; Лаврецкій отправился шагомъ домой. Обаяніе лѣтней ночи охватило его; все вокругъ казалось такъ неожиданно странно и въ то же время такъ давно и такъ сладко знакомо; вблизи и вдали,—а далеко было видно, хотя глазъ многаго не понималъ изъ того, что̀ видѣлъ,—все покоилось; молодая расцвѣтающая жизнь сказывалась въ самомъ этомъ покоѣ. Лошадь Лаврецкаго бодро шла, мѣрно раскачиваясь направо и налѣво; большая черная тѣнь ея шла съ ней рядомъ; было что-то таинственно-пріятное въ топотѣ ея копытъ, что-то веселое и чудное въ гремящемъ крикѣ перепелокъ. Звѣзды исчезали въ какомъ-то свѣтломъ дымѣ; неполный мѣсяцъ блестѣлъ твердымъ блескомъ; свѣтъ его разливался голубымъ потокомъ по небу и падалъ пятномъ дымчатаго золота на проходившія близко тонкія тучки; свѣжесть воздуха вызывала легкую влажность на глаза, ласково охватывала всѣ члены, лилась вольною струею въ грудь. Лаврецкій наслаждался и радовался своему наслажденію. „Ну, мы еще поживемъ, думалъ онъ:—не совсѣмъ еще насъ забыла“... Онъ не договорилъ: кто или что... Потомъ онъ сталъ думать о Лизѣ, о томъ, что врядъ ли она любитъ Паншина: что встрѣться онъ съ ней при другихъ обстоятельствахъ,—Богъ знаетъ, что̀ могло бы изъ этого выйти; что онъ понимаетъ Лемма, хотя у ней „своихъ“ словъ нѣтъ. Да и это неправда: у ней есть свои слова... „Не говорите объ этомъ легкомысленно“, вспомнилось Лаврецкому. Онъ долго ѣхалъ, понуривъ голову, потомъ выпрямился, медленно произнесъ:

И я сжегъ все, чему поклонялся,
Поклонился всему, что̀ сжигалъ...

но тотчасъ же ударилъ лошадь хлыстомъ и скакалъ вплоть до дому.

Слѣзая съ коня, онъ въ послѣдній разъ оглянулся, съ невольной, благодарной улыбкой. Ночь, безмолвная, ласковая ночь, лежала на холмахъ и на долинахъ; издали, изъ ея благовонной глубины, Богъ знаетъ откуда — съ неба ли, съ земли, — тянуло тихимъ и мягкимъ тепломъ. Лаврецкій послалъ послѣдній поклонъ Лизѣ и взбѣжалъ на крыльцо.

Слѣдующій день прошелъ довольно вяло. Съ утра падалъ дождь; Леммъ глядѣлъ исподлобья и все крѣпче и крѣпче стискивалъ губы, точно онъ давалъ себѣ зарокъ никогда не открывать ихъ. Ложась спать, Лаврецкій взялъ съ собою на постель цѣлую груду французскихъ журналовъ, которые уже болѣе двухъ недѣль лежали у него на столѣ не распечатанные. Онъ принялся равнодушно рвать обложки и пробѣгать столбцы газетъ, въ которыхъ, впрочемъ, не было ничего новаго. Онъ уже хотѣлъ бросить ихъ — и вдругъ вскочилъ съ постели, какъ ужаленный. Въ фельетонѣ одной изъ газетъ, извѣстный уже намъ мосье Жюль сообщалъ своимъ читателямъ „горестную новость": прелестная, очаровательная москвитянка, писалъ онъ, — одна изъ царицъ моды, украшеніе парижскихъ салоновъ, Madame de Lavretzki скончалась почти внезапно, — и вѣсть эта, къ сожалѣнію, слишкомъ вѣрная, только-что дошла до него, г-на Жюля. Онъ былъ, — такъ продолжалъ онъ, — можно сказать, другомъ покойницы...

Лаврецкій одѣлся, вышелъ въ садъ и до самаго утра ходилъ взадъ и впередъ все по одной аллеѣ.

XXVIII.

На слѣдующее утро, за чаемъ, Леммъ попросилъ Лаврецкаго дать ему лошадей для того, чтобы возвратиться въ городъ. „Мнѣ пора приняться за дѣло, то-есть за уроки", замѣтилъ старикъ: — „а то я здѣсь только даромъ время теряю". Лаврецкій не сразу отвѣчалъ ему: онъ казался

разсѣяннымъ. „Хорошо, – сказалъ онъ наконецъ; — я съ вами самъ поѣду“. — Безъ помощи слуги, кряхтя и сердясь, уложилъ Лемм небольшой свой чемоданъ, изорвалъ и сжегъ нѣсколько листовъ нотной бумаги. Подали лошадей. Выходя изъ кабинета, Лаврецкій положилъ въ карманъ вчерашній нумеръ газеты. Во все время дороги, и Лемм, и Лаврецкій мало говорили другъ съ другомъ: каждаго изъ нихъ занимали собственныя мысли, и каждый былъ радъ, что другой его не безпокоитъ. И разстались они довольно сухо, что, впрочемъ, часто случается между пріятелями на Руси. Лаврецкій подвезъ старика къ его домику; тотъ вылѣзъ, досталъ свой чемоданъ и, не протягивая своему пріятелю руки (онъ держалъ чемоданъ обѣими руками передъ грудью), не глядя даже на него, — сказалъ ему по-русски: прощайте-съ! — Прощайте, – повторилъ Лаврецкій и велѣлъ кучеру ѣхать къ себѣ на квартиру. Онъ нанималъ, на всякій случай, квартиру въ городѣ О... Написавши нѣсколько писемъ и наскоро пообѣдавъ, Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ засталъ у нихъ въ гостиной одного Паншина, который объявилъ ему, что Марья Дмитріевна сейчасъ выйдетъ, и тотчасъ съ самой радушной любезностью вступилъ съ нимъ въ разговоръ. До того дня Паншинъ обращался съ Лаврецкимъ — не то, чтобъ свысока, а снисходительно; но Лиза, разсказывая Паншину свою вчерашнюю съѣзжу, отозвалась о Лаврецкомъ, какъ о прекрасномъ и умномъ человѣкѣ; этого было довольно: слѣдовало завоевать „прекраснаго“ человѣка. Паншинъ началъ съ комплиментовъ Лаврецкому, съ описанія восторга, съ которымъ, по его словамъ, все семейство Марьи Дмитріевны отзывалось о Васильевскомъ, и потомъ, по обыкновенію своему, ловко перешелъ къ самому себѣ, началъ говорить о своихъ занятіяхъ, о воззрѣніяхъ своихъ на жизнь, на свѣтъ и на службу; — сказалъ слова два о будущности Россіи, о томъ, какъ опасно губернаторовъ въ рукахъ держать; тутъ же весело

подтрунилъ надъ самимъ собою и прибавилъ, что между прочимъ ему въ Петербургѣ поручили—„de populariser l'idée du cadastre". Онъ говорилъ довольно долго, съ небрежной самоувѣренностью разрѣшая всѣ затрудненія и, какъ фокусникъ шарами, играя самыми важными административными и политическими вопросами. Выраженія: „вотъ что бы я сдѣлалъ, если бъ я былъ правительствомъ"; „вы, какъ умный человѣкъ, тотчасъ со мной согласитесь"—не сходили у него съ языка. Лаврецкій холодно слушалъ разглагольствованія Паншина: не нравился ему этотъ красивый, умный и непринужденно-изящный человѣкъ, съ своей свѣтлой улыбкой, вѣжливымъ голосомъ и нѣтливыми глазами. Паншинъ скоро догадался, съ свойственнымъ ему быстрымъ пониманіемъ ощущеній другого, что не доставляетъ особеннаго удовольствія своему собесѣднику, и подъ благовиднымъ предлогомъ скрылся, рѣшивъ про себя, что Лаврецкій, можетъ быть, и прекрасный человѣкъ, но не симпатичный, „aigri" и, „en somme", нѣсколько смѣшонъ.—Марья Дмитріевна появилась въ сопровожденіи Гедеоновскаго; потомъ пришла Марѳа Тимоѳеевна съ Лизой: за ними пришли остальные домочадцы; потомъ пріѣхала и любительница музыки, Бѣленицына, маленькая, худенькая дама, съ почти-ребяческимъ, усталымъ и красивымъ личикомъ, въ шумящемъ черномъ платьѣ, съ пестрымъ вѣеромъ и толстыми золотыми браслетами; пріѣхалъ и мужъ ея, краснощекій, пухлый человѣкъ, съ большими ногами и руками, съ бѣлыми рѣсницами и неподвижной улыбкой на толстыхъ губахъ; въ гостяхъ жена никогда съ нимъ не говорила, а дома, въ минуту нѣжности, называла его своимъ поросеночкомъ; Паншинъ вернулся: очень стало людно и шумно въ комнатахъ. Лаврецкому такое множество народа было не по-нутру; особенно сердила его Бѣленицына, которая то-и-дѣло глядѣла на него въ лорнетъ. Онъ бы тотчасъ ушелъ, если-бъ не Лиза: ему хотѣлось сказать ей два

слова наединѣ, но онъ долго не могъ улучить удобное мгновенье и довольствововался тѣмъ, что съ тайной радостью слѣдилъ за нею взоромъ; никогда ея лицо не казалось ему благороднѣй и милѣй. Она много выигрывала отъ близости Бѣлениціной. Та безпрестанно двигалась на стулѣ, поводила своими узкими плечиками, смѣялась изнѣженнымъ смѣхомъ и то щурилась, то вдругъ широко раскрывала глаза. Лиза сидѣла смирно, глядѣла прямо и вовсе не смѣялась. Хозяйка сѣла играть въ карты съ Маѳой Тимоѳеевной, Бѣлениціным и Гедеоновскимъ, который игралъ очень медленно, безпрестанно ошибался, моргалъ глазами и утиралъ лицо платкомъ. Паншинъ принялъ меланхолическій видъ, выражался кратко, многозначительно и печально,—ни дать, ни взять невысказавшійся художникъ,—но, несмотря на просьбы Бѣлениціной, которая очень съ нимъ кокетничала, не соглашался спѣть свой романсъ: Лаврецкій его стѣснялъ. Ѳедоръ Ивановичъ тоже говорилъ мало; особенное выраженіе его лица поразило Лизу, какъ только онъ вошелъ въ комнату: она тотчасъ почувствовала, что онъ имѣетъ сообщить ей что-то, но, сама не зная почему, боялась разспросить его. Наконецъ, переходя въ залу наливать чай, она невольно поворотила голову въ его сторону. Онъ тотчасъ пошелъ вслѣдъ за ней.

— Что съ вами?—промолвила она, ставя чайникъ на самоваръ.

— А развѣ вы что замѣтили?—проговорилъ онъ.

— Вы сегодня не такой, какимъ я васъ видѣла до сихъ поръ.

— Лаврецкій наклонился надъ столомъ.

— Я хотѣлъ, началъ онъ,—передать вамъ одно извѣстіе, но теперь невозможно.—Впрочемъ, прочтите вотъ, что отмѣчено карандашемъ въ этомъ фельетонѣ,—прибавилъ онъ, подавая нумеръ взятаго съ собою журнала.—Прошу хранить это въ тайнѣ; я зайду завтра утромъ.

Лиза измѣнилась ... Паншинъ показался на порогѣ двери; она положила журналъ къ себѣ въ карманъ.

— Читали вы Обермана, Лизавета Михайловна?—задумчиво спросилъ ее Паншинъ.

Лиза отвѣчала ему вскользь и пошла изъ залы наверхъ. Лаврецкій вернулся въ гостиную и приблизился къ игорному столу. Марѳа Тимоѳеевна, распустивъ ленты чепца и покраснѣвъ, начала ему жаловаться на своего партнера, Гедеоновскаго, который, по ея словамъ, стушить не умѣлъ.

— Видно, въ карты играть,—говорила она,—не то, что выдумки сочинять.

Тотъ продолжалъ моргать глазами и утираться. Лиза прошла въ гостиную и сѣла въ уголъ; Лаврецкій посмотрѣлъ на нее, она на него посмотрѣла,—и обоимъ стало почти жутко. Онъ прочелъ недоумѣніе и какой-то тайный упрекъ на ея лицѣ. Поговорить съ нею, какъ бы ему хотѣлось, онъ не могъ; оставаться въ одной комнатѣ съ нею, гостемъ вмѣстѣ другихъ гостей,—было тяжело: онъ рѣшился уйти. Прощаясь съ нею, онъ успѣлъ повторить, что придетъ завтра, и прибавилъ, что надѣется на ея дружбу.

— Приходите,—отвѣчала она съ тѣмъ же недоумѣніемъ на лицѣ.

Паншинъ оживился по уходѣ Лаврецкаго; онъ началъ давать совѣты Гедеоновскому, насмѣшливо любезничалъ съ Бѣлѣницыной и, наконецъ, спѣлъ свой романсъ. Но съ Лизой онъ говорилъ и глядѣлъ на нее по прежнему: значительно и немного печально.

А Лаврецкій опять не спалъ всю ночь. Ему не было грустно, онъ не волновался, онъ затихъ весь; но онъ не могъ спать. Онъ даже не вспоминалъ прошедшаго времени; онъ просто глядѣлъ въ свою жизнь: сердце его билось тяжело и ровно, часы летѣли, онъ и не думалъ о снѣ. Но временамъ только всплывала у него въ головѣ мысль: „да

это не правда, это все вздоръ", — и онъ останавливался, поникалъ головою и снова принимался глядѣть въ свою жизнь.

XXIX.

Марья Дмитріевна не слишкомъ ласково приняла Лаврецкаго, когда онъ явился къ ней на слѣдующій день. „Вишь, повадился", — подумала она. Онъ ей самъ по себѣ не очень нравился, да и Паншинъ, подъ вліяніемъ котораго она находилась, весьма коварно и небрежно похвалилъ его наканунѣ. Такъ какъ она не считала его гостемъ и не полагала нужнымъ занимать родственника, почти домашняго человѣка, то и получаса не прошло, какъ онъ уже шелъ съ Лизой въ саду по аллеѣ. Леночка и Шурочка бѣгали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ по цвѣтнику.

Лиза была спокойна по обыкновенію, но болѣе обыкновеннаго блѣдна. Она достала изъ кармана и протянула Лаврецкому мелко сложенный листъ журнала.

— Это ужасно! — промолвила она.

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ.

— Да можетъ быть это еще и не правда, — прибавила Лиза.

— Оттого-то я и просилъ васъ не говорить объ этомъ никому.

Лиза прошлась немного.

— Скажите, — начала она; — вы не огорчены? нисколько?

— Я самъ не знаю, что я чувствую, — отвѣчалъ Лаврецкій.

— Но вѣдь вы ее любили прежде?

— Любилъ.

— Очень?

— Очень.

— И не огорчены ея смертью?

— Она не теперь для меня умерла.

— Это грѣшно, что̀ вы говорите.... Не сердитесь на меня. Вы меня называете своимъ другомъ: другъ все можетъ говорить. Мнѣ, право, даже страшно.... Вчера у васъ такое нехорошее было лицо.... Помните, недавно, какъ вы жаловались на нее?—а ея уже тогда, можетъ быть, на свѣтѣ не было. Это страшно. Точно это вамъ въ наказаніе послано.

Лаврецкій горько усмѣхнулся.

— Вы думаете?.. По крайней мѣрѣ, я теперь свободенъ.

Лиза слегка вздрогнула.

— Полноте, не говорите такъ. На что̀ вамъ ваша свобода? Вамъ не объ этомъ теперь надо думать, а о прощеніи...

— Я давно ее простилъ—перебилъ Лаврецкій и махнулъ рукой.

— Нѣтъ, не то,—возразила Лиза и покраснѣла.—Вы не такъ меня поняли. Вы должны позаботиться о томъ, чтобы васъ простили....

— Кому меня прощать?

— Кому?—Богу. Кто же можетъ насъ простить, кромѣ Бога?

Лаврецкій схватилъ ее за руку.

— Ахъ, Лизавета Михайловна, повѣрьте,—воскликнулъ онъ:—я и такъ довольно былъ наказанъ. Я уже все искупилъ, повѣрьте.

— Это вы не можете знать,—проговорила Лиза въ полголоса. Вы забыли;—еще недавно, вотъ, когда вы со мной говорили,—вы не хотѣли ее прощать..

Оба молча прошлись по аллеѣ.

— А что̀ же ваша дочь?—спросила вдругъ Лиза и остановилась.

Лаврецкій встрепенулся.

— О, не безпокойтесь! Я уже послалъ письма во всѣ мѣста. Будущность моей дочери, какъ вы ее.... какъ вы говорите.... обезпечена. Не безпокойтесь.

Лиза печально улыбнулась.

— Но вы правы,—продолжалъ Лаврецкій:—что̀ мнѣ дѣлать съ моей свободой? На что̀ мнѣ она?

— Когда вы получили этотъ журналъ?—промолвила Лиза, не отвѣчая на его вопросъ.

— На другой день послѣ вашего посѣщенія.

— И неужели.... неужели вы даже не заплакали?

— Нѣтъ. Я былъ пораженъ; но откуда было взяться слезамъ? Плакать о прошедшемъ,—да вѣдь оно у меня все выжжено!... Самый проступокъ ея не разрушилъ мое счастіе, а доказалъ мнѣ только, что его вовсе никогда не бывало. О чемъ же тутъ было плакать? Впрочемъ, кто знаетъ?—я, можетъ быть, былъ бы болѣе огорченъ, если-бъ я получилъ это извѣстіе двумя недѣлями раньше....

— Двумя недѣлями?—возразила Лиза.—Да что̀-жъ такое случилось въ эти двѣ недѣли?

Лаврецкій ничего не отвѣчалъ, а Лиза вдругъ покраснѣла еще пуще прежняго.

— Да, да, вы угадали,—подхватилъ внезапно Лаврецкій:—въ теченіе этихъ двухъ недѣль я узналъ, что̀ значитъ чистая женская душа, и мое прошедшее еще больше отъ меня отодвинулось.

Лиза смутилась и тихонько пошла въ цвѣтникъ, къ Леночкѣ и Шурочкѣ.

— А я доволенъ тѣмъ, что показалъ вамъ этотъ журналъ,—говорилъ Лаврецкій, идя за ней слѣдомъ:—я уже привыкъ ничего не скрывать отъ васъ, и надѣюсь, что и вы отплатите мнѣ такимъ же довѣріемъ.

— Вы думаете?—промолвила Лиза и остановилась.—Въ такомъ случаѣ я бы должна была... да нѣтъ! Это невозможно.

— Что̀ такое? Говорите, говорите.

— Право, мнѣ кажется, я не должна.... А, впрочемъ,—прибавила Лиза и съ улыбкой оборотилась къ Лаврецкому:—что̀ за откровенность въ половину?—Знаете ли? я получила сегодня письмо.

— Отъ Паншина?

— Да, отъ него.... Почему вы знаете?

— Онъ просилъ вашей руки?

— Да, — произнесла Лиза, и прямо и серьёзно посмотрѣла Лаврецкому въ глаза.

Лаврецкій, въ свою очередь, серьёзно посмотрѣлъ на Лизу.

— Ну, и что же вы ему отвѣчали? — проговорилъ онъ наконецъ.

— Я не знаю, что̀ отвѣчать, — возразила Лиза и опустила сложенныя руки.

— Какъ? Вѣдь вы его любите?

— Да, онъ мнѣ нравится; онъ, кажется, хорошій человѣкъ....

— Вы то же самое и въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ сказали мнѣ четвертаго дня. Я желаю знать, любите ли вы его тѣмъ сильнымъ, страстнымъ чувствомъ, которое мы привыкли называть любовью?

— Какъ *вы* понимаете, — нѣтъ.

— Вы въ него не влюблены?

— Нѣтъ. Да развѣ это нужно?

— Какъ!

— Маменькѣ онъ нравится, — продолжала Лиза: — онъ добрый; я ничего противъ него не имѣю.

— Однако, вы колеблетесь?

— Да.... и можетъ быть, — вы, ваши слова тому причиной. Помните что̀ вы третьяго дня говорили? Но это слабость....

— О, дитя мое! — воскликнулъ другъ Лаврецкій — и голосъ его задрожалъ: — не мучьте лукаго, не называйте слабостью крикъ вашего сердца, которое не хочетъ отдаться безъ любви. Не берите на себя такой страшной отвѣтственности передъ тѣмъ человѣкомъ, котораго вы не любите и которому хотите принадлежать....

— Я слушаюсь, я ничего не беру на себя,—произнесла было Лиза...

— Слушайтесь вашего сердца; оно одно вамъ скажетъ правду,—перебилъ ее Лаврецкій.... Опытъ, разсудокъ—все это прахъ и суета! Не отнимайте у себя лучшаго, единственнаго счастья на землѣ.

— Вы ли это говорите, Өедоръ Иванычъ? Вы сами женились по любви—и были ли вы счастливы?

Лаврецкій всплеснулъ руками.

— Ахъ, не говорите обо мнѣ! Вы и понять не можете всего того, что̀ молодой, неискушенный, безобразно воспитанный мальчикъ можетъ принять за любовь!... Да и, наконецъ, къ чему клеветать на себя? Я сейчасъ вамъ говорилъ, что я не зналъ счастья.... нѣтъ! я былъ счастливъ!

— Мнѣ кажется, Өедоръ Иванычъ,—произнесла, понизивъ голосъ, Лиза (когда она не соглашалась съ своимъ собесѣдникомъ, она всегда понижала голосъ; притомъ, она чувствовала большое волненіе):—счастье на землѣ зависитъ не отъ насъ....

— Отъ насъ, отъ насъ, повѣрьте мнѣ (онъ схватилъ ее за обѣ руки; Лиза побѣдѣла и почти съ испугомъ, но внимательно глядѣла на него):—лишь бы мы не портили сами своей жизни. Для иныхъ людей бракъ по любви можетъ быть несчастьемъ; но не для васъ, съ вашимъ спокойнымъ нравомъ, съ вашей ясной душой! Умоляю васъ, не выходите замужъ безъ любви, по чувству долга, отреченья, что̀-ли.... Это то же безвѣріе, тотъ же разсчетъ,—и еще худшій. Повѣрьте мнѣ—я имѣю право это говорить: я дорого заплатилъ за это право. И если вашъ Богъ....

Въ это мгновеніе Лаврецкій замѣтилъ, что Леночка и Шурочка стояли подлѣ Лизы и съ нѣмымъ изумленіемъ уставились на него. Онъ выпустилъ Лизины руки, торопливо проговорилъ: извините меня, пожалуйста,—и направился къ дому.

— Объ одномъ только прошу я васъ,—промолвилъ онъ, возвращаясь къ Лизѣ:—не рѣшайтесь тотчасъ, подождите, подумайте о томъ, что я вамъ сказалъ. Еслибъ даже вы не повѣрили мнѣ, еслибъ вы рѣшились на бракъ по разсудку,—и въ такомъ случаѣ не за г-на Паншина вамъ выходить: онъ не можетъ быть вашимъ мужемъ.... Не правда ли, вы обѣщаетесь мнѣ не спѣшить?

Лиза хотѣла отвѣтить Лаврецкому, и ни слова не вымолвила—не оттого, что она рѣшилась „спѣшить“; но оттого, что сердце у ней слишкомъ сильно билось, и чувство, похожее на страхъ, захватило дыханіе.

XXX.

Уходя отъ Калитиныхъ, Лаврецкій встрѣтился съ Паншинымъ; они холодно поклонились другъ другу. Лаврецкій пришелъ къ себѣ на квартиру и заперся. Онъ испытывалъ ощущенія, едва-ли когда-нибудь имъ испытанныя. Долго ли находился онъ въ состояніи „мирнаго оцѣпенѣнія? давно ли чувствовалъ себя, какъ онъ выражался, на самомъ днѣ рѣки? Что же измѣнило его положеніе? что вынесло его наружу, на поверхность? самая обыкновенная, неизбѣжная, хотя всегда неожиданная случайность;—смерть? Да; но онъ не столько думалъ о смерти жены, о своей свободѣ, сколько о томъ,—какой отвѣтъ дастъ Паншину Лиза? Онъ чувствовалъ, что въ теченіе трехъ послѣднихъ дней онъ сталъ глядѣть на нее другими глазами; онъ вспомнилъ, какъ, возвращаясь домой и думая о ней въ тиши ночи, онъ говорилъ самому себѣ: „если-бы...“ Это „если-бы“, отнесенное имъ къ прошедшему, къ невозможному, сбылось, хоть и не такъ, какъ онъ полагалъ,—но одной его свободы было мало. „Она послушается матери“, думалъ онъ, „она выйдетъ за Паншина; но если даже она ему откажетъ,—не все ли равно

для меня?“ Проходя передъ зеркаломъ, онъ мелькомъ взглянулъ на свое лицо и пожалъ плечами.

День пронесся быстро въ этихъ размышленіяхъ: насталъ вечеръ. Лаврецкій отправился къ Калитинымъ. Онъ шелъ посѣянно, но къ дому ихъ приблизился замедленными шагами. Передъ крыльцомъ стояли дрожки Паншина. „Ну, — подумалъ Лаврецкій, — не буду эгоистомъ“ и вошелъ въ домъ. Въ домѣ онъ никого не встрѣтилъ, и въ гостиной было тихо; онъ отворилъ дверь и увидѣлъ Марью Дмитріевну, игравшую въ никетъ съ Паншинымъ. Паншинъ молча ему поклонился, а хозяйка дома воскликнула: — вотъ неожиданно! — и слегка нахмурила брови. Лаврецкій подсѣлъ къ ней и сталъ глядѣть ей въ карты.

— Вы развѣ умѣете въ никетъ?—спросила она его съ какою-то скрытой досадой, и тутъ же объявила, что разнеслась.

Паншинъ сѣлъ девяносто и началъ учтиво и спокойно брать взятки, съ строгимъ и достойнымъ выраженіемъ на лицѣ. Такъ должны играть дипломаты; вѣроятно, такъ и онъ игралъ въ Петербургѣ съ какимъ-нибудь сильнымъ сановникомъ, которому желалъ внушить выгодное мнѣніе о своей солидности и зрѣлости. „Сто-одинъ, сто-два, черви, сто-три“,—мѣрно раздавался его голосъ, и Лаврецкій не могъ понять, чѣмъ онъ звучалъ: укоризной или самодовольствомъ.

— Можно видѣть Мароу Тимофеевну?—спросилъ онъ, замѣчая, что Паншинъ еще съ бо́льшимъ достоинствомъ принимался тасовать карты. Художника въ немъ уже не замѣчалось и тѣни.

— И думаю, можно. Она у себя, наверху,—отвѣчала Марья Дмитріевна:—освѣдомьтесь.

Лаврецкій отправился наверхъ. И Мароу Тимофеевну онъ засталъ за картами: она играла въ дурачки съ На-

стасьей Карповной. Роска залаяла на него; но объ старушки привѣтливо его приняли, особенно Мароа Тимоѳеевна казалась въ духѣ.

— А! Ѳедя! Милости просимъ, — промолвила она: — садись, мой батюшка. А мы сейчасъ доиграемъ. Хочешь варенья? Шурочка, достань ему банку съ клубникой. Не хочешь? Ну, такъ сиди такъ; а курить — не кури: не могу я табачища вашего терпѣть, да и Матросъ отъ него чихаетъ.

Лаврецкій поспѣшилъ объявить, что вовсе не желаетъ курить.

— Былъ ты внизу? — продолжала старушка: — кого тамъ видѣлъ? Наншинъ все тамъ торчитъ? А Лизу видѣлъ? Нѣтъ? Она сюда хотѣла притти... Да вотъ и она; легка на поминѣ.

Лиза вошла въ комнату и, увидѣвъ Лаврецкаго, покраснѣла.

— Я къ вамъ на минутку, Мароа Тимоѳеевна, — начала-было она....

— Зачѣмъ на минутку? — возразила старушка. Что это вы всѣ, молодыя дѣвки, за непосѣды за такія? Ты видишь, у меня гость: поклонкай съ нимъ, займи его.

Лиза присѣла на край стула, подняла глаза на Лаврецкаго — и почувствовала, что ей нельзя было не дать ему знать, чѣмъ кончилось ея свиданіе съ Наншинымъ. Но какъ это сдѣлать? Ей и стыдно было, и нелегко. Давно ли она познакомилась съ нимъ, съ этимъ человѣкомъ, который и въ церковь рѣдко ходитъ, и такъ равнодушно переноситъ кончину жены, — и вотъ, уже она сообщаетъ ему свои тайны.... Правда, онъ принимаетъ въ ней участіе; она сама вѣритъ ему и чувствуетъ къ нему влеченье; но все-таки ей стыдно стало, точно чужой вошелъ въ ея дѣвическую, чистую комнату.

Мароа Тимоѳеевна пришла на помощь.

— Вѣдь если ты его занимать не будешь, — заговорила

она, кто-жъ его, бѣдненькаго, займетъ? Я для него слишкомъ стара, онъ для меня слишкомъ уменъ, а для Настасьи Карповны онъ слишкомъ старъ, ей все молоденькихъ подавай.

— Чѣмъ же я могу занять Федора Ивановича?—промолвила Лиза.—Если онъ хочетъ, я лучше ему что-нибудь на фортепьяно сыграю,—прибавила она нерѣшительно.

— И прекрасно; ты у меня умница,—возразила Марья Тимофеевна.—Ступайте, мои милые, внизъ; когда кончите, приходите; а я вотъ въ дурахъ осталась, мнѣ обидно, я отыграться хочу.

Лиза встала. Лаврецкій пошелъ за ней. Спускаясь съ лѣстницы, Лиза остановилась.

— Правду говорятъ,—начала она:—что сердцѣ людское исполнено противорѣчій. Вашъ примѣръ долженъ былъ испугать меня, сдѣлать меня недовѣрчивой къ бракамъ по любви, а я...

— Вы отказали ему?—перебилъ Лаврецкій.

— Нѣтъ: но и не согласилась. Я ему все сказала, все, что я чувствовала, и попросила его подождать. Довольны вы?—прибавила она съ быстрой улыбкой,—и, слегка трогая перила рукою, сбѣжала съ лѣстницы.

— Что мнѣ сыграть вамъ?—спросила она, поднимая крышку фортепьяно.

— Что хотите,—отвѣчалъ Лаврецкій и сѣлъ такъ, что могъ смотрѣть на нее.

Лиза начала играть и долго не отводила глазъ отъ своихъ пальцевъ. Она взглянула, наконецъ, на Лаврецкаго и остановилась: такъ чудно и странно показалось ей его лицо.

— Что съ вами?—спросила она.

— Ничего,—возразилъ онъ;—мнѣ очень хорошо; я радъ за васъ, я радъ васъ видѣть,—продолжайте.

— Мнѣ кажется,—говорила Лиза нѣсколько мгновеній

спустя:—еслибы онъ точно меня любилъ, онъ бы не написалъ этого письма: онъ долженъ былъ бы чувствовать, что я не могу отвѣчать ему теперь.

— Это не важно,—промолвилъ Лаврецкій:—важно то, что вы его не любите.

— Перестаньте, что это за разговоръ! Мнѣ все мерещится ваша покойная жена, и вы мнѣ страшны.

— Не правда ли, Вольдемаръ, какъ мило играетъ моя Лизета?—говорила въ то же время Марья Дмитріевна Наншину.

— Да,—отвѣчалъ Наншинъ:—очень мило.

Марья Дмитріевна съ нѣжностью посмотрѣла на молодого своего партнёра; но тотъ принялъ еще болѣе важный и озабоченный видъ и объявилъ четырнадцать королей.

XXXI.

Лаврецкій не былъ молодымъ человѣкомъ; онъ не могъ долго обманываться на счетъ чувства, внушеннаго ему Лизой; онъ окончательно въ тотъ же день убѣдился въ томъ, что полюбилъ ее. Не много радости принесло ему это убѣжденіе. „Неужели, подумалъ онъ, мнѣ въ тридцать-пять лѣтъ нечего другого дѣлать, какъ опять отдать свою душу въ руки женщины? Но Лиза не чета *той:* она бы не потребовала отъ меня постыдныхъ жертвъ; она не отвлекла бы меня отъ моихъ занятій; она бы сама воодушевила меня на честный, строгій трудъ, и мы пошли бы оба впередъ, къ прекрасной цѣли. Да, кончилъ онъ свои размышленія:—все это хорошо, но худо то, что она вовсе не захочетъ пойти со мной. Не даромъ она сказала мнѣ, что я ей страшенъ. За то и Наншина она не любитъ.... Слабое утѣшеніе!“

Лаврецкій поѣхалъ въ Васильевское; но и четырехъ дней тамъ не выжилъ,—такъ ему показалось скучно. Его томило

также ожиданіе: извѣстіе, сообщенное г-мъ Жюлемъ, требовало подтвержденія, а онъ не получалъ никакихъ писемъ. Онъ вернулся въ городъ и просидѣлъ вечеръ у Калитиныхъ. Ему легко было замѣтить, что Марья Дмитріевна была противъ него возстановлена; но ему удалось нѣсколько умилостивить ее, проигравъ ей рублей пятнадцать въ пикетъ,—и онъ провелъ около получаса почти наединѣ съ Лизой, несмотря на то, что мать ей еще наканунѣ совѣтовала не быть слишкомъ фамильярной съ человѣкомъ „qui a un si grand ridicule“. Онъ нашелъ въ ней перемѣну: она стала какъ-будто задумчивѣе, поменяла ему за его отсутствіе и спросила его—не пойдетъ ли онъ на другой день къ обѣднѣ? (на другой день было воскресенье).

— Ступайте,—сказала она прежде, чѣмъ онъ успѣлъ отвѣтить:—мы вмѣстѣ помолимся за упокой *ея* души.—Потомъ она прибавила, что не знаетъ, какъ ей быть,—не знаетъ, имѣетъ ли она право заставлять Паншина далѣе ждать ея рѣшенія.

— Почему же?—спросилъ Лаврецкій.

— Потому,— сказала она:—что я уже теперь начинаю подозрѣвать, какое будетъ это рѣшеніе.

Она объявила, что голова у ней болитъ, и ушла къ себѣ наверхъ, нерѣшительно протянувъ Лаврецкому кончики пальцевъ.

На другой день Лаврецкій отправился къ обѣднѣ. Лиза уже была въ церкви, когда онъ пришелъ. Она замѣтила его, хотя не обернулась къ нему. Она усердно молилась; тихо свѣтились ея глаза, тихо склонялась и поднималась ея голова. Онъ почувствовалъ, что она молилась и за него,— и чудное умиленіе наполнило его душу. Ему было и хорошо, и немного совѣстно. Чинно-стоявшій народъ, родныя лица, согласное пѣніе, запахъ ладону, длинные косые лучи отъ оконъ, самая темнота стѣнъ и сводовъ—все говорило его сердцу. Давно не былъ онъ въ церкви, давно не обращался

къ Богу: онъ и теперь не произнесъ никакихъ молитвенныхъ словъ,—онъ безъ словъ даже не молился,—но хотя на мгновенье, если не тѣломъ, то всѣмъ помысломъ своимъ повергнулся ницъ и приникъ смиренно къ землѣ. Вспомнилось ему, какъ въ дѣтствѣ онъ всякій разъ въ церкви до тѣхъ поръ молился, пока не ощущалъ у себя на лбу какъ бы чьего то свѣжаго прикосновенія; это, думалъ онъ тогда, ангелъ-хранитель принимаетъ меня, кладетъ на меня печать избранія. Онъ взглянулъ на Лизу... „Ты меня сюда привела, подумалъ онъ:—коснись же меня, коснись моей души". Она все такъ же тихо молилась; лицо ея показалось ему радостнымъ, и онъ умилился вновь, онъ попросилъ другой душѣ—покоя, своей—прощенья...

Они встрѣтились на паперти; она привѣтствовала его съ веселой и ласковой важностью. Солнце ярко освѣщало молодую траву на церковномъ дворѣ, пестрые платья и платки женщинъ; колокола сосѣднихъ церквей гудѣли въ вышинѣ; воробьи чирикали по заборамъ. Лаврецкій стоялъ съ непокрытой головой и улыбался; легкій вѣтерокъ вздымалъ его волосы и концы лентъ Лизиной шляпы. Онъ посадилъ Лизу и бывшую съ ней Леночку въ карету, роздалъ всѣ свои деньги нищимъ и тихонько побрелъ домой.

XXXII.

Настали трудные дни для Ѳедора Иваныча. Онъ находился въ постоянной лихорадкѣ. Каждое утро отправлялся онъ на почту, съ волненьемъ распечатывалъ письма, журналы,—и нигдѣ не находилъ ничего, что бы могло подтвердить или опровергнуть роковой слухъ. Иногда онъ самъ себѣ становился гадокъ: „что это я—думалъ онъ,—жду, какъ воронъ крови, вѣрной вѣсти о смерти жены!" Къ Калитинымъ онъ ходилъ каждый день; но и тамъ ему не становилось легче: хозяйка явно дулась на него, принимала

его изъ снисхожденія; Паншинъ обращался съ нимъ преувеличенно-вѣжливо; Лемм напустилъ на себя мизантропію и едва кланялся ему,—а главное: Лиза какъ-будто его избѣгала. Когда же ей случалось оставаться съ нимъ наединѣ, въ ней, вмѣсто прежней довѣрчивости, проявлялось замѣшательство; она не знала, что сказать ему, и онъ самъ чувствовалъ смущеніе. Лиза въ нѣсколько дней стала не та, какою онъ ее зналъ: въ ея движеніяхъ, голосѣ, въ самомъ смѣхѣ замѣчалась тайная тревога, небывалая прежде неровность. Марья Дмитріевна, какъ истая эгоистка, ничего не подозрѣвала; но Марѳа Тимоѳеевна начинала присматривать за своей любимицей. Лаврецкій не разъ упрекнулъ себя въ томъ, что показалъ Лизѣ полученный имъ нумеръ журнала: онъ не могъ не сознаться, что въ его душевномъ состояніи было что-то возмутительное для чистаго чувства. Онъ полагалъ также, что перемѣна въ Лизѣ происходила отъ ея борьбы съ самой собою отъ ея сомнѣній: какой отвѣтъ дать Паншину? Однажды она принесла ему книгу, романъ Вальтеръ-Скотта, который она сама у него спросила.

— Вы прочли эту книгу?—проговорилъ онъ.

— Нѣтъ; мнѣ теперь не до книгъ,—отвѣчала она и хотѣла уйти.

— Постойте на минуту: я съ вами такъ давно не былъ наединѣ.—Вы словно меня боитесь.

— Да.

— Отчего же, помилуйте?

— Не знаю.

Лаврецкій помолчалъ.

— Скажите,—началъ онъ: —вы еще не рѣшились?

— Что вы хотите сказать?—промолвила она, не поднимая глазъ.

— Вы понимаете меня...

Лиза вдругъ вспыхнула.

— Не спрашивайте меня ни о чемъ,—произнесла она съ

живостью:—я ничего не знаю; я сама себя не знаю... И она тотчасъ же удалилась.

На слѣдующій день, Лаврецкій пріѣхалъ къ Калитинымъ послѣ обѣда и засталъ у нихъ всѣ приготовленія ко всенощной. Въ углу столовой, на четыреугольномъ столѣ, покрытомъ чистой скатертью, уже находились прислоненные къ стѣнѣ небольшіе образа въ золотыхъ окладахъ, съ маленькими тусклыми алмазами на вѣнчикахъ. Старый слуга, въ сѣромъ фракѣ и башмакахъ, прошелъ, не спѣша и не стуча каблуками, черезъ всю комнату, поставилъ двѣ восковыя свѣчи въ тонкихъ подсвѣчникахъ передъ образами, перекрестился, поклонился и тихо вышелъ. Не освѣщенная гостиная была пуста. Лаврецкій походилъ по столовой, спросилъ—не именинница ли кто? Ему отвѣчали шепотомъ, что нѣтъ, а что всенощную заказали по желанію Лизаветы Михайловны да Маоы Тимоѳеевны; что хотѣли-было чудотворную икону поднять, но что она уѣхала за тридцать верстъ къ больному. Скоро прибылъ вмѣстѣ съ дьячками и священникъ, человѣкъ уже не молодой, съ большой лысиной, и громко кашлянулъ въ передней; дамы тотчасъ вереницей потянулись изъ кабинета и подошли къ нему подъ благословеніе; Лаврецкій молча имъ поклонился; и онъ ему поклонились молча. Священникъ постоялъ немного, еще разъ откашлянулся и спросилъ въ полголоса басомъ:

— Приступать прикажете?

— Приступите, батюшка,—возразила Марья Дмитріевна.

Онъ началъ облачаться; дьячекъ въ стихарѣ подобострастно попросилъ уголька; запахло ладономъ. Изъ передней вышли горничныя и лакеи, и остановились сплошной кучкой передъ дверями. Роска, никогда не сходившая съ верху, вдругъ появилась въ столовой; ее стали выгонять—она испугалась, завертѣлась и сѣла; лакей подхватилъ ее и унесъ. Всенощная началась. Лаврецкій прижался въ уголокъ; ощущенія его были странны, почти грустны; онъ самъ не могъ

хорошенько разобрать, что онъ чувствовалъ. Марья Дмитріевна стояла впереди всѣхъ, передъ креслами; она крестилась изнѣженно-небрежно, по барски—то оглядываясь, то вдругъ поднимала взоры кверху: она скучала. Марѳа Тимоѳеевна казалась озабоченной; Настасья Карповна клала земные поклоны и вставала съ какимъ-то скромнымъ и мягкимъ шумомъ; Лиза, какъ стала, такъ и не двигалась съ мѣста и не пошевелилась; по сосредоточенному выраженію ея лица можно было догадаться, что она пристально и горячо молилась. Прикладываясь ко кресту по окончаніи всенощной, она также поцѣловала большую красную руку священника. Марья Дмитріевна пригласила его откушать чаю; онъ снялъ эпитрахиль, принялъ нѣсколько свѣтскій видъ и вмѣстѣ съ дамами перешелъ въ гостиную. Начался разговоръ, не слишкомъ оживленный. Священникъ выпилъ четыре чашки, безпрестанно отирая платкомъ свою лысину, разсказалъ между прочимъ, что купецъ Авошниковъ пожертвовалъ семьсотъ рублей на позолоту церковнаго „кумпола", и сообщилъ вѣрное средство противъ весныпекъ. Лаврецкій подсѣлъ было къ Лизѣ, но она держалась строго, почти сурово, и ни разу не взглянула на него. Она какъ-будто съ намѣреніемъ его не замѣчала; какая-то холодная, важная восторженность нашла на нее. Лаврецкому почему-то все хотѣлось улыбнуться и сказать что-нибудь забавное; но на сердцѣ у него было смущеніе, и онъ ушелъ, наконецъ, тайно недоумѣвая... Онъ чувствовалъ: что-то было въ Лизѣ, куда онъ проникнуть не могъ.

Въ другой разъ Лаврецкій, сидя въ гостиной и слушая вкрадчивыя, но тяжелыя разглагольствованія Гедеоновскаго, внезапно, самъ не зная почему, оборотился и уловилъ глубокій, внимательный, вопросительный взглядъ въ глазахъ Лизы... Онъ былъ устремленъ на него, этотъ загадочный взглядъ. Лаврецкій цѣлую ночь потомъ о немъ думалъ. Онъ любилъ не какъ мальчикъ, не къ лицу ему было

вздыхать и томиться, да и сама Лиза не такого рода чувство возбуждала; но любовь на всякій возрастъ имѣетъ свои страданья,—и онъ испыталъ ихъ вполнѣ.

XXXIII.

Однажды Лаврецкій, по обыкновенію своему, сидѣлъ у Калитиныхъ. Послѣ томительно-жаркаго дня наступилъ такой прекрасный вечеръ, что Марья Дмитріевна, несмотря на свое отвращеніе къ сквозному вѣтру, велѣла отворить всѣ окна и двери въ садъ и объявила, что въ карты играть не станетъ, что въ такую погоду въ карты играть грѣхъ, а должно наслаждаться природой. Изъ гостей былъ одинъ Паншинъ. Настроенный вечеромъ и не желая имѣть передъ Лаврецкимъ, но чувствуя приливъ художническихъ ощущеній, онъ пустился въ поэзію: прочелъ хорошо, но слишкомъ сознательно и съ ненужными тонкостями, нѣсколько стихотвореній Лермонтова (тогда Пушкинъ не успѣлъ еще опять войти въ моду)—и вдругъ, какъ бы устыдясь своихъ излiяній, началъ, по поводу извѣстной „Думы", укорять и упрекать новѣйшее поколѣніе; причемъ не упустилъ случая изложить, какъ бы онъ все повернулъ по своему еслибы власть у него была въ рукахъ. „Россія—говорилъ онъ,—отстала отъ Европы: нужно подогнать ее. Увѣряютъ, что мы молоды—это вздоръ; да и при томъ у насъ изобрѣтательности нѣтъ: самъ Х-въ признается въ томъ, что мы даже мышеловки не выдумали. Слѣдовательно, мы поневолѣ должны заимствовать у другихъ. Мы больны,—говоритъ Лермонтовъ,—я согласенъ съ нимъ; но мы больны оттого, что только на-половину сдѣлались европейцами; чѣмъ мы ушиблись, тѣмъ мы и лѣчиться должны („le cadastre"—подумалъ Лаврецкій.—У насъ,—продолжалъ онъ,—лучшія головы—les meilleures têtes—давно въ этомъ убѣдились; всѣ народы въ сущности одинаковы; вводите только хорошія уч-

рожденія—и дѣло съ концомъ. Пожалуй, можно приноравливаться къ существующему народному быту; это наше дѣло, дѣло людей... (онъ чуть не сказалъ: государственныхъ) служащихъ; но, въ случаѣ нужды, не безпокойтесь: учрежденія передѣлаютъ самый этотъ бытъ". Марья Дмитріевна съ умиленіемъ поддакивала Паншину. „Вотъ какой,—думала она,—умный человѣкъ у меня бесѣдуетъ". Лиза молчала, прислонившись къ окну; Лаврецкій молчалъ тоже, Марѳа Тимофеевна, игравшая въ уголкѣ въ карты съ своей пріятельницей, ворчала себѣ что-то подъ носъ. Паншинъ расхаживалъ по комнатѣ и говорилъ красиво, но съ тайнымъ озлобленьемъ: казалось, онъ бранилъ не цѣлое поколѣнье, а нѣсколькихъ извѣстныхъ ему людей. Въ саду Калитиныхъ, въ большомъ кустѣ сирени, жилъ соловей; его первые вечерніе звуки раздавались въ промежуткахъ краснорѣчивой рѣчи; первыя звѣзды зажигались на розовомъ небѣ, надъ неподвижными верхушками липъ. Лаврецкій поднялся и началъ возражать Паншину; завязался споръ. Лаврецкій отстаивалъ молодость и самостоятельность Россіи; отдавалъ себя, свое поколѣніе на жертву,—но заступался за новыхъ людей, за ихъ убѣжденія и желанія; Паншинъ возражалъ раздражительно и рѣзко, объявилъ, что умные люди должны все передѣлать, и зарвался наконецъ до того, что забывъ свое камеръ-юнкерское званіе и чиновничью карьеру, назвалъ Лаврецкаго отсталымъ консерваторомъ, даже намекнулъ—правда, весьма отдаленно—на его ложное положеніе въ обществѣ. Лаврецкій не разсердился, не возвысилъ голоса, (онъ вспомнилъ, что Михалевичъ тоже называлъ его отсталымъ— только вольтеріянцемъ)—и покойно разбилъ Паншина на всѣхъ пунктахъ. Онъ доказалъ ему невозможность скачковъ и надменныхъ передѣлокъ, неоправданныхъ ни знаніемъ родной земли, ни дѣйствительной вѣрой въ идеалъ, хотя бы отрицательный; привелъ въ примѣръ свое собственное воспитаніе, требовалъ прежде все-

го признанія народной правды и смиренія передъ нею,— того смиренія, безъ котораго и смѣлость противу лжи невозможна; не отклонился, наконецъ, отъ заслуженнаго, по его мнѣнію, упрека въ легкомысленной растратѣ времени и силъ.

— Все это прекрасно!—воскликнулъ, наконецъ, раздосадованный Нашинъ:—вотъ, вы вернулись въ Россію,— что же вы намѣрены дѣлать?

— Пахать землю,—отвѣчалъ Лаврецкій:—и стараться какъ можно лучше ее пахать.

— Это очень похвально, безспорно,—возразилъ Нашинъ;—и мнѣ сказывали, что вы уже большіе сдѣлали успѣхи по этой части; но согласитесь, что не всякій способенъ на такого рода занятія...

— Une nature poétique,—заговорила Марья Дмитріевна,—конечно, не можетъ пахать... et puis, вы призваны, Владиміръ Николаичъ, дѣлать все en grand.

Этого было слишкомъ даже для Нашина: онъ замялся— и замялъ разговоръ. Онъ пытался перевести его на красоту звѣзднаго неба, на музыку Шуберта—все какъ-то не клеилось; онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ Марьѣ Дмитріевнѣ сыграть съ ней въ пикетъ.—„Какъ! въ такой вечеръ?“ —слабо возразила она: однако велѣла принести карты.

Нашинъ съ трескомъ разорвалъ новую колоду, а Лиза и Лаврецкій, словно сговорившись, оба встали и помѣстились возлѣ Маремы Тимофеевны. Имъ сдѣлалось вдругъ такъ хорошо обоимъ, что они даже побоялись остаться вдвоемъ,— и въ то же время они почувствовали оба, что испытанное ими въ послѣдніе дни смущеніе исчезло и не возвратится болѣе. Старушка потрепала украдкой Лаврецкаго по щекѣ, лукаво прищурилась и нѣсколько разъ покачала головой, приговаривая шёпотомъ: „отдѣлалъ умника, спасибо“. Все затихло въ комнатѣ: слышалось только слабое потрескиваніе восковыхъ свѣчей, да иногда стукъ руки по столу, да

восклицаніе или счетъ очковъ,—да широкой волной вливалась въ окна, вмѣстѣ съ росистой прохладой, могучая, до дерзости звонкая, пѣснь соловья.

XXXIV.

Лиза не вымолвила ни одного слова въ теченіе спора между Лаврецкимъ и Паншинымъ, но внимательно слѣдила за нимъ и вся была на сторонѣ Лаврецкаго. Политика ее занимала очень мало; но самонадѣянный тонъ свѣтскаго чиновника (онъ никогда еще такъ не высказывался) ее отталкивалъ; его презрѣніе къ Россіи ее оскорбило. Лизѣ и въ голову не приходило, что она патріотка; но ей было по душѣ съ русскими людьми; русскій складъ ума ее радовалъ; она, не чинясь, по цѣлымъ часамъ бесѣдовала съ старостой материнскаго имѣнія, когда онъ пріѣзжалъ въ городъ, и бесѣдовала съ нимъ, какъ съ ровней, безъ всякаго барскаго снисхожденія. Лаврецкій все это чувствовалъ; онъ бы не сталъ возражать одному Паншину; онъ говорилъ только для Лизы. Другъ другу они ничего не сказали, даже глаза ихъ рѣдко встрѣчались; но оба они поняли, что тѣсно сошлись въ этотъ вечеръ, поняли, что и любятъ и не любятъ одно и тоже. Въ одномъ только они расходились; но Лиза втайнѣ надѣялась привести его къ Богу. Они сидѣли возлѣ Маріи Тимофеевны и, казалось, слѣдили за ея игрой; да они и дѣйствительно за ней слѣдили,—а между тѣмъ у каждаго изъ нихъ сердце росло въ груди, и ничего для нихъ не пропало: для нихъ пѣлъ соловей, и звѣзды горѣли, и деревья тихо шептали, убаюканныя и сномъ, и вѣтромъ лѣта, и тепломъ. Лаврецкій отдавался весь увлекавшей его волнѣ—и радовался; но слово не выразитъ того, что происходило въ чистой душѣ дѣвушки: оно было тайной для нея самой; пусть же оно останется и для всѣхъ тайной. Никто не знаетъ, никто не видѣлъ и не увидитъ никогда, какъ,

призванное къ жизни и расцвѣтанію, наливается и зрѣетъ зерно въ лонѣ земли.

Пробило десять часовъ. Марѳа Тимоѳеевна отправилась къ себѣ наверхъ съ Настасьей Карповной; Лаврецкій и Лиза прошлись по комнатѣ, остановились передъ раскрытой дверью сада, взглянули въ темную даль, потомъ другъ на друга—и улыбнулись; такъ, кажется, взялись бы они за руки, наговорились бы досыта. Они вернулись къ Маріѣ Дмитріевнѣ и къ Паншину, у которыхъ никетъ затянулся. Послѣдній „король“ кончился наконецъ, и хозяйка встала, кряхтя и охая, съ обложеннаго подушками кресла; Паншинъ взялъ шляпу, поцѣловалъ у Маріи Дмитріевны руку, замѣтилъ, что инымъ счастливцамъ теперь ничто не мѣшаетъ спать или наслаждаться ночью, а ему придется до утра просидѣть надъ глупыми бумагами, холодно раскланялся съ Лизой (онъ не ожидалъ, что въ отвѣтъ на его предложеніе она попроситъ подождать,—и потому дулся на нее)—и удалился. Лаврецкій отправился вслѣдъ за нимъ. У воротъ они разстались; Паншинъ разбудилъ своего кучера, толкнувъ его концомъ палки въ шею, сѣлъ на дрожки и покатилъ. Лаврецкому не хотѣлось идти домой; онъ вышелъ изъ города въ поле. Ночь была тиха и свѣтла, хотя луны не было; Лаврецкій долго бродилъ по росистой травѣ; узкая тропинка попалась ему; онъ пошелъ по ней. Она привела его къ длинному забору, къ калиткѣ; онъ попытался, самъ не зная зачѣмъ, толкнуть ее: она слабо скрыпнула и отворилась, словно ждала прикосновенія его руки. Лаврецкій очутился въ саду, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по липовой аллеѣ и вдругъ остановился въ изумленіи: онъ узналъ садъ Калитиныхъ.

Онъ тотчасъ же вошелъ въ черное пятно тѣни, падавшей отъ густого орѣховаго куста и долго стоялъ неподвижно, дивясь и пожимая плечами.

„Это не даромъ“, подумалъ онъ.

Все было тихо кругомъ; со стороны дома не приносилось никакого звука. Онъ осторожно пошелъ впередъ. Вотъ, на поворотѣ аллеи, весь домъ вдругъ глянулъ на него своимъ темнымъ фасомъ; въ двухъ только окнахъ наверху мерцалъ свѣтъ: у Лизы горѣла свѣча за бѣлымъ занавѣсомъ, да у Маоы Тимоѳеевны въ спальнѣ передъ образомъ теплилась краснымъ огонькомъ лампадка, отражаясь ровнымъ сіяніемъ на золотѣ оклада; внизу дверь на балконъ широко зѣвала, раскрытая настежь. Лаврецкій сѣлъ на деревянную скамейку, подперся рукою и сталъ глядѣть на эту дверь да на окно Лизы. Въ городѣ пробило полночь; въ домѣ маленькіе часики тонко прозвенѣли двѣнадцать; сторожъ дробно поколотилъ по доскѣ. Лаврецкій ничего не думалъ, ничего не ждалъ, ему пріятно было чувствовать себя вблизи Лизы, сидѣть въ ея саду на скамейкѣ, гдѣ и она сидѣла не однажды .. Свѣтъ исчезъ въ Лизиной комнатѣ.

„Спокойной ночи, моя милая дѣвушка“, прошепталъ Лаврецкій, продолжая сидѣть неподвижно и не сводя взора съ потемнѣвшаго окна.

Вдругъ свѣтъ появился въ одномъ изъ оконъ нижняго этажа, перешелъ въ другое, въ третье.... Кто-то шелъ со свѣчкой по комнатамъ. „Неужели Лиза? Не можетъ быть!.... Лаврецкій приподнялся.... Мелькнулъ знакомый обликъ, и въ гостиной появилась Лиза. Въ бѣломъ платьѣ, съ нерасплетенными косами по плечамъ, она тихонько подошла къ столу, нагнулась надъ нимъ, поставила свѣчку и чего-то поискала: потомъ, обернувшись лицомъ къ саду, она приблизилась къ раскрытой двери, и вся бѣлая, легкая, стройная, остановилась на порогѣ. Трепетъ пробѣжалъ по членамъ Лаврецкаго.

— Лиза!—сорвалось едва внятно съ его губъ.

Она вздрогнула и начала всматриваться въ темноту.

— Лиза!—повторилъ Лаврецкій громче и вышелъ изъ тѣни аллеи.

Лиза съ испугомъ вытянула голову и попятилась назадъ: она узнала его. Онъ назвалъ ее въ третій разъ и протянулъ къ ней руки. Она отдѣлилась отъ двери и вступила въ садъ.

— Вы?—проговорила она.—Вы здѣсь?

— Я.... я.... выслушайте меня,—пропепталъ Лаврецкій, и, схвативъ ея руку, повелъ ее къ скамейкѣ.

Она шла за нимъ безъ сопротивленія; ея блѣдное лицо, неподвижные глаза, всѣ ея движенія выражали несказанное изумленіе. Лаврецкій посадилъ ее на скамейку и самъ сталъ передъ ней.

— Я не думалъ прійти сюда, — началъ онъ; — меня привело.... Я.... я.... я люблю васъ,—произнесъ онъ съ невольнымъ ужасомъ.

Лиза медленно взглянула на него; казалось, она только въ это мгновеніе поняла, гдѣ она и что съ нею. Она хотѣла подняться, не могла и закрыла лицо руками.

— Лиза,— произнесъ Лаврецкій: — Лиза, — повторилъ онъ и склонился къ ея ногамъ....

Ея плечи начали слегка вздрагивать, пальцы блѣдныхъ рукъ крѣпче прижались къ лицу.

— Что съ вами?—промолвилъ Лаврецкій и услышалъ тихое рыданіе. Сердце его захолонуло.... Онъ понялъ, что значили эти слезы.—Неужели вы меня любите?—прошепталъ онъ и коснулся ея колѣней.

— Встаньте,—послышался ея голосъ:—встаньте. Федоръ Ивановичъ. Что мы это дѣлаемъ съ вами?

Онъ всталъ и сѣлъ подлѣ нея на скамейку. Она уже не плакала и внимательно глядѣла на него своими влажными глазами.

— Мнѣ странно: что это мы дѣлаемъ? — повторила она.

— Я васъ люблю,—проговорилъ онъ снова:—я готовъ отдать вамъ всю жизнь мою.

Она опять вздрогнула, какъ-будто ее что-то ужалило, и подняла взоры къ небу.

— Это все въ Божьей власти,—промолвила она.

— Но вы меня любите, Лиза? Мы будемъ счастливы?

Она опустила глаза; онъ тихо привлекъ ее къ себѣ, и голова ея упала къ нему на плечо... Онъ отклонилъ немного свою голову и коснулся ея блѣдныхъ губъ.

Полчаса спустя, Лаврецкій стоялъ уже передъ калиткой сада. Онъ нашелъ ее запертою и принужденъ былъ перепрыгнуть черезъ заборъ. Онъ вернулся въ городъ и пошелъ по заснувшимъ улицамъ. Чувство неожиданной, великой радости наполняло его душу; всѣ сомнѣнія въ немъ замерли. „Исчезни, прошедшее, темный призракъ, думалъ онъ:— она меня любитъ, она будетъ моя". Вдругъ ему почудилось, что въ воздухѣ, надъ его головою, разлились какіе-то дивные, торжествующіе звуки; онъ остановился: звуки загремѣли еще великолѣпнѣй; нѣжнымъ, сильнымъ потокомъ струились они,—и въ нихъ, казалось, говорило и пѣло все его счастіе. Онъ оглянулся: звуки неслись изъ двухъ верхнихъ оконъ небольшого дома.

— Лемм! —вскрикнулъ Лаврецкій и побѣжалъ къ дому. —Лемм! Лемм!—повторилъ онъ громко.

Звуки замерли, и фигура старика въ шлафрокѣ, съ раскрытой грудью и растрепанными волосами, показалась въ окнѣ.

— Ага! —проговорилъ онъ съ достоинствомъ:—это вы?

— Христоферъ Ѳедоровичъ, что это за чудная музыка! ради Бога, впустите меня.

Старикъ, ни слова не говоря, величественнымъ движеніемъ руки кинулъ изъ окна ключъ отъ двери на улицу. Лаврецкій проворно взбѣжалъ наверхъ, вошелъ въ комнату и хотѣлъ-было броситься къ Лемму; но тотъ повелительно указалъ ему на стулъ; отрывисто сказалъ по-русски: „Са-

дитесь и слушить"; самъ сѣлъ за фортепіано, гордо и строго взглянулъ кругомъ и заигралъ. Давно Лаврецкій не слышалъ ничего подобнаго; сладкая, страстная мелодія съ перваго звука охватывала сердце; она вся сіяла, вся томилась вдохновеніемъ, счастьемъ, красотою; она росла и таяла; она касалась всего, что̀ есть на землѣ дорогого, тайнаго, святого; она дышала безсмертной грустью и уходила умирать въ небеса. Лаврецкій выпрямился и стоялъ, похолодѣлый и блѣдный отъ восторга. Эти звуки такъ и впивались въ его душу, только-что потрясенную счастьемъ любви; они сами пылали любовью. „Повторите",—прошепталъ онъ, какъ только раздался послѣдній аккордъ. Старикъ бросилъ на него орлиный взоръ, постучалъ рукой по груди и, проговоривъ, не спѣша, на родномъ своемъ языкѣ,—„это я сдѣлалъ, ибо я великій музыкантъ",—снова сыгралъ свою чудную композицію. Въ комнатѣ не было свѣчей; свѣтъ подымавшейся луны косо падалъ въ окна; звонко трепеталъ чуткій воздухъ; маленькая, блѣдная комнатка казалась святилищемъ и высоко, и вдохновенно поднималась въ серебристой полутьмѣ голова старика. Лаврецкій подошелъ къ нему и обнялъ его. Сперва Леммъ не отвѣчалъ на его объятіе, даже отклонилъ его локтемъ; долго, не шевелясь ни однимъ членомъ, глядѣлъ онъ все такъ же строго, почти грубо, и только раза два промычалъ: ага! Наконецъ его преобразившееся лицо успокоилось, опустилось, и онъ, въ отвѣтъ на горячія поздравленія Лаврецкаго, сперва улыбнулся немного, потомъ заплакалъ, слабо всхлипывая, какъ дитя.

— Это удивительно,—сказалъ онъ:—что вы именно теперь пришли; но я знаю, все знаю.

— Вы все знаете?—произнесъ съ смущеніемъ Лаврецкій.

— Вы меня слышали,—возразилъ Леммъ:—развѣ вы не поняли, что я все знаю?

Лаврецкій до утра не могъ заснуть; онъ всю ночь просидѣлъ на постели. И Лиза не спала: она молилась.

XXXV.

Читатель знаетъ, какъ выросъ и развивался Лаврецкій; скажемъ нѣсколько словъ о воспитаніи Лизы. Ей минулъ 10-й годъ, когда отецъ ея умеръ; но онъ мало занимался ею. Завалепный дѣлами, постоянно озабоченный приращеніемъ своего состоянія, желчный, рѣзкій, нетерпѣливый, онъ не скупясь давалъ деньги на учителей, гувернёровъ, на одежду и прочія нужды дѣтей; но терпѣть не могъ, какъ онъ выражался, „няньчиться съ писклятами“, — да и некогда ему было няньчиться съ ними: онъ работалъ, возился съ дѣлами, спалъ мало, изрѣдка игралъ въ карты, опять работалъ; онъ самъ себя сравнивалъ съ лошадью, запряженной въ молотильную машину. „Скоренько жизнь моя проскочила“, промолвилъ онъ на смертномъ одрѣ, съ горькой усмѣшкой на высохшихъ губахъ. Марья Дмитріевна въ сущности немного больше мужа занималась Лизой, хотя она и хвасталась передъ Лаврецкимъ, что одна воспитывала дѣтей своихъ: она одѣвала ее, какъ куколку, при гостяхъ гладила ее по головкѣ и называла въ глаза умницей и душкой—и только: лѣнивую барыню утомляла всякая постоянная забота. При жизни отца, Лиза находилась на рукахъ гувернантки, дѣвицы Моро изъ Парижа, а послѣ его смерти поступила въ вѣдѣніе Марьи Тимоѳеевны. Марью Тимоѳеевну читатель знаетъ; а дѣвица Моро была крошечное, сморщенное существо съ птичьими ухватками и птичьимъ умишкомъ. Въ молодости она вела жизнь очень разсѣянную, а подъ старость у ней остались только двѣ страсти—къ лакомству да къ картамъ. Когда она была сыта, не играла въ карты и не болтала,—лицо у ней тотчасъ принимало выраженіе почти мертвенное: сидитъ, бывало, смотритъ, дышетъ—и такъ и видно, что никакой мысли не пробѣгаетъ въ головѣ. Ее даже нельзя было назвать доброю: не бываютъ же добры птицы. Вслѣдствіе ли легкомысленно-прове-

денной молодости, отъ парижскаго ли воздуха, которымъ она надышалась съ дѣтства,—въ ней гнѣздилось что-то въ родѣ всеобщаго деневенькаго скептицизма, выражавшагося обыкновенно словами: „tout ça c'est des bêtises". Она говорила неправильно по чисто-парижскимъ жаргономъ, не сплетничала и не капризничала,—чего же больше можно желать отъ гувернантки? На Лизу она имѣла мало вліянія; тѣмъ сильнѣе было вліяніе на нее ея няни, Агафьи Власьевны.

Судьба этой женщины была замѣчательна. Она происходила изъ крестьянскаго семейства; 16-ти лѣтъ ее выдали за мужика; но отъ своихъ сестеръ-крестьянокъ она отличалась рѣзко. Отецъ ея лѣтъ двадцать былъ старостой, нажилъ денегъ много и баловалъ ее. Красавица она была необыкновенная, первая щеголиха по всему околотку, умница, рѣчистая, смѣлая. Ея баринъ, Дмитрій Нестовъ, отецъ Марьи Дмитріевны, человѣкъ скромный и тихій, увидалъ ее однажды на молотьбѣ, поговорилъ съ ней и страстно въ нее влюбился. Она скоро овдовѣла; Нестовъ, хотя и женатый былъ человѣкъ, взялъ ее къ себѣ въ домъ, одѣлъ ее по дворовому. Агафья тотчасъ освоилась съ новымъ своимъ положеніемъ, точно она въкъ свой иначе не жила. Она пообѣлѣла, пополнѣла; руки у ней подъ кисейными рукавами стали „кружчатыя", какъ у купчихи; самоваръ не сходилъ со стола; кромѣ шелку да бархату, она ничего носить не хотѣла, спала на пуховыхъ перинахъ. Лѣтъ пять продолжалась эта блаженная жизнь, но Дмитрій Нестовъ умеръ: вдова его, барыня добрая, жалѣя память покойника, не хотѣла поступить съ своей соперницей нечестно, тѣмъ болѣе, что Агафья никогда передъ ней не забывалась: однако выдала ее за скотника и сослала съ глазъ долой. Прошло года три. Разъ какъ-то, въ жаркій лѣтній день, барыня заѣхала къ себѣ на скотный дворъ. Агафья попотчивала ее такими славными холодными сливками, такъ скромно себя держа-

ла и сама была такая опрятная, веселая, всѣмъ довольная, что барыня объявила ей прощеніе и позволила ходить въ домъ; а мѣсяцевъ черезъ шесть такъ къ ней привязалась, что произвела ее въ экономки и поручила ей все хозяйство. Агафья опять вошла въ силу, опять раздобрѣла и побѣлѣла; барыня совсѣмъ ей вѣрилась. Такъ прошло еще лѣтъ пять. Несчастье вторично обрушилось на Агафью. Мужъ ея, котораго она вывела въ лакеи, запилъ, сталъ пропадать изъ дому и кончилъ тѣмъ, что укралъ шесть господскихъ серебряныхъ ложекъ и запряталъ ихъ—до случая—въ женинъ сундукъ. Это открылось. Его опять повернули въ скотники, а на Агафью наложили опалу; изъ дома ее не выгнали, но разжаловали изъ экономокъ въ швеи и велѣли ей вмѣсто чепца носить на головѣ платокъ. Къ удивленію всѣхъ, Агафья съ покорнымъ смиреніемъ приняла поразившій ее ударъ. Ей уже было тогда за тридцать лѣтъ, дѣти у ней всѣ померли, и мужъ жилъ недолго. Прошла ей пора опомниться: она опомнилась. Она стала очень молчалива и богомольна, не пропускала ни одной заутрени, ни одной обѣдни, раздарила всѣ свои хорошія платья. Пятнадцать лѣтъ провела она тихо, смиренно, степенно, ни съ кѣмъ не ссорясь, всѣмъ уступая. Нагрубитъ ли ей кто—она только поклонится и поблагодаритъ за ученіе. Барыня давно ей простила, и опалу сложила съ нея, и съ своей головы чепецъ подарила: но она сама не захотѣла снять свой платокъ и все ходила въ темномъ платьѣ; а послѣ смерти барыни она стала еще тише и ниже. Русскій человѣкъ бонтся и привязывается легко; но уваженіе его заслужить трудно: дается оно не скоро и не всякому. Агафью всѣ въ домѣ очень уважали; никто и не вспоминалъ о прежнихъ грѣхахъ, словно ихъ вмѣстѣ съ старымъ бариномъ въ землю похоронили.

Сдѣлавшись мужемъ Марьи Дмитріевны, Калитинъ хотѣлъ-было поручить Агафьѣ домашнее хозяйство; но она

отказалась „ради соблазна"; онъ прикрикнулъ на нее: она низко поклонилась и вышла вонъ. Умный Калитинъ понималъ людей; онъ и Агафью понялъ и не забылъ ея. Переселившись въ городъ, онъ, съ ея согласія, приставилъ ее въ качествѣ няни къ Лизѣ, которой только-что пошелъ пятый годъ.

Лизу сперва испугало серьёзное и строгое лицо новой няни; но она скоро привыкла къ ней и крѣпко полюбила. Она сама была серьёзный ребенокъ; черты ея напоминали рѣзкій и правильный обликъ Калитина; только глаза у ней были не отцовскіе; они свѣтились тихимъ вниманіемъ и добротой, что рѣдко въ дѣтяхъ. Она въ куклы не любила играть, смѣялась не громко и не долго, держалась чинно. Она задумывалась не часто, но почти всегда недаромъ; помолчавъ немного, она обыкновенно кончала тѣмъ, что обращалась къ кому-нибудь старшему съ вопросомъ, показывавшимъ, что голова ея работала надъ новымъ впечатлѣніемъ. Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертомъ году говорила совершенно ясно. Отца она боялась: чувство ея къ матери было неопредѣленно,—она не боялась ея и не ласкалась къ ней; впрочемъ, она и къ Агафьѣ не ласкалась, хотя только одну ее и любила. Агафья съ ней не разставалась. Странно было видѣть ихъ вдвоемъ. Бывало, Агафья, вся въ черномъ, съ темнымъ платкомъ на головѣ, съ похудѣвшимъ, какъ воскъ прозрачнымъ, но все еще прекраснымъ и выразительнымъ лицомъ, сидитъ прямо и вяжетъ чулокъ; у ногъ ея, на маленькомъ креслецѣ, сидитъ Лиза и тоже трудится надъ какой-нибудь работой или, важно подвинувъ свѣтлые глазки, слушаетъ, что разсказываетъ ей Агафья, а Агафья разсказываетъ ей не сказки: мѣрнымъ и ровнымъ голосомъ разсказываетъ она житіе Пречистой Дѣвы, житіе отшельниковъ, угодниковъ Божіихъ, святыхъ мученицъ; говоритъ она Лизѣ, какъ жили святые въ пустыняхъ, какъ спасались, голодъ терпѣли и нужду,—и царей

не боялись, Христа исповѣдывали; какъ имъ птицы небесныя корм носили, и звѣри ихъ слушались; какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кровь ихъ падала, цвѣты выростали.—„Жеттофіоли?—спросила однажды Лиза, которая очень любила цвѣты... Агафья говорила съ Лизой важно и смиренно, точно она сама чувствовала, что не ей бы произносить такія высокія и святыя слова. Лиза ее слушала—и образъ Вездѣсущаго, Всезнающаго Бога съ какой-то сладкой силой втѣснялся въ ея душу, наполнялъ ее чистымъ, благоговѣйнымъ страхомъ, а Христосъ становился ей чѣмъ-то близкимъ, знакомымъ, чуть не роднымъ: Агафья и молиться ее выучила. Иногда она будила Лизу рано на зарѣ, торопливо ее одѣвала и уводила тайкомъ къ заутренѣ: Лиза шла за ней на цыпочкахъ, едва дыша; холодъ и полусвѣтъ утра, свѣжесть и пустота церкви, самая таинственность этихъ неожиданныхъ отлучекъ, осторожное возвращеніе въ домъ, въ постельку,—вся эта смѣсь запрещеннаго, страннаго, святого, потрясала дѣвочку, проникала въ самую глубь ея существа. Агафья никогда никого не осуждала и Лизу не бранила за шалости. Когда она бывала чѣмъ недовольна, она только молчала: и Лиза понимала это молчаніе; съ быстрой прозорливостью ребенка она также хорошо понимала, когда Агафья была недовольна другими—Марьей ли Дмитріевной, самимъ ли Калитинымъ. Года три съ небольшимъ ходила Агафья за Лизой; дѣвица Моро ее смѣнила: но легкомысленная француженка съ своими сухими ухватками да восклицаніемъ: tout ça c'est des bêtises—не могла вытѣснить изъ сердца Лизы ея любимую няню: посѣянныя сѣмена пустили слишкомъ глубокіе корни. Притомъ, Агафья, хотя и перестала ходить за Лизой, осталась въ домѣ и часто виделась съ своей воспитанницей, которая ей вѣрила по-прежнему.

Агафья, однако, не ужилась съ Маремой Тимофеевной, когда та переѣхала въ Калитинскій домъ. Строгая важность быв-

ней „панёвницы" не нравилась нетерпѣливой и самовольной старушкѣ. Агафья отпросилась на богомолье и не вернулась. Ходили темные слухи, будто она удалилась въ раскольничій скитъ. Но слѣдъ, оставленный ею въ душѣ Лизы, не изгладился. Она по-прежнему шла въ обѣдню, какъ на праздникъ, молилась съ наслажденьемъ, съ какимъ-то сдержаннымъ и стыдливымъ порывомъ, чему Марья Дмитріевна втайнѣ не мало дивилась, да и сама Марфа Тимофеевна, хотя ни въ чемъ не стѣсняла Лизу, однако старалась умѣрить ея рвеніе и не позволяла ей класть лишніе земные поклоны: не дворянская, молъ, это замашка. Училась Лиза хорошо, то-есть усидчиво; особенно блестящими способностями, большимъ умомъ ее Богъ не наградилъ: безъ труда ей ничего не давалось. Она хорошо играла на фортепьяно: но одинъ Лемм зналъ, чего ей это стоило. Читала она немного; у ней не было „своихъ словъ", но были свои мысли, и шла она своей дорогой. Недаромъ походила она на отца: онъ тоже не спрашивалъ у другихъ, что ему дѣлать. Такъ росла она — покойно, неторопливо, такъ достигла девятнадцатилѣтняго возраста. Она была очень мила, сама того не зная. Въ каждомъ ея движеніи высказывалась невольная, нѣсколько нелогкая грація; голосъ ея звучалъ серебромъ нетронутой юности, малѣйшее ощущеніе удовольствія вызывало привлекательную улыбку на ея губы, придавало глубокій блескъ и какую-то тайную ласковость ея засвѣтившимся глазамъ. Вся проникнутая чувствомъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности; она любила одного Бога восторженно, робко, нѣжно. Лаврецкій первый нарушилъ ея тихую внутреннюю жизнь.

Такова была Лиза.

XXXVI.

На слѣдующій день, часу въ двѣнадцатомъ, Лаврецкій отправился въ Калитинымъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Паншина, который проскакалъ мимо него верхомъ, нахлобучивъ шляпу на самыя брови. У Калитиныхъ Лаврецкаго не приняли—въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ съ ними познакомился. Марья Дмитріевна „почивала“, —такъ доложилъ лакей; у „нихъ“ голова болѣла. Марьи Тимофеевны и Лизаветы Михайловны не было дома. Лаврецкій походилъ около сада, въ смутной надеждѣ встрѣтиться съ Лизой, но не увидалъ никого. Онъ вернулся черезъ два часа и получилъ тотъ же отвѣтъ, причемъ лакей какъ-то косо посмотрѣлъ на него. Лаврецкому показалось непристойнымъ навѣдываться въ тотъ же день въ третій разъ—и онъ рѣшился съѣздить въ Васильевское, гдѣ у него безъ того были дѣла. На дорогѣ онъ строилъ различные планы, одинъ прекраснѣе другого; но въ сельцѣ его тетки на него напала грусть; онъ вступилъ въ разговоръ съ Антономъ; у старика, какъ нарочно, все невеселыя мысли на умѣ были. Онъ разсказалъ Лаврецкому, какъ Глафира Петровна передъ смертью сама себя за руку укусила,—и, помолчавъ, сказалъ со вздохомъ: „всякъ человѣкъ, баринъ-батюшка, самъ себѣ на съѣденіе преданъ“. Было уже поздно, когда Лаврецкій пустился въ обратный путь. Вечерніе звуки охватили его, образъ Лизы возсталъ въ его душѣ во всей своей кроткой ясности; онъ умилился при мысли, что она его любитъ,—и поѣхалъ къ своему городскому домику, успокоенный и счастливый.

Первое, что поразило его при входѣ въ переднюю, былъ запахъ начулп, весьма ему противный; тутъ же стояли какіе-то высокіе сундуки и баулы. Лицо выскочившаго къ нему на встрѣчу камердинера показалось ему страннымъ. Не отдавая себѣ отчета въ своихъ впечатлѣніяхъ, переступилъ

онъ порогъ гостиной... Ему на встрѣчу съ дивана поднялась дама въ черномъ шелковомъ платьѣ съ воланами и, поднеся батистовый платокъ къ блѣдному лицу, переступила нѣсколько шаговъ, склонила тщательно-расчесанную душистую голову — и упала къ его ногамъ... Тутъ только онъ узналъ ее: это дама была — его жена.

Дыханіе у него захватило... Онъ прислонился къ стѣнѣ.

— Теодоръ, не прогоняйте меня! — сказала она по-французски, и голосъ ея какъ ножомъ рѣзанулъ его по сердцу.

Онъ глядѣлъ на нее безсмысленно, и однако тотчасъ же невольно замѣтилъ, что она и побѣлѣла, и отекла.

— Теодоръ, продолжала она, изрѣдка вскидывая глазами и осторожно ломая свои удивительно-красивые пальцы съ розовыми, лощеными ногтями: — Теодоръ, я передъ вами виновата, глубоко виновата, — скажу болѣе, я преступница; но вы выслушайте меня; раскаяніе меня мучитъ, я стала самой себѣ въ тягость, я не могла болѣе переносить мое положеніе; сколько разъ я думала обратиться къ вамъ, но я боялась вашего гнѣва; — я рѣшилась разорвать всякую связь съ прошедшимъ... puis, j'ai été si malade, — я была такъ больна, прибавила она и провела рукой по лбу и по щекѣ, — я воспользовалась распространившимся слухомъ о моей смерти, я покинула все; не останавливаясь, день и ночь спѣшила я сюда; я долго колебалась предстать предъ васъ, моего судью — paraître devant vous, mon juge; но я рѣшилась наконецъ, вспомнивъ вашу всегдашнюю доброту, ѣхать къ вамъ: я узнала вашъ адресъ въ Москвѣ. Повѣрьте, продолжала она, тихонько поднимаясь съ полу и садясь на самый край кресла: — я часто думала о смерти и я бы нашла въ себѣ довольно мужества, чтобы лишить себя жизни — ахъ, жизнь теперь для меня несносное бремя! — но мысль о моей дочери, о моей Адочкѣ, меня останавливала; она здѣсь, она спитъ въ сосѣдней комнатѣ, бѣдный ребенокъ! Она устала — вы ее увидите: она, по крайней мѣрѣ, передъ вами

не виновата,—а я такъ несчастна, такъ несчастна!—воскликнула г-жа Лаврецкая и залилась слезами.

Лаврецкій пришелъ, наконецъ, въ себя; онъ отдѣлился отъ стѣны и повернулся къ двери.

— Вы уходите?—съ отчаяніемъ проговорила его жена:—о, это жестоко!—Не сказавши мнѣ ни одного слова, ни одного даже упрека... Это презрѣніе меня убиваетъ, это ужасно!

Лаврецкій остановился.

— Что вы хотите слышать отъ меня?—произнесъ онъ беззвучнымъ голосомъ.

—Ничего, ничего,—съ живостью подхватила она:—я знаю, я ни въ правѣ ничего требовать;—я не безумная, повѣрьте;—я не надѣюсь, я не смѣю надѣяться на ваше прощеніе;—я только осмѣливаюсь просить васъ, чтобы вы приказали мнѣ, что мнѣ дѣлать, гдѣ мнѣ жить?—Я, какъ рабыня, исполню ваше приказаніе, какое бы оно ни было.

— Мнѣ нечего вамъ приказывать, возразилъ тѣмъ же голосомъ Лаврецкій:—вы знаете—между нами все кончено... и теперь болѣе, чѣмъ когда нибудь.—Вы можете жить, гдѣ вамъ угодно;—и если вамъ мало вашей пенсіи...

— Ахъ, не говорите такихъ ужасныхъ словъ,—перебила его Варвара Павловна:—пощадите меня, хотя... хотя ради этого ангела... И, сказавши эти слова, Варвара Павловна стремительно выбѣжала въ другую комнату и тотчасъ же вернулась съ маленькой, очень изящно одѣтой дѣвочкой на рукахъ. Крупныя, русыя кудри падали ей на хорошенькое румяное личико, на большіе, черные, заспанные глаза; она и улыбалась, и щурилась отъ огня, и упиралась пухлой ручонкой въ шею матери.

— Ada, vois, c'est ton père,—проговорила Варвара Павловна, отводя отъ ея глазъ кудри и крѣпко цѣлуя ея:—prie le avec moi.

— C'est ça, papa,—залепетала дѣвочка, картавя.

— Oui, mon enfant, n'est ce pas, que tu l'aimes?

Но тутъ сталo не въ мочь Лаврецкому.

— Въ какомъ это мелодрамѣ есть совершенно такая сцена? —пробормоталъ онъ и вышелъ вонъ.

Варвара Павловна постояла нѣкоторое время на мѣстѣ, слегка повела плечами, отнесла дѣвочку въ другую комнату, раздѣла и уложила ее. Потомъ она достала книжку, сѣла у лампы, подождала около часу и, наконецъ, сама легла въ постель.

— Eh bien, madame?—спросила служанка, француженка, вывезенная ею изъ Парижа, снимая съ нея корсетъ.

— Eh bien, Justine.—возразила она;— онъ очень постарѣлъ, но, мнѣ кажется, онъ все такой же добрякъ.—Подайте мнѣ перчатки на ночь, приготовьте къ завтрашнему дню сѣрое платье до верху; да не забудьте бараньихъ котлетъ для Аѳи... Франца, ихъ здѣсь трудно найти; но надо постараться.

— A la guerre, comme à la guerre.—возразила Жюстина и загасила свѣчку.

XXXVII.

Болѣе двухъ часовъ скитался Лаврецкій по улицамъ города. Пришла ему на память ночь, проведенная въ окрестностяхъ Парижа. Сердце у него надрывалось, и въ головѣ, пустой и словно оглушенной, кружились все одни и тѣ же мысли, темныя, вздорныя, злыя. „Она жива, она здѣсь", шепталъ онъ съ постоянно возраждавшимся изумленіемъ. Онъ чувствовалъ, что потерялъ Лизу. Ревность его душила; слишкомъ внезапно поразилъ его этотъ ударъ. Какъ могъ онъ такъ легко повѣрить вздорной болтовнѣ фешенебля, лоскуту бумаги? „Ну, я бы не повѣрилъ, подумалъ онъ;— какая была бы разница? Я бы не зналъ, что Лиза меня любитъ: она сама бы этого не знала". Онъ не могъ отогнать

отъ себя образа, голоса, взоровъ своей жены... и онъ проклиналъ себя, проклиналъ все на свѣтѣ.

Измученный, пришелъ онъ передъ утромъ къ Лемму. Долго онъ не могъ достучаться; наконецъ, въ окнѣ показалась голова старика въ колпакѣ, кислая, сморщенная, уже нисколько не похожая на ту вдохновенно-суровую голову, которая, двадцать-четыре часа тому назадъ, со всей высоты своего художническаго величія царски глянула на Лаврецкаго.

— Что вамъ надо? — спросилъ Леммъ: — я не могу каждую ночь играть, я декоктъ принялъ. — Но, видно, лицо у Лаврецкаго было очень странно: старикъ сдѣлалъ себѣ изъ руки надъ глазами козырекъ, вглядѣлся въ своего ночного посѣтителя и впустилъ его.

Лаврецкій вошелъ въ комнату и опустился на стулъ; старикъ остановился передъ нимъ, запахнувъ полы своего пестраго, дряхлаго халата, ёжась и жуя губами.

— Моя жена пріѣхала, — проговорилъ Лаврецкій, поднялъ голову и вдругъ самъ невольно разсмѣялся.

Лицо Лемма выразило изумленіе, но онъ даже не улыбнулся, только крѣпче завернулся въ халатъ.

— Вѣдь вы не знаете, — продолжалъ Лаврецкій: — я воображалъ... я прочелъ въ газетѣ, что ея уже нѣтъ на свѣтѣ.

— О-о, это вы недавно прочли? — спросилъ Леммъ.

— Недавно.

— О-о, — повторилъ старикъ и высоко поднялъ брови. — И она пріѣхала.

— Пріѣхала. Она теперь у меня: а я... я несчастный человѣкъ.

И онъ опять усмѣхнулся.

— Вы несчастный человѣкъ, — медленно повторилъ Леммъ.

— Христофоръ Ѳедорычъ, — началъ Лаврецкій: — возьметесь вы доставить записку?

— Гмъ. Можно узнать, кому?

— Лизав...

— А.—да, да, понимаю. Хорошо. А когда нужно будетъ доставить записку?

— Завтра, какъ можно раньше.

— Гмъ. Можно послать Катрин, мою кухарку. Нѣтъ, я самъ пойду.

— И принесете мнѣ отвѣтъ?

— Принесу отвѣтъ.

Леммъ вздохнулъ.

— Да, мой бѣдный молодой другъ; вы, точно,—несчастный молодой человѣкъ.

Лаврецкій написалъ два слова Лизѣ: онъ извѣстилъ ее о пріѣздѣ жены, просилъ ее назначить ему свиданіе,—и бросился на узенькій диванъ, лицомъ къ стѣнѣ; а старикъ легъ на постель и долго ворочался, кашляя и отпивая глотками свой декоктъ.

Настало утро; оба они поднялись. Страннымъ глазами поглядѣли они другъ на друга. Лаврецкому хотѣлось въ этотъ мигъ убить себя. Кухарка Катрин принесла имъ скверную кофе. Пробило восемь часовъ. Леммъ надѣлъ шляпу и, сказавши, что урокъ онъ даетъ у Калитиныхъ въ десять часовъ, но что найдетъ приличный предлогъ, отправился. Лаврецкій опять бросился на диванчикъ и опять со дна его души зашевелился горестный смѣхъ. Онъ думалъ о томъ, какъ жена выгнала его изъ дому; онъ представлялъ себѣ положеніе Лизы, закрывалъ глаза и закидывалъ руки за голову. Наконецъ Леммъ вернулся и принесъ ему клочокъ бумаги, на которомъ Лиза начертила карандашомъ слѣдующія слова: „Мы сегодня не можемъ видѣться; можетъ быть—завтра вечеромъ. Прощайте". Лаврецкій сухо и разсѣянно поблагодарилъ Лемма и пошелъ къ себѣ домой.

Онъ засталъ жену за завтракомъ; Ада, вся въ букляхъ,

въ бѣленькомъ платьицѣ съ голубыми ленточками, кушала баранью котлетку. Варвара Павловна тотчасъ встала, какъ только Лаврецкій вошелъ въ комнату, и съ покорностью на лицѣ подошла къ нему. Онъ попросилъ ее послѣдовать за нимъ въ кабинетъ, заперъ за собою дверь и началъ ходить взадъ и впередъ; она сѣла, скромно положила одну руку на другую и принялась слѣдить за нимъ своими, все еще прекрасными, хотя слегка подрисованными, глазами.

Лаврецкій долго не могъ заговорить: онъ чувствовалъ, что не владѣлъ собою; онъ видѣлъ ясно, что Варвара Павловна нисколько его не боялась, а показывала видъ, что вотъ сейчасъ въ обморокъ упадетъ.

— Послушайте, сударыня,—началъ онъ наконецъ, тяжело дыша и по временамъ стискивая зубы:—намъ нечего притворяться другъ передъ другомъ; я вашему раскаянію не вѣрю; да еслибы оно и было искренно, сойтись снова съ вами, жить съ вами мнѣ невозможно.

Варвара Павловна сжала губы и прищурилась. „Это отвращеніе—подумала она: — конечно! я для него даже не женщина“.

— Невозможно,—повторилъ Лаврецкій и застегнулся до верху.—Я не знаю, зачѣмъ вамъ угодно было пожаловать сюда: вѣроятно, у васъ денегъ больше не стало.

— Увы! вы оскорбляете меня,—прошептала Варвара Павловна.

— Какъ бы то ни было—вы, все-таки, къ сожалѣнію, моя жена. Не могу же я васъ прогнать... и вотъ что я вамъ предлагаю. Вы можете сегодня же, если угодно отправиться въ Лаврики, живите тамъ; тамъ, вы знаете, хорошій домъ вы будете получать все нужное, сверхъ пенсіи.... Согласны вы?

Варвара Павловна поднесла вышитый платокъ къ лицу.

— Я вамъ уже сказала—промолвила она, нервически подергивая губами:—что я на все буду согласна, что бы вамъ

ни угодно было сдѣлать со мной: на этотъ разъ остается мнѣ спросить у васъ: позволите ли вы мнѣ, по крайней мѣрѣ, поблагодарить васъ за ваше великодушіе?

— Безъ благодарности, прошу васъ, такъ лучше,— поспѣшно проговорилъ Лаврецкій.—Стало быть,—продолжалъ онъ, приближаясь къ двери:—я могу разсчитывать....

— Завтра же я буду въ Лаврикахъ,—промолвила Варвара Павловна, почтительно поднимаясь съ мѣста.—Но, Осдоръ Иванычъ.... (Осдоромъ она его больше не называла).

— Что вамъ угодно?

—Я знаю, я еще ничѣмъ не заслужила своего прощенія: могу ли я надѣяться, по крайней мѣрѣ, что согрѣшеніе....

— Охъ, Варвара Павловна,—перебилъ ее Лаврецкій:—вы умная женщина, да вѣдь и я не дуракъ, я знаю, что это-го вамъ совсѣмъ не нужно. А я давно васъ простилъ; но между нами всегда была бездна.

— Я съумѣю покориться,—возразила Варвара Павловна и склонила голову.— Я не забыла своей вины; я бы не удивилась, еслибы узнала, что вы даже обращались извѣстію о моей смерти,—кротко прибавила она, слегка указывая рукой на лежавшій на столѣ, забытый Лаврецкимъ, нумеръ журнала.

Осдоръ Иванычъ дрогнулъ: фельетонъ былъ отмѣченъ карандашомъ. Варвара Павловна еще съ больнымъ уничиженіемъ посмотрѣла на него. Она была очень хороша въ это мгновеніе. Сброе парижское платье строило охватывало ея гибкій, почти семнадцати-лѣтній станъ, ея тонкая, нѣжная шея, окруженная бѣлымъ горетничкомъ, ровно дышавшая грудь, руки безъ браслетовъ и колецъ,—вся ея фигура, отъ лоснистыхъ волосъ до кончика едва выставленной ботинки, была такъ изящна....

Лаврецкій окинулъ ее злобнымъ взглядомъ, чуть не во-

сликнулъ: „brava!“ чуть не ударилъ ее кулакомъ по темени —и удалился. Часъ спустя, онъ уже отправился въ Васильевское, а два часа спустя, Варвара Павловна велѣла нанять себѣ лучшую карету въ городѣ, надѣла простую соломенную шляпу съ чернымъ вуалемъ и скромную мантилью, поручила Лизу Жюстинѣ, и отправилась къ Калитинымъ: изъ разспросовъ, сдѣланныхъ ею прислугѣ, она узнала, что мужъ ея ѣздилъ къ нимъ каждый день.

XXXVIII.

День пріѣзда жены Лаврецкаго въ городъ О..... невеселый для него день, былъ также тягостнымъ днемъ для Лизы. Не успѣла она сойти внизъ и поздороваться съ матерью, какъ уже подъ окномъ раздался конскій топотъ, и она съ тайнымъ страхомъ увидѣла Паншина, въѣзжавшаго на дворъ: „Онъ явился такъ рано для окончательнаго объясненія“,—подумала она—и не обманулась; повертѣвшись въ гостиной, онъ предложилъ ей пойти съ нимъ въ садъ и потребовалъ рѣшенія своей участи. Лиза собралась съ духомъ и объявила ему, что не можетъ быть его женой. Онъ выслушалъ ее до конца, стоя къ ней бокомъ и надвинувъ на лобъ шляпу; вѣжливо, но измѣненнымъ голосомъ спросилъ ее: послѣднее ли это ея слово, и не подалъ-ли онъ чѣмъ-нибудь повода къ подобной перемѣнѣ въ ея мысляхъ? потомъ прижалъ руку къ глазамъ, коротко и отрывисто вздохнулъ и отдернулъ руку отъ лица.

— Я не хотѣлъ пойти по избитой дорогѣ,—проговорилъ онъ глухо,—я хотѣлъ найти подругу по влеченію сердца; но, видно, этому не должно быть. Прощай, мечта!—Онъ глубоко поклонился Лизѣ и вернулся въ домъ.

Она надѣялась, что онъ тотчасъ же уѣдетъ; но онъ пошелъ въ кабинетъ къ Маріѣ Дмитріевнѣ и около часа просидѣлъ у нея. Уходя, онъ сказалъ Лизѣ: votre mère vous

appelle; adieu à jamais.... сѣлъ на лошадь и отъ самаго крыльца поскакалъ во всю прыть. Лиза вошла къ Маріѣ Дмитріевнѣ и застала ее въ слезахъ: Нашинъ сообщилъ ей свое несчастіе.

— За что ты меня убила? За что ты меня убила? —такъ начала свои жалобы огорченная вдова.—Кого тебѣ еще нужно? Чѣмъ онъ тебѣ не мужъ? Камеръ-юнкеръ! не интересанъ! Онъ въ Петербургѣ на любой фрейлинѣ могъ бы жениться. А я-то, я-то надѣялась! И давно ли къ нему измѣнилась? Откуда эта туча надута,—не сама собой пришла! Ужъ не тотъ ли фофанъ? Вотъ нашла совѣтчика!

— А онъ-то, мой голубчикъ, —продолжала Марья Дмитріевна:—какъ онъ почтителенъ, въ самой печали какъ внимателенъ! Обѣщался не оставлять меня. Ахъ, я этого не перенесу! Ахъ, у меня голова смертельно разболѣлась. Пошли ко мнѣ Палашу. Ты убьешь меня, если не одумаешься, —слышишь? И, назвавъ ее раза два неблагодарною, Марья Дмитріевна услала Лизу.

Она отправилась въ свою комнату. Но не успѣла она еще отдохнуть отъ объясненія съ Нашинымъ и съ матерью, какъ на нее опять обрушилась гроза, и съ такой стороны откуда она меньше всего ее ожидала. Марѳа Тимоѳеевна вошла къ ней въ комнату и тотчасъ захлопнула за собою дверь. Лицо старушки было блѣдно, чепецъ сидѣлъ на боку, глаза ея блестѣли, руки, губы дрожали. Лиза изумилась: она никогда еще не видала своей умной и разсудительной тетки въ такомъ состояніи.

— Прекрасно, сударыня,—начала Марѳа Тимоѳеевна трепетнымъ и прерывистымъ шепотомъ:—прекрасно! У кого ты это только выучилась, мать моя?... Дай мнѣ воды; я говорить не могу.

— Успокойтесь, тетушка; что съ вами?—говорила Лиза, подавая ей стаканъ воды.—Вѣдь вы сами, кажется, не жаловали г-на Нашинна.

Марѳа Тимоѳеевна отставила стаканъ.

— Нить не могу: зубы себѣ послѣдніе выбью. Какой тутъ Наншинъ? Къ чему тутъ Наншинъ? А ты лучше мнѣ скажи, кто тебя научилъ свиданія по ночамъ назначать— а? мать моя?

Лиза поблѣднѣла.

— Ты, пожалуйста, не вздумай отговариваться,—продолжала Марѳа Тимоѳеевна.—Шурочка сама все видѣла и мнѣ сказала. Я ей запретила болтать, а она не солжетъ.

— Я и не отговариваюсь, тетушка,—чуть слышно промолвила Лиза.

— А, а! Такъ вотъ какъ, мать моя; ты свиданіе ему назначила, этому старому грѣховоднику, смиренному этому?

— Нѣтъ.

— Какъ же такъ?

— Я сошла внизъ, въ гостиную, за книжкой; онъ былъ въ саду—и позвалъ меня.

— И ты пошла? Прекрасно. Да ты любишь его, что-ли?

— Люблю,—отвѣчала тихимъ голосомъ Лиза.

— Матушки мои! она его любитъ!—Марѳа Тимоѳеевна сдернула съ себя чепецъ.—Женатаго человѣка любить! а? любить!

— Онъ мнѣ сказывалъ,—начала Лиза...

— Что онъ тебѣ сказывалъ, соколикъ этакой, что-о?

— Онъ мнѣ сказывалъ, что жена его скончалась.

Марѳа Тимоѳеевна перекрестилась.—Царство ей небесное, — проценгала она:—пустая была бабенка—не тѣмъ будь помянута. Вотъ какъ: вдовый онъ, стало быть. Да онъ, я вижу, на всѣ руки. Одну жену уморилъ, да и за другую. Каковъ тихоня? Только вотъ что скажу тебѣ, племянница: въ наши времена, какъ я молода была, дѣвкамъ за такія продѣлки больно доставалось. Ты не сердись на меня, мать моя: за правду одни дураки сердятся. Я и отказать ему велѣла сегодня. Я его люблю, но этого я ему никогда не про-

ду. Вишь, вдовый! Дай-ка мнѣ воды... А что ты Наташка съ носомъ отослала, за это ты у меня молодецъ; только не сиди ты по ночамъ съ этой козьей породой, съ мужчинами; не сокрушай ты меня старуху! А то вѣдь я не все лакаться—я и кусаться умѣю... Вдовый!

Марфа Тимофеевна ушла, а Лиза сѣла въ уголокъ и заплакала. Горько ей стало на душѣ; не заслужила она такого униженья. Не веселостью сказывалась ей любовь: во второй разъ плакала она со вчерашняго вечера. Въ ея сердцѣ съ тѣла только родилось то новое, нежданное чувство, и уже какъ тяжело помялась она за него, какъ грубо коснулись чужія руки ея завѣтной тайны! Стыдно, и горько, и больно было ей; но ни сомнѣнья, ни страха въ ней не было.—И Лаврецкій сталъ ей еще дороже. Она колебалась, пока сама себя не понимала; но послѣ того свиданія, послѣ того поцѣлуя—она уже колебаться не могла; она знала, что любитъ,—и полюбила честно, не шутя, привязалась крѣпко, на всю жизнь—и не боялась угрозъ; она чувствовала, что насилію не расторгнуть этой связи.

XXXIX.

Марья Дмитріевна очень встревожилась, когда ей доложили о пріѣздѣ Варвары Павловны Лаврецкой; она даже не знала—принять ли ее: она боялась оскорбить Федора Ивановича. Наконецъ, любопытство превозмогло. Что-жъ?—подумала она,—вѣдь она тоже родная,—и, усѣвшись въ креслахъ, сказала лакею: проси! Прошло нѣсколько мгновеній: дверь отворилась; Варвара Павловна быстро, чуть слышными шагами приблизилась къ Марьѣ Дмитріевнѣ и, не давая ей встать съ кресель, почти склонила передъ ней колѣни.

— Благодарствуйте, тетушка,—начала она тронутымъ и тихимъ голосомъ по-русски:—благодарствуйте; я не надѣялась на такое снисхожденье съ вашей стороны; вы добры, какъ ангелъ.

Сказавши эти слова, Варвара Павловна неожиданно овладѣла одной рукой Марьи Дмитріевны и, слегка стиснувъ ее въ своихъ бѣдно-лиловыхъ перчаткахъ, подобострастно поднесла ее къ розовымъ и полнымъ губамъ. Марья Дмитріевна совсѣмъ потерялась, увидѣвъ такую красивую, прелестно-одѣтую женщину почти у ногъ своихъ; она не знала, какъ ей быть: и руку-то свою она у ней отнять хотѣла, и усадить-то ее она желала, и сказать ей что нибудь ласковое; она кончила тѣмъ, что приподнялась и поцѣловала Варвару Павловну въ гладкій и пахучій лобъ. Варвара Павловна вся сомлѣла подъ этимъ поцѣлуемъ.

— Здравствуйте, bonjour, — сказала Марья Дмитріевна: — конечно, я не воображала... впрочемъ, я, конечно, рада васъ видѣть. Вы понимаете, милая моя, — не мнѣ быть судьею между женой и мужемъ.

— Мой мужъ во всемъ правъ, — перебила ее Варвара Павловна: — я одна виновата.

— Это очень похвальныя чувства, — возразила Марья Дмитріевна: — очень. Давно вы пріѣхали? Видѣли вы его? Да сядьте же, пожалуйста.

— Я вчера пріѣхала, — отвѣчала Варвара Павловна, смиренно садясь на стулъ; я видѣла Осдора Иваныча, я говорила съ нимъ.

— А! Ну, и что же онъ?

— Я боялась, что мой внезапный пріѣздъ возбудитъ его гнѣвъ, — продолжала Варвара Павловна: — но онъ не лишилъ меня своего присутствія.

— То-есть, онъ не... Да, да, понимаю, — промолвила Марья Дмитріевна. Онъ только съ виду немного грубъ, а сердце у него мягкое.

— Осдоръ Иванычъ не простилъ меня; онъ не хотѣлъ меня выслушать... Но онъ былъ такъ добръ, что назначилъ мнѣ Лаврики мѣстомъ жительства.

— А! прекрасное имѣніе!

— Я завтра же отправляюсь туда, въ исполненіе его воли; но я почла долгомъ побывать прежде у васъ.

— Очень, очень вамъ благодарна, моя милая. Родныхъ никогда забывать не слѣдуетъ. А знаете ли, я удивляюсь, какъ вы хорошо говорите по-русски. C'est étonnant.

Варвара Павловна вздохнула.

— Я слишкомъ долго пробыла за границей. Марья Дмитріевна, я это знаю; но сердце у меня всегда было русское, и я не забывала своего отечества.

— Такъ, такъ; это лучше всего. Федоръ Иванычъ васъ, однако, вовсе не ожидалъ... Да; повѣрьте моей опытности: la patrie avant tout. Ахъ, покажите, пожалуйста, что это у васъ за прелестная мантилья?

— Вамъ она нравится?—Варвара Павловна проворно спустила ее съ плечъ.—Она очень простенькая, отъ madame Baudran.

— Это сейчасъ видно. Отъ madame Baudran... Какъ мило и съ какимъ вкусомъ! Я увѣрена, вы привезли съ собой множество восхитительныхъ вещей. Я бы хоть посмотрѣла.

— Весь мой туалетъ къ вашимъ услугамъ, любезнѣйшая тетушка. Если позволите, я могу кое-что показать ранѣе камеристкѣ. Со мной служанка изъ Парижа,—удивительная швея.

— Вы очень добры, моя милая. Но, право, мнѣ совѣстно.

— Совѣстно...—повторила съ упрекомъ Варвара Павловна.—Хотите вы меня осчастливить—распоряжайтесь мною, какъ вашей собственностью.

Марья Дмитріевна растаяла.

— Vous êtes charmante,—проговорила она.—Да что же вы не снимаете вашу шляпу, перчатки?

— Какъ? вы позволяете?—спросила Варвара Павловна и слегка, какъ бы съ умиленьемъ, сложила руки.

— Разумѣется; гдѣ вы обѣдаете съ нами, я надѣюсь.

Я... я васъ познакомлю съ моей дочерью. — Марья Дмитріевна немного смутилась. „Ну! куда ни шло!" —подумала она. —Она сегодня что-то нездорова у меня.

— O, ma tante, какъ вы добры! —воскликнула Варвара Павловна и поднесла платокъ къ глазамъ.

Казачекъ доложилъ о приходѣ Гедеоновскаго. Старый болтунъ вошелъ, отвѣшивая поклоны и ухмыляясь. Марья Дмитріевна представила его своей гостьѣ. Онъ сперва-было сконфузился; но Варвара Павловна такъ кокетливо-почтительно обошлась съ нимъ, что у него уши разгорѣлись, и выдумки, сплетни, любезности медомъ потекли съ его устъ. Варвара Павловна слушала его, сдержанно улыбалась и сама понемногу разговорилась. Она скромно разсказывала о Парижѣ, о своихъ путешествіяхъ, о Баденѣ; раза два размѣнила Марью Дмитріевну и всякій разъ потомъ слегка вздыхала и какъ будто мысленно упрекала себя въ неумѣстной веселости; выпросила позволеніе привести Лизу; снѣяла перчатки, показывала своими гладкими, вымытыми мыломъ à la guimauve руками, какъ и гдѣ носятся воланы, рюши, кружева, шу; обѣщалась принести стклянку съ новыми англійскими духами: Victoria's Essence, и обрадовалась, какъ дитя, когда Марья Дмитріевна согласилась принять ее въ подарокъ; вскрикнула при воспоминаніи о томъ, какое чувство она испытала, когда въ первый разъ услыхала русскіе колокола: „такъ глубоко поразили они меня въ самое сердце", —промолвила она.

Въ это мгновеніе вошла Лиза.

Съ утра, съ самой той минуты, когда она, вся похолодѣвъ отъ ужаса, прочла записку Лаврецкаго, Лиза готовилась къ встрѣчѣ съ его женою; она предчувствовала, что увидитъ ее. Она рѣшилась не избѣгать ея, въ наказаніе своимъ, какъ она называла ихъ, преступнымъ надеждамъ. Внезапный переломъ въ ея судьбѣ потрясъ ее до основанія; въ два какихъ-нибудь часа ея лицо похудѣло; но она и слезинки

не проронила. „Но дѣломъ!“ — говорила она самой себѣ, съ трудомъ и волненіемъ подавляя въ душѣ какіе-то горькіе, злые, ее самое пугавшіе порывы. — „Ну, надо идти!“ — подумала она, какъ только узнала о пріѣздѣ Лаврецкой, и она вошла... Долго стояла она передъ дверью гостиной, прежде чѣмъ рѣшилась отворить ее; съ мыслью: „я передъ нею виновата“ — переступила она порогъ и заставила себя посмотрѣть на нее, заставила себя улыбнуться. Варвара Павловна пошла ей на встрѣчу, какъ только увидала ее, и склонилась передъ ней слегка, но все-таки почтительно. — Позвольте мнѣ рекомендовать себя, заговорила она вкрадчивымъ голосомъ: — ваша maman такъ снисходительна ко мнѣ, что я надѣюсь, что и вы будете... добры. Выраженіе лица Варвары Павловны, когда она сказала это послѣднее слово, ея хитрая улыбка, холодный и въ то же время мягкій взглядъ, движеніе ея рукъ и плечей, самое ея платье, все ея существо возбуждали такое чувство отвращенія въ Лизѣ, что она ничего не могла ей отвѣтить, и черезъ силу протянула ей руку. „Эта барынина брезгаетъ мною“, — подумала Варвара Павловна, крѣпко стискивая холодные пальцы Лизы, и, обернувшись къ Маръѣ Дмитріевнѣ, промолвила вполголоса: mais elle est délicieuse! Лиза слабо вспыхнула: насмѣшка, общая послышалась ей въ этомъ восклицаніи; но она рѣшилась не вѣрить своимъ впечатлѣніямъ и сѣла къ окну, за пяльцы. Варвара Павловна и тутъ не оставила ее въ покоѣ: подошла къ ней, начала хвалить ея вкусъ, ея искусство... Сильно и болѣзненно забилось сердце у Лизы: она едва переломила себя, едва усидѣла на мѣстѣ. Ей казалось, что Варвара Павловна все знаетъ и, тайно торжествуя, подтруниваетъ надъ ней. Къ счастью ея, Гедеоновскій заговорилъ съ Варварой Павловной и отвлекъ ея вниманіе. Лиза склонилась надъ пяльцами и украдкой наблюдала за нею. „Эту женщину, — думала она, — любилъ *онъ*“. Но она тотчасъ же изгнала изъ головы самую мысль о Лаврецкомъ;

она боялась потерять власть надъ собой, она чувствовала, что голова у ней тихо кружилась. Марья Дмитріевна заговорила о музыкѣ.

— Я слышала, моя милая, — начала она: — вы удивительная виртуозка.

— Я давно не играла, — возразила Варвара Павловна, немедленно садясь за фортепіано, и бойко пробѣжала пальцами по клавишамъ. — Прикажете?

— Сдѣлайте одолженіе.

Варвара Павловна мастерски сыграла блестящій и трудный этюдъ Герца. У ней было очень много силы и проворства.

— Сильфида! — воскликнулъ Гедеоновскій.

— Необыкновенно! — подтвердила Марья Дмитріевна. — Ну, Варвара Павловна, признаюсь, — промолвила она, въ первый разъ называя ее по имени: — удивили вы меня; вамъ хоть бы концерты давать. Здѣсь у насъ есть музыкантъ, старикъ, изъ нѣмцевъ, чудакъ, очень ученый; онъ Лизѣ уроки даетъ; тотъ просто отъ васъ съ ума сойдетъ.

— Лизавета Михайловна тоже музыкантша? — спросила Варвара Павловна, слегка обернувъ къ ней голову.

— Да, она играетъ недурно и любитъ музыку; но что это значитъ передъ вами? Но здѣсь есть еще одинъ молодой человѣкъ: вотъ съ кѣмъ вы должны познакомиться. Это — артистъ въ душѣ и сочиняетъ премило. Онъ одинъ можетъ васъ вполнѣ оцѣнить.

— Молодой человѣкъ? — проговорила Варвара Павловна. — Кто онъ такой? Бѣдный какой-нибудь?

— Помилуйте, — первый кавалеръ у насъ, да не только у насъ — et à Pétersbourg. Камеръ-юнкеръ, въ лучшемъ обществѣ принятъ. Вы навѣрное слыхали о немъ. Наншинъ, Владиміръ Николаевичъ. Онъ здѣсь по казенному порученію... будущій министръ, помилуйте!

— И артистъ?

— Артистъ въ душѣ, и такой любезный. Вы его увидите. Онъ все это время очень часто у меня бывалъ; я пригласила его на сегодняшній вечеръ; *надѣюсь*, что онъ пріѣдетъ,— прибавила Марья Дмитріевна съ коротким вздохомъ и косвенной горькой улыбкой.

Лиза поняла значеніе этой улыбки; но ей было не до того.

— И молодой?— повторила Варвара Павловна, слегка модулируя изъ тона въ тонъ.

— Двадцати-восьми лѣтъ— и самой счастливой наружности. Un jeune homme accompli, помилуйте.

— Образцовый, можно сказать, юноша,— замѣтилъ Гедеоновскій.

Варвара Павловна внезапно заиграла шумный Штраусовскій вальсъ, начавшійся такой сильной и быстрой трелью, что Гедеоновскій даже вздрогнулъ: въ самой серединѣ вальса она вдругъ перешла въ грустный мотивъ и кончила аріею изъ „Лучіи": Fra poco... Она сообразила, что веселая музыка нейдетъ къ ея положенію. Арія изъ „Лучіи", съ ударѣніемъ на чувствительныхъ нотахъ, очень растрогала Марью Дмитріевну.

— Какая душа,— проговорила она вполголоса Гедеоновскому.

— Сильфида!— повторилъ Гедеоновскій и поднялъ глаза къ небу.

Настала часъ обѣда. Марѳа Тимофеевна сошла сверху, когда уже супъ стоялъ на столѣ. Она очень сухо обошлась съ Варварой Павловной, отвѣчала полу-слогами на ея любезности, не глядѣла на нее. Варвара Павловна сама скоро поняла, что отъ этой старухи толку не добьешься, и перестала заговаривать съ нею; за то Марья Дмитріевна стала еще ласковѣе съ своей гостьей; невѣжливость тетки ее разсердила. Впрочемъ, Марѳа Тимофеевна не на одну Варвару Павловну не глядѣла: она и на Лизу не глядѣла хотя глаза такъ и блестѣли у ней. Она сидѣла, какъ каменная

вся желтая, бѣдная, съ сжатыми губами — и не ѣла ничего. Лиза казалась спокойной; и точно: у ней на душѣ тише стало; странная безчувственность, безчувственность осужденнаго напала на нее. За обѣдомъ Варвара Павловна говорила мало; она словно опять оробѣла и распространила по лицу своему выраженіе скромной меланхоліи. Одинъ Гедеоновскій оживлялъ бесѣду своими разсказами, хотя тотъ-дѣло трусливо посматривалъ на Марью Тимоѳеевну и перхалъ, — перхота нападала на него всякій разъ, когда онъ въ ея присутствіи собирался лгать, — но она ему не мѣшала, не перебивала его. Послѣ обѣда оказалось, что Варвара Павловна большая любительница преферанса; Марьѣ Дмитріевнѣ это до того понравилось, что она даже умилилась и подумала про себя: „какой же, однако, дуракъ долженъ быть Ѳедоръ Ивановичъ: не умѣлъ такую женщину понять!“

Она сѣла играть въ карты съ нею и Гедеоновскимъ, а Марѳа Тимоѳеевна увела Лизу къ себѣ на верхъ, сказавъ, что на ней лица нѣту, что у ней, должно быть, болитъ голова.

— Да у ней ужасно голова болитъ, — промолвила Марья Дмитріевна, обращаясь къ Варварѣ Павловнѣ, и закатила глаза. — У меня самой такія бываютъ мигрени...

— Скажите! — возразила Варвара Павловна.

Лиза вошла въ теткину комнату и въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Марѳа Тимоѳеевна долго, молча, смотрѣла на нее, тихонько стала передъ ней на колѣни — и начала все такъ же молча, цѣловать попеременно ея руки. Лиза поблѣднѣла, покраснѣла — и заплакала, но не подняла Марѳы Тимоѳеевны, не отняла своихъ рукъ: она чувствовала, что не имѣла права отнять ихъ, не имѣла права помѣшать старушкѣ выразить свое раскаяніе, участіе, испросить у ней прощеніе за вчерашнее; и Марѳа Тимоѳеевна не могла нацѣловаться этихъ бѣдныхъ, бѣдныхъ,

безсильныхъ рукъ — и безмолвныя слезы лились изъ ея глазъ и глазъ Лизы; а котъ Матросъ мурлыкалъ въ широкихъ креслахъ возлѣ клубка съ чулкомъ, продолговатое пламя лампадки чуть-чуть трогалось и шевелилось передъ иконой, — въ сосѣдней комнатѣ, за дверью, стояла Настасья Карповна и тоже украдкой утирала себѣ глаза стянутымъ въ клубочекъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ.

XI.

А между тѣмъ, внизу, въ гостиной, шелъ преферансъ: Марья Дмитріевна рѣнграла и была въ духѣ. Человѣкъ вошелъ и доложилъ о пріѣздѣ Нашкина.

Марья Дмитріевна уронила карты и завозилась на креслѣ: Варвара Павловна посмотрѣла на нее съ полуусмѣшкой, потомъ обратила взоры на дверь. Появился Нашкинъ, въ черномъ фракѣ, въ высокихъ англійскихъ воротничкахъ, застегнутый до верху. „Мнѣ было тяжело повиноваться; но вы видите, я пріѣхалъ“: вотъ что выражало его вспыхнувшееся, только-что выбритое лицо.

— Помилуйте, Вольдемаръ, — воскликнула Марья Дмитріевна: — прежде вы безъ доклада входили!

Нашкинъ отвѣтилъ Марьѣ Дмитріевнѣ однимъ только взглядомъ, вѣжливо поклонился ей, но въ ручку не поцѣловалъ. Она представила его Варварѣ Павловнѣ; онъ отступилъ на шагъ, поклонился ей такъ же вѣжливо, но съ оттѣнкомъ вниманія и уваженія, и пошелъ къ карточному столу. Преферансъ скоро кончился. Нашкинъ освѣдомился о Лизаветѣ Михайловнѣ, узналъ, что она не совсѣмъ здорова, изъявилъ сожалѣніе; потомъ онъ заговорилъ съ Варварой Павловной, дипломатически взвѣшивая и отчеканивая каждое слово, почтительно выслушивая ея отвѣты до конца. Но важность его дипломатическаго тона не гнѣтовала на

Варвару Павловну, не сообщалась ей. Напротивъ: она съ веселымъ вниманіемъ глядѣла ему въ лицо, говорила развязно, и тонкія ея ноздри слегка трепетали, какъ отъ сдержаннаго смѣха. Марья Дмитріевна начала превозносить его талантъ; Паншинъ учтиво, насколько позволяли ему воротнички, наклонилъ голову, объявилъ, что „онъ былъ въ этомъ заранѣе увѣренъ“—и завелъ рѣчь чуть ли не о самомъ Меттернихѣ. Варвара Павловна прищурила свои бархатные глаза и, сказавши въ полголоса: „да вѣдь вы тоже артистъ, un confrère“,—прибавила еще тише: „venez“!—и качнула головой въ сторону фортепіано. Это одно брошенное слово: venez! — мгновенно, какъ бы по волшебству, измѣнило всю наружность Паншина. Озабоченная осанка его исчезла; онъ улыбнулся, оживился, разстегнулъ фракъ и, повторяя: „какой я артистъ, увы! вотъ вы, я слышалъ, артистка истинная“ —направился вслѣдъ за Варварой Павловной къ фортепіано.

— Заставьте его спѣть романсъ: —какъ луна плыветъ,— воскликнула Марья Дмитріевна.

— Вы поете? —промолвила Варвара Павловна, озаривъ его съ ногъ до головы быстрымъ взоромъ.—Садитесь.

Паншинъ сталъ отговариваться.

— Садитесь, —повторила она, настойчиво постучавъ по спинкѣ стула.

Онъ сѣлъ, кашлянулъ, оттянулъ воротнички и спѣлъ свой романсъ.

— Charmant, —проговорила Варвара Павловна; — вы прекрасно поете, vous avez du style,—повторите.

Она обошла вокругъ фортепіано и стала прямо напротивъ Паншина. Онъ повторилъ романсъ, придавая мелодраматическое дрожаніе своему голосу. Варвара Павловна пристально глядѣла на него, облокотясь на фортепіано и держа свои бѣлыя руки въ уровень своихъ губъ. Паншинъ кончилъ.

— Charmant, charmante idée! — сказала она съ покорной увѣренностью знатока.—Скажите, вы написали что-нибудь для женскаго голоса, для mezzo-soprano?

— Я почти ничего не пишу,—возразилъ Нашшинъ;—я вѣдь это только такъ, между дѣломъ... а развѣ вы поете?

— Пою.

— О! спойте намъ что-нибудь,—проговорила Марья Дмитріевна.

Варвара Павловна отвела рукою волосы отъ загорѣвшихся щекъ и встряхнула головой.

— Наши голоса должны идти другъ къ другу,—промолвила она, обращаясь къ Нашшину:—споемте дуэтъ. Знаете ли вы: Son geloso, или La ci darem, или Mira la bianca luna?

— Я пѣлъ, когда-то Mira la bianca luna,—отвѣчалъ Нашшинъ:—да давно, забылъ.

— Ничего, мы проречитируемъ въ полголоса. Пустите меня.

Варвара Павловна сѣла за фортепіано. Нашшинъ сталъ возлѣ нея. Они спѣли въ полголоса дуэтъ, причемъ Варвара Павловна нѣсколько разъ его поправляла, потомъ спѣли громко, потомъ два раза повторили: Mira la bianca lu... и .. на. Голосъ у Варвары Павловны утратилъ свѣжесть, но она владѣла имъ очень ловко. Нашшинъ сперва робѣлъ и слегка фальшивилъ, потомъ войдя въ азартъ, и если и пѣлъ не безукоризненно, то шевелилъ плечами, покачивалъ всѣмъ туловищемъ и поднималъ по временамъ руку, какъ настоящій пѣвецъ. Варвара Павловна сыграла двѣ-три Тальбергскія вещицы и бойко „сказала" французскую аріетку. Марья Дмитріевна уже не знала, какъ выразить свое удовольствіе; она хотѣла нѣсколько разъ послать за Лизой; Гедеоновскій также не находилъ словъ и только головой качалъ,—но вдругъ неожиданно зѣвнулъ и

едва успѣлъ прикрыть ротъ рукою. Звукъ этотъ не ускользнулъ отъ Варвары Павловны; она вдругъ повернулась спиной къ фортепіано, промолвила: „assez de musique comme ça: будемъ болтать“, — и скрестила руки: „Oui, assez de musique“, — весело повторилъ Лаптинъ — и завязалъ съ ней разговоръ — бойкій, легкій, на французскомъ языкѣ. „Совершенно, какъ въ лучшемъ парижскомъ салонѣ“, — думала Марья Дмитріевна, слушая ихъ увлончивыя и вертлявыя рѣчи. Лаптинъ чувствовалъ полное удовольствіе; глаза его сіяли, онъ улыбался: сначала онъ проводилъ рукой по лицу, нахмурилъ брови и отрывисто вздыхалъ, когда ему случалось встрѣтиться взглядами съ Марьей Дмитріевной; но потомъ онъ совсѣмъ забылъ о ней и отдался весь наслажденію полу-свѣтской, полу-художественной болтовни. Варвара Павловна показывала себя большой философкой: на все у ней являлся готовый отвѣтъ, она ни надъ чѣмъ не колебалась, ни сомнѣвалась ни въ чемъ; замѣтно было, что она много и часто бесѣдовала съ умными людьми разныхъ разборовъ. Всѣ ея мысли, чувства вращались около Парижа. Лаптинъ навелъ разговоръ на литературу: оказалось, что она, такъ же, какъ и онъ, читала онъ французскія книжки: Жоржъ Сандъ приводила ее въ негодованіе, Бальзака она уважала, хотя онъ ее утомлялъ, въ Сю и Скрибѣ видѣла великихъ геніевъ, обожала Дюма и Феваля; въ душѣ она имъ всѣмъ предпочитала Поль-де Кока, но, разумѣется, даже имени его не упомянула. Собственно говоря, литература ее не слишкомъ занимала. Варвара Павловна очень искусно избѣгала всего, что могло хотя отдаленно напомнить ей положеніе: о любви въ ея рѣчахъ и помину не было: напротивъ, онъ скорѣе отзывались строгостью къ увлеченіямъ страстей, разочарованьемъ, смиреніемъ. Лаптинъ возражалъ ей; она съ нимъ не соглашалась... но, странное дѣло! — въ то самое время какъ изъ устъ ея исходили слова осужденія, часто суроваго, звукъ этихъ словъ ласкалъ и нѣжилъ, и глаза ея го-

ворили.... что́ именно говорили эти прелестные глаза,— трудно было сказать; но то были не строгія, не ясныя и сладкія рѣчи. Наннинъ старался понять ихъ тайный смыслъ, старался самъ говорить глазами, но онъ чувствовалъ, что у него ничего не выходило; онъ сознавалъ, что Варвара Павловна, въ качествѣ настоящей, заграничной львицы, стояла выше его, а потому онъ не вполнѣ владѣлъ собою. У Варвары Павловны была привычка во время разговора чуть-чуть касаться рукава своего собесѣдника; эти мгновенныя прикосновенія очень волновали Владиміра Николаича. Варвара Павловна обладала умѣньемъ легко сходиться со всякимъ; двухъ часовъ не прошло, какъ уже Наннину казалось, что онъ знаетъ ее вѣкъ, а Лиза, та самая Лиза, которую онъ все таки любилъ, которой онъ наканунѣ предлагалъ руку — исчезла какъ бы въ туманѣ. Попили чаю; разговоръ сталъ еще непринужденнѣе. Марья Дмитріевна потчевала казачка и велѣла сказать Лизѣ, чтобы она сошла внизъ, если ея головѣ стало легче. Наннинъ, услышавъ имя Лизы, пустился толковать о самопожертвованіи, о томъ, кто болѣе способенъ на жертвы — мужчина или женщина. Марья Дмитріевна тотчасъ пришла въ волненіе, начала утверждать, что женщина болѣе способна, объявила, что она это въ двухъ слогахъ докажетъ, запуталась и кончила какимъ-то довольно неудачнымъ сравненіемъ. Варвара Павловна взяла тетрадь нотъ, до половины закрылась ею и, нагнувшись въ сторону Наннина, покусывая бисквитъ, съ спокойной улыбочкой на губахъ и во взорѣ, вполголоса промолвила: „elle n'a pas inventé la poudre, la bonne dame". Наннинъ немножко испугался и удивился смѣлости Варвары Павловны; но онъ не понялъ, сколько презрѣнія къ нему самому таилось въ этомъ неожиданномъ замѣчаніи, и, позабывъ ласки и преданность Марьи Дмитріевны, позабывъ обѣды, которыми она его кормила, деньги, которыя она ему давала взаймы,—онъ съ той же улыбочкой и тѣмъ же голосомъ под-

разилъ (несчастный!): „je crois bien“ —и даже не: „je crois bien“, а—„j'crois ben!“

Варвара Павловна бросила на него дружелюбный взглядъ и встала. Лиза вошла; Марѳа Тимоѳеевна напрасно ее удерживала: она рѣшилась выдержать испытаніе до конца. Варвара Павловна пошла ей навстрѣчу вмѣстѣ съ Паншинымъ, на лицѣ котораго появилось прежнее дипломатическое выраженіе.

— Какъ ваше здоровье? —спросилъ онъ Лизу.

— Мнѣ лучше теперь, благодарствуйте,—отвѣчала она.

— А мы здѣсь немного занялись музыкой: жаль, что вы не слыхали Варвары Павловны. Она поетъ превосходно, un artiste consommee.

— Поцѣлуйте-ка сюда, ma chère,—раздался голосъ Марьи Дмитріевны.

Варвара Павловна тотчасъ, съ покорностью ребенка, подошла къ ней и присѣла на небольшой табуретъ у ея ногъ. Марья Дмитріевна позвала ее для того, чтобы оставить, хотя на мгновенье, свою дочь наединѣ съ Паншинымъ: она все еще гнѣвалась, что та опомнится. Кромѣ того, ей въ голову пришла мысль, которую ей непремѣнно захотѣлось тотчасъ высказать.

— Знаете ли,—шепнула она Варварѣ Павловнѣ: —я хочу попытаться помирить васъ съ вашимъ мужемъ; не отвѣчаю за успѣхъ, но попытаюсь. Онъ меня, вы знаете, очень уважаетъ.

Варвара Павловна медленно подняла глаза на Марью Дмитріевну и красиво сложила руки.

— Вы были бы моей спасительницей, ma tante,—проговорила она печальнымъ голосомъ:—я не знаю, какъ благодарить васъ за всѣ ваши ласки; но я слишкомъ виновата передъ Өедоромъ Ивановичемъ; онъ простить меня не можетъ.

— Да развѣ вы... въ самомъ дѣлѣ... —начала было съ любопытствомъ Марья Дмитріевна...

— Не спрашивайте меня,— перебила ее Варвара Павловна и потупилась. — Я была молода, легкомысленна... Впрочемъ, я не хочу оправдываться.

— Ну, все-таки, отчего же не попробовать? Не отчаивайтесь,— возразила Марья Дмитріевна и хотѣла потрепать ее по щекѣ, но взглянула ей въ лицо — и оробѣла. „Скромна, скромна,— подумала она,— а ужъ точно львица".

— Вы больны?— говорилъ между тѣмъ Паншинъ Лизѣ.

— Да, я нездорова.

Я понимаю васъ,— промолвилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.— Да, я понимаю васъ.

— Какъ?

— Я понимаю васъ,— повторилъ значительно Паншинъ, который просто не зналъ, что сказать.

Лиза смутилась, а потомъ подумала: „пусть!" Паншинъ принялъ таинственный видъ и умолкъ, съ строгостью посматривая въ сторону.

— Однако уже, кажется, одиннадцать часовъ пробило,— замѣтила Марья Дмитріевна.

Гости поняли намекъ и начали прощаться. Варвара Павловна должна была обѣщать, что пріѣдетъ обѣдать на слѣдующій день и привезетъ Лизу; Гедеоновскій, который чуть было не заснулъ, сидя въ углу, вызвался ее проводить до дому. Паншинъ торжественно раскланялся со всѣми, а на крыльцѣ, поцаловавъ Варвару Павловну въ карету, пожалъ ей руку и закричалъ въ слѣдъ: au revoir! Гедеоновскій сѣлъ съ ней рядомъ; она всю дорогу забавлялась тѣмъ, что ставила, будто нечаянно, кончикъ своей ножки на его ногу; онъ конфузился, говорилъ ей комплименты; она хихикала и дѣлала ему глазки, когда свѣтъ отъ уличнаго фонаря падалъ въ карету. Сыгранный ею самою вальсъ звенѣлъ у ней въ головѣ, волновалъ ее; гдѣ бы она ни находилась, стоило ей только представить себѣ огни, бальную залу, быстрое кружение подъ звуки музыки — и душа въ ней такъ

и загоралась, глаза странно мерцали, улыбка блуждала на губахъ, что-то граціозно-вакхическое разливалось по всему тѣлу. Пріѣхавши домой, Варвара Павловна легко выскочила изъ кареты—только львицы умѣютъ такъ выскакивать—обернулась къ Гедеоновскому и вдругъ расхохоталась звонкимъ хохотомъ прямо ему въ носъ.

„Любезная особа,—думалъ статскій совѣтникъ, пробираясь къ себѣ на квартиру, гдѣ ожидалъ его слуга со стаканомъ оподельдока:—хорошо, что я степенный человѣкъ... только—чему жъ она смѣялась?“

Марѳа Тимоѳеевна всю ночь просидѣла у изголовья Лизы.

XLI.

Лаврецкій провелъ полтора дня въ Васильевскомъ и почти все время пробродилъ по окрестностямъ. Онъ не могъ оставаться долго на одномъ мѣстѣ: тоска его грызла; онъ испытывалъ всѣ терзанья непрестанныхъ, стремительныхъ и безсильныхъ порывовъ. Вспомнилъ онъ чувство, охватившее его душу на другой день послѣ пріѣзда въ деревню; вспомнилъ свои тогдашнія намѣренія и сильно негодовалъ на себя. Что могло оторвать его отъ того, что онъ призналъ своимъ долгомъ, единственной задачей своей будущности? Жажда счастья — опять-таки жажда счастья! — „Видно, Михалевичъ правъ“, думалъ онъ. — „Ты захотѣлъ вторично извѣдать счастья въ жизни,—говорилъ онъ самъ себѣ,—ты позабылъ, что и то роскошь, незаслуженная милость, когда оно хоть однажды посѣтитъ человѣка. Оно не было полно, оно было ложно, скажешь ты; да пренебрегши же свои права на полное, истинное счастье! Оглянись, кто вокругъ тебя блаженствуетъ, кто наслаждается? Вонъ, мужикъ ѣдетъ на косьбу; можетъ быть, онъ доволенъ своею судьбою... Что жъ? захотѣлъ ли бы ты по-

мѣняться съ нимъ? Вспомни свою мать: какъ ничтожно-малы были ея требованія, и какова выпала ей доля? Ты, видно, только похвастался передъ Наннинымъ, когда сказалъ ему, что пріѣхалъ въ Россію затѣмъ, чтобы пахать землю; ты пріѣхалъ волочиться на старости лѣтъ за дѣвочками. Пришла вѣсть о твоей свободѣ, и ты все бросилъ, все забылъ, ты побѣжалъ, какъ мальчикъ за бабочкой"... Образъ Лизы безпрестанно представлялся ему посреди его размышленій; онъ съ усиліемъ изгонялъ его, какъ и другой неотвязный образъ, другія, невозмутимо-лукавыя, красивыя и ненавистныя черты. Старикъ Антонъ замѣтилъ, что барину не по себѣ; вздохнувши нѣсколько разъ за дверью, да нѣсколько разъ на порогѣ, онъ рѣшился подойти къ нему, посовѣтовалъ ему напиться чего-нибудь теплаго. Лаврецкій закричалъ на него, велѣлъ ему выйти, а потомъ извинился передъ нимъ; но Антонъ отъ этого еще больше опечалился. Лаврецкій не могъ сидѣть въ гостиной; ему такъ и чудилось, что прадѣдъ Андрей презрительно глядитъ съ полотна на хилаго своего потомка. — „Эхъ ты! мелко плаваешь!" казалось, говорилъ его на бокъ скрученныя губы. „Неужели же, — думалъ онъ, — я не сладку съ собою, — поглядимъ этому .. вздору?" (Тяжело-раненые на войнѣ всегда называютъ „вздоромъ" свои раны. Не обманывать себя человѣку — не жить ему на землѣ). „Мальчишка я, что ли, въ самомъ дѣлѣ? Ну, да: увидалъ вблизи, въ рукахъ почти держалъ возможность счастія на всю жизнь — оно вдругъ исчезло; да вѣдь и въ лотереѣ — повернись колесо еще немного, и объявись, пожалуй, сталъ бы богачемъ. Не бывать, такъ не бывать — и конечно. Возьмусь за дѣло, стиснувъ зубы, да и велю себѣ молчать; благо, мнѣ не въ первый разъ брать себя въ руки. И для чего я обжалъ, зачѣмъ сижу здѣсь, забившись, какъ страусъ, голову въ кусты? Страшно обѣдъ въ глаза взглянуть — вздоръ!" — Антонъ! — закричалъ онъ громко, — прикажи сейчасъ закладывать тарантасъ. —

„Да, подумалъ онъ опять,—надо велѣть себѣ молчать, надо взять себя въ ежовыя рукавицы“...

Такими-то разсужденіями старался помочь Лаврецкій своему горю; но оно было велико и сильно; и сама, выжившая не столько изъ ума, сколько изо всякаго чувства, Лизавета покачала головой и печально проводила его глазами, когда онъ сѣлъ въ тарантасъ, чтобы ѣхать въ городъ. Лошади скакали; онъ сидѣлъ неподвижно и прямо, и неподвижно глядѣлъ впередъ, на дорогу.

XLII.

Лиза наканунѣ написала Лаврецкому, чтобы онъ явился къ нимъ вечеромъ; но онъ сперва отправился къ себѣ на квартиру. Онъ не засталъ дома ни жены, ни дочери; отъ людей онъ узналъ, что она отправилась съ ней къ Калитинымъ. Это извѣстіе и поразило его, и взбѣсило. „Видно, Варвара Павловна рѣшилась не давать мнѣ жить“,—подумалъ онъ съ волненіемъ злобы на сердцѣ. Онъ началъ ходить взадъ и впередъ, безпрестанно отталкивая ногами и руками попадавшіяся ему дѣтскія игрушки, книжки, разныя женскія принадлежности; онъ позвалъ Жюстину и велѣлъ ей убрать весь этотъ „хламъ“.—Oui, monsieur,—сказала она съ ужимкой и начала прибирать комнату, граціозно наклоняясь и каждымъ своимъ движеніемъ давая Лаврецкому чувствовать, что она считаетъ его за неотесаннаго медвѣдя. Съ ненавистью смотрѣлъ онъ на ея истасканное, но все еще „пикантное“, насмѣшливое, парижское лицо, на ея бѣлые нарукавнички, шелковый фартукъ и легкій чепчикъ. Онъ услалъ ее наконецъ и, послѣ долгихъ колебаній (Варвара Павловна все не возвращалась), рѣшился отправиться къ Калитинымъ,—не къ Маріѣ Дмитріевнѣ (онъ бы ни за что не вошелъ въ ея гостиную, въ ту гостиную, гдѣ находилась его жена), но къ Маріѣ Тимоѳеевнѣ;

онъ вспомнилъ, что задняя лѣстница съ дѣвичьяго крыльца вела прямо къ ней. Лаврецкій такъ и сдѣлалъ. Случай помогъ ему: онъ на дворѣ встрѣтилъ Шурочку; она провела его къ Маѳѣ Тимоѳеевнѣ. Онъ засталъ ее, противъ ея обыкновенія, одну; она сидѣла въ уголку, простоволосая, сгорбленная, съ скрещенными на груди руками. Увидѣвъ Лаврецкаго, старушка очень всполошилась, проворно встала и начала ходить туда и сюда по комнатѣ, какъ-будто отыскивая свой чепецъ.

— А, вотъ ты, вотъ,—заговорила она, избѣгая его взора и суетясь: — ну, здравствуй. Ну, что-жъ? Что же дѣлать! Гдѣ ты былъ вчера? Ну, она пріѣхала, ну, да. Ну, надо ужъ такъ... какъ-нибудь.

Лаврецкій опустился на стулъ.

— Ну, садись, садись, — продолжала старушка. — Ты прямо наверхъ прошелъ. Ну, да, разумѣется. Что-жъ? ты на меня пришелъ посмотрѣть? Спасибо.

Старушка помолчала: Лаврецкій не зналъ, что сказать ей; но она его понимала.

— Лиза... да, Лиза сейчасъ здѣсь была, — продолжала Маѳа Тимоѳеевна, завязывая и развязывая шнурки своего ридикюля. Она не совсѣмъ здорова. Шурочка, гдѣ ты? Поди сюда, мать моя, что это посидѣть не можешь? И у меня голова болитъ. Должно быть, отъ *прошлаго* отъ пѣнья, да отъ музыки.

— Отъ какого пѣнья, тетушка?

— Да какъ же: тутъ ужъ эти они, какъ бишь они по вашему, дуэты пошли. И все по-итальянски; *ти-ти* да *ти-ти*, настоящія сороки. Начнутъ ноты выводить, просто такъ за душу и тянутъ. Напишутъ этотъ, да вотъ твоя. И какъ это все скоро у нихъ пошло; ужъ точно, по родственному, безъ церемоній. А впрочемъ, и то сказать: собака — и та пристанища ищетъ: не пропадать же, благо люди не гонятъ.

— Все-таки, признаюсь, я этого не ожидалъ, — возразилъ Лаврецкій: — тутъ смѣлость нужна была большая.

— Нѣтъ, душа моя, это не смѣлость, это разсчетъ. Да Господь съ ней! Ты ее, говорятъ, въ Лаврики посылаешь, правда?

— Да, я предоставляю это имѣнье Варварѣ Павловнѣ.

— Денегъ спрашивала?

— Пока еще нѣтъ.

— Ну, это не затянется. А я тебя только теперь разглядѣла Здоровъ ты?

— Здоровъ.

— Шурочка!— воскликнула вдругъ Марья Тимофеевна: — поди-ка, скажи Лизаветѣ Михайловнѣ — то есть, нѣтъ, спроси у ней... вѣдь она внизу?

— Внизу-съ.

— Ну, да; такъ спроси у ней: куда, молъ, она мою книжку дѣла? она ужъ знаетъ.

— Слушаю съ.

Старушка опять засуетилась, начала раскрывать ящики въ комодѣ. Лаврецкій сидѣлъ неподвижно на своемъ стулѣ.

Вдругъ послышались легкіе шаги по лѣстницѣ — и вошла Лиза.

Лаврецкій всталъ и поклонился; Лиза остановилась у двери.

— Лиза, Лизочка,— хлопотливо заговорила Марья Тимофеевна; — куда ты мою книжку, книжку куда положила?

— Какую книжку, тетенька?

— Да книжку, Боже мой! Я тебя, впрочемъ, не звала .. Ну, все равно. Что вы тамъ внизу дѣлаете? Вотъ и Федоръ Иванычъ пріѣхалъ.— Что твоя голова?

— Ничего.

— Ты все говоришь: ничего. Что у васъ тамъ внизу,— опять музыка?

— Нѣтъ—въ карты играютъ.

— Да вѣдь она на всѣ руки. Шурочка, я вижу, тебѣ по саду бѣгать хочется. Ступай.

— Да нѣтъ, Марѳа Тимоѳеевна...

— Не разсуждай, пожалуйста, ступай. Настасья Карповна въ садъ пошла одна: ты съ ней побудь. Уважь старуху.—Шурочка вышла.—Да гдѣ жъ мой чепецъ? Куда это онъ дѣлся, право?

— Позвольте, я поищу,—промолвила Лиза.

— Сиди, сиди; у меня самой ноги еще не отвалились. Должно быть, онъ у меня тамъ, въ спальнѣ.

И, бросивъ исподлобья взоръ на Лаврецкаго, Марѳа Тимоѳеевна удалилась. Она оставила-было дверь отворенной, но вдругъ вернулась къ ней и заперла ее.

Лиза прислонилась къ спинкѣ кресла и тихо закрыла себѣ руки на лицо; Лаврецкій остался, гдѣ былъ.

— Вотъ какъ мы должны были увидѣться,— проговорилъ онъ наконецъ.

Лиза приняла руки отъ лица.

— Да,—сказала она глухо:—мы скоро были наказаны.

— Наказаны,— проговорилъ Лаврецкій.— За что же вы-то наказаны?

Лиза подняла на него свои глаза. Ни горя, ни тревоги они не выражали: они казались меньше и тусклѣй. Лицо ея было блѣдно; слегка раскрытыя губы тоже поблѣднѣли.

Сердце въ Лаврецкомъ дрогнуло отъ жалости и любви.

— Вы мнѣ написали: все кончено,—прошепталъ онъ:— да, все кончено—прежде чѣмъ началось.

— Это все надо забыть — проговорила Лиза: — я рада, что вы пришли; я хотѣла вамъ написать, но такъ лучше. Только надо скорѣе пользоваться этими минутами. Намъ

обоимъ остается исполнить нашъ долгъ. Вы, Ѳедоръ Ивановичъ, должны примириться съ вашей женой.

— Лиза!

— Я васъ прошу объ этомъ; этимъ однимъ можно загладить... все, что было. Вы подумаете — и не откажите мнѣ.

— Лиза, ради Бога,—вы требуете невозможнаго. Я готовъ сдѣлать все, что вы прикажете; но *теперь* примириться съ нею!... Я согласенъ на все, я все забылъ; но не могу же я заставить свое сердце... Помилуйте, это жестоко!

— Я не требую отъ васъ... того, что вы говорите; не живите съ ней, если вы не можете; но примиритесь,—возразила Лиза и снова занесла руку на глаза.—Вспомните вашу дочку; сдѣлайте это для меня.

— Хорошо, —проговорилъ сквозь зубы Лаврецкій;—это я сдѣлаю, положимъ; этимъ я исполню свой долгъ. Ну, а вы—въ чемъ же вашъ долгъ состоитъ?

— Про это я знаю.

Лаврецкій вдругъ встрепенулся.

— Ужъ не собираетесь ли вы выйти за Паншина? — спросилъ онъ.

Лиза чуть замѣтно улыбнулась.

— О, нѣтъ!—промолвила она.

— Ахъ, Лиза, Лиза!—воскликнулъ Лаврецкій;—какъ бы вы могли быть счастливы!

Лиза опять взглянула на него.

— Теперь вы сами видите, Ѳедоръ Ивановичъ, что счастіе завитъ не отъ насъ, а отъ Бога.

— Да, потому что вы...

Дверь изъ сосѣдней комнаты быстро растворилась, и Марѳа Тимофеевна вошла съ чепцомъ въ рукѣ.

— Насилу нашла,—сказала она, становясь между Лаврецкимъ и Лизой.—Сама его заложила. Вотъ, что значитъ

старость-то, бѣда! А впрочемъ, и молодость не лучше. Что, ты самъ съ женой въ Лаврики поѣдешь?—прибавила она, оборотясь къ Ѳедору Иванычу.

— Съ нею въ Лаврики? я? Не знаю,— промолвилъ онъ, погодя немного.

— Ты внизъ не сойдешь?

— Сегодня—нѣтъ.

— Ну, хорошо, какъ знаешь; а тебѣ, Лиза, я думаю, надо бы внизъ пойти. Ахъ, батюшки-свѣты, я и забыла снѣгирю корму насыпать. Да вотъ, постойте, я сейчасъ...

И Марѳа Тимофеевна выбѣжала, не надѣвъ чепца.

Лаврецкій быстро подошелъ къ Лизѣ.

— Лиза,—началъ онъ умоляющимъ голосомъ:—мы разстаемся навсегда, сердце мое разрывается,—дайте мнѣ вашу руку на прощаніе.

Лиза подняла голову. Ея усталый, почти погасшій взоръ остановился на немъ...

— Нѣтъ,—промолвила она и отвела назадъ уже протянутую руку—нѣтъ. Лаврецкій (она въ первый разъ такъ его назвала)—не дамъ я вамъ моей руки. Къ чему? Отойдите, прошу васъ. Вы знаете, я васъ люблю... да, я люблю васъ,—прибавила она съ усиліемъ:—но нѣтъ... нѣтъ.

И она поднесла платокъ къ своимъ губамъ.

— Дайте мнѣ, по крайней мѣрѣ, этотъ платокъ.

Дверь скрипнула... Платокъ скользнулъ по колѣнямъ Лизы. Лаврецкій подхватилъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ упасть на полъ, быстро сунулъ его въ боковой карманъ и, обернувшись, встрѣтился глазами съ Марѳой Тимофеевной.

— Лизочка, мнѣ кажется, тебя мать зоветъ,— промолвила старушка.

Лиза тотчасъ встала и ушла.

Марѳа Тимофеевна опять сѣла въ свой уголокъ. Лаврецкій началъ прощаться съ нею.

— Ѳедя,—сказала она вдругъ.

— Что, тетушка?

— Ты честный человѣкъ?

— Какъ?

Я спрашиваю тебя: честный ли ты человѣкъ?

— Надѣюсь, да.

— Г-мъ. А дай мнѣ честное слово, что ты честный человѣкъ.

— Извольте.—Но къ чему это?

— Ужъ я знаю, къ чему. Да и ты, мой кормилецъ, коли подумаешь хорошенько,—вѣдь ты не глупъ,—самъ поймешь, къ чему я это у тебя спрашиваю. А теперь прощай, батюшка. Спасибо, что навѣстилъ; а слово сказанное помни, Ѳедя, да поцѣлуй меня. Охъ, душа моя, тяжело тебѣ, знаю: да вѣдь и всѣмъ не легко. Ужъ на что я, бывало, завидовала мухамъ: вотъ, думала я, кому хорошо на свѣтѣ жить: да устала разъ, ночью, какъ муха у паука въ лапкахъ носъ,—нѣтъ, думаю, и на нихъ есть гроза. Что дѣлать, Ѳедя; а слово свое все-таки помни.—Ступай.

Лаврецкій вышелъ съ задняго крыльца и уже приближался къ воротамъ... его нагналъ лакей.

— Марья Дмитріевна приказала просить васъ къ нея пожаловать,—доложилъ онъ Лаврецкому.

— Скажи, братецъ, что я не могу теперь...—началъ-было Ѳедоръ Иванычъ.

— Приказали очинно просить,- продолжалъ лакей;—приказали сказать, что онѣ дома.

— А развѣ гости уѣхали?—спросилъ Лаврецкій.

— Точно такъ-съ.—возразилъ лакей и осклабился.

Лаврецкій пожалъ плечами и отправился вслѣдъ за нимъ.

XLIII.

Марья Дмитріевна сидѣла одна у себя въ кабинетѣ, на вольтеровскомъ креслѣ, и нюхала одеколонъ; стаканъ воды

съ флеръ-д'оранжемъ стоялъ возлѣ нея на столикѣ. Она волновалась и какъ будто трусила.

Лаврецкій вошелъ.

— Вы желали меня видѣть, — сказалъ онъ, холодно кланяясь.

— Да.—возразила Марья Дмитріевна и отпила немного воды.—Я узнала, что вы прошли прямо къ тетушкѣ; я приказала васъ просить къ себѣ: мнѣ нужно переговорить съ вами. Садитесь, пожалуйста. — Марья Дмитріевна перевела дыханіе.—Вы знаете,—продолжала она: — ваша жена пріѣхала.

— Это мнѣ извѣстно,—промолвилъ Лаврецкій.

— Ну, да, то-есть, я хотѣла сказать: она ко мнѣ пріѣхала, и я приняла ее; вотъ о чемъ я хочу теперь объясниться съ вами, Өедоръ Иванычъ. Я, слава Богу, заслужила, могу сказать, всеобщее уваженіе, и ничего непри-личнаго ни за что на свѣтѣ не сдѣлаю. Хоть я и предвидѣла, что это будетъ вамъ непріятно, однако я не рѣшилась отказать ей, Өедоръ Иванычъ; она мнѣ родственница—по вамъ: войдите въ мое положеніе, какое же я имѣла право отказать ей отъ дома,—согласитесь?

— Вы напрасно волнуетесь, Марья Дмитріевна,—возразилъ Лаврецкій: вы очень хорошо сдѣлали; я нисколько не сержусь. Я вовсе не намѣренъ лишать Варвару Павловну возможности видѣть своихъ знакомыхъ: сегодня я не вошелъ къ вамъ только потому, что не хотѣлъ встрѣтиться съ нею — вотъ и все.

— Ахъ, какъ мнѣ пріятно слышать это отъ васъ, Өедоръ Иванычъ,—воскликнула Марья Дмитріевна: —впрочемъ, я всегда этого ожидала отъ вашихъ благородныхъ чувствъ. А что я волнуюсь—это не удивительно: я женщина и мать. А ваша супруга... конечно, я не могу судить васъ съ нею —это я ей самой сказала: но она такая любезная дама, что кромѣ удовольствія ничего доставить не можетъ.

Лаврецкій усмѣхнулся и поиграль шляпой.

— И вотъ что я хотѣла вамъ еще сказать, Оедоръ Ивановичъ,—продолжала Марья Дмитріевна, слегка подвигаясь къ нему:—еслибъ вы видѣли, какъ она скромно себя держитъ, какъ почтительна! — Право, это даже трогательно. А еслибъ вы слышали, какъ она о васъ отзывается! Я, говоритъ, передъ нимъ кругомъ виновата; я, говоритъ, не умѣла цѣнить его, говоритъ; это, говоритъ, ангелъ, а не человѣкъ. Право, такъ и говоритъ: ангелъ. Раскаяніе у ней такое.... Я, ей-Богу, и не видывала такого раскаянія!

— А что, Марья Дмитріевна,—промолвилъ Лаврецкій: — позвольте полюбопытствовать: говорятъ, Варвара Павловна у васъ пѣла; во время своего раскаянія она пѣла,— или какъ?....

— Ахъ, какъ вамъ не стыдно такъ говорить! Она пѣла и играла для того только, чтобы сдѣлать мнѣ угодное, потому что я настоятельно ее просила объ этомъ, почти приказывала ей. Я вижу, что ей тяжело, такъ тяжело; думаю, чѣмъ бы ее развлечь,—да и слышала-то я, что талантъ у ней такой прекрасный!—Помилуйте, Оедоръ Ивановичъ, она совсѣмъ уничтожена, спросите хоть Сергѣя Петровича; убитая женщина, tout-à-fait, что вы это?

Лаврецкій только плечами пожалъ.

— А потомъ, что это у васъ за ангелочикъ эта Лидочка, что за прелесть! Какъ она мила, какая умненькая; по-французски какъ говоритъ; и по-русски понимаетъ—меня тетенькой назвала. И знаете ли, этакъ, чтобы дичиться, какъ всѣ почти дѣти въ ея годы дичатся,—совсѣмъ этого нѣтъ. На васъ такъ похожа, Оедоръ Ивановичъ, что ужасъ. Глаза, брови.... ну,—вы, какъ есть—вы. Я маленькихъ такихъ дѣтей не очень люблю, признаться; но въ вашу дочку просто влюбилась.

— Марья Дмитріевна, -произнесъ вдругъ Лаврецкій:—

позвольте васъ спросить, для чего вы это все мнѣ говорить изволите?

— Для чего?—Марья Дмитріевна опять понюхала одеколонь и отпила воды.—А для того, Осдорь Иванычъ, я это говорю, что.... вѣдь я вамъ родственница, я принимаю въ васъ самое близкое участіе.... я знаю, сердце у васъ добрѣйшее. Послушайте, mon cousin,—я все-таки женщина опытная и не буду говорить на вѣтеръ: простите, простите вашу жену.—Глаза Марьи Дмитріевны вдругъ наполнились слезами.—Подумайте: молодость, неопытность.... ну, можетъ быть, дурной примѣръ, не было такой матери, которая наставила бы ее на путь. Простите ее, Осдорь Иванычъ, она довольно наказана.

Слезы закапали по щекамъ Марьи Дмитріевны; она не утирала ихъ: она любила плакать. Лаврецкій сидѣлъ, какъ на угольяхъ. „Боже мой,—думалъ онъ,—что же это за пытка, что за день мнѣ выдался сегодня!"

— Вы не отвѣчаете,—заговорила снова Марья Дмитріевна:—какъ я должна васъ понять?—Неужели вы можете быть такъ жестоки? Нѣтъ, я этому вѣрить не хочу. Я чувствую, что мои слова васъ убѣдили. Осдорь Иванычъ, Богъ васъ наградитъ за вашу доброту, а вы примите теперь изъ рукъ моихъ вашу жену....

Лаврецкій невольно поднялся со стула: Марья Дмитріевна тоже встала и, проворно зайдя за ширмы, вывела оттуда Варвару Павловну. Блѣдная, полуживая, съ опущенными глазами, она, казалось, отрекалась отъ всякой собственной мысли, отъ всякой воли—отдалась вся въ руки Марьи Дмитріевны.

Лаврецкій отступилъ шагъ назадъ.

— Вы были здѣсь! —воскликнулъ онъ.

— Не вините ее,—поспѣшно проговорила Марья Дмитріевна:—она ни за что не хотѣла оставаться, но я приказала ей остаться, я посадила ее за ширмы. Она увѣрила меня.

что это еще больше васъ разсердитъ; я и слушать ее не стала; я лучше ея васъ знаю. Примите же изъ рукъ моихъ вашу жену; идите, Варя, не бойтесь, припадите къ вашему мужу (она дернула ее за руку) — и мое благословеніе....

— Постойте, Марья Дмитріевна, — перебилъ ее Лаврецкій глухимъ, но потрясающимъ голосомъ — Вы, вѣроятно, любите чувствительныя сцены (Лаврецкій не ошибался: Марья Дмитріевна еще съ института сохранила страсть къ нѣкоторой театральности); онѣ васъ забавляютъ; но другимъ отъ нихъ плохо приходится. Впрочемъ, я съ вами говорить не буду: въ *этой* сценѣ не вы главное дѣйствующее лицо. Что *вы* хотите отъ меня, сударыня? — прибавилъ онъ, обращаясь къ женѣ. Не сдѣлалъ ли я для васъ, что могъ? Не возражайте мнѣ, что не вы затѣяли это свиданіе; я вамъ не повѣрю, — и вы знаете, что я вамъ вѣрить не могу. Что же вы хотите? Вы умны, — вы ничего не дѣлаете безъ цѣли. Вы должны понять, что жить съ вами, какъ я жилъ прежде, — я не въ состояніи; не оттого, что я на васъ сержусь, а оттого, что я сталъ другимъ человѣкомъ. Я сказалъ вамъ это на второй же день вашего возвращенія, и вы сами, въ это мгновенье, въ душѣ со мной согласны. Но вы желаете возстановить себя въ общемъ мнѣніи; вамъ мало жить у меня въ домѣ, вы желаете жить со мной подъ одной кровлей — не правда ли?

— Я желаю, чтобы вы меня простили, — проговорила Варвара Павловна, не поднимая глазъ.

— Она желаетъ, чтобы вы ее простили, — повторила Марья Дмитріевна.

— И не для себя, для Лизы, — шепнула Варвара Павловна.

— Не для нея, для вашей Лизы, — повторила Марья Дмитріевна.

— Прекрасно. Вы этого хотите? — произнесъ съ усиліемъ Лаврецкій. — Извольте, я и на это согласенъ.

Варвара Павловна бросила на него быстрый взоръ, а Марья Дмитріевна воскликнула:—Ну, слава Богу!—и опять потянула Варвару Павловну за руку. Примите же теперь отъ меня....

— Постойте, говорю вамъ,—перебилъ ее Лаврецкій. Я соглашаюсь жить съ вами, Варвара Павловна, —продолжалъ онъ:—то-есть, я васъ привезу въ Лаврики и проживу съ вами, сколько силъ хватитъ, а потомъ уѣду—и буду надѣяться. Вы видите, я васъ обманывать не хочу; но не требуйте больше ничего. Вы бы сами разсмѣялись, еслибы я исполнилъ желаніе почтенной нашей родственницы и прижалъ бы васъ къ своему сердцу, сталъ бы увѣрять васъ, что.... прошедшаго не было, что срубленное дерево опять зацвѣтаетъ. Но я вижу: надо покориться. Вы это слово не такъ поймете.... это все равно. Повторяю, я буду жить съ вами.... или, нѣтъ, я этого обѣщать не могу.... Я сойдусь съ вами, буду васъ снова считать моей женой....

— Дайте же ей, по крайней мѣрѣ, на томъ руку,—промолвила Марья Дмитріевна, у которой давно высохли слезы.

— Я до сихъ поръ не обманывалъ Варвару Павловну, —возразилъ Лаврецкій;—она мнѣ повѣрить и такъ. Я ее отвезу въ Лаврики;—и помните, Варвара Павловна: уговоръ нашъ будетъ считаться нарушеннымъ, какъ только вы выѣдете оттуда. А теперь позвольте мнѣ удалиться.

Онъ поклонился обѣимъ дамамъ и торопливо вышелъ вонъ.

— Вы не берете ее съ собою,—крикнула ему вслѣдъ Марья Дмитріевна....—Оставьте его—шепнула ей Варвара Павловна и тотчасъ же обняла ее, начала ее благодарить, цѣловать у ней руки, называть ее своей спасительницей.

Марья Дмитріевна снисходительно принимала ея ласки; но въ душѣ она не была довольна ни Лаврецкимъ, ни Варварой Павловной, ни всей подготовленной ею сценой. Чув-

ствительности вышло мало; Варвара Павловна, по ея мнѣнію, должна была броситься къ ногамъ мужа.

— Какъ это вы меня не поняли? — толковала она: — вѣдь я вамъ сказала: припадите.

— Этакъ лучше, милая тетушка; не безпокойтесь — все прекрасно, — твердила Варвара Павловна.

— Ну, да вѣдь и онъ — холодный, какъ ледъ, — замѣтила Марья Дмитріевна. — Положимъ, вы не плакали, да вѣдь я передъ нимъ разливалась. Въ Лаврикахъ запереть васъ хочетъ. Что-жъ, — и ко мнѣ вамъ нельзя будетъ ѣздить? Всѣ мужчины безчувственны, — сказала она въ заключеніе и значительно покачала головой.

— Зато женщины умѣютъ цѣнить доброту и великодушіе, — промолвила Варвара Павловна и, тихонько опустившись на колѣни передъ Марьей Дмитріевной, обняла ея полный станъ руками и прижалась къ ней лицомъ. Лицо это втихомолку улыбалось, а у Марьи Дмитріевны опять закапали слезы.

А Лаврецкій отправился къ себѣ, заперся въ комнатѣ своего камердинера, бросился на диванъ и пролежалъ такъ до утра.

XLIV.

На слѣдующій день было воскресенье. Колокольный звонъ къ ранней обѣднѣ не разбудилъ Лаврецкаго — онъ не смыкалъ глазъ во всю ночь — но напомнилъ ему другое воскресенье, когда онъ, по желанію Лизы, ходилъ въ церковь. Онъ поспѣшно всталъ; какой-то тайный голосъ говорилъ ему, что онъ и сегодня увидитъ ее тамъ же. Онъ безъ шума вышелъ изъ дома, велѣлъ сказать Варварѣ Павловнѣ, которая еще спала, что онъ вернется къ обѣду, и большими шагами направился туда, куда звалъ его однообразно-печальный звонъ. Онъ пришелъ рано: почти никого еще не было

въ церкви; дьячекъ на клиросѣ читалъ часы; изрѣдка прерываемый кашлемъ, голосъ его мѣрно гудѣлъ, то упадая, то вздуваясь. Лаврецкій помѣстился недалеко отъ входа. Богомольцы приходили по одиночкѣ, останавливались, крестились, кланялись на всѣ стороны; шаги ихъ звенѣли въ пустотѣ и тишинѣ, явственно отзываясь подъ сводами. Дряхлая старушонка въ ветхомъ капотѣ съ капюшономъ стояла на колѣняхъ подлѣ Лаврецкаго и прилежно молилась: ея беззубое, желтое, сморщенное лицо выражало напряженное умиленіе; красные глаза неотвратимо глядѣли вверхъ, на образа иконостаса; костлявая рука безпрестанно выходила изъ капота и медленно и крѣпко клала большой, широкій крестъ. Мужикъ съ густой бородой и угрюмымъ лицомъ, взъерошенный и измятый, вошелъ въ церковь, разомъ сталъ на оба колѣна и тотчасъ же принялся поспѣшно креститься, откидывая назадъ и встряхивая голову послѣ каждаго поклона. Такое горькое горе сказывалось въ его лицѣ, во всѣхъ его движеніяхъ, что Лаврецкій рѣшился подойти къ нему и спросить его, что съ нимъ. Мужикъ пугливо и сурово отшатнулся, посмотрѣлъ на него.... „Сынъ померъ", — произнесъ онъ скорогово́ркой, — и снова принялся класть поклоны..... „Что для нихъ можетъ замѣнить утѣшенія церкви", — подумалъ Лаврецкій, — и самъ попытался молиться; но сердце его отяжелѣло, ожесточилось, и мысли были далеко. Онъ все ждалъ Лизы, — но Лиза не приходила. Церковь стала наполняться народомъ; ея все не было. Обѣдня началась, дьяконъ уже прочиталъ евангеліе, зазвонили къ достойной; Лаврецкій подвинулся немного впередъ — и вдругъ увидѣлъ Лизу. Она пришла раньше его, но онъ ея не замѣтилъ; прижавшись въ промежуточекъ между стѣной и клиросомъ, она не оглядывалась, не шевелилась. Лаврецкій не сводилъ съ нея глазъ до самаго конца обѣдни: онъ пропалился съ нею. Народъ сталъ расходиться, а она все стояла: казалось, она ожидала ухода Лаврецкаго. Наконецъ, она перекрестилась

въ послѣдній разъ и пошла, не оборачиваясь; съ ней была одна горничная. Лаврецкій вышелъ вслѣдъ за ней изъ церкви и догналъ ее на улицѣ: она шла очень скоро, наклонивъ голову и спустивъ вуаль на лицо.

— Здравствуйте, Лизавета Михайловна,—сказалъ онъ, громко, съ насильственной развязностью:—можно васъ проводить?

Она ничего не сказала; онъ отправился съ ней рядомъ.

— Довольны вы мной?—спросилъ онъ ее, понизивъ голосъ.

Вы слышали, что вчера произошло?

— Да, да, — проговорила она шепотомъ: — это хорошо.

И она пошла еще быстрѣй.

— Вы довольны?

Лиза только головой кивнула.

— Федоръ Иванычъ,—начала она спокойнымъ, но слабымъ голосомъ:— я васъ хотѣла просить: не ходите больше къ намъ, уѣзжайте поскорѣй; мы можемъ послѣ увидѣться, — когда-нибудь, черезъ годъ. А теперь, сдѣлайте это для меня; исполните мою просьбу, ради Бога.

— Я вамъ во всемъ готовъ повиноваться, Лизавета Михайловна; но неужели мы такъ должны разстаться? неужели вы мнѣ не скажете ни одного слова?

— Федоръ Иванычъ, вотъ, вы теперь идете возлѣ меня... А ужъ вы такъ далеко отъ меня. И не вы одни, а....

— Договаривайте, прошу васъ!—воскликнулъ Лаврецкій:—что вы хотите сказать?

— Вы услышите, можетъ быть... но, что бы ни было, забудьте.... нѣтъ, не забывайте меня, помните обо мнѣ.

— Мнѣ васъ забыть....

— Довольно, прощайте. Не идите за мной.

— Лиза,—началъ-было Лаврецкій....

— Прощайте, прощайте! — повторила она, еще ниже спустила вуаль и почти бѣгомъ пустилась впередъ.

Іаврецкій посмотрѣлъ ей вслѣдъ и, понуривъ голову, отправился назадъ по улицѣ. Онъ наткнулся на Іемма, который тоже шелъ, надвинувъ шляпу на носъ и глядя себѣ подъ ноги.

Они молча посмотрѣли другъ на друга.

— Ну, что скажете?—проговорилъ наконецъ Іаврецкій.

— Что я скажу?—угрюмо возразилъ Іеммъ:—ничего я не скажу. Все умерло, и мы умерли (Alles ist todt und wir sind todt). Вѣдь вамъ направо идти?

— Направо.

— А мнѣ налѣво. Прощайте.

На слѣдующее утро Оедоръ Иванычъ съ женою отправился въ Іаврики. Она ѣхала впереди, въ каретѣ, съ Адой и съ Юстиной; онъ сзади—въ тарантасѣ. Хорошенькая дѣвочка все время дороги не отходила отъ окна кареты; она удивлялась всему: мужикамъ, бабамъ, колодцамъ, дугамъ, колокольчикамъ и множеству грачей; Юстина раздѣляла ея удивленіе; Варвара Павловна смѣялась ихъ замѣчаніямъ и восклицаніямъ.. Она была въ духѣ; передъ отъѣздомъ изъ города О.... она имѣла объясненіе съ своимъ мужемъ.

— Я понимаю ваше положеніе – сказала она ему,—и онъ, по выраженію ея умныхъ глазъ, могъ заключить что она понимала его положеніе вполнѣ,—но вы отдадите мнѣ хоть ту справедливость, что со мной легко живется; я не стану вамъ навязываться, стѣснять васъ; я хотѣла обезпечить будущность Ады; больше мнѣ ничего не нужно.

— Да, вы достигли вашихъ цѣлей,—промолвилъ Оедоръ Иванычъ.

— Я объ одномъ только мечтаю теперь: закрыться навсегда въ глуши; я буду вѣчно поминать ваши благодѣянія....

— Фи! полноте,—перебилъ онъ ее.

— И съумѣю уважать вашу независимость и вашъ покой, — докончила она свою приготовленную фразу.

Лаврецкій ей низко поклонился. Варвара Павловна поняла, что мужъ въ душѣ благодарилъ ее.

На второй день, къ вечеру прибыли они въ Лаврики; недѣлю спустя, Лаврецкій отправился въ Москву, оставивъ жень тысячъ пять на прожитокъ—а на другой день послѣ отъѣзда Лаврецкаго явился Паншинъ, котораго Варвара Павловна просила не забывать ее въ уединеніи. Она его приняла какъ нельзя лучше, и до поздней ночи высокія комнаты дома и самый садъ огласились звуками музыки, нѣжныя и веселыхъ французскихъ рѣчей. Три дня прогостилъ Паншинъ у Варвары Павловны; прощаясь съ нею и крѣпко пожимая ея прекрасныя руки, опъ обѣщался очень скоро вернуться—и сдержалъ свое обѣщаніе.

XLV.

У Лизы была особая, небольшая комнатка во второмъ этажѣ дома ея матери, чистая, свѣтлая, съ бѣлой кроваткой, съ горшками цвѣтовъ по угламъ и передъ окнами, съ маленькимъ письменнымъ столикомъ, горкою книгъ и распятіемъ на стѣнѣ. Комнатка эта прозывалась дѣтской; Лиза родилась въ ней. Вернувшись изъ церкви, гдѣ ее видѣлъ Лаврецкій, она тщательнѣе обыкновеннаго привела все у себя въ порядокъ, отовсюду смела пыль, пересмотрѣла и перевязала ленточками всѣ свои тетради и письма пріятельницъ, заперла всѣ ящики, полила цвѣты и коснулась рукою каждаго цвѣтка. Все это она дѣлала не спѣша, безъ шума, съ какой-то умиленной и тихой заботливостью на лицѣ. Она остановилась, наконецъ, посреди комнаты, медленно оглянулась и, подойдя къ столу, надъ которымъ висѣло распятіе, опустилась на колѣни, положила голову на стиснутыя руки и осталась неподвижной.

Марѳа Тимоѳеевна вошла и застала ее въ этомъ положеніи. Лиза не замѣтила ея прихода. Старушка вышла на цыпочкахъ за дверь и нѣсколько разъ громко кашлянула. Лиза проворно поднялась и отерла глаза, на которыхъ сіяли свѣтлыя, непролившіяся слезы.

— А ты, я вижу, опять прибирала свою келейку,—промолвила Марѳа Тимоѳеевна и низко наклонилась къ горшку съ молодымъ розаномъ:—какъ славно пахнетъ!

Лиза задумчиво посмотрѣла на свою тетку.

— Какое вы это произнесли слово!—прошептала она.

— Какое слово, какое?—съ живостью подхватила старушка:—что ты хочешь сказать?—Это ужасно,—заговорила она, вдругъ сбросивъ чепецъ и присѣвши на Лизиной кроваткѣ:—это сверхъ силъ моихъ! четвертый день сегодня, какъ я словно въ котлѣ кипію; я не могу больше притворяться, что ничего не замѣчаю,—не могу видѣть, какъ ты блѣднѣешь, сохнешь, плачешь, не могу, не могу!

— Да что съ вами, тетушка?—промолвила Лиза:—я ничего...

— Ничего?—воскликнула Марѳа Тимоѳеевна:—это ты другимъ говори, а не мнѣ! Ничего! а кто сейчасъ стоялъ на колѣняхъ? у кого рѣсницы еще мокры отъ слезъ? Ничего! Да ты посмотри на себя, что ты сдѣлала со своимъ лицомъ, куда глаза свои дѣвала? — Ничего! развѣ я не все знаю?

— Это пройдетъ, тетушка; дайте срокъ.

— Пройдетъ, да когда? Господи Боже, мой Владыко! неужели ты такъ его полюбила? да вѣдь онъ старикъ, Лизочка. Ну, я не спорю, онъ хорошій человѣкъ, не кусается; да вѣдь что-жъ такое? всѣ мы хорошіе люди; земля не клиномъ сошлась, этого добра всегда будетъ много.

— Я вамъ говорю, все это пройдетъ все это уже прошло.

— Слушай, Лизочка, что я тебѣ скажу,—промолвила вдругъ Марѳа Тимоѳеевна, усаживая Лизу подлѣ себя на

кровати и поправляя то ея волосы, то косынку.—Это тебѣ только такъ, сгоряча кажется, что горю твоему пособить нельзя. Ахъ, душа моя, на одну смерть лекарства нѣтъ! Ты только вотъ скажи себѣ: „не поддамся-молъ я,—ну его!“ и сама потомъ, какъ диву дашься,—какъ оно скоро, хорошо проходитъ. Ты только потерпи.

— Тетушка,—возразила Лиза:—оно уже прошло, все прошло.

— Прошло: какое прошло! Вотъ, у тебя носикъ даже завострился, а ты говоришь: прошло. Хорошо: прошло!

— Да, прошло, тетушка, если вы только захотите мнѣ помочь,—произнесла съ внезапнымъ одушевленіемъ Лиза и бросилась на шею Маѳѣ Тимоѳеевнѣ.—Милая тетушка, будьте мнѣ другомъ, помогите мнѣ; не сердитесь, поймите меня..

— Да что́ такое, что́ такое, мать моя? Не пугай меня, пожалуйста: я сейчасъ закричу, не глядя такъ на меня; говори скорѣе, что̀ такое?

— Я... я хочу...—Лиза спрятала свое лицо на груди Маѳеи Тимоѳеевны...—Я хочу идти въ монастырь,—проговорила она глухо.

Старушка такъ и подпрыгнула на кровати.

— Перекрестись, мать моя, Лизочка, опомнись: что̀ ты это. Богъ съ тобою,—пролепетала она наконецъ:—лягъ, голубушка, усни немножко: это все у тебя отъ безсонницы, душа моя.

Лиза подняла голову, щеки ея пылали.

— Нѣтъ, тетушка,—промолвила она:—не говорите такъ; я рѣшилась, я молилась, я просила совѣта у Бога; все кончено, кончена моя жизнь съ вами. Такой урокъ не даромъ: да я ужъ не въ первый разъ объ этомъ думаю. Счастье ко мнѣ не шло; даже когда у меня были надежды на счастье, сердце у меня все щемило. Я все знаю, и свои грѣхи и чужіе, и какъ папенька богатство нажилъ; я все знаю. Все

это отмолить, отмолить надо. Васъ мнѣ жаль, жаль мамаши, Леночки; но дѣлать нечего; чувствую я, что мнѣ не житье здѣсь; я уже со всѣмъ простилась, всему въ домѣ поклонилась въ послѣдній разъ; отзываетъ меня что-то; тошно мнѣ, хочется мнѣ запереться на вѣкъ. Не удерживайте меня, не отговаривайте, помогите мнѣ, не то я одна уйду...

Марѳа Тимоѳеевна съ ужасомъ слушала свою племянницу.

„Она больна, бредитъ,—думала она:—надо послать за докторомъ; да за какимъ? Гедеоновскій намедни хвалилъ какого-то; онъ все вретъ—а, можетъ быть, на этотъ разъ и правду сказалъ". Но когда она убѣдилась, что Лиза не больна и не бредитъ, когда на всѣ ея возраженья Лиза постоянно отвѣчала однимъ и тѣмъ же, Марѳа Тимоѳеевна испугалась и опечалилась не на шутку.—Да вѣдь ты не знаешь, голубушка ты моя,—начала она ее уговаривать:—какова жизнь-то въ монастыряхъ! Вѣдь тебя, мою родную, маслищемъ конопляннымъ зеленымъ кормить станутъ, бѣльище на тебя надѣнутъ толстое-претолстое, по холоду ходить заставятъ; вѣдь ты всего этого не перенесешь, Лизочка. Это все въ тебѣ Агашины слѣды; это она тебя съ толку сбила. Да вѣдь она начала съ того, что пожила, и въ свое удовольствіе пожила: поживи и ты. Дай мнѣ, по крайней мѣрѣ, умереть спокойно, а тамъ дѣлай, что̀ хочешь. И кто-жъ это видывалъ, чтобъ изъ-за этакой изъ-за козьей бороды, прости Господи, изъ-за мужчины—и въ монастырь идти? Ну, коли тебѣ такъ тошно, съѣзди, помолись угоднику, молебенъ отслужи, да не надѣвай ты чернаго шлыка на свою голову, батюшка ты мой, матушка ты моя...

И Марѳа Тимоѳеевна горько заплакала.

Лиза утѣшала ее, отирала ея слезы, сама плакала, но осталась непреклонной. Съ отчаянья Марѳа Тимоѳеевна попыталась пустить въ ходъ угрозу: все сказать матери... но и это не помогло. Только вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ

старушки, Лиза согласилась отложить исполненіе своего намѣренія на полгода; зато Марфа Тимофеевна должна была дать ей слово, что сама поможетъ ей и выхлопочетъ согласіе Маріи Дмитріевны, если черезъ шесть мѣсяцевъ она не измѣнитъ своего рѣшенія.

Съ наступившими первыми холодами, Варвара Павловна, несмотря на свое обѣщаніе зарыться въ глушь, запасшись денежками, переселилась въ Петербургъ, гдѣ наняла скромную, но миленькую квартиру, отысканную для нея Паншинымъ, которыи еще раньше ея покинулъ О—скую губернію. Въ послѣднее время своего пребыванія въ О. онъ совершенно лишился расположенія Маріи Дмитріевны: онъ вдругъересталъ ее посѣщать и почти не выѣзжалъ изъ Лаврикова. Варвара Павловна его поработила, именно поработила; другимъ словомъ не льзя выразить ей неограниченную, безвозвратную, безотвѣтную власть на нимъ.

Лаврецкій прожилъ зиму въ Москвѣ, а весною слѣдующаго года дошла до него вѣсть, что Лиза постриглась въ Б—мъ монастырѣ, въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ Россіи.

ЭПИЛОГЪ.

Прошло семь лѣтъ. Опять настала весна. . Но скажемъ прежде нѣсколько словъ о судьбѣ Михалевича, Паншина, г-жи Лаврецкой — и разстанемся съ ними. Михалевичъ, послѣ долгихъ странствованій, понялъ, наконецъ, на настоящее свое дѣло: онъ получилъ мѣсто стариаго надзирателя въ казенномъ заведеніи. Онъ очень доволенъ своей судьбой, и воспитанники его „обожаютъ“, хотя и перекрашиваютъ. Паншинъ сильно подвинулся въ чинахъ и мѣтитъ уже въ директоры; ходитъ нѣсколько согнувшись; должно быть, Владимірскій крестъ, пожалованный ему на

нею, оттягиваетъ его впередъ. Чиновникъ въ немъ взялъ рѣшительный перевѣсъ надъ художникомъ; его все еще молодавое лицо пожелтѣло, волосы порѣдѣли, и онъ уже не поетъ, не рисуетъ, но втайнѣ занимается литературою: написалъ комедійку, въ родѣ „пословицъ“. — и такъ какъ теперь всѣ пишущіе непремѣнно „выводятъ“ кого-нибудь или что-нибудь, то и онъ вывелъ въ ней кокетку и читаетъ ее неподтинка двумъ-тремъ благоволящимъ къ нему дамамъ. Въ бракъ онъ, однако, не вступилъ, хотя много представлялось къ тому прекрасныхъ случаевъ: въ этомъ виновата Варвара Павловна. Что касается до нея, то она, попрежнему, постоянно живетъ въ Парижѣ: Оедоръ Ивановичъ далъ ей на себя вексель и откупился отъ нея, отъ возможности вторичнаго неожиданнаго набѣга. Она постарѣла и потолстѣла, но все еще мила и изящна. У каждаго человѣка есть свой идеалъ: Варвара Павловна нашла свой — въ драматическихъ произведеніяхъ г-на Дюма-сына. Она прилежно посѣщаетъ театръ, гдѣ выводятся на сцену чахоточныя и чувствительныя камеліи; быть г-жею Дош кажется ей верхомъ человѣческаго благополучія: она однажды объявила, что не желаетъ для своей дочери лучшей участи. Должно надѣяться, что судьба избавитъ mademoiselle Ada отъ подобнаго благополучія: изъ румянаго, пухлаго ребенка она превратилась въ слабогрудую, блѣдненькую дѣвочку; нервы ея уже разстроены. Число поклонниковъ Варвары Павловны уменьшилось, но они не перевелись; нѣкоторыхъ она, вѣроятно, сохранитъ до конца своей жизни. Самымъ рьянымъ изъ нихъ въ послѣднее время былъ нѣкто Закурдало-Скубырниковъ, изъ отставныхъ гвардейскихъ усоносовъ, человѣкъ лѣтъ тридцати-восьми, необыкновенной крѣпости сложенія. Французскіе посѣтители салона г-жи Лавренцкой называютъ его „le gros taureau de l'Ukraïne“; Варвара Павловна никогда не приглашаетъ его на свои модные вечера, но онъ пользуется ея благорасположеніемъ гнолнъ.

Итакъ... прошло восемь лѣтъ. Опять повѣяло съ неба сіяющимъ счастьемъ весны; опять улыбнулась она землѣ и людямъ; опять подъ ея лаской все зацвѣло, полюбило и запѣло. Городъ О... мало измѣнился въ теченіе этихъ восьми лѣтъ; но домъ Маріи Дмитріевны какъ-будто помолодѣлъ: его недавно выкрашенныя стѣны бѣлѣли привѣтно и стекла раскрытыхъ оконъ румянились и блестѣли на заходящемъ солнцѣ; изъ этихъ оконъ неслись на улицу радостные, легкіе звуки звонкихъ молодыхъ голосовъ, безпрерывнаго смѣха; весь домъ, казалось, кипѣлъ жизнью и переливался веселіемъ черезъ край. Сама хозяйка дома давно сошла въ могилу: Марья Дмитріевна скончалась года два спустя послѣ постриженія Лизы; и Марѳа Тимоѳеевна недолго пережила свою племянницу: рядомъ покоятся онѣ на городскомъ кладбищѣ. Не стало и Настасьи Карповны; вѣрная старушка въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ еженедѣльно ходила молиться надъ прахомъ своей пріятельницы... Пришла пора, и ея косточки тоже улеглись въ сырой землѣ. Но домъ Маріи Дмитріевны не поступилъ въ чужія руки, не вышелъ изъ ея рода, гнѣздо не разорилось: Леночка, превратившаяся въ стройную, красивую дѣвушку, и ея женихъ —бѣлокурый гусарскій офицеръ; сынъ Маріи Дмитріевны, только-что женившійся въ Петербургѣ и вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхавшій на весну въ О...; сестра его жены, шестнадцатилѣтняя институтка съ алыми щеками и ясными глазками; Шурочка, тоже выросшая и похорошѣвшая — вотъ какая молодежь оглашала смѣхомъ и говоромъ стѣны Калитинскаго дома. Все въ немъ измѣнилось, все стало подъ-ладъ новымъ обитателямъ. Безбородые дворовые ребята, зубоскалы и балагуры, замѣнили прежнихъ степенныхъ стариковъ; тамъ, гдѣ нѣкогда важно расхаживала зажирѣвшая Роска, двѣ лягавыя собаки обычно возились и прыгали по диванамъ; на конюшнѣ завелись поджарые иноходцы, лихіе коренники, рьяныя пристяжныя съ плетеными

гривами, донскіе верховые кони; часы завтрака, обѣда, ужина перепутались и смѣшались; пошли, по выраженію сосѣдей, „порядки небывалые“.

Въ тотъ вечеръ, о которомъ зашла у насъ рѣчь, обитатели Калитинскаго дома (старшему изъ нихъ, жениху Леночки, было всего двадцать-четыре года) занимались немногосложной, но судя по ихъ дружному хохотанью, весьма для нихъ забавной игрой: они бѣгали по комнатамъ и ловили другъ друга; собаки тоже бѣгали и лаяли, и висѣвшія въ клѣткахъ передъ окнами канарейки наперерывъ драли горло, усиливая всеобщій гамъ звонкой трескотней своего яростнаго щебетанья. Въ самый разгаръ этой оглушительной потѣхи къ воротамъ подъѣхалъ загрязненный тарантасъ, и человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, въ дорожномъ платьѣ, вышелъ изъ него и остановился въ изумленіи. Онъ постоялъ нѣкоторое время неподвижно, окинулъ домъ внимательнымъ взоромъ, вошелъ черезъ калитку на дворъ и медленно взобрался на крыльцо. Въ передней никто его не встрѣтилъ; но дверь залы быстро распахнулась; изъ нея, все раскрасневшаяся, выскочила Шурочка и мгновенно, въ слѣдъ за ней, съ звонкимъ смѣхомъ выбѣжала вся молодая ватага. Она внезапно остановилась и затихла, при видѣ незнакомаго; но свѣтлые глаза, устремленные на него, глядѣли такъ же ласково, сіяющія лица не перестали сіять. Сынъ Маріи Дмитріевны подошелъ къ гостю и привѣтливо спросилъ его, что ему угодно?

— Я Лаврецкій,—промолвилъ гость.

Дружный крикъ раздался ему въ отвѣтъ—и не потому, чтобъ вся эта молодежь очень обрадовалась пріѣзду отдаленнаго, почти забытаго родственника, а просто потому, что она готова была шумѣть и радоваться при всякомъ удобномъ случаѣ. Лаврецкаго тотчасъ окружили: Леночка, какъ старинная знакомая, первая назвала себя, увѣрила его, что еще бы немножко—и она непремѣнно его бы узнала, и

представила все остальное общество, называя каждаго, даже жениха своего, уменьшительными именами. Вся толпа двинулась черезъ столовую въ гостиную. Обои въ обѣихъ комнатахъ были другіе, но мебель уцѣлѣла; Лаврецкій узналъ фортепіано; даже пяльцы у окна стояли тѣ же, въ томъ же положеніи—и чуть ли не съ тѣмъ же неоконченнымъ шитьемъ, какъ восемь лѣтъ тому назадъ. Его усадили на покойное кресло; всѣ чинно усѣлись вокругъ него. Вопросы, восклицанія, разсказы посыпались наперерывъ.

— А давно мы васъ не видали,—наивно замѣтила Леночка;—и Варвару Павловну тоже не видали.

— Еще бы! —поспѣшно подхватилъ ея братъ.—Я тебя въ Петербургъ увезъ, а Өедоръ Иванычъ все жилъ въ деревнѣ.

— Да, вѣдь съ тѣхъ поръ и мамаша скончалась.

— И Марѳа Тимофеевна,—промолвила Шурочка.

— И Настасья Карповна,—возразила Леночка: —и мосьё Леммъ...

— Какъ? и Леммъ умеръ?—спросилъ Лаврецкій.

— Да,—отвѣчалъ молодой Калитинъ;—онъ уѣхалъ отсюда въ Одессу; говорятъ, кто-то его туда сманилъ; тамъ онъ и скончался.

— Вы не знаете,—музыки послѣ него не осталось?

— Не знаю, едва ли.

Всѣ замолкли и переглянулись. Облачко печали налетѣло на всѣ молодыя лица.

— А Матроска живъ,—заговорила вдругъ Леночка.

— И Гедеоновскій живъ,—прибавилъ ея братъ.

При имени Гедеоновскаго разомъ грянулъ дружный смѣхъ.

— Да, онъ живъ и лжетъ попрежнему,—продолжалъ сынъ Маріи Дмитріевны:—и вообразите, вотъ эта егоза (онъ указалъ на институтку, сестру своей жены) вчера ему перцу въ табакерку насыпала.

— Какъ онъ чихалъ!—воскликнула Леночка:—и снова зазвенѣлъ неудержимый смѣхъ.

— Мы о Лизѣ недавно имѣли вѣсти,—промолвилъ молодой Калитинъ,—и опять кругомъ все притихло: — ей хорошо, здоровье ея теперь поправляется понемногу.

— Она все въ той же обители?—спросилъ не безъ усилія Лаврецкій.

— Все въ той же.

— Она къ вамъ пишетъ?

— Нѣтъ, никогда; къ намъ черезъ людей вѣсти доходятъ.—Сдѣлалось внезапное, глубокое молчанье; вотъ „тихій ангелъ пролетѣлъ“,—подумали всѣ.

— Не хотите ли вы въ садъ?—обратился Калитинъ къ Лаврецкому:—онъ очень хорошъ теперь, хотя мы его и запустили немножко.

Лаврецкій вышелъ въ садъ, и первое, что бросилось ему въ глаза—была та самая скамейка, на которой онъ нѣкогда провелъ съ Лизой нѣсколько счастливыхъ, не повторившихся мгновеній; она почернѣла, искривилась; но онъ узналъ ее, и душу его охватило то чувство, которому нѣтъ равнаго и въ сладости, и въ горести,—чувство живой грусти объ исчезнувшей молодости, о счастьѣ, которымъ когда-то обладалъ. Вмѣстѣ съ молодежью прошелся онъ по аллеямъ: липы не много постарѣли и выросли въ послѣднія восемь лѣтъ, но тѣнь ихъ стала гуще; за то всѣ кусты поднялись, малинникъ вошелъ въ силу, орѣшникъ совсѣмъ заглохъ, и отовсюду пахло свѣжимъ дромомъ, лѣсомъ, травою, сиренью.

— Вотъ гдѣ хорошо бы играть въ четыре угла—вскрикнула вдругъ Леночка, входя на небольшую зеленую поляну, окруженную липами:—насъ, кстати, пятеро.

— А Осдора Ивановича ты забыла?—замѣтилъ ей братъ... —Или ты себя не считаешь?

Леночка слегка покраснѣла.

— Да развѣ Осдорь Ивановичъ, въ его лѣта, можетъ... — начала она.

— Пожалуйста, играйте, — поспѣшно подхватилъ Лаврецкій: — не обращайте вниманія на меня. Мнѣ самому будетъ пріятнѣе, когда я буду знать, что я васъ не стѣсняю. А занимать вамъ меня нечего; у нашего брата, старика, есть занятіе, котораго вы еще не вѣдаете и котораго никакое развлеченіе замѣнить не можетъ: воспоминанія.

Молодые люди выслушали Лаврецкаго съ привѣтливой и чуть-чуть насмѣшливой почтительностью, — точно имъ учитель урокъ прочелъ, — и вдругъ посылали отъ него всѣ прочь, побѣжали на поляну; четверо стало около деревьевъ, одинъ на серединѣ — и началась потѣха.

А Лаврецкій вернулся въ домъ, вошелъ въ столовую, приблизился къ фортепьяно и коснулся одной изъ клавишъ: раздался слабый, но чистый звукъ, и тайно задрожалъ у него въ сердцѣ: этой нотой начиналась та вдохновенная мелодія, которой, давно тому назадъ, въ ту же самую счастливую ночь, Лемиъ, покойный Лемиъ, привелъ его въ такой восторгъ. Потомъ Лаврецкій перешелъ въ гостиную и долго не выходилъ изъ нея: въ этой комнатѣ, гдѣ онъ такъ часто видалъ Лизу, живѣе возникалъ передъ нимъ ея образъ; ему казалось, что онъ чувствовалъ вокругъ себя слѣды ея присутствія; но грусть о ней была томительна и не легка: въ ней не было тишины, навѣваемой смертью. Лиза еще жила гдѣ-то, глухо, далеко; онъ думалъ о ней, какъ о живой, и не узналъ дѣвушки, имъ нѣкогда любимой, въ томъ смутномъ, блѣдномъ призракѣ, облаченномъ въ монашескую одежду, окруженномъ дымными волнами ладона. Лаврецкій самъ бы себя не узналъ, еслибъ могъ такъ взглянуть на себя, какъ онъ мысленно взглянулъ на Лизу. Въ теченіе этихъ восьми лѣтъ совершился, наконецъ, переломъ въ его жизни, тотъ переломъ, котораго многіе не испытываютъ, но безъ котораго нельзя остаться порядочнымъ че-

ловѣкомъ до конца: онъ дѣйствительно пересталъ думать о собственномъ счастьѣ, о своекорыстныхъ цѣляхъ. Онъ утихъ, и — къ чему таить правду? — постарѣлъ не однимъ лицомъ и тѣломъ, постарѣлъ душою; сохранить до старости сердце молодымъ, какъ говорятъ иные, и трудно, и почти смѣшно: тотъ уже можетъ быть доволенъ, кто не утратилъ вѣры въ добро, достоинства воли, охоты къ дѣятельности. Лаврецкій имѣлъ право быть довольнымъ: онъ сдѣлался дѣйствительно хорошимъ хозяиномъ, дѣйствительно выучился пахать землю и трудился не для одного себя: онъ, насколько могъ, обезпечилъ и упрочилъ бытъ своихъ крестьянъ.

Лаврецкій вышелъ изъ дома въ садъ; сѣлъ на знакомой ему скамейкѣ — и на этомъ дорогомъ мѣстѣ, передъ лицомъ того дома, гдѣ онъ въ послѣдній разъ напрасно простиралъ свои руки къ завѣтному кубку, въ которомъ кипитъ и играетъ золотое вино наслажденья, — онъ, одинокій, бездомный странникъ, поймалъ долетавшіе до него веселые клики уже замѣнившаго его молодого поколѣнія, — оглянулся на свою жизнь. Грустно стало ему на сердцѣ, но не тяжело и не прискорбно: сожалѣть ему было о чемъ, стыдиться — ничего. „Играйте, веселитесь, растите, молодыя силы", — думалъ онъ, и не было горечи въ его думахъ: — „жизнь у васъ впереди, и вамъ легче будетъ жить: вамъ не придется, какъ намъ, отыскивать свою дорогу, бороться, падать и вставать среди мрака; мы хлопотали о томъ, какъ бы уцѣлѣть — и сколько изъ насъ не уцѣлѣло! — а вамъ надобно дѣло дѣлать, работать, — и благословеніе нашего брата старика будетъ съ вами. А мнѣ, послѣ сегодняшняго дня, послѣ этихъ ощущеній, остается отдать вамъ послѣдній поклонъ — и хотя съ печалью, но безъ зависти, безъ всякихъ темныхъ чувствъ сказать, въ виду конца, въ виду ожидающаго Бога: „Здравствуй, одинокая старость! Догорай, безполезная жизнь!

Лаврецкій тихо всталъ и тихо удалился; его никто не

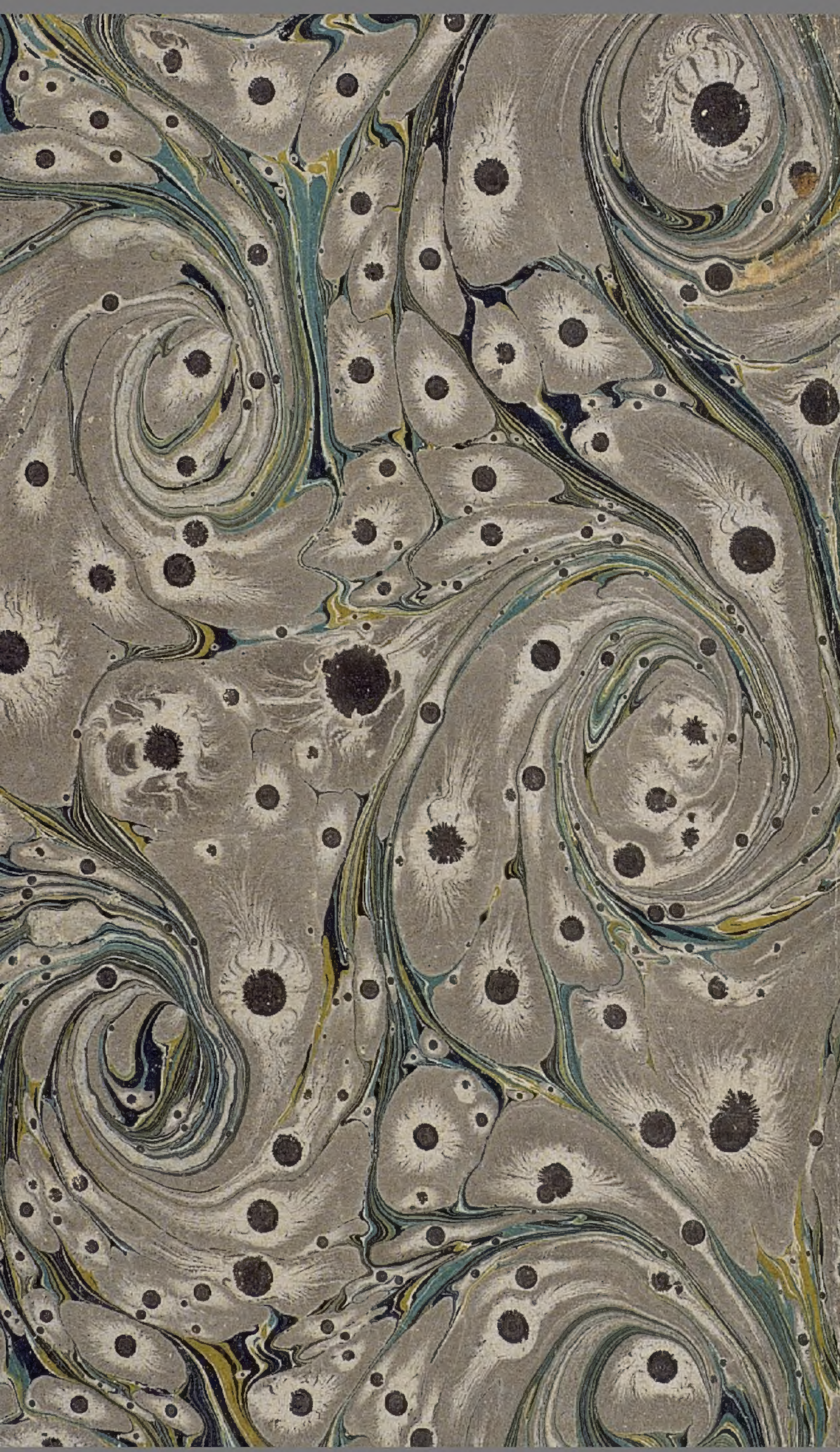
замѣтилъ, никто не удерживалъ; веселые клики сильнѣе прежняго раздавались въ саду за зеленой, сплошной стѣной высокихъ липъ. Онъ сѣлъ въ тарантасъ и велѣлъ кучеру ѣхать домой и не гнать лошадей.

„И конецъ?“ спроситъ, можетъ быть, неудовлетворенный читатель. „А что же сталось потомъ съ Лаврецкимъ? Съ Лизой?“ Но что сказать о людяхъ, еще живыхъ, но уже сошедшихъ съ земного поприща, зачѣмъ возвращаться къ нимъ? Говорятъ, Лаврецкій посѣтилъ тотъ отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза—увидѣлъ ее. Перебираясь съ клироса на клиросъ, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смиренной походкой монахини—и не взглянула на него; только рѣсницы обращеннаго къ ней глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо—и пальцы сжатыхъ рукъ, перевитые четками, еще крѣпче прижались другъ къ другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнаетъ? Кто скажетъ? Есть такія мгновенія въ жизни, такія чувства... На нихъ можно только указать—и пройти мимо.

КОНЕЦЪ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Типографія М. М. Стасюлевича, Спб., Вас. Остр., 5 л., 28.



20.84.2.1/3